ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

6
2018

2018 №6
ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

6

Журнал выходит шесть раз в год

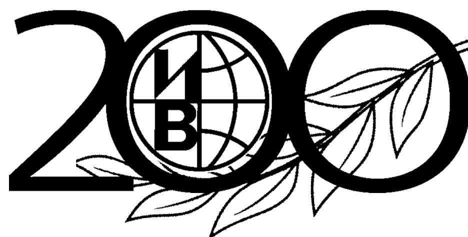
Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию
Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Индия, штат Уттар-Прадеш, город Сарнатх, ступа Дхамек (начало VI в. н. э.) и храм джайнской секты дигамбара (1824 г.) *(фото Д. В. Дубровской)*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

6

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 6. – М.: ИВ РАН, 2018. – 234 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

Заключительный шестой выпуск «Вестника ИВ РАН» в юбилейном для Института 2018 году по традиции открывается материалами из истории востоковедения. Эти «истории об истории» посвящены нелегкому становлению восточной филологии и созданию легендарных Больших Словарей, сокровищнице туркологии – кабинету академика В. А. Гордлевского и его самоотверженным хранителям и, наконец, письму о востоковедном образовании и «обстановке на востоковедном фронте», написанному Сталину ленинградскими учеными по следам исчезновения директора ИВ АН академика А. Н. Самойловича и десятков «рядовых» востоковедов. К юбилейным материалам примыкают и воспоминания Н. И. Пригариной – очевидца непростых перипетий научной жизни Института времен академика Б. Г. Гафурова.

Историки, философы и культурологи обращаются к непроверяемым алгеброй вопросам «отсутствия истории» в менталитете индийцев, к тому, как немыслимо для японцев поместить прекрасную вещь в музей, к непростым отношениям между князем Такэда и кошками и к превращению традиционного войлочного *калпака* в предмет вожделения этнотуриста и псевдокультурную «визитку».

Археологи ИВ РАН обнаруживают в додинастическом Египте XIII тысячелетия до нашей эры останки жертв кровопролитных сражений за землю, воду и пищу и прослеживают, как через десять веков погребальные шахты становятся хозяйственными помещениями и мусорными ямами. Впрочем, как свидетельствует конфликт вокруг «Великой дамбы», борьба за воду критична и для современных Египта и Эфиопии, а проблемы экологии волнуют Китай и Марокко не меньше, чем сторонних наблюдателей – проблемы Индии и Китая.

Непростые вопросы, связанные с восточной ментальностью, с экономическими и политическими перипетиями, с взаимопроникновением восточных и западных цивилизационных черт суммируются в личности и творчестве нобелевского лауреата писателя Видьядхара Найпола – тринидадского индийца, почти семьдесят лет прожившего в Британии, но так и оставшегося там аутсайдером.

Для новогоднего же настроения редакция припасла на десерт два блестящих и магических перевода: пикантную историю о конфликте из-за невольницы в царской семье арабского племени курайш с поистине шекспировскими страстями и экзотическими отравлениями и индуистские заклинания источников и водоемов, словно бы возвращающие нас к материалу об отношении индийцев к отсутствующей у них истории.

«Не спрашивайте меня, как я пишу такие хорошие книги, спрашивайте меня – как я увидел так много», – без обиняков заявил одному интервьюеру Найпол. В конце года «Вестник Института востоковедения РАН» отвечает на это просто: у журнала выдающийся коллектив авторов, и перечисление всех вышедших в 2018 году материалов вы найдете в конце выпуска.

С Новым 2019 годом, уважаемые авторы и читатели! Пусть никогда не иссякают чистые источники вашего вдохновения, пусть многое увиденное выльется в хорошо написанное, а наш Вестник будет приносить с Востока только радостные новости!

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТДЕЛЕ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. М. Алпатов*

От редакции: Статья члена-корреспондента РАН, выдающегося российского лингвиста-япониста В. М. Алпатова посвящена созданию и истории Отдела языков ИВ РАН, которым сам автор руководил в 1989–1995 гг. Автор дает характеристику деятельности руководителей и сотрудников отдела, рассматривает общие тенденции в филологии восточных языков и особенности подхода к изучению языков Азии и Африки в Институте востоковедения.

Ключевые слова: языкознание, филология, ИВ РАН, история науки, история востоковедения, словари.

REMINISCING ABOUT THE LANGUAGES DEPARTMENT OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

Vladimir M. Alpatov

Editorial: The article by Corresponding Member of RAS Vladimir M. Alpatov covers the foundation and history of the Languages Department of IOS RAS, which the author headed in 1989–1995. The author looks at the activities and achievements of the Department heads and researchers, discusses major tendencies in the philology of Oriental languages and the specific approach to the study of Asian and African languages in the Institute of Oriental Studies.

Keywords: linguistics, philology, IOS RAS, history of science, history of Oriental studies, dictionaries.

Отдел языков (так всего его называли, и никто не помнил его полное название) был основан в Институте востоковедения (тогда народов Азии) в 1958 г., вскоре после прихода на должность директора Б. Г. Гафурова. До того институт был организован целиком по страновому признаку, сотрудники разных специальностей, включая лингвистов, были приписаны к тому или иному отделу в зависимости от того, какими странами занимались. Естественно, при привычной тогда системе ценностей преобладали историки и политологи. Но при Гафурове было решено, сохраняя страноведческие отделы, создавать и отделы по направлению исследований: появились отделы, занимавшиеся экономикой, литературой и другими проблемами; постепенно количество таких отделов увеличивалось, некоторые из них создавались уже на моей памяти (я пришел в институт в 1968 г.). Отдел языков был в числе первых. В разные годы им заведовали: Г. П. Сердюченко (1958–1965), В. М. Солнцев (1965–1982), И. Ф. Вардуль (1982–1989), В. М. Алпатов (1989–1995), З. М. Шаляпина (с 1995 г. по настоящее время).

Основателем отдела был Георгий Петрович Сердюченко, которого я уже не застал. Фигура эта неоднозначна, и отношение к нему было различным. Занимаясь впоследствии историей советского языкознания, я нашел много свидетельств того, что он играл отрицательную роль в советской науке о языке 1930–1940-х гг., насаждая «новое учение» Н. Я. Марра и организуя проработки многих ученых. Но многие сотрудники Института востоковедения тем не менее сохранили о нем добрую память.

* Владимир Михайлович АЛПАТОВ, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям института языкознания РАН, Москва; v-alpatov@ivran.ru

Vladimir M. ALPATOV, DSc (Philology), Professor, Corresponding Member of RAS; Head of the Research Center for National and Language Relations of the Institute of Linguistics RAS, Moscow; v-alpatov@ivran.ru

В 1950 г. карьера Сердюченко, казалось, рухнула. Есть документально не подтвержденные рассказы о том, что его для примера как самого заядлого «аракчеевца», как тогда говорили, предполагалось арестовать, но И. В. Сталин будто бы сказал, что раз борьба с марризмом шла в виде научной дискуссии, то МГБ вмешивать в нее не надо. И Сердюченко, имея связи в инстанциях, вскоре получил важное назначение: его отправили в послереволюционный Китай советником по языковому строительству. Там он переждал бурю, а затем пришел в Институт востоковедения.

Ученым Сердюченко был слабым (от разных людей я слышал, что за него писали), но, несомненно, у него были, как сейчас говорят, менеджерские способности, и он обладал продуманной кадровой концепцией, которой уже не могло быть у его преемников хотя бы потому, что им надо было считаться с уменьшавшимся составом. Концепция состояла в том, что надо, во-первых, охватить как можно больше языков Азии и Северной Африки (о языках Тропической Африки речь шла тоже, но инициативу перехватил Институт языкознания, где до сих пор активен африканский сектор), во-вторых, написать для них грамматики, а для самых крупных языков составить словари.

Сердюченко использовал то, что условия для набора людей были в ряде отношений тогда благоприятными. Благодаря своим связям наверху и большой целеустремленности Гафуров добился значительного расширения штатов, что позволило, в частности, создать особый Отдел языков с большим числом сотрудников (до того лингвистов в институте было немного). В первое послевоенное десятилетие кадры востоковедов готовились в довольно большом количестве, а по некоторым специальностям, например, по Китаю, было даже перепроизводство специалистов. Были и дополнительные обстоятельства: в это время закрыли учебный Московский институт востоковедения[1], реорганизовали Военный институт иностранных языков, часть преподавателей из обоих вузов использовала возможность перейти в Академию наук, что тогда было престижным. Еще один резерв тех лет, правда, кажется, не коснувшийся Отдела языков: освобожденные из мест заключения востоковеды.

Отдел в те годы был очень велик, насчитывая почти сто человек; в одном секторе тюрко-монгольских языков в конце 1960-х гг. было почти два десятка сотрудников. Занимал отдел тогда в здании на Армянском переулке при дефиците помещений три комнаты. Стремясь охватить по возможности все, Сердюченко поощрял изучение языков, ранее совсем неизвестных в СССР. Особенно это касалось ареала Юго-Восточной Азии и отчасти Южной Азии, где традиции изучения только начинали создаваться. Иногда, правда, они возрождались вторично после волны репрессий конца 1930-х гг., как, например, изучение вьетнамского языка, прервавшееся после гибели Ю. К. Щуцкого. Поэтому многим людям с востоковедным образованием, особенно часто китаистам, приходилось переучиваться и осваивать новые языки. Приходили и люди с филологическим образованием, знавшие только западные языки: Л. И. Шкарбан, Н. В. Омельянович. В результате к середине 1960-х гг. в отделе, так или иначе, изучались почти все государственные языки Азии и Северной Африки. Аналогичная ситуация тогда складывалась и во многих других отделах института.

Сложный для того времени вопрос был связан с возможностью поездок в изучаемые страны и общения с носителями изучаемых языков. В отличие от 1930–1950-х гг., в это время уже не было полного отсутствия такой возможности, но ситуация была очень неравномерной. Куда-то было нельзя попасть, но все-таки с некоторыми странами существовали достаточные контакты. Это относилось не только к социалистическим странам Азии или к Индии, но и, например, к не слишком к нам дружественной Японии. Если целое поколение советских японистов в 1930–1940-е гг. выросло, никогда не увидев изучаемую страну, то японисты Отдела языков уже могли туда попасть, хотя и не так часто, как хотелось бы. При отсутствии научных командировок можно было ездить хотя бы переводчиками. Иногда невозможность поездок компенсировалась наличием иммигрантов. Например, сотрудница отдела Лина Ивановна Шкарбан установила контакт с работавшим в Институте

[1] См., например: [Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее, 2018, с. 57–59].

востоковедения политэмигрантом из Филиппин и при отсутствии возможностей поехать в эту страну смогла получить от него ценный материал по тагальскому языку.

Однако в целом даже для языков, которые можно было наблюдать в естественных условиях, преобладал книжный способ изучения. Главным способом получения информации была расписка текстов на карточки. Полевые методы не использовались. Подготовка сотрудников отдела бывала различной, как и их интересы, но в целом преобладали старые традиции восточного языкознания как части страноведения. Проблемы общего языкознания обычно мало волновали сотрудников отдела, зато каждый сотрудник, даже не бывавший в стране своих научных интересов, имел представление о ее истории и культуре. Преобладала узкая специализация сотрудников. Одна из них, изучавшая пушту, иногда мечтала о том, что неплохо ли ей выучить еще персидский или арабский, хотя персидский язык близок к пушту, а арабский слишком значим для того региона. Сердюченко составил отдел из людей, близких по возрасту, образованию и чаще всего по привычкам, поэтому человеческое взаимопонимание было в целом неплохим, но научное взаимопонимание находилось с трудом. Обсуждение работы, особенно по языку, которым занимался лишь ее автор, часто имело вид: «А вот в моем языке бывает еще и такое», интереса к другим языкам обычно не было.

Тем не менее естественная для того времени ставка Сердюченко на масштабные работы давала результаты. Успешнее всего пошла словарная работа. По нескольким основным языкам Георгий Петрович подобрал коллективы из 5–6 человек, знавших свой язык (другая подготовка большой роли не играла), которые вручную (никаких компьютеров тогда не было) расписывали тексты. Эта деятельность продолжалась и при В. М. Солнцеве, и после долгой и трудной работы в 1970-х гг. были опубликованы большие словари: японско-русский под редакцией Н. И. Конрада (он не работал в отделе, но часть авторов была отсюда), персидско-русский под редакцией Ю. А. Рубинчика, хинди-русский под редакцией В. М. Бескровного, корейско-русский под редакцией Л. Б. Никольского, турецко-русский словарь, за который в отделе отвечал Л. Н. Старостов. Всю жизнь арабской лексикографией занимался Г. Ш. Шарбатов. Работа в коллективах шла по-разному из-за человеческих взаимоотношений, иногда бывали крупные скандалы, особенно с турецким словарем, но, в конце концов, словари вышли. Работа над большим многотомным китайско-русским словарем под редакцией И. М. Ошанина началась еще до создания отдела, и первоначально словарная группа была автономной; уже в начале 1970-х гг. ее влили в отдел. Работа над этим не имевшим в мире аналогов проектом шла несколько десятилетий, и словарь был издан лишь в 1980-е гг., но сразу получил признание. Большие словари – японский, а позже китайский – получили Государственную премию СССР.

Другим детищем Сердюченко была серия очерков «Языки народов Азии и Африки», в написании которой принимали участие и сотрудники отдела, и авторы из других институтов и вузов. Очерки бывали посвящены как отдельным современным и древним языкам, так и языковым семьям и группам. В конце 1950-х и начале 1960-х гг. за год выходило около двух десятков очерков, потом их количество стало уменьшаться, но серия продолжалась до 1980-х гг. Очерки должны были давать краткое, но емкое описание, выделяя в рассматриваемом языке наиболее существенные явления на основе разработанной общей схемы. К сожалению, уже для того времени эта схема была слишком традиционной и зачастую была нацелена на поиск в каждом языке особенностей, свойственных русскому языку. Тем не менее ряд авторов преодолевал недостатки схемы, и многие очерки сохраняют значение и сейчас. Многие языки впервые описывались в нашей стране, а некоторые и вообще впервые в мире.

Труднее сложилась судьба третьего начинания Сердюченко – так называемого политомника, в томах которого должны были быть описаны основные языки Азии и северной Африки. Здесь образцом послужил изданный в 1960-е гг. пятитомник «Языки народов СССР». При таком способе подачи материала неоднородность и несовместимость текстов разных авторов была более очевидна, чем при их отдельном издании, и сказывалось

отсутствие специалистов по некоторым языкам. Работа над политомником затянулась на много лет, пять томов вышли уже в 1970–1980-е гг., когда интерес к многотомным изданиям резко упал, и закончено издание не было. Но, разумеется, основную научную продукцию отдела составляли индивидуальные монографии и сборники статей. Я не хочу давать подробные списки этих публикаций и не хочу здесь как-то выделять одних и забывать других. Но, безусловно, работа шла в целом успешно.

Обстановка в советском языкознании к тому времени менялась. Заложенная Сердюченко основа отдела в целом соответствовала представлениям, господствовавшим в 1950-е гг. Но затем началось активное освоение новых (или подзабытых старых) методов, получивших название структурных, стремление к строгости и точности, усвоение математики. Расширилось знакомство с современной западной наукой. В МГУ и в других вузах начали создаваться отделения структурной (теоретической) и прикладной лингвистики, где студентов учили по-новому, а решением Президиума АН в академических институтах на грани 1950-х и 1960-х гг. создавали сектора или группы структурной лингвистики. Еще при Сердюченко такая группа появилась и в Отделе языков Института востоковедения, первоначально в нее входили Ю. К. Лекомцев, Ю. В. Рождественский, М. В. Софронов, А. Г. Ларин, Ю. Я. Глазов и Б. Л. Огибенин (двое последних затем эмигрировали). Однако коллектив не сложился: его состав был очень неоднородным во всех отношениях, имел разные интересы, а такого лидера, каким в других институтах был С. К. Шаумян или В. В. Иванов, не нашлось. Среди не входивших в группу сотрудников, стремившихся к теоретическим подходам, следует назвать И. Ф. Вардуля.

Летом 1965 г. во время командировки в ГДР скоропостижно скончался Сердюченко. Его сменил принадлежавший к другому поколению Вадим Михайлович Солнцев, долгое время совмещавший руководство отделом с обязанностями заместителя директора института. В отличие от своего предшественника он имел интерес к теоретической лингвистике и стремился, особенно в первые годы руководства отделом, поднять его теоретический уровень, а также расширить его проблематику, в том числе за счет социолингвистики, а позднее и полевой лингвистики. В начале 1970-х гг. в отделе был создан сектор социолингвистики во главе с Л. Б. Никольским, изучавший языковые ситуации в странах Востока. Это был первый в отделе проблемный сектор: ранее отдел (не считая структурной группы) целиком был организован по географическому принципу. Но в целом прежняя структура сохранялась. При Солнцеве регулярно устраивались масштабные конференции по действительно актуальным проблемам лингвистики, на которые приглашались специалисты из разных академических и вузовских центров СССР. Помню конференции по семантике, типологии, сравнительно-историческому языкознанию. Активно развивались взаимные связи с учеными союзных республик. С 1977 г. начали проводиться симпозиумы лингвистов-востоковедов социалистических стран, первый из них прошел в Москве на базе отдела, потом в разных странах вплоть до распада социалистического сообщества прошло еще четыре симпозиума. Проходили и интересные дискуссии по более частным темам, например, по морфеме.

В то же время уже тогда отдел начал таять. Когда я поступил в его аспирантуру в 1968 г., отдел был близок к максимальному количеству. Казалось, все основные языковые семьи и группы охвачены специалистами, речь шла лишь о восполнении отдельных пробелов, скажем, языков Океании. Но прямо на моих глазах отдел стал уменьшаться. Чуть ли не каждый месяц, приходя в институт, я узнавал об очередной потере, и к концу моего аспирантского срока отдел сократился где-то на треть. Причины были разными. После окончания работы над словарями некоторые сотрудники не знали, что делать дальше, и обычно уходили в преподавание. А сильные сотрудники многие годы оставались м.н.с. и не могли продвинуться в зарплате (позже и я пробыл в таком статусе 12 лет, получив должность старшего научного сотрудника лишь после постановки на защиту докторской диссертации). Как раз в это время организовали Институт Дальнего Востока, где поначалу можно было сразу получить эту должность. А семь или восемь сотрудников Гафуров потребовал

перевести в заново организованную группу переводов в отделе информации, сказав на отчете отдела: «Вадим Михайлович, до меня дошли слухи, что у вас не все великие лингвисты. Пусть поработают в группе переводов». Кто-то уходил с повышением, как Ю. В. Рождественский, после недолгого пребывания в Отделе литератур ставший зав. кафедрой на филологическом факультете МГУ. И, например, в упомянутой структурной группе к 1974 г. остался один Ю. К. Лекомцев, которого Сердюченко когда-то брал как вьетнамиста, а он стал заниматься алгебраическими моделями языка. Не могу не упомянуть этого человека, показавшего пример научного служения. На почве диабета он потерял обе ноги, ослеп, но до последних дней продолжал работать.

Но место уходивших должна была занимать молодежь, пусть в меньшем количестве. Началось с меня и учившейся со мной в одной группе Е. В. Салямонович (Струговой). На вышеупомянутом отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ его заведующий В. А. Звегинцев решил, помимо групп с основными западными языками, создать японскую группу (язык на ней преподавали люди из ИВЯ, ныне ИСАА). Ему казалось, что раз Япония – такая передовая страна, то надо иметь специалистов по автоматической обработке информации и машинному переводу на японском языке. В итоге, правда, никто из нашей группы этим заниматься не стал (хотя центром данных исследований намного позже стал именно Отдел языков Института востоковедения). Одни стали высокого класса преподавателями и переводчиками, а мне и Струговой в то время не хотелось бросать ни лингвистику, ни японский язык. То и другое можно было совместить лишь в Институте востоковедения, где к тому же работал И. Ф. Вардуль, работы которого я уже знал. Не знаю, как бы к нам отнесся Сердюченко, но Солнцев был к нам благосклонен, а Вардуль очень хотел иметь учеников, и нас приняли.

Мы были первыми, и процесс притирания у нас, как и у тех, кто пришел с того же отделения позже, был достаточно сложным. Нас насиловали большим курсом математики (читал его безжалостный на экзаменах Ю. А. Шиханович, впоследствии диссидент), мы слушали лекции А. А. Зализняка, и привыкли к четким формулировкам. А в Московском институте востоковедения и позже в ИСАА при МГУ требования строгости не налагались. Например, не все сотрудники отдела умели отвечать одним словом на вопросы, которые требуют ответа «да» или «нет»; они вместо этого начинали отвечать длинными фразами, повторять одно и то же и сбиваться. Я, разумеется, не говорю, что для умения строго мыслить надо получить особое образование: И. Ф. Вардуль, выпускник Военного института иностранных языков, в этом смысле был всегда образцом. Но различие школ сказывалось.

Впрочем, выпускники вузов с более традиционной подготовкой могли превосходить тех, кто получил лингвистическое образование, в другом. Помню, как уже много позднее на лингвистической кафедре МГУ выступала преподавательница испанского языка и сказала: у вас очень интересные студенты, они находят в нашем языке то, что мне и в голову не приходило, но вот беда: не знают, кто такой Гарсия Маркес. Но этой односторонности способствовал распространившийся на этой кафедре с конца 1960-х гг. (когда я уже работал в Институте востоковедения) уклон в полевые исследования языков: люди в экспедиции изучают сначала один незнакомый язык, потом через неделю другой, потом третий.… Это великолепная школа, но углубиться в культуру соответствующего народа времени обычно не хватает. Организатор и многолетний руководитель экспедиций МГУ член-корреспондент РАН Александр Евгеньевич Кибрик писал про экспедиционные исследования: «наиболее благоприятная исследовательская ситуация» – работа «с языками, не имеющими глубокой лингвистической традиции описания», где не надо затрачивать много лишних усилий на «мучительное преодоление традиции». А преобладавшие тогда в «передовой» лингвистике настроения исходили из «имманентного» подхода к языку: она не связана с другими науками, кроме математики. Для человека, который знает только один язык и всю жизнь, не видя его носителей, расписывает на карточки имеющуюся художественную литературу, такой подход был совершенно непонятен. Мне было, правда, легче, чем другим, поскольку я уже знал

японский язык, но по остальным языкам люди с лингвистическим образованием должны были овладевать изучаемым языком с нуля, это создавало трудности, которые преодолели не все.

Но выпускники отделения и в меньшей степени аналогичного отделения в Институте иностранных языков (из него в 1977 г. пришла будущая заведующая отделом З. М. Шаляпина [Алпатов, Леонтьева, 2018]) проявляли интерес к институту, где можно было заниматься лингвистикой, а обстановка при некоторых шероховатостях, связанных с личными взаимоотношениями, в целом была спокойной. Был еще один фактор: эти выпускники хотели заниматься наукой, а количество возможностей в Москве было ограничено, тогда как в ИВЯ / ИСАА при МГУ сразу наметился практицизм: были, конечно, исключения, но большинство студентов больше думали о возможностях работы за границей (своей или мужа), чем о занятиях наукой. Я установил связь со своим бывшим отделением и стал приводить студентов последнего курса и неустроенных выпускников в институт. Вардуль всегда это поддерживал, в 1970-е гг. к этому был склонен и Солнцев. Не всегда получалось, к поступавшим были разные требования, в том числе и политические (впрочем, они были не столь жесткими, как сейчас иногда думают). До сих пор жалею, что не удалось взять в аспирантуру будущего академика В. А. Плунгяна (он конкурировал с выпускником ИСАА, которого предпочли, а тот, защитив диссертацию, ушел из науки; Плунгян же успел тут же поступить в аспирантуру Института языкознания). Кто-то долго не удержался в отделе, но иные выпускники остались здесь на всю жизнь, как Тамара Погибенко, теперь уже работающая в институте дольше, чем работал я (с 1972 г., включая аспирантуру [Погибенко, 2018]). Она стала ведущим специалистом в стране по кхмерскому и родственным ему языкам. Безусловно, много дала отделу работа в нем лингвиста мирового класса Сергея Анатольевича Старостина. Иногда в отдел приходили уже сложившиеся специалисты с лингвистическим образованием: С. А. Крылов, позже О. В. Столбова, Е. Л. Рудницкая.

Однако проблема того, как вписаться в работу Института востоковедения, оставалась всегда, особенно когда сюда стали приходить участники экспедиций. Это было легче таким, как я, поскольку японский язык и в силу изолированности, и в силу своего значения требует «штучного» подхода. Мы со всей моей группой сосредоточились на одном языке. Легче было вписаться и таким, как Т. Г. Погибенко, выбравшей себе язык и постаравшейся уже в аспирантуре им всесторонне овладеть. Но, разумеется, и она уже не могла ограничиться материалом только одного языка и пишет о типологии всей австронезийской семьи (к тому же когда в отделе начались собственные экспедиции, о которых будет сказано ниже, она, пройдя до того через кавказские экспедиции, приняла в них активное участие).

Но другие сотрудники отдела, имевшие лингвистическую, но не страноведную подготовку, исходили из полученных в экспедициях правил, отличных от тех, в которых были воспитаны их старшие коллеги. Однако в Отделе языков Института востоковедения преобладало и преобладает изучение языков, «имеющих глубокую лингвистическую традицию описания». Это создавало определенные трения в коллективе, усугублявшиеся возрастными различиями и иногда политическими расхождениями. Конечно, играли роль и различия характеров и темпераментов, при этом, как обычно бывает, резкость тональности прощали скорее, чем высокомерие. И сотрудники с лингвистическим образованием начинали понимать, что в Институте востоковедения необходимо всерьез сосредоточиться на одном языке или группе близких языков и необходимо всерьез овладеть этим языком или языками. Тем не менее состав отдела менялся, и той однородности, что была когда-то, уже не стало.

Менялись также проблемы и методы. Полевые исследования начались с конца 1970-х гг. и в отделе. Используя свои контакты с вьетнамскими учеными, В. М. Солнцев сумел добиться организации экспедиций по изучению малых языков этого государства. А. Е. Кибрик прочел в отделе курс лекций, в экспедициях участвовали и сотрудники отдела старшего поколения (В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева, Н. Ф. Алиева), и более молодые,

некоторые из которых (Т. Г. Погибенко, И. В. Самарина, А. Н. Барулин) имели и опыт экспедиций МГУ. Результатом стало несколько изданных очерков, но часть экспедиционных материалов остается неопубликованной. Изменение политической ситуации прервало эту деятельность.

В отделе, которым с 1982 г. заведовал Игорь Фридрихович Вардуль, стали к этому времени развиваться и другие новые научные направления. Одним из них стала лаборатория автоматического перевода во главе с С. М. Шевенко, а затем З. М. Шаляпиной. Под руководством последней была создана практически используемая система автоматического японско-русского автоматического перевода. Лаборатория существует до настоящего времени. Другим направлением стали сравнительно-исторические исследования. Хотя с начала существования отдела там работала выдающаяся исследовательница индоарийских языков Татьяна Яковлевна Елизаренкова, но активно развернулись эти исследования благодаря деятельности С. А. Старостина, в 1975–1992 гг. работавшего в отделе. Отдел на некоторое время стал ведущим в изучении дальнего языкового родства, в этой области наша страна занимает основное место в мире.

Однако кризис чувствовался. Отдел продолжал таять. Большие труды получались все меньше. Прервалась многолетняя работа над «политомником». Задуманный трехтомник по компаративному и типологическому изучению языков Юго-Восточной Азии не сложился. Правда, период, когда отделом руководил Вардуль, ознаменовался попыткой создать коллективные монографии по отдельным лингвистическим проблемам. Это были «Типология порядка слов» [Вардуль, 1989] и «Типология морфемы» под руководством Вардуля, а также «Части речи: теория и типология» под моим руководством. Они были содержательны, но коллективы авторов не вполне получились, особенно по частям речи: книги были изданы, но точки зрения участников расходились.

А дальше начались тяжелые для нашей страны времена, в том числе в отношении науки. Никто не знал, сохранится ли Академия наук и сохранится ли институт. Материально стало много тяжелее. Более престижным местом стал Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), в 1992 г. после перехода в РГГУ туда перебазировались сравнительно-исторические исследования языков Азии (впоследствии это изучение стало развиваться и в Институте языкознания РАН, где благодаря деятельности И. В. Самариной возродились и вьетнамские экспедиции). Кто-то (впрочем, не так многие) перешли в бизнес и другую практическую сферу. Отмечу, что почти никто не уехал за рубеж.

Однако потерь оказалось меньше, чем можно было предполагать. Больше всего пострадало тогдашнее среднее поколение. Молодежь все-таки регулярно приходила, в основном через аспирантуру (правда, не все после нее удержались в отделе). А сотрудники, собранные при Сердюченко, несмотря ни на что, не уходили, понимая, что альтернативы Институту востоковедения у них нет. И из состава отдела в 1950–1960-е гг. многие продолжали работать и в 1990-е гг. К сожалению, происходила естественная убыль, сейчас остались уже немногие из них. И надо отметить таких людей, как Мария Николаевна Орловская, проработавшая в Институте востоковедения (в том числе в Отделе языков с момента основания) всю жизнь после института: с 1952 по 2016 год!

Но, к счастью, отдел не рухнул, а с середины 1990-х гг. произошла стабилизация. В этом велика заслуга Зои Михайловны Шаляпиной, чье руководство отделом уже стало самым продолжительным [Алпатов, Леонтьева, 2018]. Отмечу, что ее лаборатория автоматического перевода оказалась (по крайней мере, несколько лет назад) единственным подразделением института, приносящим доход благодаря хоздоговорам с практическими организациями. Работает способная молодежь. Будем надеяться, что так будет и впредь.

Литература / References

Алпатов В. М., Леонтьева Н. Н. Предисловие. О Зое Шаляпиной // *Вестник института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 142–145 [Alpatov V. M., Leontieva N. N. Predislovie. O Zoe Shalyapinoi // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 5. Pp. 142–145].

Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт.-сост. Д. В. Дубровская. М., 2018 [*Institut vostokovedeniia RAN – proshloe i nastoiaschee. K 200-letiyu osnovaniia*. Dubrovskaya D. V. Moscow, 2018].

Вардуль И. Ф. *Очерки типологии порядка слов*. М., 1989 [Vardul' I. F. *Ocherki tipologii poriadka slov*. Moscow, 1989].

Морфема и проблема типологии. Отв. ред. И. Ф. Вардуль. М., 1991 [*Morfema i problema tipologii*. Ed. I. F. Vardul. Moscow, 1991].

Погибенко Т. Г. Лексический комплекс на языке ма // *Вестник института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 200–211 [Pogibenko T. G. Leksicheskii kompleks na iazyke ma // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 5. Pp. 200–211].

АКАДЕМИК В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ И ЕГО МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ-БИБЛИОТЕКА В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

А. В. Болдырев[*]

В статье представлен обзор научной деятельности академика Владимира Александровича Гордлевского – известного отечественного турколога, основателя московской школы туркологии. Особое внимание уделено изучению В. А. Гордлевским истории Малой Азии и созданию первой в мире фундаментальной монографии по истории Сельджукидов. В статье также представлены данные по мемориальному кабинету-библиотеке академика В. А. Гордлевского, расположенному в Секторе Турции Института востоковедения РАН, показаны основные фонды, названы ученые, которые в разное время отвечали за библиотеку.

Ключевые слова: В. А. Гордлевский, ИВ РАН, туркология, история науки, история востоковедения.

ACADEMICIAN V. A. GORDLEVSKY AND HIS MEMORIAL OFFICE LIBRARY IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RAS

Andrey V. Boldyrev

An overview of the library of Vladimir A. Gordlevsky (located in the Sector of Turkey Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences), the article characterizes the major holdings of the library and discusses some of the scholars who at various times were at its helm. It also presents an overview of Gordlevsky's research – a most prominent Russian Turkologist, the academician founded the Moscow school of Turkology. Special attention is paid to the study of the history of Asia Minor by V. A. Gordlevsky and to the creation of the world's first fundamental monograph on the history of Seljukids.

Keywords: Vladimir A. Gordlevsky, IOS RAS, Turkology, history of humanities, history of Oriental studies.

Крупнейший советский турколог, с 1946 г. действительный член Академии Наук СССР, Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956) (*илл. 1*) получил высшее образование в «специальных классах» Лазаревского института восточных языков. После окончания Лазаревского института в 1899 г. Гордлевский учился на историко-филологическом факультете Московского университета, который окончил в 1904 г. На раннем этапе своей научной деятельности Гордлевский проявлял интерес к скандинавским финно-угорским языкам, сюжетам фольклора и литературы, что нашло воплощение в его трудах. С 1904 по 1908 гг. Гордлевский был командирован в Османскую империю. После возвращения из Турции он преподавал турецкий язык и историю турецкой литературы в Лазаревском институте, где с 1916 г. являлся экстраординарным профессором [Ли, Орешкова, 2009, с. 67–70].

Гордлевский был последним туркологом школы старого востоковедения, признанным главой всех тюркологов и арабистов Москвы, однако, расцвет его деятельности приходится на советский период. Основной темой его исследований была история средневековой Малой

[*] Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei201@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Азии. Сделав много в области изучения языка, литературы, фольклора Османской империи, Гордлевский обратился к социально-экономической тематике, опубликовав ряд работ об Османской империи в XVI в. Более двадцати лет, главным образом в 1930-е гг. ученый изучал особенности политической, социальной структуры феодального общества Османской империи, религии, цеховых организаций, системы водопользования этого государства. Главный труд Гордлевского «Государство Сельджукидов в Малой Азии» [Гордлевский, 1941] – глубокое исследование истории появления тюркского населения в Малой Азии, его государственного строительства, этнорелигиозных проблем того времени. Фундаментальное исследование Гордлевского затрагивало историю не только Османской империи, но и Византии, и Киликийской Армении. Многие его размышления, формулировки, введенные в науку исторические факты об истории Сельджуков до сих пор остаются основой современных знаний о начальном периоде турецкой истории [Базиянц, 1979, с. 39].

Илл. 1. Академик В. А. Гордлевский (фото из архива ИВ РАН)

Илл. 2. Мемориальный кабинет-библиотека В. А. Гордлевского в ИВ РАН (*фото Д. С. Моевой*)

Начало создания указанного труда следует отнести к 1913 г., когда Гордлевский опубликовал в журнале «Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества» небольшую работу «Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов, т. н. хроники Ибн Биби». Гордлевский не ограничился лингвистическим разбором перевода хроники, большое историко-культурное значение которой было для него несомненно. Он был убежден, что многие темные места перевода и неточности проистекали из недостаточности сведений о языке и быте Малой Азии в эпоху Сельджукидов. В течение нескольких лет Гордлевский собирал материалы по социальной и политической истории Малой Азии, печатал статьи о религиозной жизни, цеховых объединениях, истории водопользования. В 1935 г., спустя 20 лет после первой публикации о Сельджукидах, Гордлевский завершил монографию «Государство Сельджуков в Малой Азии». Она была издана через несколько лет (1941), однако еще в 1935 г. рукопись была удостоена высокой оценки родоначальником советской школы арабистики академиком Игнатием Юлиановичем Крачковским. В апреле 1954 г. на ежегодном заседании Западного отделения Американского востоковедного общества было сделано подробное сообщение о монографии Гордлевского. В связи с этим известный отечественный востоковед и дипломат, исследователь истории, литературы и культуры Ирана и Закавказья Владимир Федорович Минорский, чья рецензия на работу Гордлевского в 1946 г. была опубликована на английском языке, назвал работу Гордлевского «фундаментальной и интересной». Его рецензия кончалась латинской фразой «Пусть кто может сделает лучше». Отечественное востоковедение по праву гордится, что первое фундаментальное исследование политической истории Сельджукидов Малой Азии вышло на русском языке [Базиянц, 1979, с. 39].

Именно Гордлевский заложил основу московской школы ближневосточного востоковедения. Стремясь построить московское востоковедение на подлинно университетских началах, он за долгие годы своей преподавательской деятельности в Москве явился создателем целой школы туркологов-османистов. Это подразумевало не только занятие историей, литературой и языком Османской империи, но и всем бывшим османским регионом. Поэтому под своим руководством Гордлевский объединял туркологов и арабистов.

В течение долгого времени Гордлевский занимал пост заведующего Сектором Турции Института востоковедения АН СССР. После смерти Гордлевского в 1956 г., согласно его завещанию, Институт востоковедения АН получил на хранение обширную библиотеку ученого, а в 1958 г. по решению Президиума АН СССР в Институте был создан Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского (*илл. 2*). Фонд библиотеки содержит около 10 тыс. единиц хранения. Охват материалов кабинета-библиотеки занимает период с конца XVIII в. до наших дней[1]. В основном, это литература по истории отечественного востоковедения, по истории, филологии, этнографии Турции и тюркоязычных народов. Кроме книг и журналов, в библиотеке собраны фотоальбомы, географические атласы, оттиски научных статей и небольшая этнографическая коллекция. В ее экспозицию входят этнографические и культовые предметы, собранные Гордлевским во время путешествий по Востоку. Помимо научной, в фонде библиотеки имеется и художественная литература, в том числе издания издательства “Academia” и собрание поэтических сборников поэтов Серебряного века. Многие книги, подаренные академику авторами, имеют автографы [Ли, 2009, с. 73–74].

Весь фонд литературы кабинета снабжен алфавитным и систематическим каталогами. Фонд кабинета отражен и в общих каталогах библиотеки Института востоковедения. Первым хранителем, много сделавшим для ее научного описания, был Н. Г. Киреев, профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник-консультант Института востоковедения. Вторым хранителем стала библиотекарь В. И. Хатанзеева. С 1967 по 2009 гг. хранителем библиотеки была кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Ю. А. Ли (*илл. 3*), которая проделала огромную работу по систематизации каталогов и описанию новых фондов. В течение ряда лет, помимо пополнения библиотеки новыми поступлениями, описания новых фондов и систематизации каталогов, Ю. А. Ли в качестве ученого секретаря Сектора принимала активное участие в работе тюркологических семинаров, регулярно проходивших в Мемориальном кабинете-библиотеке. С 2009 г. хранителем кабинета библиотеки является кандидат исторических наук, старший научный сотрудник А. В. Болдырев.

Илл. 3. Хранитель библиотеки Ю. А. Ли (фото из архива ИВ РАН)

[1] Раздел о мемориальном кабинете-библиотеке В. А. Гордлевского написан на основе публикации кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Юлии Александровны Ли (1936–2009), являвшейся с 1967 по 2009 гг. хранительницей кабинета-библиотеки. Подробнее см.: [Орешкова, Болдырев, 2018, с. 28].

Фонд Мемориальной библиотеки периодически пополняется новыми поступлениями. Согласно традиции, туркологи Сектора Турции, сотрудники различных подразделений Института востоковедения, востоковедных учебных и научных центров Москвы и Санкт-Петербурга, городов России и республик бывшего СССР дарят в фонд библиотеки экземпляры своих публикаций. В 1970–1980-х гг. из Турции также периодически поступали статистические справочники, в том числе ежегодники, которыми широко пользовались и продолжают пользоваться ученые-экономисты Сектора Турции. После распада СССР такие поступления стали более редкими. Тем не менее традиция пополнения библиотеки кабинета сохраняется и в настоящее время. Так, во время Международной конференции «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы» (Москва, апрель 2001 г.) турецкая сторона в лице профессоров университета Билькент проявила инициативу, и кабинет В. А. Гордлевского получил несколько посылок с книгами по искусству Турции, в том числе исследования по живописи, скульптуре, архитектуре, керамике, росписи по тканям, народным ремеслам – более 100 экземпляров [Ли, 2009, с. 74].

Дарителем явилась также организация, созданная в 1992 г. при Министерстве иностранных дел Турции, – «Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию» (TİKA), осуществляющая связи Турции с тюркоязычными странами СНГ в области экономики, культуры, образования и туризма. По ее инициативе фонд Мемориальной библиотеки имени академика В. А. Гордлевского пополнился двумя многотомными энциклопедиями на турецком языке: «Энциклопедия ислама» и «Османская энциклопедия» [Ли, 2009, с. 74–75]. Посольство Турецкой Республики также периодически предоставляет кабинету-библиотеке экземпляры книг по истории и литературе Турции. За последние два с половиной года библиотека Кабинета получила около 100 экземпляров книг на русском, английском и турецком языках. Значительная часть этих поступлений описана. Данные о них имеются в алфавитном и систематическом каталогах кабинета-библиотеки и общих каталогах отделения библиотеки ИНИОН в ИВ РАН. В отношении других поступлений ведется работа по описанию. В настоящее время Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского продолжает пополняться материалами, предоставляемыми ему сотрудниками Сектора, коллегами из других городов России, из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Литература / References

Базиянц А. П. *Владимир Александрович Гордлевский.* М., 1979 [Baziyants A. P. *Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij.* Moscow, 1979].

Гордлевский В. А. *Государство Сельджукидов в Малой Азии.* М., 1941 [Gordlevskij V. A. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov v Maloj Azii.* Moscow, 1941].

Ли Ю. А. В. А. Гордлевский и его мемориальный кабинет-библиотека // Ли Ю. А., Орешкова С. Ф. *Сектор Института востоковедения РАН (к полувековой истории существования).* М., 2009 [Li Yu. A. V. A. Gordlevskij i ego memorial'nyj kabinet-biblioteka // Li Yu. A., Oreshkova S. F. *Sektor Instituta vostokovedeniya RAN (k poluvekovoj istorii sushchestvovaniya).* Moscow, 2009].

Орешкова С. Ф., Болдырев А. В. Сектор Турции Института востоковедения РАН // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 3. С. 24–34 [Oreshkova S. F., Boldyrev A. V. Sektor Turtsii Instituta vostokovedeniya RAN // *Vestnik Instituta vostokovedenia RAN.* 2018. 3. Pp. 24–34].

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ПИСЬМО СТАЛИНУ ОТ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ (ПО ДОКУМЕНТАМ РГАСПИ)

Н. Г. Романова*

Первая публикация важного архивного документа – коллективного письма ленинградских ученых-востоковедов руководству СССР – дает возможность проследить аргументацию сторон в непростом диалоге между властью и учеными, стремившимися добиться соответствия научной и образовательной деятельности советских востоковедов запросам времени и власти.

Ключевые слова: история отечественного востоковедения, архивы, ленинградские востоковеды, РГАСПИ, Институт востоковедения АН СССР, архивное востоковедение, репрессии 1938–1939 гг.

FROM THE HISTORY OF SOVIET ORIENTAL STUDIES: A LETTER TO STALIN FROM LENINGRAD SCHOLARS (BASED ON DOCUMENTS FROM THE RUSSIAN PARTY ARCHIVES)

Natalia G. Romanova

This first publication of an important archived document – a collective letter of Leningrad-based Oriental researchers to leaders of the USSR – gives an opportunity to follow the complicated dialogue between the state and the scholars, who strived to balance the scholarly activity of Soviet Orientalists and the challenges of time and power.

Keywords: History of Russian Oriental Studies, archives, Leningrad orientalists, Russian Party Archives, Institute of Oriental Studies (SAS), Archive Oriental Studies, Terror of 1938–1939.

В обширной коллекции документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), созданного на базе материалов Центрального партархива и архива ВЛКСМ, хранятся уникальные документы, связанные с отечественным востоковедением.

Партийные руководители советской страны пристально следили за всеми процессами, происходившими в сфере образования и науки, в частности, в области востоковедения. Ни одно назначение руководящих кадров (директоров институтов и их заместителей, главных редакторов журналов и проч.) не могло состояться без согласования с партийными комиссиями, без личной подписи секретарей ЦК ВКП(б). Со своей стороны, граждане также активно писали партийному руководству страны, в секретариат ЦК ВКП(б).

В самом большом хранилище архивных документов, в фонде 17 (фонд ЦК РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС), в описях 116, 117 и 118 (Организационное бюро и Секретариат ЦК ВКП(б), XXVIII созыв), находится целый ряд документов, в которых неоднократно поднимался вопрос о неудовлетворительной работе востоковедов, об улучшении научной работы Института востоковедения АН СССР, находившегося тогда в Ленинграде. Понимая всю важность Востока и отношений с ним, советское правительство требовало от ученых современного, партийного подхода к решению научных задач даже традиционного, классического цикла. Проблемы были очевидны и самим востоковедам.

* Наталья Геннадиевна РОМАНОВА, кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, Москва; nataliaromanova2000@yandex.ru

Natalia G. ROMANOVA, PhD (History), Deputy Director, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nataliaromanova2000@yandex.ru

Так, под грифом «совершенно секретно» была представлена докладная записка о состоянии советского востоковедения и подготовке востоковедных кадров (*Илл. 1–2*). Документ поступил 10 сентября 1939 г. и был адресован высшему руководству страны: секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову. Письмо подписала группа ленинградских ученых – сотрудников Института востоковедения АН СССР (заместитель директора ИВ АН Н. П. Бойков, ученый секретарь А. А. Петров, научные сотрудники), а также руководство Ленинградского государственного университета (директор ЛГУ А. Р. Марченко, проректор А. М. Комаров, заместители деканов исторического и филологического факультетов Н. Н. Денисов, Г. М. Петров и другие представители профессорско-преподавательского состава).

Письмо не подписал тогдашний директор ИВ АН СССР, известный индолог академик А. П. Баранников (1890–1952). Позднее, в 1940 г. он опубликовал большую собственную статью «Очередные задачи советского востоковедения» [Баранников, 1940, с. 5–13], но это не помогло: советское правительство было недовольно работой Института, и в конце 1940 г. его освободили от должности (хотя, в отличие от его предшественника на посту директора – академика А. Н. Самойловича (1880–1938), репрессирован он не был).

В 1940 г. место директора ИВ АН СССР занял академик В. В. Струве (1889–1965). Позднее В. В. Струве неоднократно докладывал «наверх» о работе Института, о трудностях и о ситуации в советском востоковедении в целом [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 16–18]. Руководство страны, по-прежнему недовольное сложившейся ситуацией, приняло несколько постановлений, направленных на улучшение научной работы востоковедов, что в 1950 г. привело к переводу Института в Москву и к объединению под его крышей всех ведущих востоковедных сил[1].

Ниже приводится полный текст докладной записки ленинградских ученых «О востоковедном образовании в Союзе ССР» и о срочных мерах, которые необходимо принять для изменения «создавшейся обстановки на востоковедном фронте» (сентябрь 1939 г.) [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 116, Д. 16; Ф. 17, Оп. 117, Д. 45, с. 39–51; Материалы к протоколу № 15 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 21 сентября – 3 октября 1939 г.]. *Орфография и пунктуация оригинала сохранены*.

[1] Подробнее об этих событиях см.: [Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее, 2018, с. 80–89].

Поступило 10 сен. 1939

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
/большевиков/
тов. СТАЛИНУ И. В.
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
тов. МОЛОТОВУ В. М.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о востоковедном образовании в Союзе ССР.

Востоковедный участок работы у нас в СССР, к сожалению, не приковал до сих пор должного внимания соответствующих заинтересованных организаций. С чувством большой тревоги мы оцениваем создавшуюся обстановку на востоковедном фронте. Нам кажется, что руководящие товарищи, работающие в отдельных Наркоматах, главках и т. п., связанных с Востоком, недооценивают всей важности дела подготовки востоковедных кадров; не учитывают перспективы дальнейших взаимоотношений СССР со странами зарубежного Востока; забывают о том значении, какое имеют колониальные и полуколониальные страны с точки зрения развития мировой пролетарской революции; перспективы дальнейшего развертывания национально-освободительного движения, не учитывают того, что СССР – страна победившего социализма – стоит в авангарде мирового революционного движения, в частности, революционного движения в колониальных и полуколониальных странах.

По сути дела, востоковедное образование и научная разработка является одной из сторон интернациональной политики нашей партии. Расцвет политического, экономического и культурного роста национальных республик и восточных окраин Союза ССР – бывших колоний царизма – служит блестящим подтверждением правильности национальной политики нашей партии. Не секрет, что в деле ликвидации вековой отсталости этих стран, унаследованной от царского режима, в деле быстрого их под’ема до современного уровня, немалую роль сыграли кадры работников передовых, промышленных районов нашей страны, кадры, отличающиеся большой политической школой, большим опытом. Они оказали огромную помощь местным товарищам во всех отношениях. Эта помощь была более ценной и значительной, когда прибывшие в республики Советского Востока работники крупнейших промышленных и культурных центров СССР /Москвы, Ленинграда и др. городов/ знали местный язык, местные условия, местную обстановку. Эта практика, являющаяся воплощением ленинско-сталинской политики нашей партии, оправдала себя целиком и полностью. Абсолютно нет никаких оснований отказываться от ее проведения и в будущем, когда такую же помощь потребуется оказать местным товарищам в тех странах, которые сейчас находятся на положении колоний и полуколоний.

Задача подготовки востоковедных кадров партийных и непартийных большевиков в этой связи имеет исключительно большое политическое значение. Надо ожидать, что в течение, может быть, ближайших 5–10 лет в странах зарубежного Востока будут происходить крупные политические события и нам необходимо полностью быть к ним готовыми. Кроме того, надо полагать, что и в дальнейшем будут расти и крепнуть политические и экономические связи между СССР и зарубежными странами Востока и, следовательно, будет возрастать потребность в специально подготовленных кадрах для соответствующих организаций.

Напомним, что по заданию партии и правительства оба восточных Института в кратчайший срок сумели подготовить сотни людей на так называемых особых секторах для работы в соответствующих учреждениях. Такая массовая потребность в кадрах знающих восточные языки, должна неизбежно возникнуть и в будущем. Следовательно, надо сейчас во

что бы то ни стало позаботиться о сохранении преподавательских сил, чтобы с успехом выполнить предстоящую задачу.

Помимо того, разработка научных проблем в области истории, экономики, литературы, языка соответствующих стран зарубежного Востока представляет достаточно ответственную и почетную задачу, чтобы говорить о необходимости создания кадров для этой отрасли работы. В этом отношении у нас в СССР имеются колоссальные возможности. Достаточно сказать, что Ленинград располагает крупнейшими учеными востоковедами, пользующимися мировой известностью, имеет ценнейшие фонды востоковедной литературы, восточных рукописей, книг и т. д.

За годы существования советской власти у нас в области востоковедения сделано не мало: разработаны курсы истории и экономики Китая, Японии, Индии, Ирана, Турции, Синьцзяна, Монголии, арабских стран, выпущены различные учебники, учебные пособия /хрестоматии, грамматики, словари и т. д./, выпущено несколько сот лиц, получивших законченное востоковедное образование.

Дело подготовки кадров было у нас сосредоточено в следующих высших учебных заведениях:

1. Московском Институте Востоковедения;
2. Ленинградском Восточном Институте;
3. Восточном факультете Среднеазиатского Государственного Университета;
4. Восточном факультете Дальневосточного Ун-та;
5. Восточном секторе филологического факультета Ленинградского Государственного Университета.

Востфак САГУ был закрыт в 1926 году. Главнейшими центрами востоковедного образования были Московский и Ленинградский институты.

Ленинградский Восточный Институт был создан в 1920 году на основании декрета, подписанного В. И. Лениным и находился в ведении Наркомнаца, а с 1924 г. в ведении ЦИК СССР и Наркомпроса. Подготовка востоковедных кадров в Ленинградском восточном институте имела то преимущество, что в Ленинграде были сконцентрированы все научные востоковедные учреждения, крупные научные силы и богатейшие книгохранилища. Это об'ясняется тем, что с самого возникновения востоковедения в России /в 20 гг. XIX века/ центром его всегда считался Петербург[2].

Ленинградский восточный институт просуществовал 18 лет и в 1938 году был ликвидирован приказом Наркомпроса РСФСР т. Тюркина П. А.

Дальневосточный восточный факультет Ун-та в настоящее время также закрыт. Восточный сектор филологического факультета ЛГУ очень незначителен по составу учащихся и не развернут в достаточной степени. Таким образом, единственным востоковедным вузом в СССР является Московский Ин-т востоковедения.

Как могло получиться, что в нашей стране остался один единственный востоковедный вуз к тому же с незначительным контингентом слушателей и не совсем четким и установившимся профилем?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо вкратце изложить ряд фактов.

1. До 1929 года оба вуза /Московский и ленинградский/ были вузами обычного типа. В 1929 году их превратили в коммунистические /по составу/ учебные заведения. Преподавание восточных языков, понятно, было сосредоточено в руках профессоров старого поколения, некоторая часть из которых тогда принадлежала к лагерю реакционной профессуры. Сейчас положение совершенно изменилось. Наряду с политическим перевоспитанием старых кадров имеются молодые, преданные партии и родине, специалисты востоковеды. Коллектив молодых и старых кадров является большой научной силой на востоковедном фронте.

[2] Более подробные сведения по вопросу о подготовке востоковедных кадров даны В. Л. Котвичем в его работах [Котвич, 1911; 1923].

2. Начиная с 1929 года Ленинградский и Московский Институты переживали состояние организационной лихорадки. Целевые установки и учебные планы менялись сверху чуть ли не ежегодно. Никакого плана подготовки кадров по сути дела не было. Распределением кадров никто не ведал и конец учебного года всегда сопровождался хождением директоров вузов и их заместителей в заинтересованные учреждения с предложением использовать кадры, подготовленные по их же заявкам. Обращения партийных комитетов обоих институтов в соответствующие инстанции не имели должных результатов. Очень незначительная часть выпускников попадала на работу по специальности, а остальные вынуждены были устраиваться на работу, абсолютно не имеющую отношения к характеру подготовки выпускников. Особенно не благополучно с распределением кадров было по линии НКИД[3] и НКВТ[4], где в то время, как это впоследствии выяснилось, орудовали враги народа.

3. Враги народа постарались сделать /может быть не без указки разведок капиталистических стран/ все к тому, чтобы расстроить ряды востоковедного фронта, сорвать дело подготовки большевистских востоковедных кадров, озлобить выпускников и т. д. чтобы было создано впечатление об отсутствии необходимости в подготовке таких кадров, отсутствие перспективы и чтобы из всего этого, как следствие, вытекала неизбежность закрытия Восточного Института в Ленинграде.

4. Ленинградский восточный институт /как и Московский институт востоковедения/ иногда находился в ведении б. Ученого Комитета ЦИК СССР, который руководил подготовкой кадров преимущественно по линии НКИД и НКВТ. С 1931 г. по инициативе НКВТ был создан особый факультет внешней торговли при Ленинградском восточном институте. Однако из окончивших этот факультет мало кто работает в системе НКВТ.

Впоследствии стало ясно, что такое вопиющее безобразие с распределением окончивших Институты было результатом того, что руководство этим делом было в руках Милютина, Крестинского, Розенгольца. Больше того, б. руководители парторганизации Октябрьского района ВКП/б/ в Ленинграде, прекрасно осведомленные о состоянии дела подготовки востоковедных кадров, неоднократно «занимавшиеся» Ленинградским восточным институтом также были разоблачены как враги народа /Шульман, Никитин, Диманис/. В самих институтах было из'ято много лиц преподавательского состава, преимущественно японцев, китайцев и т. д.

Совершенно очевидно, что востоковедный участок работы был значительно поражен вражеской деятельностью. Не следует ли из этого сделать такой вывод, что этот участок несомненно являлся важным и, что его нужно всемерно укреплять?

После передачи Институтов в ведение НКП РСФСР[5] т. Тюркин П. А., не считаясь с необходимостью подготовки востоковедных кадров, не вдаваясь в существо вопроса о востоковедном образовании в СССР, не учитывая, что Ленинград был одним из крупнейших востоковедных центров страны, – одним росчерком пера ликвидировал Ленинградский Восточный Институт. Приказ Наркома т. Тюркина П. А. произвел чрезвычайно неблагоприятное впечатление на профессорско-преподавательский состав. Ни одним словом о дальнейших перспективах профессорско-преподавательского состава Наркомпрос не обмолвился. Как будто бы в Институте все профессора и преподаватели были потенциальными врагами народа. В их услугах Наркомпрос не нуждался, подчеркивая тем самым никчемность и отсутствие значимости востоковедного участка работы. Эти люди были предоставлены собственной инициативе и разошлись кто куда мог. Наркомпрос о них едва ли что знает в настоящее время.

За годы советской власти выращены кадры молодых историков, экономистов, лингвистов, которые в сочетании со старыми кадрами проводили большую работу. Сейчас

[3] Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР (1917–1923).
[4] Народный комиссариат внешней торговли СССР (1922–1925).
[5] Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РФСФР (1917–1946).

для части их, особенно для молодых преподавателей и научных работников, перспективы очень ограниченные.

Все эти люди по своей специальности работают, если так можно выразиться, не на полную мощность. Они даже не имеют возможности печататься, так как у нас в СССР сейчас нет специального печатного органа, а издательские планы по линии Ин-та Востоковедения АН СССР очень плохо выполняются из-за недостатка бумаги и из-за того, что в Президиуме АН СССР на востоковедный участок почти не обращают внимания. В связи с этим:

1. весьма ограничиваются темпы их роста,

2. встает вопрос о целесообразности в дальнейшем работать в области востоковедения, коль скоро этот участок, может быть, на самом деле считается неважным и малознач~~у~~(а)щим. Спрашивается, целесообразно ли в таком случае тратить силы и средства на ненужную работу? Может быть, учитывая отсутствие потребности в востоковедных кадрах сейчас и в перспективе, молодым востоковедам целесообразно переключиться на другую работу? Кстати сказать, некоторые молодые товарищи так и сделали и в настоящее время работают не по специальности.

Мы глубоко убеждены в том, что Вы, т. Сталин и т. Молотов, заинтересуетесь этим делом. Мы прекрасно понимаем, что вопрос о подготовке востоковедных кадров является вопросом государственной важности. Если существующее сейчас положение не изменить, то через 5–10 лет мы окажемся неподготовленными к тем революционным событиям, которые произойдут в колониальных(,) полуколониальных и зависимых странах.

Считаем целесообразным привести данные относительно масштабов подготовки за границей кадров, владеющих восточными языками. Во время империалистической войны значительная часть этих кадров /впрочем и до войны/ выполняла роль агентуры в странах колониального и полуколониального Востока.

По данным Котвича, до империалистической войны подготовка востоковедных кадров сосредотачивалась:

а/ в Англии – в 12-ти учебных заведениях; б/ во Франции – в 10; в/ в Германии в 15-ти; г/ в Австро-Венгрии – в 12-ти; д/ в Италии в 10-ти; е/ в Голландии в 5-ти; ж/ в Бельгии в 3-х учебных заведениях; з/ в США в 6-ти учебных заведениях. Следовательно, в Западной Европе до войны существовало свыше 60 учебных заведений, в которых преподавались главным образом восточные языки. Сейчас трудно сказать, сколько существует в Западной Европе таких учебных заведений, но и указанных выше данных достаточно для того, чтобы иметь хоть некоторое представление о масштабах специальной подготовки кадров для работы в восточных странах или для работы в учреждениях, связанных со странами Востока. Конечно, задачи и цели подготовки там иные.

Цели и задачи советского востоковедения ничего общего не имеют с буржуазным востоковедением Западной Европы и Америки. Они определяются марксистско~~го~~-ленинской революционной теорией, в частности, учением о национально-колониальном вопросе; о диктатуре пролетариата; о социалистическом государстве; о борьбе двух систем; о всеобщем кризисе капиталистической системы; о некапиталистическом пути развития отсталых стран с помощью страны победившего социализма, – одним словом, всем учением марксизма-ленинизма.

У нас в СССР нужно создать востоковедный научно-теоретический и практический центр, который 1/ помогал бы соответствующим организациям и учреждениям, связанным со странами Востока, лучше, полнее и всесторонне изучать эти страны; 2/ противопоставил бы буржуазному востоковедению Западной Европы и Америки советское востоковедение в области изучения языка, литературы, истории, экономики, вооруженное самой передовой, революционной научной теорией марксизма-ленинизма; 3/ ведал бы подготовкой, учетом и распределением всех сил в области востоковедения.

Подготовку этих кадров надо организовать с учетом полного использования ленинградских востоковедов и ленинградских ценнейших книгохранилищ.

Нам представляется, что для организации дела подготовки востоковедных кадров необходимо провести следующие мероприятия:

1. Организовать единый центр, который бы ведал всем востоковедным фронтом /ассоциация ли, Главк ли, Институт востоковедения АН СССР или какое-либо другое учреждение/.

2. Принимая во внимание наличие в Ленинграде профессорско-преподавательских кадров и богатейших книгохранилищ по странам советского и зарубежного Востока, создать вновь востоковедный вуз в Ленинграде, поставив перед ним задачу выращивания практических и научных работников востоковедного фронта.

3. Провести регистрацию всех лиц, окончивших восточные институты и находящихся на работе не по специальности; просмотреть этих лиц с точки зрения возможности использования по прямому назначению;

4. Взять на строжайший учет всех востоковедов Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Ташкента, Ашхабада, Владивостока и др. городов. Учет и распределение всех востоковедных кадров сосредоточить в одном органе. Эти кадры, разумеется, должны быть хорошо и тщательно изучены.

5. Обеспечить научным работникам востоковедам возможность повышать свою квалификацию, для чего предусмотреть планом научные командиро(в)ки в Москву, Ленинград, а также за границу, в страны зарубежного Востока.

6. Обеспечить научным работникам востоковедного фронта более широкую возможность печататься, дать им солидный печатный орган /кстати сказать, № 1 журнала «Советское востоковедение» изд. АН СССР в течение длительного времени никак не может выйти из печати/.

7. Обязать местные советские и партийные органы создать востоковедным научным работникам нормальные условия для их творческой деятельности.

Полагаем, что поднятый нами принципиальной важности вопрос заслуживает серьезного внимания и обсуждения. Следовало бы его предварительно проработать во всех деталях и, обсудив на совещании с участием востоковедов, принять затем окончательное решение, которое должно быть внесено на усмотрение высших директивных инстанций.

Подписали:

(подпись) Мугинов, чл. ВКП(б) с 1919 г.

Байков (?) Н. П., член ВКП(б) с 1927 г., кандидат экономических наук, зам. директора ин-та Востоковедения Академии Наук СССР

Башкиров А. В. , член ВКП(б) с 1925 г. Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИВ АН СССР

Петров А. А., член ВЛКСМ, кандидат философских наук, ученый секретарь Института Востоковедения АН СССР (подпись)

Денисов Н. Н., член ВКП(б) с 1918 года, партбилет № 3015749, зам. декана филологического факультета ЛГУ (подпись)

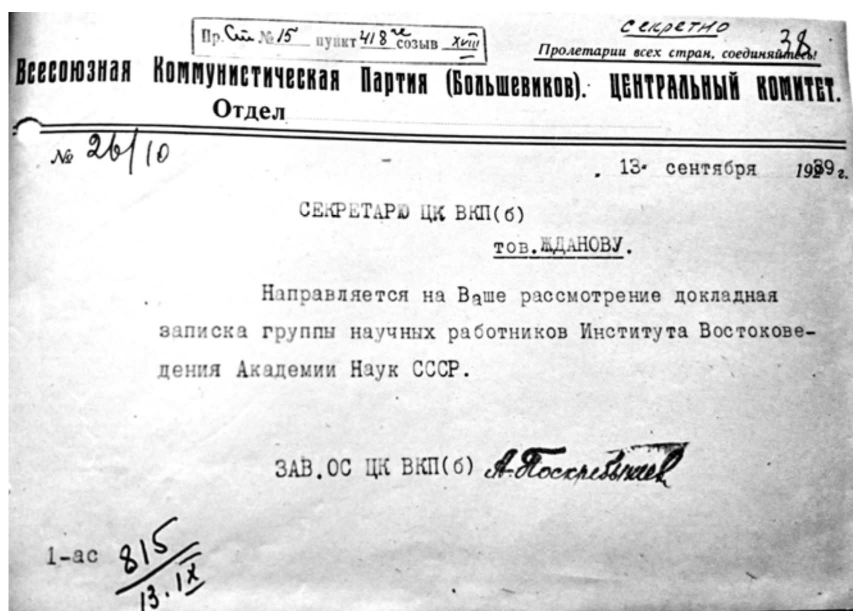
Петров Г. М., член ВКП(б) с 1920 г. п/б № 2459511, ст. научн. сотрудн. Ин-та Востоковедения АН СССР и зам. декана исторического ф-та ЛГУ (подпись)

Марченко А. Р., чл. ВКП(б) с 1931 г. Директор ЛГУ

Комаров А. М., чл. ВКП(б) с 1928 г., проректор ЛГУ.

Козин С. А., проф. Ленингр. Ун-та и ст. научн. сотр. Института востоковедения АН СССР

Рафиков Х. Г., чл. ВКП(б) с 1919 г.

Пр.Ст. № 15 пункт 418 созыв XVIII

Секретно

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

38

Всесоюзная Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Отдел

№ 26/10 – 13 сентября 1939 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

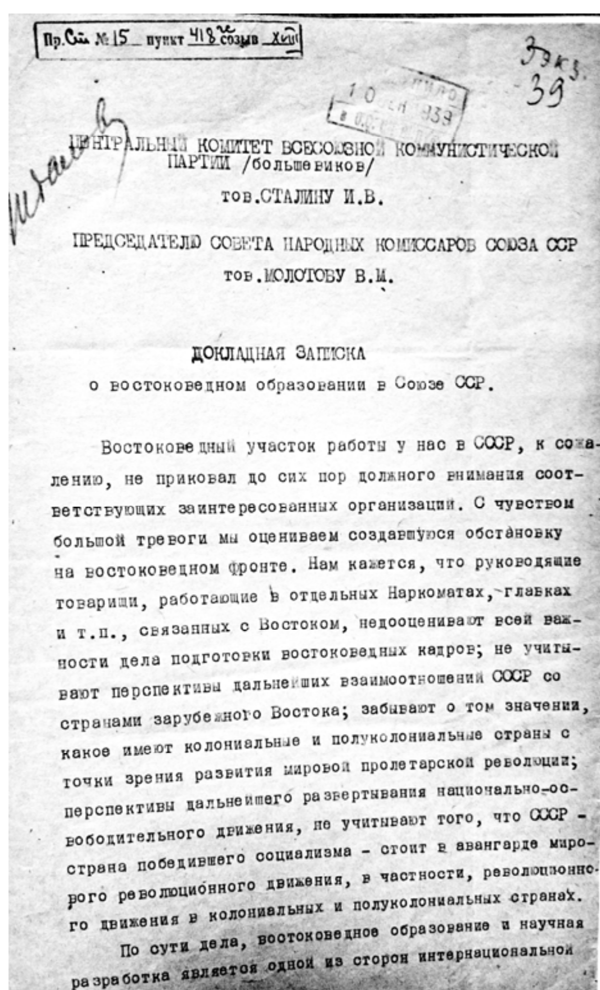
тов.ЖДАНОВУ.

Направляется на Ваше рассмотрение докладная записка группы научных работников Института Востоковедения Академии Наук СССР.

ЗАВ.ОС ЦК ВКП(б) А. Поскребышев

1-ас 815 13.IX

Илл. 1. Документ с подписью секретаря Сталина А. Н. Поскребышева [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 117, Д. 45, с. 38]

Пр.Ст. № 15 пункт 418 созыв XVIII

3 экз. 39

10 сен 1939

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ /большевиков/

тов.СТАЛИНУ И.В.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

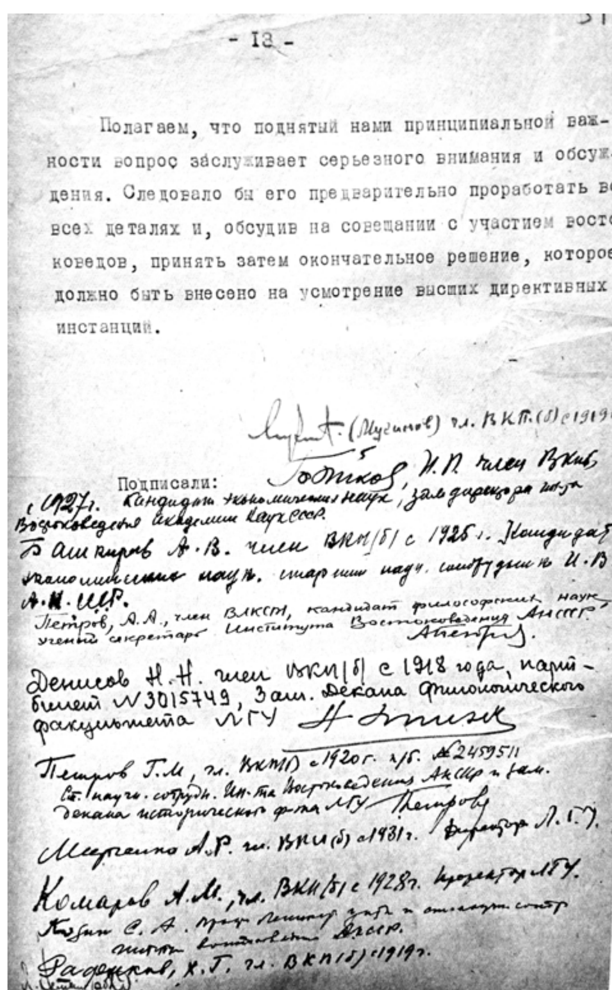
тов.МОЛОТОВУ В.М.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о востоковедном образовании в Союзе ССР.

Востоковедный участок работы у нас в СССР, к сожалению, не приковал до сих пор должного внимания соответствующих заинтересованных организаций. С чувством большой тревоги мы оцениваем создавшуюся обстановку на востоковедном фронте. Нам кажется, что руководящие товарищи, работающие в отдельных Наркоматах, главках и т.п., связанных с Востоком, недооценивают всей важности дела подготовки востоковедных кадров; не учитывают перспективы дальнейших взаимоотношений СССР со странами зарубежного Востока; забывают о том значении, какое имеют колониальные и полуколониальные страны с точки зрения развития мировой пролетарской революции; перспективы дальнейшего развертывания национально-освободительного движения, не учитывают того, что СССР – страна победившего социализма – стоит в авангарде мирового революционного движения, в частности, революционного движения в колониальных и полуколониальных странах.

По сути дела, востоковедное образование и научная разработка является одной из сторон интернациональной

– 13 –

Полагаем, что поднятый нами принципиальной важности вопрос заслуживает серьезного внимания и обсуждения. Следовало бы его предварительно проработать во всех деталях и, обсудив на совещании с участием востоковедов, принять затем окончательное решение, которое должно быть внесено на усмотрение высших директивных инстанций.

(Мусинов) чл. ВКП(б) с 1919 г.

Подписали:

Ботиков, И.П. член ВКП(б) с 1927 г. кандидат экономических наук, зам. директора Ин-та Востоковедения Академии Наук СССР.

Башкиров А.В. член ВКП(б) с 1925 г. Кандидат экономических наук, старший науч. сотрудник И.В. А.Н. СССР.

Петров, А.А., член ВЛКСМ, кандидат философских наук, ученый секретарь Института Востоковедения АН СССР.

Денисов Н.Н. член ВКП(б) с 1918 года, парт-билет № 3015749, Зам. Декана Филологического факультета ЛГУ

Петров Г.М., чл. ВКП(б) с 1920 г. п/б № 2459511 Ст. научн. сотрудн. Ин-та Востоковедения АН СССР и зам. декана исторического ф-та ЛГУ

Директор Л.Г.У.

Комаров А.М., чл. ВКП(б) с 1928 г. проректор ЛГУ.

Козин С.А. Ин-та Востоковедения АН СССР.

Раденков, Х.Г. чл. ВКП(б) с 1919 г.

Илл. 2. Первая и последняя страницы докладной записки [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 117, Д. 45, с. 39, 51]

Литература / References

Баранников А. П. Очередные задачи советского востоковедения // *Советское востоковедение*. М.–Л., 1940. № 1. С. 5–13 [Barannikov A. P. Ocherednye zadachi sovetskogo vostokovedeniya // *Sovetskoe vostokovedenie*. Moscow, Leningrad, 1940. 1. Pp. 5–13].

Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт.-сост. Д. В. Дубровская. М., 2018 [*Institut vostokovedeniia RAN – proshloe i nastoiaschee. K 200-letiyu osnovaniia.* Dubrovskaya D. V. Moscow, 2018].

Котвич В. Л. *Востоковедение в Петрограде 1918–1922 г.* Петроград, 1923 [Kotvich V. L. *Vostokovedenie v Petrograde 1918–1922 g.* Petrograd, 1923].

Котвич В. Л. *Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей*. СПб., 1911 [Kotvich V. L. *Obzor sovremennoi postanovki izucheniia vostochnykh iazykov za granitsei*. Saint Peterburg, 1911].

Архивные документы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, Оп. 116, Д. 16 [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17, Op. 116, D. 16].

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, Оп. 117, Д. 45 [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17, Op. 117, D. 45].

ИНДУССКОЕ ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ И К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)

Л. Б. Алаев*

Индусы не стремились фиксировать исторические события. На всем протяжении «домусульманской» индийской истории (с XIII–XI вв. до н. э. до XII–XIII вв. н. э.) в Индии не составлялись летописи, хроники и т. п. Сохранившаяся религиозно-философская, дидактическая и художественная литература древности и раннего средневековья принципиально не датирована. Вводившиеся в разных концах Индии эры, правившие династии, их столицы, а также храмы вскоре забывались. Вместе с тем знание об эпических (мифологических) событиях, большей частью передававшееся изустно, сохранялось и распространялось. Индийскую историю «открыли» британские ученые. До сих пор мифологическая история более значима для индусов, чем реальная.

Ключевые слова: индусы, историческая память, эры, индийская история, мифология.

HINDU ATTITUDE TO TIME AND HISTORICAL MEMORY (TO THE QUESTION OF PECULIARITIES OF THE INDIAN CIVILIZATION)

Leonid B. Alayev

Hindus were not inclined to assign dates to historical events. Before the coming of Muslims (13th–11th centuries B.C. to 12th–13th centuries A.D.) Indians produced no chronicles, records or any other historical writings; ancient and early medieval monuments of religious, philosophical, didactic literature and fiction were undated as a matter of principle. Across Indian states various historical eras, ruling dynasties, their capitals and temples would raise, fall, and then be forgotten. At the same time knowledge of epic (mythical) events, largely as oral tradition, stayed and spread. Indian history was "discovered" by British scholars; for Indians, even today the mythological history is often more significant than the real one.

Keywords: Hindus, historical memory, eras, Indian history, mythology.

«Отсутствие истории» (в двух смыслах – как отсутствие историописаний, так и неизвестность истории как процесса) у индийских народов замечено уже давно. Еще в начале XI в. аль-Бируни отмечал, что индийцы относятся «*легкомысленно к последовательности событий*», «*беспечны*» «*к хронологическому порядку правления своих царей*» и потому вынуждены «*прибегать к созданию легенд*» [Бируни, 1995, с. 360].

Так, без истории, Индия вошла и в европейскую мысль Нового времени. Г. В. Ф. Гегель был уверен, что у Индии «нет истории» [Гегель, 1935, с. 59, 153–155]. К. Маркс фактически цитирует его: «*Истории индийского общества нет, по крайней мере, нам она неизвестна*» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 224]. Трудно упрекать этих мыслителей в том, что они не видели эволюции индийского общества в условиях, когда сама индийская культура стремилась казаться совершенно неизменной. Индийцы (именно индусы, т. е. последователи индуизма) демонстрировали отсутствие исторического сознания.

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

** Статья основана на докладе, прочитанном на конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» 3–4 октября 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН. Краткая версия опубликована: [Алаев, 2016].

Ученые, желавшие изучить «домусульманскую» историю Индии, встретились с большими трудностями. Нет хроник, летописей, исторических сочинений типа мусульманских *тарихов*. Не было среди индусских ученых фигур типа Геродота, Сыма Цяня или Нестора. Стихотворное сочинение «Раджатарангини», составленное в Кашмире в середине XII в., служит в буквальном смысле исключением и относится только к истории этого региона. Нет актового материала. Нет каких-либо переписей типа «Книги Страшного суда» или русских писцовых книг[1]. При этом индусские брахманы забыли древние и средневековые шрифты, на которых записаны надписи – основной источник по истории Индии в тот период.

В качестве анекдота: в период Делийского султаната были найдены две колонны с надписями (как потом выяснилось – Ашоки). Султан Фируз-шах Туглак (1351–1388) приказал перевезти колонны в Дели, а брахманам приказал прочесть, что на них написано. Один из *пандитов* («ученых») прочел надпись следующим образом: «Никто не сможет передвинуть эту колонну с этого места, до тех пор, пока впоследствии не появится мусульманский султан по имени Султан Фируз» [Chatterji, 1956].

Поход Александра Македонского не произвел на индусов никакого впечатления. Буквально: **не запечатлелся** в их памяти. Но в индологии он играет исключительную роль только потому, что мы **знаем, когда** он произошел, а также мы знаем, что Александр встретился с Чандрагуптой Маурья. Поэтому мы **знаем**, когда правила эта династия – Маурья. И на этом держится вся хронология истории древней Индии! Если бы Чандрагупта *случайно* не встретился с Александром, мы до сих пор не знали бы, **когда** правил великий император Ашока! Сюда надо еще добавить, что если бы служащий Калькутского монетного двора Джеймс Принсеп (1799–1840) не расшифровал надписи на шрифтах *брахми* и *кхароштхи* и не прочел бы надписи Ашоки, индийцы не получили бы великого царя-миротворца.

Внимание маратхов на запущенность места кремации Шиваджи обратил Джеймс Дуглас в 1883 г.[2]. Если бы не этот англичанин, то Бал Гангадхар Тилак, выдающийся борец за независимость, может быть, не вспомнил бы о Шиваджи, не стал бы проводить ежегодные манифестации в его честь, и не было бы у индийцев еще одного национального героя.

Добавим еще несколько примеров. Уже упоминавшуюся «Раджатарангини» изучил и составил хронологию кашмирских правителей Гораций Гейман Уилсон (1786–1860). Он же нашел надписи первых шести царей династии Гахадавалов и составил первые генеалогии Чалукьев, Парамаров, Гухилотов [Rost, 1865]. Писец Чарльз Уилкинс (1749/1750–1836) в 1785 г. прочел надпись, из которой индийцы узнали, что после Гуптов в VI в. существовала династия Маукхари. Затем он прочел другую надпись – и индийцы узнали, что существовала династия Палов. А она, как потом выяснилось, просуществовала почти пять веков. А. Каннингхэм в 1860 г., анализируя ряд надписей, узнал, что существовала династия Чанделлов из Махобы. Р. Сьюэлл раскрыл историю славного периода южноиндийской истории, составив историю Виджаянагара, которую он опубликовал под красноречивым названием «Забытая империя» [Sewell, 1900].

Яркое свидетельство специфики индусской исторической памяти представляет следующий эпизод. В 1025 г. Махмуд Газневи напал на государство Чаулукьев, которое занимало территорию современного штата Гуджарат. Он прошел его насквозь, разрушил столицу Анахилапатаку, дошел до побережья Аравийского моря, разрушил местный богатейший храм в Сомнатхе, который считался как бы «главным» среди других шиваистских

[1] И это несмотря на то, что индийская административная мысль предписывала проводить переписи и кадастры. И «Артхашастра» где-то в первые века н. э., и Абу-л Фазл в XVI в. одинаково строго вменяют в обязанность местным чиновникам переписывать людей, скот, дома и т. п. [Артхашастра, II. 35; Артхашастра Каутильи, 2009, с. 132; Abu-l Fazl Allami, 1978, p. 37–45). Однако ни от первых веков, ни от XVI в. никаких следов таких переписей не сохранилось. Это иллюстрация к другой особенности Индийской цивилизации (на сей раз одинаково характерной и для «индусского», и для «мусульманского» периодов индийской истории): индийцев никогда не смущало расхождение между инструкциями (идеалом) и реальностью.

[2] Этот пример взят из книги: [Ванина 2014, с. 141].

храмов Северной Индии, убил порядка 50 000 людей, ушел с богатой добычей через пустыню Тар обратно к себе в Афганистан. В числе трофеев он увез серебряные ворота храма. Впоследствии они были установлены перед его гробницей в городе Газни. Все это мы знаем из персоязычных хроник. Очень может быть, что мусульманские хронисты сильно преувеличили зверства захватчиков. Тогда это было модно: жестокость считалась достоинством правителя или военачальника. Но в надписях правителей династии Чаулукьев об этом эпизоде **вообще не упоминается! Для них** этого эпизода в истории государства **не было**[3].

Потом, когда индусы стали коллекционировать свои обиды на мусульман, эпизод с разрушением храма в Сомнатхе стал одним из самых весомых аргументов в пользу того, что все беды индусов – от мусульман. Но вспомнили об этом тоже не индусы, а британцы, которые прочли персидские хроники (в переводе) и в Палате общин подняли вопрос о зверствах мусульман в Сомнатхе. Во время первой англо-афганской войны в 1842 г. по указанию лорда Элленборо ворота из Сомнатха, стоявшие в Газни, были демонтированы, привезены в Дели, чтобы «отмстить за оскорбление» индусов, и встречены с большой помпой. Потом, правда, оказалось, что ворота эти – копия настоящих, и их свалили на складе в крепости Агра.

Конечно, можно в связи с этим поговорить о политике «разделяй и властвуй», о стремлении колонизаторов натравить основные индийские конфессии друг на друга, но сейчас речь не об этом, а об индусской исторической памяти. Даже самые тяжелые эпизоды своей истории индусы **не запоминали** и **не помнили**, пока им об этом не напоминали со стороны.

Храм в Сомнатхе еще несколько раз восстанавливался и разрушался. После обретения Индией независимости вновь встал вопрос о восстановлении храма. Сардар Валлабхай Патель, в то время второй человек в правительстве, поддержал этот проект. Но Джавахарлал Неру был категорически против, потому что это способствовало бы обострению отношений между конфессиями. Во всяком случае, говорил он, не на бюджетные деньги. После смерти Неру начался сбор пожертвований. Величественный храм построен. Многие уверены, что без бюджетных денег здесь не обошлось. Теперь это одна из туристических достопримечательностей. Почему-то его настоятели гордятся тем, что он построен на меридиане, который вплоть до Антарктиды не касается ни одной суши.

До сих пор, если в разговоре с индусом (мой собственный опыт) речь заходит о взаимоотношении двух общин, немедленно слышишь:

– А вы знаете, что *они* наделали в Сомнатхе?!

В 1990-х гг. разгорелись страсти по поводу мечети, построенной в XVI в. основателем династии Моголов Бабуром, будто бы на месте разрушенного им храма, который будто бы был возведен в XII в. на месте, где родился легендарный правитель Рама, герой «Рамаяны». Не буду пересказывать эту трагическую историю. Индусские националисты требовали сноса мечети и восстановления на этом месте храма Рамы. Снести мечеть они сумели, храма пока не построили. Нам важно в данном случае понять формирование индусской исторической памяти. Легендарный город Айодхья был столицей легендарного же государства Кошала. Он был огромным и великолепным, подобным раю.

Но на месте современного города Айодхья следов поселения до VI в. до н. э. не обнаружено. Затем здесь возникает поселение под названием Сакет. Оно связано с именами легендарных основателей джайнизма и буддизма. При Гуптах (V в.) его переименовывают в Айодхью, и селение сохраняло некоторое религиозное значение до IX в., когда оно снова исчезло. Единственным свидетельством того, что нынешняя Айодхья связана с легендой о Раме, служат записки немецкого географа иезуита Йозефа Тиффентхалера (1710–1785), служившего в Английской Ост-Индской компании. Между 1766 и 1771 гг. он неутомимо разъезжал по Индии, составляя ее карту. Ему местные жители рассказывали предание, что на

[3] Подробный анализ этого события и его восприятия современниками см.: [Thapar, 2005].

этом месте был храм, который был разрушен то ли Бабуром, то ли Аурангзебом, и из материалов этого храма была построена мечеть. Это свидетельство и стало основой новейшей легенды о «месте рождения Рамы» (*Рамджанмабхуми*).

Индусы были обречены получать из прошлого как героев, так и недругов, **через чужие руки**.

Древнюю историю Индии трудно изучать, потому что имеющиеся памятники не датированы. Это результат не просто невнимания к датировке или к хронологии. Они не датированы принципиально, потому что священны и сообщают не о преходящих событиях или идеях, о а «вечной» истине, которую мудрецы вовсе не «открыли», а «услышали». Эти тексты существуют в вечности, поэтому датировать их как-то даже неприлично, если употребить наше выражение – богохульно. Это десакрализация текста.

Раннесредневековую историю Индии ученые восстанавливают в основном по надписям на камне или на медных табличках. Но они либо не датированы, либо датированы годами правления того или иного правителя, который правил неизвестно когда, или же годами некоей эры, которая когда-то существовала, а затем была забыта. Само наличие в Индии нескольких эр свидетельствует об отсутствии стремления выстроить историю в некоем хронологическом порядке. Кроме более широко распространенных эр Викрамы (с 57/58 г. до н. э. на севере Индии и с 55/56 г. до н. э. на юге Индии; год начинается в марте в Восточной Индии и в ноябре – в Западной Индии) и Шаки (с 78/79 г. н. э.), многие династии и удачливые правители устанавливали собственные эры, которые какое-то время употреблялись, а потом забывались. Были в ходу эры Кали (с 3100/3101 г. до н. э.), Будды (с 544 г. до н. э.), Махавиры (джайнская, с 528 г. до н. э.), Личчхави (со 110 г. н. э., в Непале), Чеди (она же Калачури, она же Трайкутака, с 248/249 г. н. э.), Гуптов (то ли с 20.12.318 г. н. э., то ли с 26.02.320 г. н. э.), Ганга (с 14.03.498 г.), Коллам (с 824/825 г.), Харши (с 606 г.), Бхатика (в Раджастхане, с 624/625 г.), Калинга-Ганга (с 877/878 г.), Чалукья-Викрама (с 08.03.1076 г.). В Северном Конкане правила династия Абхира, о которой ничего неизвестно кроме того, что ее правители датировали свои надписи эрой, начинавшейся с 249/250 г. Мусульмане придерживались, конечно, своей эры Хиджры и лунного календаря. Известный вольнодумец Акбар попытался ввести собственную солнечную эру Илахи («Божественную»), начинавшуюся с 1584 г., но она не прижилась. Надо подчеркнуть, что даты начала эр не **сообщены нам** составителями надписей, а **установлены** тяжелым трудом эпиграфистов.

В генеалогических (панегирических) частях грамот (*прашасти*) перечисляются имена предков нынешнего правителя. Но при этом **никогда** не приводятся даты. Вопреки мнениям ряда исследователей[4], «аналогом средневековых анналов» хвалебные формулы надписей служить не могут. Ромила Тхапар права, что, сопоставляя сотни *прашасти,* «*с той или иной степенью достоверности можно воссоздать историю отдельных династий*». Но обратите внимание на эту «*степень достоверности*», а также учтите, сколько труда все это требует!

Нельзя сказать, что индийцы отличались плохой памятью. Более того, можно утверждать, что они обладали феноменальной памятью на то, что хотели запомнить. Веды (*самхиты*), многочисленные комментарии к ним (*араньяки, брахманы, упанишады*), передавались из уст в уста **в течение тысячелетия**! Без искажений – несмотря на то, что язык этих сочинений вскоре стал непонятным даже для ученых брахманов. Но они выработали особую технику запоминания, а кроме того, действительно считали, что эти тексты продиктованы им свыше, имеют священный смысл, заключенный не только в *контенте*, как мы бы сейчас сказали, но в самом *звучании* слов. Вся эта литература считалась *шрути* («услышанное»).

Но иные тексты, обладавшие меньшей святостью, относились уже к иной категории *смрити* («запомненное»), и, вопреки такому наименованию, запоминались хуже. *Дхармасутр, дхармашастр* (трактатов о праведном поведении), скажем, было много, но запомнили из них только четыре: Ману, Яджнавалкью, Нараду и Вишну: на них в средние века продолжали составлять комментарии. Остальные известны только в цитатах, вставленных в другие тексты.

[4] [Thapar, 2013, p. 547–578]; цит. по: [Ванина, 2014, с. 22].

Артхашастра как отдельная наука была совершенно забыта. Единственный трактат, принадлежащий этой традиции и приписываемый министру Чадрагупты Маурьи Чанакье Каутилье, был случайно открыт в 1905 г. в одном из архивов.

Комментаторская литература – это само по себе удивительное явление в контексте нашей нынешней темы. Комментаторы и в VII, и в X, и в XVI, и в XVIII вв., раз за разом разъясняя слушателям не совсем понятные *шлоки* (стихи) священных книг, старались избежать любых примет времени. Они жили в *бесконечном времени*, так же, как и комментируемые ими тексты.

Яркую литературу так называемого «периода Сангама» (лирика, эпические поэмы, трактаты по лингвистике, поэтике, политике и др.), относимую современными исследователями к I–III вв. н. э., тамилы начали забывать уже в IV в. Некоторые образы, идеи, формы ранней тамильской традиции использовались в более поздней литературе, но традиция в целом была практически забыта. Лишь в конце XIX в. с ростом этнического самосознания тамилов у них возникает интерес к прошлому и усилиями нескольких энтузиастов (У. В. Сваминатхаияра, Дамодарама Пиллаи и др.) рукописи древнетамильской поэзии были обнаружены, отредактированы и опубликованы. Тамилы получили свою несомненную и блестящую древность [Ludden, 2002, p. 244].

Забывали индийцы и свои выдающиеся архитектурные памятники. Индийцы не знали, что у них есть такие культурные памятники, как Аджанта, Эллора, Наланда, Кхаджурахо. Все эти места были покрыты джунглями. Аджанту открыла группа **британских** офицеров, охотившаяся в тех глухих местах на тигра. Кхаджурахо в 1840 г. открыл **британский** топограф, который наносил местность на карту. Помните эпизод в «Маугли», когда Маугли неожиданно обнаружил в лесу покинутый город, заселенный обезьянами? Это не просто сюжетный ход Киплинга, это типичная ситуация в Индии того времени: тысячи городов и храмов, затерянных в джунглях, никому не нужных, потому что проще соорудить новый храм, чем поддерживать старый[5].

Британские колониальные чиновники вовсе не горели желанием восстановить индийскую историю и возвеличить индийскую (индусскую) культуру. Отношение британцев к ней и, в частности, к историческим памятникам первоначально было вполне варварским. Но после передачи Индии под власть короны во второй половине XIX в. отношение к памятникам изменилось. Это было связано с тем, что и в Европе стали больше ценить свои памятники. Была принята программа открытия и пропаганды классической индийской культуры, которая должна была стать частью «колониального проекта» «цивилизаторской миссии» белого человека [Rajagopalan, 2011].

У индийцев были свои «исторические сочинения», *пураны* (можно перевести как *древний*, *первоначальный*) и *итихасы* («*именно так и было*»). *Итихасы* – рассказы о деяниях древних мифологических героев, эпос. Самыми известными из *итихас* являются эпические поэмы *Махабхарата* и *Рамаяна*. В современном хинди *итихаса* означает «история» в обоих значениях этого слова: как процесс и как изучение этого процесса. Но сохранилось и исконное значение: легенды и мифы. Обозначение одним словом и мифа, и действительного исторического процесса, само по себе много говорит об индийском понимании истории.

Пураны же представляют собой сборники, компендиумы, компиляции разнообразных текстов, которые почитаются, как «старинные», хотя по большей части составлены в I тыс. н. э. или даже позже. По мнению самих составителей таких сборников, они должны включать рукописи по космогонии (сотворение мира; гибель и новое творение мира); рассказы о прежних периодах существованиях мира; генеалогии богов и древних мудрецов (*риши*). В них вставлены также мифы, сказки, трактаты по различным отраслям традиционной индусской науки, ритуальные предписания, подробные описания маршрутов и объектов паломничества.

[5] Маугли жил, как известно, в Центральной Индии, в районе реки Вайнганга. Оттуда недалеко до Кхаджурахо. Кто знает, может быть, Киплинг именно Кхаджурахо имел в виду, описывая город, заросший джунглями. Его откопали и открыли для посетителей только в 1923 г.

К истории в современном понимании можно отнести лишь списки царей двух кшатрийских династий – произошедших от Солнца и Луны, причем перечисляются не только будто бы правившие некогда цари, но и те, которые **будут** править – согласно пророчествам древних мудрецов. Списки более чем лаконичны: это только имена и числа лет правления каждого царя. Если сложить годы правления всех царей, то получится, что династии эти начали править много тысяч лет тому назад.

Националистически настроенные историки Индии упорно желают считать, что в *пуранах* излагается истинная история этой страны, нужно только их правильно прочитать. Наиболее «трудолюбивым» среди них оказался британский судья Ф. Е. Парджитер (1852–1927), который, сопоставляя списки из разных *пуран*, пытался выяснить «истинную» историю [Pargiter, 1922].

Рационально мыслящие историки, конечно, признают в целом мифический характер этих списков, но некоторые из них считают, что в *пуранах* содержатся также и реальные исторические сведения, которые нужно просто вышелушить из мифологической оболочки. Такая точка зрения приемлема, но для подобной операции нужно иметь другой источник, с которым можно было бы сравнить списки *пуран* и, таким образом, обнаружить в них рациональное зерно. Но пока такого источника нет, списки пуран оказываются бесполезными. Это еще более ста лет тому назад доказал Р. Г. Бхандаркар (1837–1925).

Специалисты, не желающие признавать отсутствие исторического мышления у индусов, ссылаются также на героические поэмы, составлявшиеся в честь некоторых средневековых царей. «*Историческая память народа*, – утверждает Е. Ю. Ванина, – *хранила в балладах и преданиях воспоминания о царях, героях и святых*» [Ванина, 2014, с. 128]. Возникает вопрос, **какая именно** память хранилась в балладах? Никто не будет утверждать, что задачей создателей этих поэм было отражение исторических событий. Например, Чанд Бардаи (1126–1192) в своей поэме «Притхвирадж-расо» прославлял последнего правителя династии Чауханов, описывая не столько его военные успехи, сколько пышность двора. Что касается успехов, то они тоже имеются. Судя по поэме, Притхвирадж победил Мухаммада Гури, хотя на самом деле он потерпел поражение и был убит. Кроме того, эта поэма постоянно пополнялась новыми сюжетами (эпизодами), так что в настоящее время состоит из 100 000 строф. Судите сами, решайте сами, много ли в ней исторического.

Возьмем иной пример. Сандхьякаранандин, создавая поэму «Рамачарита», думал прежде всего о демонстрации своего поэтического мастерства: его поэму можно было, по разному разделяя сложные санскритские слова, прочесть и как панегирик в честь конкретного правителя Рамапалы (1077–1130) с упоминаниями, хотя исторически неточными, реальных событий его правления, и как переложение «Рамаяны» с описанием легендарных подвигов героя эпоса.

По поводу героических поэм можно сказать то же, что и о *пуранах*: исторические данные в них есть, но их можно обнаружить, только если знать историю по другим источникам. Можно ли было бы изучать русскую историю, если бы в нашем распоряжении были только былины, поверья и сказки, и еще «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», а летописей бы не было?

«Отсутствие истории» у Индии волновало возникшую в XIX в. индийскую интеллектуальную элиту. Это обстоятельство в их глазах умаляло величие индийской культуры.

Надо здесь сделать «замечание в сторону». Образованные индийцы попадают в положение нелегкого выбора, который просто невозможно сделать. Они разрываются между, с одной стороны, убеждением в уникальности индийской культуры (и ее величии, конечно), а с другой стороны, стремлением доказать, что в Индии все всегда было «как у всех». Раз у других народов было и есть историческое мышление, значит, надо доказать, что оно было и у индусов. Не обнаруживаются хроники и летописи? Значит, они были, но потом, по разным причинам, пропали. Или же не пропали, и их просто надо отыскать.

Британцы еще в начале XIX в. были озадачены, «не найдя истории» в захваченной ими Индии. Некоторые колонизаторы не могли с этим смириться и прилагали усилия, чтобы ее «найти». Получила всеевропейскую известность коллекция землемера и картографа Колина Маккензи (1754–1821), собравшего сотни тысяч артефактов, в которых история страны могла бы отразиться: монет и других предметов старины, в том числе рукописей. Для изучения истории ранее XVI в. все эти рукописи не дали практически ничего.

Не свободны от подобного тенденциозного подхода к проблеме индийского историзма и крупные ученые, которых никак нельзя заподозрить в индусском национализме. Р. Тхапар ищет историзм в тех источниках, о которых говорилось выше – надписях и литературных произведениях. Г. Кульке уповает на обнаружение новых источников. Примерно такую же позицию занимает Е. Ю. Ванина. Но она не может избежать формулировок, которые мнению об историческом сознании у индусов радикально противоречат. Она много раз напоминает читателю, что индусы «*забывают*» свою историю. Она ставит это слово в кавычки, но кавычки здесь не нужны. Действительно, забывают [Ванина 2014, с. 9, 20, 77 (сноска), 82, 136].

В сознании индусов мифология и история не разделяются. Легендарные события, описанные в эпических поэмах «Махабхарате» и «Рамаяне», произошедшие, по верованиям индусов, 7–6 тыс. лет тому назад, гораздо понятнее и ближе им, чем исторические события, действительно произошедшие в истории. Герои этих поэм действуют **«вчера»** или даже сегодня. На них постоянно ссылаются политические деятели и простые люди. Они служат эталонами поведения (положительными или отрицательными).

Особенно это проявилось недавно, когда по индийскому телевидению шли сериалы по данным поэмам. Они привлекли без преувеличения **всех**, кто только имел возможность смотреть телевизор, и значительно оживили мифологическое восприятие жизни.

Доверие к мифам непротиворечиво сочетается с модернистским («*европогенным*») стремлением **доказать** историчность мифа. Стало модным искать истоки индийской государственности и всячески ее удревнять, используя научные методы.

Например, общество «Акхил Бхаратия Итихас Санкалан Йоджана» («Проект собирания истории единой Индии») издает и распространяет брошюры, в которых популяризирует концепцию истории, содержащуюся в *пуранах*. Ученые этого общества по астрономическим данным высчитали, что история современной Индии началась 1.974.687.101 год тому назад. Свадьба Шивы состоялась около 17 000 лет до н. э. Маурьи правили Магадхой в 1600 г. до н. э., а Гупты были современниками Александра Македонского и т. п. [Kushvah, 2004].

Подобный метод «исторических исследований» захватывает и университетское преподавание. Например, 26–28 сентября 2015 г. в Делийском университете прошел всеиндийский семинар по проблеме датировки ведической литературы. Руководил семинаром зав. кафедрой санскритологии Университета Рамеш Бхарадвадж. Солидность мероприятия подчеркивалась тем, что в качестве «главного гостя» в нем участвовал председатель Индийского совета по историческим исследованиям Й. С. Рао. Для ясности: этот орган считается независимым, но существует на бюджетные деньги и уполномочен распределять ассигнования на исторические исследования по всей стране. Присутствовал также председатель Индийского археологического общества К. Н. Дикшит. Результат семинара был известен еще до его начала. Ученый синклит собрался, чтобы «*бросить вызов*» (так в тексте газетного отчета – *Л. А.*) «*марксистской и западной датировке Вед и доказать, что они были составлены за 5000 лет до н. э.*» [Indian Express News, 2015].

Привлекает внимание это сочетание: «марксистская» и «западная», т. е. объединение в качестве равноценных противников «марксистской» и «западной» историографии. Что касается «западной» то здесь нет вопросов. Действительно, **западные** ученые (прежде всего, немецкие, но и британские тоже) немало потрудились, чтобы ввести мифологические сюжеты в хронологический ряд, который был бы совместим с тем, что мы вообще знаем об

истории человечества. Именно благодаря им мы сейчас можем ориентироваться в громадной ведической литературе. Но марксизм здесь не причем. Что касается датировки памятников или вообще древнейшей истории, марксисты не внесли ничего нового, потому что не ставили перед собой подобной задачи, да, собственно, и не имели своих методов ее решения. Но получилось так, что в Индии реалистически мыслящие историки, овладевшие современными методами анализа источников, одновременно усвоили и марксистский подход к историческим процессам. И сейчас ревнители индийской самобытности отвергают «*марксистскую датировку Вед*» не потому, что это революционная или социалистическая идеология, а просто потому, что она «*западная*».

Цивилизационные особенности того или иного общества надо признавать. Нельзя оспорить, что индийцы **не интересовались** своей историей до тех пор, пока не появилось национальное сознание. В Индии не все было «как у всех». В Индии существовала уникальная кастовая система, господствовало уникальное кастовое сознание. И специфическое отношение к истории – это не «недостаток» индийского взгляда на мир, а в его особенность. В том убеждает хотя бы сравнение Индии с Китаем. Вряд ли можно считать принципиально разными уровни культурного развития традиционных Китая и Индии. Но в Китае историография служила одним из важнейших методов легитимации власти, а индийские государи искали своей легитимации не в истории, а в другом, в своей связи с богами или в доказательстве своего *дхармического* поведения.

Некоторые индийские историки эту цивилизационную разницу улавливают. Один из историков Южной Индии поясняет: «*Защитники индийской культуры вместо того, чтобы утверждать недоказуемое, могли бы заявить, что нет ничего существенно неправильного, нелогичного, глупого или ложного в отвержении преходящего; что жизнь не зависит от принятия исторических ценностей. Необходимо допустить, что определенный образ жизни не требует исторического сознания как точки опоры*» [Subrahmanian, 1988, p. 27–28]. Ему вторит другой историк: «*Никаких извинений, я считаю, не надо приносить по поводу отношения индийцев к историческому знанию. Его отсутствие должно пониматься не как недостаток, но как форма традиционной забывчивости, отказ от признания истории закономерной формой знания*». «*Антиисторизм – одна из определяющих черт индийской цивилизации и, вопреки усвоенной мудрости, одна из наиболее привлекательных ее черт*» [Lal, 2003, p. 14, 16].

В Индии всегда господствовало мифологическое сознание. Индийская мифология – наверное, самая богатая, разветвленная в мире. Мифологизируется вся окружающая действительность. Индийцы, конечно, понимали, что живут на конкретной реальной земле – на территории, расположенной между Гималаями и Каньякумари. Но одновременно они жили на острове Джамбудвипа, одном из семи островов, из которых состоит Земля, окруженных каждый своим океаном – из соленой воды, из крови, из молока, из пресной воды, из пахты и т. п.[6] Таково же отношение индуса к прошлому: в нем произошли одинаково и реальные, и мифические события, причем мифические события воспринимаются как более достоверные, чем реальные.

То же можно сказать о восприятии времени. С одной стороны, существует конкретное время: время жизни человека; время правления того или иного царя, есть прошлое (туманное и забывающееся, но все же явно прошедшее). А с другой стороны, индусы живут в 28-ю *махаюгу* («большой период» 7-ой *манвантары* (одного из 14-ти периодов, в которые правит Ману). Каждая *махаюга* состоит из 4-х *юг* (*критаюга, третаюга, двапараюга* и *калиюга*), в течение которых идет деградация морали, благочестия и добродетели, в результате чего мир уничтожается. Но затем возрождается, и снова наступает «золотой век» – *критаюга.*

Мне кажется, что создатели этого мифа обладали заметным чувством юмора. Названия *юг* соответствуют употреблявшемуся в быту наименованиям четырех сторон игральной кости: 4, 3, 2, 1. Продолжительности *юг* соотносятся в такой же пропорции 4:3:2:1 (1 728 000 – 1 296 000 – 864 000 – 432 000 лет). *Калиюга*, в которую мы живем, началась в

[6] Подробнее о сочетании реалистического и мифологического восприятия пространства в средневековой Индии см.: [Алаев, 2014].

3102 г. до н. э. (это уже не по легенде, а по подсчетам современных «звездочетов»). Таким образом, до конца *Калиюги* осталось всего 426 882 года.

С одной стороны, каждый индус понимает, что эти громадные эпохи к его конкретной жизни не имеют отношения. С другой стороны, они же предсказаны древними мудрецами – и потому явно существуют. И даже играют некую роль в самоощущении нации. Когда в 1988 г. в Индии были произведены пять атомных взрывов, видный политический деятель, восхваляя вступление Индии в клуб ядерных (и тем самым «великих») держав, признал, что это увеличивает риск атомной войны. Однако сказал, что это его не смущает, потому что все равно *Калиюга* скоро кончится, и все человечество погибнет, но затем ведь наступит *Критаюга*!

Индийская интеллигенция в свое время получила серьезную инъекцию науки в ее европейском понимании. Были взращены поколения историков, освоивших принципы объективного изучения источников. Но на протяжении периода независимости происходит постепенное размывание наследия, полученного от западной науки. Историография и мифология снова сливаются. В школах уже преподают некий винегрет из исторических фактов и легенд. Создается, по словам самих индийцев, *мифистория* (mithistory).

В таком состоянии умов нет ничего совершенно уникального. Наверное, у всех народов их история в той или иной мере мифологизирована. Можно сказать, что она соткана из мифов. В том числе и история России. История Великой Отечественной войны мифологизирована тотально. И окутавшую ее мифологию запрещено пересматривать, потому что любые объективные данные квалифицируются как «*очернение подвига народа*» и «*пересмотр итогов Второй мировой войны*».

Надо признаться самим себе, что существуют две истории: историческая **наука**, которая видит себя как поиск объективной истины, и **учебная дисциплина**, которая должна воспитывать гражданина в духе патриотизма, преданности родине и т. п. История, которой занимается историк, бывает неприятной, тяжелой и даже преступной. Но история, которой учат детей, такой быть не должна. Она обязана воспитывать гордость за свой народ и представлять его в самом лучшем свете.

Необходимость воспитательной функции истории нельзя поставить под сомнение. Нельзя заронять в юные души мысль, что родина может быть неправой. Но тогда следует поставить под сомнение необходимость истории как науки, которая, если она наука, должна быть «без гнева и пристрастия». Она, историческая наука, пока еще существует «на птичьих правах»: то пытается воспитывать патриотизм, прикидываясь поисками объективной истины, то, напротив, прикидываясь, что работает на воспитание патриотизма, на самом деле все же стремится к истине. Но в конце концов все становится явным, и побеждает «актуальность», т. е. поиски таких фактов и таких аргументов, которые работают на господствующий исторический миф.

Сращенность истории и мифа в Индии выражена, возможно, наиболее выпукло и особенно ярко демонстрирует беспомощность науки перед силой воображения. Но в принципе почти ничего необычного в этом феномене нет. Справедливо сказано, что без истории нет нации; прошлое и есть то, что создает нацию. Но никто не сказал, что эта история, которая формирует нацию, обязана быть правдивой, рациональной, научной. Она может быть и сплошь мифологичной, если **такая** история данную нацию устраивает.

Литература / References

Алаев Л. Б. Где жили средневековые индийцы? // *Восток (Oriens)*. 2014. № 3. С. 5–19 [Alaev L. B. Gde zhili srednevekovye indiytsy // *Vostok (Oriens)*. 2014. 3. Pp. 5–19].

Алаев Л. Б. Народ без времени: индусское отношение к исторической памяти // *История, память, идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики*. М., 2016. С. 9–12 [Alaev L. B. Narod bez vremeni: indusskoye otnosheniye k istoricheskoy pamyati // *Istoriya, pamyat', identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatelskiye praktiki*. Moscow, 2016. Pp. 9–12].

Артхашастра Каутильи. Кн. I. Пер. с санскр., введ., коммент., исслед., и прил. А. М. Самозванцева. М., 2009 [*Arthashastra Kautil'i*. Kn. I. Perevod s sanskrita, vved., komment. i pril. A. M. Samozvantseva. Moscow, 2009].

Артхашастра или Наука политики. М., 1993 [*Arthashastra ili Nauka politiki*. Moscow, 1993].

Бируни Абу Рейхан. *Индия*. М., 1995. [Biruni, Abu Reikhan. *India*. Moscow, 1995].

Ванина Е. Ю. *Индия: история в истории*. М., 2014 [Vanina Ye.Yu. *Indiya: istoriya v istorii*. Moscow, 2014].

Гегель Г. В. Ф. Философия истории // *Собрание сочинений*. Т. VIII. М.–Л., 1935 [Gegel G. V. F. Philosophiya istorii // *Sobranye sochineniy*. T. VIII. Moscow, Leningrad, 1935].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 9. М., 1957 [Marks K., Engels F. *Sochineniya*. T. 9. Moscow, 1957].

Abu-l Fazl Allami. *The Ain-I Akbari*. Vol. II. Third Edition. New Delhi, 1978.

Chatterji Nandalal. Firuz Tughluk and Asokan Pillars // *Journal of Indian History*. 1956. XXXIV.1, 100. Pp. 33–37.

Indian Express News. New Delhi, Sept. 24, 2015.

Kushvah R. S. Read History, make history // *Organiser*. 15.08.2004. Pp. 23–41.

Lal V. *The History of History. Politics and Scholarship in Modern India*. Delhi, 2003.

Ludden D. Spectres of Agrarian Territory in South India // *Journal of the Economic and Social History Review*. 2002. 39.2–3. Pp. 233–257.

Pargiter F. E. *Ancient Indian Historical Tradition*. London, 1922.

Rajagopalan M. From Loot to Trophy // *IAAS Newsletter*. 2011. 57.

Rost R. *Works by the Late Horace Hayman Wilson*. London, 1865.

Sewell R. *A Forgotten Empire (Vijayanagar). A Contribution to the History of India*. London, 1900.

Subrahmanian N. *Tamilian Historiography*. Madurai, 1988.

Thapar R. *Somanatha: The Many Voices of History*. New York, London, 2005.

Thapar R. *The Past before Us: Historical Traditions of Early Northern India*. Delhi, 2013.

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЯПОНЦЕВ

М. П. Герасимова*

Художественная культура Японии удивляет не только своей утонченностью, но и обилием фактов, идущих вразрез с привычными для представителя западноевропейской цивилизации представлениями об этой сфере человеческого бытия. Несмотря на огромную роль художественных практик и высокую концентрацию эстетического опыта во все времена, в Японии не произошло разделения на «искусство» и «ремесло», подобно тому, как это случилось на Западе. Эстетическое, с точки зрения западного понимания, осмысление действительности, характерное для японца, в силу особенностей национального миропонимания, было, по выражению С. Аверинцева, «моральным – долженствующим». В статье рассматриваются элементы миропонимания, обусловившие эту и некоторые другие особенности эстетического сознания японцев.

Ключевые слова: Япония, японское искусство, миропонимание, антропоцентризм, эстетический идеал, имплицитность.

SPECIFICS OF JAPANESE AESTHETIC PERCEPTION

Maya P. Gerasimova

Despite the great role of artistic practice and the high concentration of aesthetic experience at all times in Japan, “art” there has not separated from “craft” quite as it happened in the West. What the West saw as aesthetic perception of reality was, to the Japanese, morally obligatory due to the peculiarities of the national understanding of the world. Some elements of the worldview which caused this, as well as some other features of the Japanese aesthetic consciousness, are discussed in this article.

Keywords: Japan, Japanese art, world understanding, anthropocentrism, aesthetic ideal, implicitness.

Вся история развития японской цивилизации говорит о чрезвычайно высокой концентрации эстетического опыта во все времена. Подтверждением этого служат и многочисленные артефакты во всех музеях мира, и исследования, посвященные не только художественной культуре, но и другим сторонам жизни японского общества, и японская средневековая литература (в частности, составляющие ее большую часть дневники и эссе). Очевидно, что художественные практики имели чрезвычайно большое значение для японцев. Однако до середины XIX в. им были неизвестны ни понятие «искусство», ни само широко употребляемое сегодня для его обозначения слово *гэйдзюцу* 芸術[1]. Оно появилось в лексиконе японцев во второй половине XIX в., когда Япония вышла из состояния *сакоку* (鎖国) – «закрытой страны»[2], стала конституционной монархией, познакомилась с западной культурой и с научными теориями и достижениями западных стран. То же можно сказать и о слове «эстетика».

* Майя Петровна ГЕРАСИМОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maiyasalve@gmail.com

Maya P. GERASIMOVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maiyasalve@gmail.com

[1] Об особенностях формирования художественной культуры в Японии подробнее см. написанную автором главу «Формирование понятия “художественная культура” в Японии» в сборнике «Японское общество: изменяющееся и неизменное» [Герасимова, 2014, с. 156–175].

[2] В 1639 г. военно-феодальное правительство Японии, опасаясь ослабления своей власти, под страхом смертной казни запретило любое общение с иностранцами. Так начался период самоизоляции Японии, известный в ее истории как «закрытие страны». Он продлился до 1853 г., когда военная эскадра ВМС США под командованием коммодора Мэттью Перри под угрозой обстрела японской столицы принудила японские власти заключить соглашение, «открывшее» Японию иностранной торговле. Так был положен конец политике самоизоляции страны.

Однако в словаре японцев есть употребляемое исстари слово *гигэй* – 技芸, переводимое в современных толковых словарях японского языка как «искусность», «сноровка», «мастерство» во всем, что относится к искусствам и ремеслам[3] [Кокуго дайдзитэн, 1988, с. 616]. В связи с чем уместно вспомнить о существовании в античной протонаучной эстетике Древней Греции понятия «технэ», означавшего «искусство» и ассоциировавшегося с мастерством ремесленника, целью которого было создание предмета совершенной формы. Понятие «эстетика» отсутствовало в западноевропейской философской традиции вплоть до середины XVIII в., а появилось в 1750 г., когда немецкий просветитель и философ А. Баумгартен (1714–1762) противопоставил «чувственное знание» рассудочному познанию и выделил эстетику как самостоятельную философскую дисциплину, предметами изучения которой стали чувственное познание, искусство и прекрасное как категория.

Слово «эстетика» переводится на японский язык как *бигаку* (美学; букв. «наука о прекрасном»). Впервые это слово появилось в печати в названии цикла лекций, прочитанных в токийском университете в год его создания (1877 г.) одним из японских просветителей нового времени Ниси Аманэ (1827–1897). Как уже говорилось, то был период ознакомления страны с техническими достижениями Запада и западной философской мыслью, обогащения сознание японцев новыми понятиями, а японского языка новыми словами и терминами. (Интересно, что в самом начале знакомства с западной философией «эстетика» была переведена как «наука о добре и красоте» *дзэнбигаку* (善美学), что свидетельствует о нравственной сущности прекрасного в понимании японцев).

В цикле лекций «Теория эстетики» Ниси Аманэ доказывал необходимость профессионального образования по специальности «эстетика»[4]. Знаменательно, что на лекциях присутствовали император Мэйдзи и члены кабинета министров. Очевидно, руководители страны были привлечены на лекции не только ответственностью за принимаемые решения[5], но и стремлением глубже понять ценности западноевропейской цивилизации. Забегая вперед, отметим, что усвоение японским обществом нового понятия «искусство» заняло определенное время. Одно из свидетельств последнего – то, что в период создания в Японии музеев (также происходившего в русле проведения реформ, направленных на модернизацию страны по западному образцу), в отличие от Западных стран, где в первую очередь появились художественные музеи (*бидзюцукан* 美術館, как их называют в Японии сегодня), в самой Японии первыми были музеи просветительские – *хакубуцукан* 博物館 (букв. палаты, к которых собрано множество различных вещей). Созданные значительно позднее просветительских, художественные музеи в Японии в течение долгого времени, как и просветительские, назывались *хакубуцукан*.

Музейная институция в Японии вообще имеет сравнительно короткую историю. Если первые музеи появились там лишь во второй половине XIX в. как новое познавательное социальное пространство, то в Европе задолго до этого открылись Британский музей в Лондоне (1753), Эрмитаж в Санкт-Петербурге (1765), Королевская Коллекция Вены (1770), Королевская Коллекция Дрездена (1770), Национальный Музей Науки в Мадриде (1771) и первый большой публичный музей Лувр (1793), ставшие неотъемлемой частью общественной жизни.

---

[3] В [Японо-русский учебный словарь иероглифов, 1956, с. 501] и в [Большой японско-русский словарь, 1977, с. 101] *гигэй* переводится как «прикладное искусство». Однако перевод на японский язык высказывания Льва Толстого «искусство не есть мастерство, а передача испытанного художником чувства», выполненный писателем Мори Огай с немецкого, не оставляет сомнений в том, что в понимании японцев основное значение *гигэй* – «искусность», поскольку именно оно употреблено для слова «мастерство», тогда как для слова «искусство» употреблено вошедшее к тому времени в вокабуляр образованных японцев слово *гэйдзюцу*.

[4] Подробнее об инкорпорации западного мировоззрения в японскую культуру см.: [Скворцова, 2012, с. 52–63].

[5] Подробнее о разрабатывавшейся в эти годы правительством «концепции национального искусства», предназначенной стать идеей, призванной объединить японцев в нацию, см.: [Макарова, 2010].

Отсутствие музеев в Японии вплоть до середины XIX в., как и многие другие факты и явления социальной жизни, объясняется особенностями национального миропонимания. В частности, у японцев, склонных воспринимать мир как всеобщую взаимосвязанность вещей, не возникало желания лишить предмет, сколь бы он ни был эксклюзивен, места, занимаемого им изначально, и сделать его экспонатом, лишив, таким образом, изначального контекста. Подобное нарушило бы естественный порядок, существующий в гармоничной Вселенной. Вследствие этого все предметы «функционировали» в соответствии с изначальным предназначением, и коллекционирование как вид деятельности было японцам неизвестно, а ведь именно оно привело к созданию музеев на Западе [Герасимова, 2014, с. 88].

Первым музеем, к которому применимо слово *бидзюцукан*, стал Музей искусств Охара (*Охара бидзюцукан*) – частный музей в городе Курасики, принадлежащий промышленнику Охара Магасабуро, и произошло это лишь в 1930 г. Не удивительно, что музей хранил коллекцию западного искусства: в число экспонатов музея входили в основном работы французских живописцев и скульпторов XIX – начала XX вв.[6] Прошло еще десять лет, прежде чем появился художественный музей, экспозиция которого состояла из предметов японского искусства – им стал созданный в 1940 г. Музей изящных искусств Нэдзу бидзюцукан. Создается впечатление, что к собственным артефактам слово *бидзюцу* применялось с осторожностью, и только после окончания Второй мировой войны, в 1960-е гг. оно становится по-настоящему общеупотребительным[7].

Длительное отсутствие у музеев художественного статуса говорит о том, что японцы все еще не воспринимали произведения собственного искусства как таковые: традиционно их мотивация при создании любых артефактов, в том числе и тех, что позднее были отнесены к произведениям искусства, была совершенно иной, по-иному виделось и их назначение. Любая вещь, вышедшая из рук мастера, воспринималась как связующее звено между Природой и человеком; не просто полезный или красивый предмет, но и объект с унаследованной от Природы сокровенной сутью, выявленной мастером и способной снимать ограничения с пространства и времени[8]. Как экспонаты, вынутые из контекста бытования, они характеризовали эпоху, социальную среду и т. п., а также демонстрировали степень мастерства их создателя (*гигэй!*), вызывая скорее познавательный интерес, чем чувство эстетического наслаждения.

Но критерий ценности все-таки был: ценность вещи определялась не столько мастерством *гигэй*, а, как уже говорилось, тем, насколько она выполняла роль связующего звена в системе человек – Природа, а именно насколько ее видимые особенности выражали ее сопричастность тому, что можно было бы назвать космическим, *истинным*, вечным или Универсальным. Однако в любом случае она продолжала выполнять свои функции в системе, в которой появилась.

Сопоставляя античное «технэ» с японским *гигэй* (а подобные сопоставления позволяет проводить историко-типологический метод, допускающий «абстрагирование и упрощение действительности» [Теория и методология исторической науки, 2014, с. 157–158], нельзя не заметить существующие различия в понимании мастерства на Западе и в Японии.

Технэ, прежде всего, предполагало создание предмета совершенной формы и ассоциировалось с мастерством ремесленника. Для японского мастера, в отличие от его западного собрата, совершенство формы не было целью, допускались отступления от

---

[6] В настоящее время коллекция значительно пополнилась. В нее включены работы мастеров эпохи Возрождения, голландских и фламандских мастеров XVII в., известных американских и итальянских художников XX в. В 1961 г. к музею пристроили два крыла: в одном разместили работы японских мастеров живописи первой половины XX в. (Фудзима Такэдзи, Аоки Сигэру Кисида Рюсэй, Коидэ Тарусигэ и др.), а в другом гончарные работы Каваи Кандзирō, Хамада Сёдзи, Томимото Кэнкити. Через год появилось крыло, где экспонировались работы мастера резьбы по дереву Мунаката Сикō и мастера по крашению тканей Сэрисава Кэйсукэ.

[7] Об особенностях процесса создания музейной институции в Японии см.: [Герасимова, 2014].

[8] О культуре вещи в Японии см.: [Герасимова, 2003; Герасимова, 2014].

«правильности» формы, если это способствовало выражению сущностного содержания предмета [Герасимова, 2017; Герасимова, 2018]. Античный да и средневековый мастер нередко был одновременно и автором идеи и исполнителем замысла, воплощавшим его в материале. Однако чем ярче проявлялись индивидуальность автора, его видение мира и образы, выражавшие идеи через произведение, тем большим признанием он пользовался в обществе. Так разделились ремесло и искусство.

Японский мастер стремился не к самовыражению, а к тому, чтобы, забыв о своем «Я» (экстатическое состоянии *муга* (無我; букв. «не я»)), постичь суть феномена, с которым имел дело. Заимствуя образное выражение В. Шкловского, японский мастер стремился выявить «каменность камня» [9]. «Выявлением каменности камня» и занимался японский мастер в повседневной деятельности, без намерения «делать искусство». Роль, предназначенная вещи, не ограничивалась ее утилитарным применением, вещи предстояло стать связующим звеном между человеком и Природой, снять ограничения с пространства и времени, объединить прошлое с настоящим. Иными словами, для японцев вещь – принадлежность не только физического, но и духовного мира. Таков результат отсутствия у японцев антропоцентризма, проявляемого в ощущении себя частью Природы, Универсума, равной со всеми остальными частями (одна из тех точек, в которых сходились все учения и поверья, повлиявшие на понимание мира японцами), и порожденной синтоизмом анимистической веры в существование «чистой и сверкающей души» *киёи кокоро* (清い心). Все это не позволяло противопоставить созданное человеком созданному Природой[10]. Отсюда отсутствие интереса к самовыражению как таковому обусловило разделение творческого труда на искусство и искусства и ремесла (ремесленник, в отличие от художника, о самовыражении не заботится) только после знакомства западноевропейскими теориями: японцы по-другому посмотрели на мир и на место, занимаемое в нем человеком, на его способности и возможности. Тогда же в словарь японцев вошло слово «ремесло» *когэй* (工芸), а слово «сидзэн» (自然), означающее в современном языке «природу», приобрело новое значение. Изначально понимаемое как «все сущее», «всеобщая взаимосвязанность» *моно-но сōкансуру кото* (ものの相感ずること) [Когодзитэн, 1963, с. 532], а в форме наречия означавшее «само собой», «без видимых причин», слово *сидзэн* в этот период закрепилось за «природой» в широком западноевропейском понимании (то есть все, что не создано человеком, и предполагает противопоставление человека и природы).

Подобное положение дел является ярчайшей иллюстрацией того, о чем говорил С. Аверинцев, рассуждая об имплицитном существовании эстетики в западных культурах. «Этот факт, – отмечает он в работе “Поэтика ранневизантийской литературы”, – включает далеко идущие импликации. Не только к общественному функционированию, но и к внутреннему строю древних и средневековых эстетических учений принадлежит то, что они осознают и оформляют себя не в качестве эстетики» [Аверинцев, 1977, с. 30].

Далее, рассуждая о методах исследования сознания людей и их понимания прекрасного в эпоху, когда еще не существовала дифференцированная наука эстетика, С. Аверинцев говорит о том, что «история эстетики применительно к этим эпохам должна приобрести форму широкой типологии стилей мировосприятия». Следовательно, рассмотрению в первую очередь должна подлежать онтология, «поскольку она пережита и непосредственно укоренена в жизненном чувстве эпохи; космология – но как пластическая картина эмоционально обжитого мироздания; этика – но в той мере, в которой она дает наглядные и выразительные образы морального-долженствующего».

---

[9] Так, определяя задачи искусства, В. Шкловский пишет: «для того чтобы “вернуть ощущение жизни”, почувствовать вещи, для того чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством» [Шкловский, 1929, с. 13] .

[10] О восприятии человеком себя частью Целого японской культуры как культуры Понимания (в отличие от культуры Познания) см.: [Герасимова, 2018].

Для нашей темы важно, таким образом, рассмотрение того, как воспринимается мир, какое место занимает человек в системе «человек – Природа», что определяет его нравственные и духовные ориентиры – отправные точки для понимания самобытности любой культуры, поскольку ответы на эти вопросы помогают увидеть различие в сходных на первый взгляд явлениях. Имея разное происхождение, такие явления будут иметь и разные последствия.

Очевидно, что имплицитное существование японского искусства, равно, как и эстетики, сопоставимо с имплицитностью протонаучной эстетики на Западе. Однако синто-буддийско-даоский синкретизм[11], на основе которого формировались миропонимание японцев и их нравственные и духовные ценности, совершенно иначе определил роль и значение художественных практик в жизни общества и человека, роль и значение искусства, критерии художественности и эстетические идеалы. Не будет преувеличением сказать, что эстетическое сознание было слито с религиозным[12]. Состояние, которое сегодня можно определить как эстетическое переживание, не было самоценным, а эмоциональная реакция расценивалась как религиозно-этическая норма. Это «моральное-долженствующее» обусловливалось как ощущением себя частью Природы, равной всем остальным частям, так и верой в существование во всем, с чем человек сталкивается в жизни, души *кокоро*, которую д**о**лжно было постичь, и особым взаимоотношением людей с синтоистскими богами *ками* (神): считалось, что людям надлежит продолжать труд *ками*, подаривших им замечательную землю, разными способами демонстрируя при этом, что им понятен замысел богов, в результате чего всякий созидательный труд превращался в творческий акт[13]. Кроме того, учение буддийской школы Сингон (*сингонсю*: 真言宗) – «Истинные слова», пользовавшейся огромным влиянием в эпоху Хэйан – эпоху становления японской самобытности, призывало к достижению Вселенской гармонии и рассматривало художественные практики как одно из средств достижения гармоничной всеобщности. Художественные практики понимались как средство обретения душевного равновесия и назывались «Путями» 道 (по-японски произносится *дō* или *мити*).

Дао, до – «путь» как философское понятие имеет даосское происхождение и означает Вселенский путь, путь Истинно сущего. Позднее слово «путь» в китайском, корейском и японском буддизме стало употребляться для обозначения Пути Будды, Пути гармонического развития Вселенной. «Путями» называли и культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением – «путь чая» *садō* (茶道; чайная церемония), «путь цветов» *кадō* (華道) или икебана, «путь письмен» – каллиграфия *сёдō* (書道) и пр.

Зародившись в древности[14], эта тенденция крепла, развивалась и достигла вершины расцвета в эпоху Муромати (室町時代; *муромати дзидай*; 1336–1573). В «путях» появлялись новые стили и каноны, но на всем протяжении своего существования, вплоть до настоящего времени, они не переставали служить не столько средством наслаждения их эстетической стороной, сколько средством ухода от будничной суеты, обретения душевного равновесия и гармонии с окружающим миром, средством интуитивного познания невыразимой в

11 Размышляя о взаимодействии различных идеологий в формировании миропонимания японцев, О. О. Розенберг отмечал: «если элемент чисто японский и был менее сильным и определенным, он все же оказал огромное влияние на самый способ обработки, которой подверглись чужие элементы. В национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы» [Розенберг, 1991, с. 55].

12 Среди российских исследователей на эту особенность миропонимания и его выражения в художественной форме обращают внимание Н. С. Николаева в работах, посвященных японскому саду [Николаева, 1975], и К. О. Саркисов, размышляя о типе японской культуры [Саркисов, 1996].

13 О том, как и почему всякий созидательный труд японца превращался в творческий акт, см.: [Герасимова, 2013].

14 Процессы, связанные с осмыслением действительности, выработкой этических и эстетически ценностей, растянуты во времени; точные даты могут соответствовать лишь конкретным событиям, имевшим те или иные значимые последствия, поэтому в культурологических исследованиях допустимо обобщенное определение продолжительного отрезка времени.

логических категориях Истины. По большому счету этому же в Японии служили все виды искусств, отчего они также назывались путями – театральное (*гэкидō* 劇道, буквально – «путь драмы»), живопись (*гадō* 画道 – «путь картин»), поэзия (*кадō* 歌道) и т. п. Знаменательно, что ни один из путей не предполагал самовыражения автора или исполнителя. Однако эстетические идеалы существовали, пусть и не осознавались как таковые.

Как и в странах западноевропейской культуры, смена исторических эпох сопровождалась в Японии изменениями в «жизненном чувстве эпохи», появлялись новые эстетические идеалы и категории. Однако, в отличие от Запада, в Японии, несмотря на возникновение новых эстетических идеалов, эстетические категории, в основу которых они ложились, формировались в рамках одной и той же мировоззренческой парадигмы.

Ощущение человека себя как частицы мироздания, равной остальным, и анимистические элементы синтоизма, в частности, упоминавшаяся вера в существование во всем сущем *кокоро* (心 «душа»), возбуждали стремление увидеть невидимое, услышать неслышимое и проникнуть в самую суть вещей. Невидимое и неслышимое непостижимы интеллектом и неосмысляемы в логических категориях, будучи постигаемыми лишь на уровне чувств и ощущений. Так появилось понятие *моно-но аварэ* – «очарование вещей», понимаемое как «очарованность вещью» [Герасимова, 2018], предполагающая обнаружение в любом предмете, факте, явлении его неповторимой сути, способной вызвать эмоциональный отклик. Со временем *моно-но аварэ* оформилось как эстетическая категория. Это произошло в середине эпохи Хэйан (794–1185), когда в обществе просвещенных японцев при дворе императоров формировалась культура, признанная впоследствии классикой.

В последующую эпоху (Камакура; 1185–1333), когда учение Будды уже прочно укоренилось в сознании японцев и внесло своего рода элегические ноты в их взгляды на мир, на смену очарованию вещей *моно-но аварэ* пришло любование таинственным и непостижимым – *югэн* (幽玄), в котором видели «намек на высшую тайну, не любование миром, а содрогание перед его непостижимостью» [Григорьева, 1979, с. 250], и истинной природой вещей считалась скрытая, таинственная и сокровенная, непознаваемая суть всего сущего *ю̄гэн*, что лучше всего отразили традиционная поэзия и театр *Нō*.

Затем в эпоху Муромати (1336–1573) достойным любования считали простое, неброское, одинокое, покрытое патиной, создававшее настроение просветленного одиночества перед ликом Вечности и смиренного ее приятия – так называемое – *саби-ваби* (寂び侘), полагая, что именно такое состояние помогает постичь суть всего сущего. *Саби-ваби* определило особенности эстетики чайных церемоний, которые из простых чаепитий превратились в действо, одухотворенное религиозно-философским мировоззрением.

Последним звеном в цепи пониманий прекрасного японцами считается возникшее в эпоху Эдо – эпоху зарождения городов и формирования городской культуры совершенство стиля в выражении сущностной «хар**а**ктерности» того, о чем идет речь, или с чем пришлось столкнуться – *ики/суй* (粋).

Понятия *югэн*, *ваби-саби*, *суй/ики*, так же, как и *моно-но аварэ*, сформировались как эстетические категории, причем ни одна из этих категорий не была абсолютно новой. Все они представляют собой форму освоения бытия и постижения сути отдельного в системе всеобщей взаимосвязанности, что позволяет считать их трансформацией *моно-но аварэ*. Различие состоит лишь в нюансах понимания конечного сущего, порожденных неизменными особенностями миропонимания и изменчивыми – бытия.

Неизменной оставалась стародавняя установка на постижение сути всего, что окружает человека и что происходит в его жизни, – своего рода центральная составляющая культурного кода, определившая общий знаменатель всех этических и эстетических категорий, эмоционально окрашенное «моральное-долженствующее» – *макото*. *Макото* может записываться тремя иероглифами, каждый из которых отражает особый нюанс в понимании правдивого, истинного, подлинного: 実 – правда, действительность, он же «плод, суть,

содержание», с послелогом *ни* – *макото-ни* означает «на самом деле», «в действительности»; 真 – «правда, подлинность, правдивость», с послелогом *ни* и при том же чтении *макото-ни* – «правдиво», «по-настоящему»; 誠 – «правдивость, искренность, истинность», с послелогом *ни* – *макото-ни* означает «действительно, очень, от души». Одним словом, *макото* – в некотором роде и мерило, и принцип, которого придерживались и в жизни, и в творчестве, и поэтому заслуживает отдельного разговора.

Литература / References

Аверинцев С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1977 [Averintsev S. S. *Po'etika rannevizantiyskoi literatury*. Moscow, 1977].

Большой японско-русский словарь. Под редакцией Н. Конрада. М., 1977 [*Bol'shoy iaponsko-russkii slovar'*. Konrad N. (ed.). Moscow, 1977].

Герасимова М. П. Изменение массового сознания в японском обществе // *Историческая психология и социальная история*. 2013. № 2. С. 65–78 [Gerasimova M. P. Izmeneniye massovogo soznaniya iapontsev // *Istoricheskaya psihologiya i sotsial'naia istoriia*. 2013. 2. Pp. 65–78].

Герасимова М. П. О традиционном сознании японцев // *Японский феномен глазами русских японоведов*. М., 2018. С. 325–343 [Gerasimova M. P. O traditsionnom soznanii iapontsev // *Yaponskiy fenomen glazami russkih iaponovedov*. Moscow, 2018. Pp. 325–343].

Герасимова М. П. Традиционные ценности как фактор движения Японии по пути прогресса // *Восток (Oriens)*. 2013. № 1. С. 119–128 [Gerasimova M. P. Traditsionnye tsennosti kak faktor dvizheniya Yaponii po puti progressa // *Vostok (Oriens)*. 2013. 1. Pp. 119–128].

Герасимова М. П. Формирование понятия «художественная культура» в Японии» // *Японское общество: изменяющееся и неизменное*. М., 2014. С. 156–175 [Gerasimova M. P. Formirovaniye ponyatiya «khudozhestvennaya kul'tura» v Iaponii// *Iaponskoye obshchestvo: izmeniaiushcheesia i neizmennoye*. Moscow, 2014. Pp. 156–175].

Герасимова М. П. Образы вещей в произведениях Кавабата Ясунари // *Вещь в японской культуре*. М., 2003. С. 234–246 [Gerasimova M. P. Obrazy veshchey v proizvedeniiakh Kavabata Iasunari // *Veshch' v iaponskoy kul'ture*. Moscow, 2003. Pp. 234–246].

Герасимова М. П. Самоценность эмоции в японском культурном пространстве // *Ежегодник «Япония» 2018*. Т. 47. М., 2018. С. 294–312 [Gerasimova M. P. Samotsennost' 'emotsii v iaponskom kul'turnom prostranstve // *Ezhegodnik «Iaponiya». 2018*. T. 47. M., 2018. Pp. 294–312].

Григорьева Т. П. *Японская художественная традиция*. М., 1979 [Grigor'yeva T. P. *Iaponskaia hudozhestvennaia traditsiia*. M., 1979].

Макарова О. И. *Формирование концепции «Национального искусства» в культуре Японии конца XIX – начала XX вв*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 2010 [Makarova O. I. *Formirovanie kontseptsii "Natsional'nogo iskusstva" v kul'ture Iaponii kontsa XIX – nachala XX vv*. Dissertatsiia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata kul'turologii. Moscow, 2010].

Николаева Н. С. *Японские сады*. М., 1975 [Nikolayeva N. S. *Iaponskiye sady*. Moscow, 1975].

Розенберг О. О. *Труды по буддизму*. М., 1991 [Rozenberg O. O. T*rudy po buddizmu*. Moscow, 1991].

Саркисов К. О. Японский тип культуры // *Японский феномен*. М., 1996 [Sarkisov K. O. Iaponskii tip kul'tury // *Iaponskiy fenomen*. Moscow, 1996].

Скворцова Е. Л. Япония: Кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 52–63 [Skvortsova E. L. Iaponiya: Krizis kul'turnoi identichnosti pri vstreche s zapadnoi tsivilizatsiei // *Voprosy filosofii*. 2012. 7. Pp. 52–63].

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва, 2014 [*Teoriya i metodologiia istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'*. Chubar'yan A. O. (ed.). Moscow, 2014].

Шкловский В. Б. Искусство как прием // *О теории прозы*. М., 1929 [Shklovskii V. B. Iskusstvo kak priiom // *O teorii prozy*. Moscow, 1929].

Японо-русский учебный словарь иероглифов. Ред. Н. Фельдман-Конрад. М., 1956 [*Iaponsko-russkii uchebnyi slovar' ieroglifov*. Fel'dman-Konrad N. (ed.). Moscow, 1956].

Hein L. E. Modern Art Patronage and Democratic Citizenship // *Journal of Asian Studies*. 2010. 69.3. Pp. 821–841.

Yanagi Soetsu. *The Unknown Craftsman. A Japanese Insight into Beauty*. New York, 2013.

Kato Shuichi. *Nihon bungakusi josetsu. Nihon bungaku no tokucho-ni tsuite* [*Introduction to the history of Japanese literature. Specifics of Japanese literature*]. Vol. 1. Tokyo, 1999.

Kogojiten (Shinsen) N. N. [*Dictionary of archaisms*. Nakada Norio (ed.).]. Tokyo, 1963.

Kokugodaijiten [*Big Japanese language dictionary*]. Tokyo, 1988.

Nakanishi Susumu. *Kodainihonjin. Kokoro-no uchū* [*The Japanese in antiquity. The Universe in the Heart*]. Tokyo, 2001.

Sato Dosin. *Bijutsu to kaisō – kinsei-no kaisōsei to bijutsu-no keisei* [*Art and social layers – social classes and the formation of "art" in the new time in Japan*]. Tokyo, 1966.

Yanagi Soetsu (Muneyoshi) *Mingei to va nani ka* [*What is "mingei"*]. Tokyo, 1978.

Yanagi Soetsu (Muneyoshi) *Kōgei-no michi* [*The Way of the Craft*]. Tokyo, 2011.

Электронные ресурсы

Герасимова М. П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия // *Японские исследования* (электронный научный журнал). 2017. №. 4. С. 62–79 [Gerasimova M. P. Implitsitnost' iaponskogo iskusstva. Prichiny i sledstviia // *Iaponskie issledovaniia*. 2017. 4. Pp. 62–79]. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/2017/js_2017_4_62-79.pdf (дата обращения 10.12.2018).

Герасимова М. П. От эпохи Эдо до наших дней. Эстетический идеал городской культуры // *Японские исследования* (электронный научный журнал). 2016. № 4. С. 36–54 [Gerasimova M. P. Ot 'epokhi 'Edo do nashih dnei. 'Esteticheskii ideal gorodskoi kul'tury // *Iaponskie issledovaniia*. 2016. 4. Pp. 36–54] URL http://www.ifes-ras.ru/images/js/2016/js_2016_4_36-54.pdf (дата обращения 10.12.2018).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЕ, ЗАКОНЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В «КОЁГУНКАН»

С. А. Полхов*

В статье на основании текста «Коёгункан», сочинения с оговорками относимого к «военным повествованиям» (*гунки*), исследуются представления самураев Японии периода «воюющих княжеств» о правильном суде, законе и справедливости. Согласно этому источнику справедливый приговор даймё предполагает учет заслуг вассала или его рода. Самураи ожидали, что их верность будет принята во внимание, а суд не будет твориться, лишь исходя из строгости закона или обычая. Чрезмерно обильное княжеское законотворчество осуждается, а «хороший» закон возымеет эффект только если даймё, который его принял, сам добродетелен. Идеальному законодателю и судье, каким в «Коёгункан» представлен Такэда Сингэн, противопоставлен его сын Кацуёри, недостатки которого наряду с лихоимством его окружения обусловили неправый суд и пренебрежение законами в доме Такэда.

Ключевые слова: Средневековая Япония, Коёгункан, Сэнгоку дзидай, Такэда Сингэн, вассал, закон, тяжба, идеалы.

LAW AND JUSTICE IN *KOYO GUNKAN*

Svyatoslav A. Polkhov

The article studies the views on law and justice held by samurai during the period of Warring States, and to that end analysese *Koyo Gunkan*, a source that can with some reservations be labeled a military narrative (*gunki*). According to this source, a daimyo's fair adjudication implies taking into account the merits of a vassal or his clan. The samurai expected that their loyalty would be taken into account, and the daimyo's judgment would not be based only on the letter of the law or the custom. An overly abundant lawmaking by daimyo is condemned, and it is implied that a "good" law would have an effect only if the daimyo who accepted it was virtuous. The ideal lawmaker and judge, represented in *Koyo Gunkan* by Takeda Shingen, is opposed by his son Katsuyori, whose shortcomings, along with the blasphemy of his entourage, led to a wrongful trial and disregard for the laws in Takeda house.

Keywords: Medieval Japan, Koyo Gunkan, Sengoku jidai, Takeda Shingen, vassal, law, litigation, ideals.

«Коёгункан»[1] (甲陽軍鑑, «Военное зерцало провинции Каи») – сложный по композиции источник по истории Японии периода «воюющих княжеств» (период *Сэнгоку*, 1477–1590), который был окончательно составлен не позднее 1621 г. Обата Кагэнори (小幡景憲, 1572–1663), сыном одного из вассалов дома Такэда. «К»[2] бесспорно вобрал в себя более ранние источники конца периода *Сэнгоку*. «Зерцало» относят к «военным повествованиям» (*гунки*), хотя подобная характеристика нуждается в существенных оговорках. В «К» изложена история дома Такэда, одного из могущественных княжеских родов XVI в.

В данной статье исследуются воззрения самураев на княжеское правосудие и закон, их представления о справедливом суде. Отправление правого суда было одним из важных критериев оценки деяний удельного государя воинами периода «воюющих княжеств». Расхождение действительности с потестарными идеалами могло вести к разочарованию и

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

[1] О происхождении текста «Коёгункан» см.: [Полхов, 2017а; 2017б]. Об использовании «Коёгункан» как источника по изучению судопроизводства в княжестве Такэда см.: [Полхов, 2018а; 2018б].

[2] Здесь и далее по тексту «Коёгункан» обозначается как «**К**».

подталкивать к разрыву с господином, предательству и переходу на сторону врага, о чем, кстати, немало говорится в «К». Почти все рассказы о тяжбах в «К», судя по всему, имеют реальную подоплеку, хотя вряд ли можно отрицать наличие неточностей и ошибок в хронологии и именах участников судебных процессов. Описания тяжб типизированы: неоднократно повторяются детали судебных процедур, наименования должностей, относящихся к суду и расправе над нарушителями закона, имена судей и т. п., что кажется неслучайным: таким образом воспроизводится ход реального судебного разбирательства под эгидой княжеской власти в уделе Такэда во второй половине XVI в.

Вместе с тем «К» – прежде всего нарративный источник, хотя и содержащий некоторые подлинные документы своего времени. «Зерцало», включающее разновременные по происхождению фрагменты, все же в большей мере создано несколько позже описываемых в нем событий. Многие его истории по своему характеру – это устные рассказы, передававшиеся среди вассалов дома Такэда, – как основанные на реальных событиях и, возможно, несколько искаженные, так и полностью вымышленные. Некоторые тяжбы с участием буддийских монахов напоминают сюжеты нравоучительных рассказов японского средневековья *сэцува,* которые должны были проиллюстрировать ту или иную истину, часто связанную с буддийским вероучением. Не следует считать, что все описанные судебные процессы имели место в действительности, ход и результаты тяжб, изображенных в «К», часто должны были показать мудрость судей – вассалов Такэда или самого князя Сингэн. Тем не менее даже немногие выдуманные сюжеты показывают, что составители «К» были хорошо знакомы с языком и практикой судопроизводства в уделе Такэда во второй половине XVI в. Следовательно и такие материалы могут быть полезны при изучении суда в японском княжестве конца периода *Сэнгоку.*

Безусловно, рассказчик или составитель книг «К», посвященных судебным делам в доме Такэда, не просто излагает ход той или иной тяжбы, а отображает взгляды своего сословия на «правильный» суд и закон, «идеальную» справедливость и т. п. Эта информация не менее важна, чем сведения об устройстве судопроизводства в княжестве Такэда, и, вместе с тем как представляется, менее подвержена преднамеренному или невольному искажению. Автора вряд ли можно заподозрить в желании неверно передать особенности мировоззрения и ценности самурайства Японии последней четверти XVI – начала XVII вв.

Правый суд и княжеская воля

В «К» среди качеств удельного правителя высоко ценится умение правильно распределять награды и наказания, выносить справедливые приговоры. Такэда Сингэн (Такэда Харунобу, 1521–1573) изображен мудрым судьей, чьими решениями восхищаются и самураи, и простолюдины. Этот удельный правитель принял собственный свод законов. Создание законодательного кодекса подчеркивало роль Такэда Сингэн как верховного носителя публично-правовой власти, возвышающегося над всеми жителями его удела, в том числе над самурайством.

Примечательно, что в ст. 55 уложения законов «Косю хатто-но сидай», созданного Сингэн в 1547–1554 гг., встречается следующее положение: «Если Харунобу отступит в своих делах от установлений и иных законов, пусть любой, будь то человек низкого или высокого звания, выступает с иском. Сообразно обстоятельствам [по таким делам] будут вынесены решения» [Полхов, 2015, с. 518]. Тем самым законодатель, которым является сам даймё, декларирует возможность обратиться в суд в случае, если он нарушит законы. Более того, княжеский суд формально объявляется доступным для лиц любого социального статуса. В то же время подразумевается, что и сам князь должен блюсти закон. Иными словами, Такэда Сингэн желал придать своему уложению наивысшую силу в уделе, которой обязан повиноваться и он сам. В ст. 29 «КХС»[3] даймё запрещает своим должностным лицам

[3] Здесь и далее по тексту «Косю хатто-но сидай» обозначается как «**КХС**».

нарушать законы удела (*бункоку сёхатто,* 分国諸法度), грозя разжалованием (*кайэки,* 改易) за произвол и недонесение даже о незначительном деле.

Представления о княжеской справедливости в «К» имеют свою специфику. Такая справедливость – это вовсе не стремление в любых обстоятельствах следовать раз и навсегда установленным законам, ограничивающим, в том числе, и власть правителя. Несколько интересных эпизодов из «К» помогают лучше уяснить воззрения составителей этого сочинения на закон и правый суд.

Вассал из клана Ихара (провинция Суруга) был разжалован (*кайэки*) по решению Такэда Сингэн после предъявления необоснованной жалобы на Цутия Масацугу (1545–1575), приближенного князя[4]. Такое наказание предполагало конфискацию владений и отстранение от службы. Ихара, судя по всему, удалился в изгнание. В нарушение правил вплоть до уезда Сува в провинции Синано его сопровождал один из его служилых людей по имени Сэки Дзингохёэ, бывший *ронин* из провинции Овари[5]. Судя по всему, обычай запрещал слугам следовать за разжалованным господином или *ёриоя.* Но Сингэн согласно «К» не только не наказал Сэки Дзингохёэ, но и, восхищенный его преданностью по отношению к Ихара, сделал его командиром десяти *асигару*, возведя в звание *асигару тайсё.* После этого князь объявил, видимо, имея в виду действия, подобные поступку Сэки Дзингонохёэ, что впредь малейшее нарушение закона будет приравниваться к измене, а нарушители запрета будут предаваться смерти вместе с женами и детьми [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 408].

В другом рассказе «К» повествуется о самурае Магарибути Сёдзаэмон (1518–1593)[6]. Ему приписывается исключительная страсть к сутяжничеству. Прославленный мужеством и доблестью воин, которому было за 40, судился 74–75 раз, выиграв при этом лишь одну тяжбу. Однажды после очередной неудачи, уходя из суда, он сказал, что проиграл, потому что не поднес дары судьям (*бугёсю*). При подаче следующего иска он пообещал принести с собой в качестве подношений каштаны и хурму. Четверо судей были разгневаны, Магарибути ответил один из них – Сакураи Нобутада (1529–1611)[7]: если иск безоснователен, привезите хоть повозку с серебром и золотом, рисом и деньгами, все равно проиграете. Тогда Магарибути сказал, что уступает господину Сакураи в положении в доме Такэда, но в схватке с ним одержит верх, и стал размахивать мечом. После того четверо *бугё,* включая Сакураи Нобутада, вместе подали жалобу Такэда Сингэн. Князь, выслушав их, будто бы согласился с тем, что Магарибути, происходящий из слуг клана Итагаки, никак не должен был оскорблять Нобутада, родственника и должностное лицо даймё [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 57–58].

Вслед за тем Сингэн рассказал о том, как раньше терпел не менее дерзкие поступки Магарибути. Так, во время битвы в провинции Кодзукэ Исоя Ёсабуро, *хикан* Вада Хатиро[8] добыл одну голову врага, а Магарибути – две. Даймё наградил обоих, подарив Ёсабуро большой меч *катана*, а Магарибути – малый меч *вакидзаси.* Но Магарибути, посчитав, что его

[4] Цутия Масацугу согласно «К» стал судебным посредником (*содзя*) для Ихара (Ювара). Ихара пожаловался, что Масацугу поздно принес ему грамоту (*сюиндзё*) с подтверждением права на родовые земли (*хонрё*). *Содзя* в данном случае – посредник, представляющий прошения от других вассалов даймё, а также передающий им княжеские распоряжения. Вероятно, Цутия Масацугу одновременно был *ёриоя* для Ихара. *Ёриоя* в княжестве Такэда – это высокопоставленные вассалы Такэда, во время войны становившиеся командирами *досин* (*ёрико*) – самураев более низкого положения. В мирное время *ёриоя* могли ходатайствовать о пожаловании *досин* земель перед даймё или передавать ему жалобы с их стороны.

[5] Цутия Масацугу – приближенный Такэда Сингэн и его сына Кацуёри. Сэки Дзингохёэ – (?–?) – один из *хатамото* дома Такэда. В 1582 г. во время вторжения Ода Нобунага, перешел на его сторону [Такэда-си, 2015, с. 417, 502].

[6] Магарибути Сёдзаэмон-но дзё первоначально был *дзоритори* Итагаки Нобуката и *досин* Итагаки Нобунори, после казни последнего стал *досин* Ямагата Масакагэ. После падения дома Такэда служил Токугава Иэясу (1543–1616) [Такэда-си, 2015, с. 614].

[7] Сакураи Нобутада – видный вассал Такэда, отпрыск боковой ветви княжеской династии, переживший гибель дома Такэда и поступивший на службу к Токугава Иэясу.

[8] Вада Хатиро, по-видимому, может быть отождествлен с Вада Нарисигэ (?–1575), самураем из провинции Кодзукэ. О нем см.: [Такэда-си, 2015, с. 713].

наградили хуже, чем Исоя, рассердившись, бросил обратно *вакидзаси* в сторону бамбуковой шторы, около которой стоял князь. Однако Сингэн его простил, и на этот раз, по его словам, следовало поступить так же. Так, кошка может нагадить в красивый очаг в доме или подстеречь домашнюю птицу, но она превосходно ловит мышей. Мыши же изгрызают и повреждают ценные книги, картины на ширмах, и, когда желаешь их извести, волей-неволей пускаешь кошку, которая их истребляет, и тогда прежние ее проделки забываешь, только и думаешь, что кошки – это ценное сокровище, будто бы сказал Сингэн [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 59–60]. Вспомнив о военных заслугах и ранениях Магарибути, даймё добавил: при всей своей несносности, он преуспел в службе на пути войны (*будо-но хоко,* 武道の奉公), и наказание его прогневает небеса («путь неба» – *тэнто,* 天道), а сердца воинов отдалятся от нас, перестанем побеждать, потому непременно нужно стерпеть [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 60].

После этого случая Сингэн ввел пять должностей *ёко бугё* (よこ奉行), обладатели которых должны были по очереди посещать судебные разбирательства и докладывать о случаях оскорбления судей. Однажды[9] самурай по имени Отиай Хикосукэ[10] проиграл суд крестьянам, из-за чего стал поносить судей. Тогда Канэмару Хэйдзабуро[11], исполнявший в тот момент обязанности *ёко бугё*, донес Такэда Сингэн об этом случае. Даймё вызвал соглядатая *ёкомэ*, и тот подтвердил вину Хикосукэ. На этот раз Сингэн принял решение не оставлять без наказания Отиай Хикосукэ, несмотря на то, что военной доблестью он не уступал Магарибути Сёдзаэмон. Если оставить без последствий эту хулу, то в суде (*кураномаэ,* 蔵の前) всегда будет происходить неладное, посчитал Сингэн. Князь распорядился в назидание другим немедленно связать Хикосукэ и сварить в котле (*ирикороси,* いりころし). Но последний уже услышал о грозящей каре и нашел убежище в храме Кикэндзи в Кофу – «столице» удела Такэда [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 61–62].

Между тем усадьбу и земли Отиай Хикосукэ конфисковали, а его мать бросили в темницу, где она умерла. За него ходатайствовали известные буддийские монахи. Согласно «К», многие самураи дома Такэда сочувствовали Хикосукэ и хотели, чтобы его освободили от наказания. Тогда Сингэн решил помиловать его. Примерно через 60 дней Хикосукэ покинул храм. После этого один из *ёко бугё* по имени Нагасака Гэнгоро оклеветал другого *ёко бугё* Канэмару Хэйдзабуро, сказав Отиай Хикосукэ, что в смерти его матери виноват Канэмару. Согласно «К», Гэнгоро позавидовал княжеской благосклонности по отношению к Хэйдзабуро. Тогда Отиай Хикосукэ при помощи Гэнгоро выследил и зарубил Канэмару Хэйдзабуро. Затем Хикосукэ бежал в княжество Уэсуги Кэнсин, заклятого врага Такэда Сингэн. Заканчивается эта история рассказом о неудачной попытке Сингэн подослать убийц в удел Уэсуги к бывшему вассалу [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 62–68].

В первых двух историях даймё воздерживается от наказания нарушившего закон самурая. Сэки Дзингохёэ провожает изгнанного господина, преступая существующие запреты. Однако даймё не только не карает его, но вознаграждает за верность. Магарибути Сёдзаэмон дерзко оскорбляет княжеских судей, но это сходит ему с рук: Сингэн воздает должное его подвигам и воинской доблести и отказывается его наказывать. В третьем эпизоде правитель решает покарать Отиай Хикосукэ, поносившего судей. При этом в сравнении с предыдущим случаем он поступает прямо противоположным образом, хотя согласно «К» Отиай Хикосукэ был отважным воином, не уступавшим Магарибути Сёдзаэмон. Очевидно, что решения даймё в этих историях мотивируются не «буквой закона» или обычаем, а исходя

[9] Излагаемые в «К» события не датированы точно. В «К» они отнесены ко времени до четвертой битвы при Каванакадзима в 1561 г.

[10] Согласно «К» он был вассалом (*хикан*) Такэда Нобусигэ [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 64]. В доме Такэда было несколько самураев с такой фамилией [Такэда-си, 2015, с. 197]. Однако узнать, кто из них может соответствовать Отиай Хикосукэ, не представляется возможным.

[11] Вассал дома Такэда, годы жизни которого неизвестны. Историк Марусима Кадзухиро считает сообщение «К» о его убийстве Отиай Хикосукэ заслуживающим доверия [Такэда-си, 2015, с. 263].

из оценки качеств самурая (отваги и военных заслуг) или его поступка (проявление преданности господину). С точки зрения составителя «К», для князя важно не столько строго следовать законам при отправлении суда, сколько учитывать нрав и мотив действий своего вассала. Буйство и невоздержанное поведение воина может быть оправдано его подвигами и храбростью, а отступление от обычая верностью бывшему сюзерену. Повествователь превозносит Такэда Сингэн, поскольку он выносил «истинно справедливые» приговоры, уважая, прежде всего, наивысшие ценности японского служилого дворянства – доблесть на войне (во имя даймё) и преданность господину.

В 18-м томе «К» рассказывается об иске в 1573 г. самурая из Каи по имени Цудзи Ябёэ, старшего сына Цудзи Рокуробёэ[12], известного своими подвигами вассала Такэда. 29-летний воин, *досин* Ямагата Масакагэ, был недоволен тем, что не получил права держать в походах *сайхай* (さいはい) – командирский жезл. Цудзи Ябёэ счел, что достоин не меньше Хиросэ Годзаэмон и Мисина Хидзэн-но ками[13], двух других *досин* Ямагата, носить *сайхай* и подал на них в суд. Как отмечено в «К», тем самым он затеял «тяжбу по военным делам» (*бухэн кудзи,* 武辺公事) [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 77]. Это выражение неоднократно встречается в данном фрагменте «зерцала», и как можно предположить, отражает один из распространенных в княжестве Такэда в период *Сэнгоку* видов судебных процессов, во время которых самураи оспаривали ту или иную почесть или полномочие, связанные с войной. Судьями (*бугё*), разбиравшими дело, стали Санада Масаюки, Сонэ Масатада, Сайгуса Масасада, Имаи Нобухира[14]. Ни один из этих воинов в вассально-войсковом реестре Такэда не отнесен к *кудзи бугё,* т. е. должностным лицам, ведавшим судом[15].

Суд проходил в княжеской резиденции. Сначала выступили ответчики, каждый из них подробно отчитался о своих военных подвигах, включая количество полученных от князя грамот, удостоверяющих военные свершения и число добытых вражеских голов. Они не забыли упрекнуть Цудзи Ябёэ в недостаточных военных заслугах. В ответ истец вспомнил о доблести своего отца Рокуробёэ, который получил от даймё 17 документов, подтверждавших совершенные им подвиги. Он также подчеркнул, что взятые им самим на поле боя пять голов врага должны оцениваться выше, чем трофеи Мисина и Хиросэ: статус врагов, которым принадлежали головы, был выше. В заключении Цудзи Ябёэ просил дозволить ему носить *сайхай.* Он выиграл суд, но конечный исход дела определил Такэда Сингэн, который согласно «К» фактически пересмотрел решение своих вассалов. Воздав должное воинским талантам Цудзи Ябёэ, даймё будто бы пожаловал ему новое земельное владение в провинции Каи. Однако Сингэн разрешил Мисина и Хиросэ по-прежнему нести *сайхай* в военных походах, отказав Цудзи Ябёэ в этом праве на основании военных уставов Такэда. Самураям, не

[12] Цудзи Ябёэ (Цудзи Моримаса) и его отец – реально существовавшие вассалы Такэда. Цудзи Моримаса во время падения дома Такэда перешел на сторону Токугава Иэясу [Коёгункан, 1983, с. 256]. Имя Цудзи Ябёэ фигурирует в одном из документов дома Такэда [Сэнгоку ибун, 2003, с. 299, документ № 2323].

[13] Среди вассалов Такэда был Хиросэ Годзаэмон-но дзё (?–?) – досин Ямагата Масакагэ, после гибели Такэда, перешедший на службу дому Токугава и ставший *досин* Ии Наомаса (1561–1602), вассала Токугава [Такэда-си, 2015, с. 592–593]. По-видимому, участник тяжбы и Хиросэ Годзаэмон-но дзё – одно и то же лицо. Другой самурай из этой истории, судя по всему, соответствует Мисина Хидзэн – (1525–?), вассалу дома Такэда, также ставшему впоследствии *досин* Ии Наомаса [Такэда-си, 2015, с. 632]. Из вассально-войскового реестра Такэда также следует, что и Мисина и Хиросэ было дозволено носить *сайхай* [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 190]. Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что в основе рассказа «К» лежат действительно произошедшие события.

[14] Сайгуса Масасада вместе с Сонэ Масатада и Санада Масаюки в «К» уподобляется «двум глазам» Такэда Сингэн. Сонэ Масатада (?–?), Имаи Нобухира (?–1582) – вассалы дома Такэда. Санада Масаюки (1547–1611) – отпрыск самурайского рода из провинции Синано, возвысившийся на службе дому Такэда, приобрел статус наследственного вассала (*фудай*). После падения дома Такэда, лавируя между могущественными княжескими домами, расширил владения. Конфликт между родами Санада и Гоходзё (Ходзё) стал поводом для карательной экспедиции Тоётоми Хидэёси, завершившейся уничтожением княжества Гоходзё [Такэда-си, 2015, с. 109–110, 330–331, 346–348, 429–430].

[15] Это свидетельствует о том, что должности судей (*кудзи бугё*) занимали в разное время разные вассалы.

достигшим 40 лет и не носившим ранее звание *самурай дайсё*, держать его было не положено [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 80–81].

В данной истории подчеркивается справедливость приговора Такэда Сингэн (с точки зрения автора «зерцала»): с одной стороны, он принял во внимание обычаи дома Такэда, а с другой, постарался не задеть молодого воина Цудзи Ябёэ, вознаградив его земельным пожалованием. Тот факт, что Сингэн согласно «К» пересмотрел вердикт своих судей, говорит не только о его положении верховного арбитра во всех спорах и конфликтах в вассальном доме, но и о стремлении поддерживать непосредственную связь со своими вассалами. Восприимчивость к их нуждам и запросам – одно из качеств умелого правителя, каким представлен в «К» Такэда Сингэн.

В «К» Такэда Сингэн изображен едва ли не идеальным главой вассального дома и судьей. Однако при нарушении самураями обычаев и установлений дома Такэда даймё выносит приговор исходя из многих соображений. Особенно ярко это проявилось при наказании за участие самураев в вооруженных стычках. Согласно ст. 17 свода «КХС» карались не только оба участника стычки, но и пришедшие к ним на помощь. Приговоры Сингэн по таким делам, описанные в «зерцале», нельзя назвать «абсолютно беспристрастными». При вынесении вердикта Сингэн принимал во внимание заслуги рода того или иного участника столкновения и мог смягчить наказание. Вместо обычного наказания – смерти – нарушитель мог быть помилован, казнь могла быть заменена на конфискацию земель и передачу служилых людей другим вассалам. Самураев низкого звания, не имевших особых заслуг, могли покарать смертью, тогда как сыновей именитых самураев – пощадить[16].

Кроме того, Сингэн согласно «зерцалу» заранее пытается предугадать реакцию других вассалов на свои решения, опасаясь, что жестокое наказание доблестных самураев может вызвать нерадивость и снижение боевого духа остальных воинов. Иными словами Сингэн стремится не допустить недовольства вассалов и готов проявить снисхождение ради их усердной службы. Вместе с тем он не может не заботиться и о своей репутации справедливого судьи, карающего беззаконие и преступления. Даймё прибегает к жестоким наказаниям, чтобы показать силу правил и законов в доме Такэда. Эти два взаимно противоречивых мотива – стремление учесть настроения вассалов и желание утвердить свой авторитет, декларируя приверженность беспристрастному суду и законам – определяют в «К» решения даймё. За оскорбление княжеских судей он помиловал Магарибути Сёдзаэмон, но намеревался безжалостно казнить Отиай Хикосукэ.

В «К» сообщается, что князь Сингэн мог дважды прощать самураев за нарушение законов удела (*кокухо*, 国法), в том числе и *ронин* – самураев без господина, пришедших в дом Такэда, а также представителей недавно покорившихся после войны с Такэда кланов (*косан-но-сю*, かうさんの衆). Сыновей и внуков преданных воинов, подлежавших казни, он щадил и изгонял, а тем, кто должен был быть отстранен от службы с конфискацией владений, приказывал уходить в монастырь. Вместе с тем отмечается и его милосердие по отношению монахам, которые фактически заводили семьи: Сингэн прощал их, облагая податью. С горожан и крестьян за стычки он брал штраф (*касэн*, 過銭) и миловал (за участие в ссорах и столкновениях самураи, как правило, предавались смерти)[17]. Необоснованные иски, как сказано в «зерцале», этот князь также наказывал штрафом [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 457]. Тем самым восхваляется не только карающая, но и милующая ипостась удельного правителя.

---

[16] Подробнее см. [Полхов, 2018a, с. 108–110].

[17] Такое различие в наказаниях самураев и простолюдинов за одно и то же преступление не прописывается в ст. 17 уложения «КХС». Данное сообщение «К», как представляется, дополняет и проясняет действие ст. 17 кодекса Такэда Сингэн.

Законы и добродетельность даймё

В «К» содержится немало рассуждений о необходимости для военачальника, владеющего провинцией (*кунимоцу тайсё*) «хороших» законов (*ёки гохатто,* 能キ御法度). Такие установления [18], которые вводятся состраданием (*дзихи*) правителя должны стать обыкновениями вассального дома, делая благопристойными нравы и манеры поведения (*гёги сахо,* ぎゃうぎ さはう) людей и высокого и низкого звания, указывается в сочинении. Они укрепляют социальный порядок: все понимают различия между положением высшим, средним и низким. Хорошие нравы в свою очередь предопределяют различение хорошего и дурного, знание долга (*гири*), радение о благе господина и подчинение законам. Именно от законов зависит качество военных уставов и правил (*гумпо,* 軍法), которые в свою очередь определяют победы в войне [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 261–262][19].

Однако, если вводимые законы не разъяснять, а лишь принуждать людей к их выполнению под угрозами, тогда поначалу им будут повиноваться, но со временем такие законы придут в негодность. В «К» осуждается чрезмерно обильное законотворчество: если постоянно вводить новые нормы, все придет в беспорядок, твердых правил не будет, и законы перестанут соблюдать. Так, согласно «К» Оути Ёситака (1507–1551) все время принимал новые строгие законы, добиваясь «мелочной» регламентации поведения вассалов [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 263–264]. Этот правитель обширного княжества в Западной Японии в «К» представлен как пример даймё, которые приводят к гибели свой род и свой удел.

Само по себе установление законов не обеспечивает идеального порядка в вассальном доме и княжестве. Первостепенное значение в «зерцале» придается личным качествам даймё, который утвердил законы, его моральному облику и характеру. «Хороший» правитель прекрасно разбирается в людях, осведомлен о достоинствах своих вассалов и поручает им задачи, соответствующие их задаткам и способностям. Он справедливо оценивает и вознаграждает по заслугам, какое бы положение самураи не занимали в иерархии дома. Кроме того, военачальник обязан проявлять сострадание (*дзихи*). Конечно, он должен и гневаться, иначе вассалы забросят службу и даже рассудительные самураи пойдут против него. Но и гневаться князь обязан ровно настолько, насколько провинился его вассал, а также должен являть милость и сострадание. «Это основа закона (*хатто*)», – говорится в «К» [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 4]. Сингэн исчерпывающим образом оценивал вину назначенных им распорядителей (*бугёнин*), и когда изволил прощать, накладывал на должностное лицо штраф (*касэн*) в соответствии с доходностью его владений. Судя по всему, штраф рассматривался как замена более строгого наказания [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 139–140].

Согласно «К» князь Сингэн отличал зло от добра как черное от белого, а его награды и наказания были ясны как небо и земля. Наконец, он умело ввел законы [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 7]. Если же военачальник склонен к безудержной ярости, гневу, и вину большую считает за среднюю, а малую за среднюю и большую и карает несправедливо, в соответствии с «путем неба» (*тэнто*) законам этого военачальника перестают повиноваться [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 6–7][20]. Если он не распознает способности и не оценивает рвение и преданность самураев, не одаряет верных и поощряет недостойных, законам не подчиняются. Таким образом, личные недостатки и неумелое управление даймё приводят к тому, что

[18] Четкое определение понятия «законы» в «К» отсутствует. Создается впечатление, что под законами в «зерцале» понимаются все писаные установления, вводимые даймё, включая своды законов, отдельные указы и т. п. Они отличаются в «К» от военных уставов (законов) – *гумпо*.

[19] Примечательно, что согласно «К» уложение «КХС», принятое Такэда Сингэн в 1547–1554 гг., должно было стать основой будущих военных установлений (*гумпо*). В «К» этот свод законов именуется «Новым перечнем законов» («Син сикимоку» 新式目), по-видимому, в противоположность уже существовавшему кодексу Камакурского сёгуната «Госэйбай сикимоку».

[20] Если законам не следуют, то и военные уставы приходят в упадок, а затем военачальник начинает терпеть поражения, указывается в «К».

законы утрачивают силу. Напротив, сила закона по «К» исходит от личных достоинств и искусного властвования удельного правителя.

Неправый суд Такэда Кацуёри

В последней части «К», повествующей о правлении Кацуёри, последнего князя Такэда, немало места уделено критике приближенных к князю и пользующихся его чрезмерным благоволением вассалов (*сютто-сю*, 出頭衆). Главным образом ее острие направлено против двух наперсников Такэда Кацуёри – Нагасака Торафуса (?–1582) и Атобэ Кацусукэ (?–1582). Как известно почти все тома «К» завершаются обращением к этим двум самураям. Похоже, составителей «К» волновало засилье немногих близких к княжеской особе вассалов, которые заботясь только о личных узкокорыстных интересах, приводили к упадку свои княжества. Эта тема в «К» проецируется не только на дом Такэда, но и на клан Имагава и дом Уэсуги Норимаса (?–1579).

Как говорится в «К», если даймё не знает жалости и сострадания, то становится алчен. Вслед за этим его приближенных (*сютто-сю*) также начинает обуревать жадность, они берут подношения, делают должностными лицами (*якуся, бугёнин*) тех, кто им посылает подарки. Должностные лица в свою очередь подражают *сютто-сю* и начинают скрывать нарушения законов и военных уставов, если нарушители пользуются их расположением. Судят не по закону, а как им заблагорассудится. Такие княжеские люди безжалостны, клевещут на невинных [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 98].

Среди прочего обличается неправый суд приближенных даймё, которые покровительствуют лишь своим родственникам и тем, кто приносит им дары. Во время тяжбы такие судьи не выясняют, кто прав, а кто неправ, но признают выигравшими дело своих протеже. Если же правота другой стороны бесспорна, и вынести решение о ее проигрыше нельзя, такие судьи прибегают к волоките, под разными предлогами затягивают суд. Когда тяжущиеся требуют принять их, судьи отговариваются присутствием на пиру или важном княжеском совете, или болезнью. В конце концов, судящиеся, на чьей стороне правда, теряют силы и отказываются продолжать тяжбу или же выходят из себя, начинают браниться, и тогда их признают проигравшими [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 100].

Снова и снова в «зерцале» бичуется взяточничество и неправый суд. Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ решали тяжбы в пользу тех, кто подносил им более богатые дары [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 155]. В правление Кацуёри согласно «К» происходили и бессудные казни, одного самурая, на котором не было особой вины, казнили потому, что он был в плохих отношениях с двумя вышеупомянутыми княжескими фаворитами [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 156].

Описанные в вышеупомянутых фрагментах «К» злоупотребления и произвол определенно представляют собой почти незавуалированную критику Такэда Кацуёри и его фаворитов, а также связанных с ними служилых людей дома Такэда. Согласно «зерцалу» недостатки даймё, под которым подразумевается Такэда Кацуёри, переходят на его ближайшее окружение, а оттуда далее распространяются среди судей и должностных лиц. Моральное разложение правящего слоя (алчность и коррупция) изображается в «К» в полном соответствии с конфуцианскими принципами: от вершины властной пирамиды оно расползается на ее нижние этажи. Неправый суд в княжестве Такэда, согласно «К», обуславливается пороками власть предержащих.

Правлению Кацуёри противопоставлено время, когда у власти пребывал его отец. Согласно «К» Такэда Сингэн будто бы строго следил за тем, чтобы могущественные вассалы в суде не имели преимуществ. Так, *хатамото*[21] по имени Нагануки и Касуга Содзиро, племянник Косака Дандзё Масанобу (Касуга Торацуна), видного вассала, от чьего имени записан «К», поспорили из-за границ владений. Правда была на стороне Касуга Содзиро, но

[21] *Хатамото* в «К» – вассалы, состоявшие в отряде, которым командовал сам даймё.

Сингэн узнав о тяжбе, сказал, что в судебных делах или при оценке военных заслуг следует быть особенно беспристрастным, когда речь идет о родственниках могущественных вассалов или приближенных, а также об отпрысках рода Такэда или же тех самураях, кто, несмотря на невысокое положение, обладает многочисленной родней. В конце концов, Касуга Содзиро проиграл тяжбу, хоть и был племянником самого Косака Масанобу, указывается в «К» [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 518].

В «К» Сингэн, обращаясь к своим вассалам, произносит речь об опасности чрезмерного влияния приближенных, которые склонны продвигать своих родственников. Если в вассальном доме близкие к особе даймё люди оказывают покровительство родственникам – это равносильно измене военачальнику. Родичи эти начинают вести себя так, словно они сами приближены к даймё, оскорбляют и унижают других. И даже если самурай незначительного положения подает обоснованный иск, о нем не узнает даймё. Нельзя будет ни по достоинству оценить свершения разных воинов, ни вовремя заметить измену [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 1, с. 519]. С негодованием составитель «К» пишет о родне могущественных вассалов и богачей, которые уповая на их влияние, рассчитывают избежать серьезного наказания после совершения какого-то проступка. Вслед за этим пренебрежение законами распространяется в вассальном доме [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 99].

В «К» по существу обличается «своекорыстие» и «жадность» окружения Кацуёри, последнего даймё Такэда, которые, как подразумевается, могут привести к падению дома Такэда. Составители «К» метят не только в уже упомянутых Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ, но и в «богачей» и «горожан», связанных с этими двумя приближенными. По мысли авторов «зерцала» простолюдинов следует привлекать к управлению княжеством лишь в особых случаях.

Яркая картина упадка нравов в вассальном доме, а, по сути, практически неприкрытая критика Кацуёри, содержится в нижеследующем фрагменте «зерцала». Даймё, неспособный оценивать своих людей[22], доверяет управление княжескими хранилищами (*кура,* 蔵) тем, у кого нет «чистого сердца». Им же он позволяет вмешиваться в управление княжеством (*куни-но сиоки,* 国の仕置), или в дела воинов (*буси*), и тогда главные вассалы (*каро*, 家老) погружаются во взяточничество. Вассалы становятся должностными лицами даймё благодаря подношениям и сами покровительствуют лишь тем, кто приносит дары. В вассальном доме преуспевают лишь те, кто делает подарки и дает взятки. Хорошие самураи оказываются не у дел, падают духом и не проявляют радения на службе. Те, кто выдвинулся благодаря подаркам, алчны и не думают о князе, а также не ведают ничего и о горестях народа, обирая его. Они обхаживают лишь приближенных князя, но грубы и бесцеремонны к другим. Эти криводушные должностные лица поддерживают военачальника в обычное время, но случись чего-нибудь – не совершат ничего полезного и стоящего, нарушают законы [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 5].

В последнем 20-м томе «К» описывается, как «алчность» Кацуёри и его двух фаворитов решила исход междоусобной борьбы в доме Уэсуги. В 1578 г. после смерти Уэсуги Кэнсин, правителя земли Этиго, вспыхнула борьба за власть между двумя его приемными сыновьями – Уэсуги Кагэтора (1552–1579), который происходил из рода Гоходзё (Ходзё), и Уэсуги Кагэкацу (1555–1623), усыновленного племянника Кэнсин. На момент смуты Гоходзё и Такэда связывал союз, закрепленный женитьбой Кацуёри на младшей сестре Ходзё Удзимаса (1538–1590) – главы дома Гоходзё.

Из Одавара, столицы княжества Гоходзё, к Такэда Кацуёри прибыли посланцы с просьбой послать войско на помощь Уэсуги Кагэтора, отпрыску рода Гоходзё. Тем временем Уэсуги Кагэкацу, соперник Кагэтора, прослышал, что Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ,

---

[22] Фактически здесь Такэда Кацуёри, хотя его имя прямо не названо, приписывается неумение подбирать достойные «кадры» для назначения на посты в системе управления уделом. Вместе с тем в «К» многократно превозносится талант его отца Сингэн, превосходно разбиравшегося в людях и легко находившего нужных кандидатов на соответствующие должности.

приближенные Кацуёри, алчны и берут множество подарков (*рэймоцу*, 礼物) и подношений (*ваиро,* わいろ). Кагэкацу обратился к ним за помощью, отправив каждому по 2 тыс. рё золота, а 10 тыс. рё золота поднес князю Кацуёри. Кагэкацу будто бы также пообещал Кацуёри, что полностью отдаст восток провинции Кодзукэ и станет союзником дома Такэда [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 146]. Тогда Кацуёри вступил с ним в союз. Кагэтора был в том же году убит, и дом Уэсуги возглавил Кагэкацу.

В «К» осуждается корыстолюбие советников Кацуёри, которые приняли дары, не ведая ни чувства долга, ни стыда. Не только все самураи, но и горожане (*тёнин,* 町人), крестьяне (*дзигэнин,* 地下人), монахи и другие жители удела Такэда, услышав об этом, говорили, что этот княжеский дом падет [Коёгункан тайсэй, 1994, Т. 2, с. 146–147].

Таким образом, в «зерцале» неправый суд и нарушение законов ассоциируется: 1) с чрезмерным влиянием княжеских приближенных, их родственников и «клиентелы» в доме Такэда; 2) со мздоимством, в котором они погрязли. Корень зла составитель «К» видит в пороках правителя (Такэда Кацуёри) и его окружения (Нагасака, Атобэ и др.).

Заключение

В «К» Такэда Сингэн предстает искусным творцом законов и судьей. Однако его решения отражают своеобразное представление о справедливости: приговор основывается далеко не всегда на писаном законе или обычае, а обусловлен личным отношением князя к тому или иному самураю. Заслуги рода, личные подвиги и доблесть, как и преданность сюзерену – все это может избавить воина от, казалось бы, неминуемой кары или смягчить ее. Именно этого и ожидали, судя по тексту «К», вассалы от князя. Неоправданно (по их мнению) жестокие кары ведут к падению боевого духа и усердия на службе. Князю стоит иной раз закрыть глаза на незначительные проступки самурая, если тот несет исправную службу.

В уложении Такэда Сингэн «КХС» декларируется верховная сила закона, которому обязуется следовать и сам князь. В «К» также немало говорится о пользе хороших законов. Представляется, что это отражает стремление даймё утвердить публично-правовой аспект своей власти, связанный с «беспристрастными» законами и судом[23].

Однако эта интенция даймё неизбежно сталкивалась с личным характером его связей с вассалами. Как следует из «К», действие законов было опосредовано связями князя и его вассалов. Воины полагали, что верная служба должна приниматься во внимание и на княжеском суде, и опора даймё лишь на закон на суде недопустима. Именно это и есть справедливость в их представлении. Изображенный в «К» Сингэн вполне разделяет эти взгляды.

Согласно «К», чрезмерное законотворчество не только излишне, оно, по мысли составителя «зерцала», просто вредно. Хорошие и надежные законы не могут не опираться на личные добродетели даймё. Правосудию Такэда Сингэн противопоставляется беззаконие и неправый суд его сына Кацуёри. По сути, в «К» алчность Такэда Кацуёри и его наперсников рассматривается как главная причина коррупции и морального разложения в доме Такэда, которые привели к его гибели.

Примечательно, что в «К» особо подчеркивается участливое и внимательное отношение Такэда Сингэн к вассалам сравнительно невысокого положения, проявившим себя на службе. Он вникает в их нужды и не обходит наградами за доблесть в сражении. Представляется, что здесь отражены представления самураев дома Такэда об идеальном удельном правителе, пекущемся о «простых» воинах и вознаграждающим их по заслугам.

---

[23] Безусловно, в «К» нет речи о доктрине верховенства закона, который в западной традиции должен быть выше самого правителя. Такэда Сингэн вообще далеко не всегда ссылается в своих решениях (описанных в «зерцале») на писаные законы или устные обычаи, но основывается на своих представлениях о справедливости, по своему усмотрению обращаясь к писаному или обычному праву. При этом его воля всегда важнее приговоров его судей-вассалов.

В этом плане Кацуёри выглядит в «К» антиподом Сингэн: он прислушивается лишь к советам корыстолюбивых фаворитов, не внимая чаяниям остальных самураев, а воины незначительного положения не могут рассчитывать на правый суд даймё.

Литература / References

Коёгункан тайсэй (Полный текст Коёгункан). Т. 1. Исслед., комм. Сакаи Кэндзи. Токио, 1994 [*Koyogunkan Taisei. Daikkan.* Sakai Kenji hencho. Tokyo, 1994].

Коёгункан тайсэй (Полный текст Коёгункан). Т. 2. Исслед., комм. Сакаи Кэндзи. Токио, 1994 [*Koyogunkan Taisei. Dainikan.* Sakai Kenji hencho. Tokyo, 1994].

Коёгункан. Т. 3. Ред. и комм. Исогаи Масаёси и Хаттори Харунори. Токио, 1983 [*Koyogunkan.* Ge. Isogai Masayoshi, Hattori Harunori kochu. Tokyo, 1983].

Полхов С. А. *Законодательные уложения Сэнгоку даймё. Исследования и переводы.* М., 2015 [Polkhov S. A. *Zakonodatel'nye ulojeniya sengoku daimyo: issledovaniya i perevody.* Moscow, 2015].

Полхов С. А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 1) // *Японские исследования.* 2017. № 1. С. 60–74 [Polkhov S. A. Problema avtorstva i genezis teksta Koiogunkan v sovremennoi iaponskoi istoriografii (Part 1) // *Yaponskie issledovaniia.* 2017. 1. Pp. 60–74].

Полхов С. А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2) // *Японские исследования.* 2017. № 2. С. 4–19 [Polkhov S. A. Problema avtorstva i genezis teksta Koiogunkan v sovremennoi iaponskoi istoriografii (Part 2) // *Yaponskiye issledovaniya.* 2017. 2. Pp. 4–19].

Полхов С. А. Судебные тяжбы в японском уделе периода Сэнгоку (по материалам «Коёгункан»). Часть I // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 4. С. 103–113 [Polkhov S. A. Sudebnye tyajby v yaponskom udele perioda Sengoku (po materialam Koyogunkan). Part I // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 4. Pp. 103–113].

Полхов С. А. Судебные тяжбы в японском уделе периода Сэнгоку (по материалам «Коёгункан»). Часть II // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 5. С. 110–119 [Polkhov S. A. Sudebnye tyajby v yaponskom udele perioda Sengoku (po materialam Koyogunkan). Part II // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 5. Pp. 110–119].

Сасамото Сёдзи. *Сэнгоку даймё Такэда-си но Синано сихай (Господство даймё клана Такэда над Синано).* Токио, 1990 [Sasamoto Syoji. *Sengoku daimyo Takeda-shi-no Shinano shihai.* Tokyo, 1990].

Сасамото Сёдзи. *Такэда Сингэн: дэнсэцутэки эйюдзо кара но даккяку (Такэда Сингэн: освобождение от образа легендарного героя).* Токио, 2007 [Sasamoto Syoji. *Takeda Shingen: densetsuteki eiyuzo kara no dakkyaku.* Tokyo, 2007].

Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн. (Наследие Сэнгоку. Род Такэда). Т. 3. Под ред. Сибацудзи Сюнроку и Курода Мотоки. Токио, 2003 [*Sengoku ibun. Takeda-shi hen.* Daisankan. Shibatsuji Shunroku, Kuroda Motoki hen. Tokyo, 2003].

Такэда-си касиндан дзиммэй дзитэн (Словарь имен вассалов Такэда). По ред. Сибацудзи Сюнроку, Хираяма Ю, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Токио, 2015 [*Takeda-shi kashindan jimmei jiten.* Shibatsuji Shunroku, Hirayama Yu, Kuroda Motoki, Marushima Kazuhiro hen. Tokyo, 2015].

«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» В НАРОДНОМ СТИЛЕ

Л. А. Чвырь*

Конструирование культурных брендов – одна из популярных разновидностей социокультурной деятельности в современном обществе. В этот процесс вовлечено и народное искусство, по природе своей предполагающее преимущественно межнациональную и межкультурную коммуникацию. Согласно установке общественного сознания народное искусство (как и язык, фольклор, местные верования-обряды) является символом и хранилищем культурного наследия этносов. Статья касается двух взаимосвязанных тем – конкретных способов культурного *брендирования* (на примере народного искусства Средней Азии) и проблемы различения традиционного и современного народного искусства, которое пытаются представить «визитной карточкой» того или иного народа.

Ключевые слова: современное народное искусство, искусство Средней Азии, этническая традиция, идентификация, «национальные» сувениры.

"BUSINESS CARDS" IN FOLK STYLE

Lyudmila A. Chvyr

Constructing cultural brands is a popular type of socio-cultural practice nowadays. It also covers contemporary folk art, mainly inter-ethnic and cross-cultural communication (dealing with folk art as well as language, folklore, local beliefs-rites as a symbol and repository of ethnic cultural heritage). The article deals with two interrelated questions: firstly, the specific ways of folk-art-based cultural branding in Central Asia and, secondly, distinguishing between traditional and contemporary folk art, often presented as a *business card* of ethnic cultural heritage. The article pays special attention to the varieties of business cards in folk style (national costumes, art ceramics, weaving, jewelry, etc.) and their fields of use; the two main types of "national souvenirs".

Keywords: contemporary folk art, art of Central Asia, ethnic tradition, identification, "national souvenirs".

Обычная визитка – необязательный, но удобный посредник в любой коммуникации, поскольку она содержит краткую и доступную информацию о своем хозяине. Подобно этому в современном мире отдельные, широко известные произведения искусства или архитектуры часто становятся как бы визитной карточкой страны и ее культуры. Но «визитка в народном стиле» (ВНС) – представляет собой особый случай, поскольку не вполне ясно, кто ее «хозяин» и что она «представляет». Само «сообщение» в виде артефакта (или его изображения), предполагая преимущественно межнациональную или межкультурную коммуникацию, фактически служит знаком присутствия в современной жизни особого (наряду с прочими) пласта искусства – народной (понимаемой как «национальная») традиции. Такая жесткая привязанность опирается на глубоко укорененную в массовом, общественном сознании установку, согласно которой народное искусство (как и язык, фольклор и сохранившиеся фрагменты местных верований-обрядов) является символом и одновременно хранилищем национального культурного наследия любого этноса. Но в научном исследовании этот тезис требует особой аргументации: мысль верна лишь отчасти, только если имеется в виду действительно

* Людмила Анатольевна ЧВЫРЬ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник института востоковедения РАН, Москва; lchvyr@yandex.ru

Lyudmila A. CHVYR, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lchvyr@yandex.ru

** Автор статьи благодарит сотрудников Государственного Музея Востока к.и.н. Е. С. Ермакову и М. А. Малашенко за предоставленную возможность использовать фотоматериалы из их личных архивов.

традиционное народное искусство, а не его сильно трансформированные современные формы. Однако неспециалисты, рядовые граждане, как правило, не особенно различают бытующие параллельно и внешне похожие изделия традиционного и современного народного искусства, к тому же смешивая их с другими направлениями в декоративно-прикладной сфере (с «наивным», самодеятельным, либо с «массовым» искусством). А это все разные по происхождению, функциям и мотивации виды творчества, так что в этой ситуации совсем непросто понять, что именно среди современных изделий «в народном стиле» (*илл. 1–10*) (и в какой степени) относится (или не относится) к традиционному народному искусству.

По идее, «визитка» в виде одного-двух «народных» изделий определенного вида, как бы представляющих традиционное искусство конкретного народа, должна, с одной стороны, восприниматься самим этим народом как произведение, безусловно причастное к исторически сложившейся национальной художественной традиции (и быть публично «узнаваемой» в этом качестве), а с другой, непременно должна проявлять яркое отличие, специфику этой конкретной народной культуры (поэтому вещь часто выбирается экзотичная, затейливая, яркая). Однако у всех среднеазиатских народов сейчас, по наблюдениям исследователей, практически невозможно найти какое-то одно-два изделия, которые бы однозначного признавались всеми представителями народа и его соседями символом (или тем более знаком) своей традиционной культуры.

Илл. 1. «Национальный декор» в современной одежде (пример «винтажа»). Ашхабад, Туркменистан (*фото М. А. Малашенко*)

Илл. 2. «Национальные» костюмы (с золотым шитьем). Таджикистан, Узбекистан, XX в. (*фото Е. С. Ермаковой*)

Здесь необходима небольшая этнографическая справка. Эта заметка основывается на многолетних этнографических наблюдениях автора в Средней Азии, где, несмотря на огромные социально-экономические и общекультурные преобразования XX в., довольно долго преобладало аграрное население, всегда дольше других сохраняющее особенности местной культуры и традиционного мышления. Исторически сложившаяся традиция (в том числе и искусство – как исполнительское, так и декоративно-прикладное) нередко действительно была способом естественного самовыражения этноса и одним из критериев его отличий от соседей. Но сами эти критерии были подвижны, поскольку в сознании народа даже в начале прошлого века еще не было устойчивого представления о «своей» *единой* культуре (из-за ее принципиально вариативной структуры). К тому же в прежние времена иерархия многочисленных функций народного искусства была иной. Еще в середине XX в. в Средней Азии население продолжало придавать многим утилитарным вещам (коврам, вышивкам, глиняной посуде, ювелирным украшениям) привычные религиозно-магические смыслы [Борозна, 1975; Гюль, 2013; Загитова, 2016; Октябрьская, Сурганов, 2013; Стасевич, 2015; Сухарева, 1971; 2006; Сычева, 1984; Тохтабаева, 2005; 2017 и др.]. А идентификационные возможности и эстетическое качество произведений ценились лишь во вторую очередь. В настоящее время национальная (этническая) идентификация изделий народного искусства стала их основным предназначением.

Изменились и сами условия существования народного искусства. Если раньше традиционные изделия можно было заказать у мастера-односельчанина или купить на ближнем базаре, где выбор был шире, но преобладала все же продукция местных ремесленников, то теперь их ассортимент (по сравнению с первой половиной XX в.) изменился, рядом с местными вещами представлены привозные артефакты – из соседних областей и центров, «визитки» республиканского или федерального уровней, а то еще и сувениры неизвестного, «заморского» происхождения. Такая мозаика сразу порождает трудный вопрос, на который пока нет однозначного ответа, – правомерно ли отнесение подобных произведений к народному творчеству (пусть и современному)? Чтобы прояснить ситуацию рассмотрим основные формы «визитных карточек», которые можно наблюдать в повседневной жизни оседлого населения Средней Азии.

Илл. 3. Современная вышивка (с портретом Алишера Навои). Базар близ Самарканда, 2009 г. (*фото Е. С. Ермаковой*)

Илл. 4. Вышивальщица за работой (*фото Е. С. Ермаковой*)

Разновидности «визиток в народном стиле»

Под это определение подпадает множество сохранившихся до наших дней в среднеазиатском регионе элементов современного народного искусства. Но, пожалуй, каждый из них (по отдельности) невозможно рассматривать как «визитку», они по-прежнему существуют только в сочетании с другими изделиями.

Первой ассоциацией с такого рода «визитной карточкой» у многих читателей, полагаю, будет национальный костюм – необычная старинная одежда с замысловатыми украшениями и ярким орнаментом, диковинные головные уборы, непривычные аксессуары (сумочки, перевязи, пояса и т. п.). Но, строго говоря, костюм – уже сочетание изделий разных традиционных ремесел и промыслов. И хотя национальные костюмы в Средней Азии давно вышли из повседневного употребления, это не мешает им по-прежнему успешно конкурировать в качестве «визиток» (и на международной арене, и внутри страны) с изделиями современных ремесленников, работающих в традиционной манере. А на среднеазиатских базарах все еще можно купить отдельные части национальных костюмов (платки, шарфы, традиционного покроя платья, безрукавки, тюбетейки или небольшие ювелирные украшения), а также ковры и паласы, вышитые или тканые накидки и покрывала, поливную керамическую посуду, глиняные игрушки и многое иное в том же духе. Но вряд ли подобные вещи можно считать «визитными карточками», ведь обычно они уже вырваны из контекста не только привычного быта, но и из целостной традиционной художественной системы народного искусства, из устойчивых, присущих каждому этносу «комплектов» изделий (целого *набора* необходимых свадебных украшений, вышивок или парадной посуды и т. д.). Возможно, этот отрыв от привычных художественных и бытовых контекстов компенсируется тем, что в рекламных роликах или на старорежимных выставочных плакатах часто воспроизводятся не отдельные вещи (возможные «визитки»?), а непременно их ансамбль. Например, на фоне ковра или декоративного войлочного панно помещают два-три сосуда, игрушку, национальный музыкальный инструмент, орнаментированное холодное оружие или головной убор с ювелирными украшениями. Подобного рода «сборные» фотографии или рисунки можно видеть и на обложках музейных каталогов, и на концертных плакатах, баннерах, на рекламных открытках и т. п.

«Визитки в народном стиле» можно группировать по разным параметрам. Например, в настоящее время повсеместно популярны многочисленные ярмарки и «фестивали народного искусства», где продукцию местных мастеров дополняют выступления местных коллективов и отдельных певцов, музыкантов и танцоров. Раньше типичным «брендом» местной *высокой* народной культуры оседлого населения Средней Азии считалось исполнение на особо важных официальных и общественных церемониях *Шаш-макама* – грандиозного средневекового вокально-инструментального сочинения, но теперь на торжествах их чаще заменяют народными песнями и музыкой (часто на аутентичных инструментах). Характерно, что не только гости, но и коренное население по-прежнему встречают подобные мероприятия с огромным энтузиазмом.

К аналогичным «визиткам в народном стиле» можно отнести и некоторые современные церемонии встречи или проводов важных официальных гостей. В их «протокол» до сих пор часто включают фрагменты традиционных этикетных приветствий, которые тоже воспринимаются окружающими как своеобразные (*акциональные* и *материальные*) «визитки» разных национальных культур. Даже в России гостя иногда встречают «хлебом-солью» (который подают на специальном подносе с вышитым полотенцем и солонкой-птичкой), а в Средней Азии дорогому и уважаемому гостю обязательно дарят традиционную тюбетейку (или *калпак*) и набрасывают на плечи «национальный» халат.

Перечисляя разновидности ВНС в области декоративно-прикладного искусства, стоит отметить еще один критерий их выделения – масштаб (одни «визитки» могут представлять обширный регион, другие – напоминать об искусстве отдельных национальных республик

или областей, городов или местностей, где сохранились «осколки» в прошлом широко известных ремесел и промыслов). Такая «иерархия» ВНС определенно отражает современное состояние всеобщего структурного переустройства общества, которое, в свою очередь, закономерно порождает массовую проблему самоопределения людей и поиска ими групповой идентификации, причины и механизмы которой изучают по всему миру [Идентификация, 1997]. Возможно, аналогичными процессами отчасти и объясняется явно выраженная сегодняшняя потребность (в частности, в республиках Средней Азии) в «простонародном» искусстве, которое традиционно считается проявлением коллективного культурного самосознания (и группового, и культурно-территориального, и общенародного, национального). Учитывая это обстоятельство, не следует, тем не менее, забывать, что с научной точки зрения это утверждение может быть оспорено, во всяком случае, оно далеко не однозначно. Вот лишь один пример.

В современной Средней Азии традиционных материальных символов единства всего региона, естественно, нет, потому что сейчас каждое из пяти молодых независимых государств старательно акцентирует свою национальную уникальность. Но и в прошлом регион тоже не был абсолютно единым ни в политическом, ни в языковом, ни в хозяйственно-культурном планах; на его территории исторически сложились три обширных этнокультурных ареала (каждый из которых включал более мелкие историко-культурные области) преимущественно с полиэтничным населением. Эта ситуация, естественно, была отражена в традиционной культуре населения конца XIX – начала XX в.[2] И даже на пороге XXI в. следы такого традиционного (историко-культурного, а не исключительно этнического!) членения среднеазиатского региона по инерции продолжают сохраняться. Так, до наших дней дожило обыкновение среднеазиатских мужчин носить традиционные головные уборы, поэтому современных таджиков и узбеков легко опознать по характерным квадратным тюбетейкам, казахи и киргизы вместе с современным европейским костюмом часто надевают войлочные *калпаки*, а туркмены в таких случаях по-прежнему предпочитают большие овчинные шапки. Эти обыкновения – характерный пример спонтанно возникших «визиток в народном стиле», их использование в повседневном быту никак не связано с потребностями современного художественного рынка (как производство «народных» сувениров), оно объясняется частичной сохранностью исторически сложившихся еще в досоветское время механизмов культурной (и не обязательно этнической!) самоидентификации населения разных частей среднеазиатского региона.

Илл. 5. Современные вышитые ковры («сузани», «джойнамоз»). Таджикистан, Узбекистан (*фото Е. С. Ермаковой*)

Пример с мужскими головными уборами также показывает, что восприятие одной и той же «визитной карточки в народном стиле» неизбежно двойственно: нельзя упускать из виду ни мнения местных жителей, ни чужаков (гостей, туристов). Первые, особенно старшее поколение, как правило, еще опознают в таких изделиях-визитках частицу своей народной традиции. Подобное восприятие народного искусства этнографы фиксировали и в XIX в. – первой половине XX в. (особенно среди сельского населения): в характерном артефакте (будь то отдельное украшение, местной формы сосуд, орнаментированный ковер или традиционный головной убор) зрители *узнавали* фрагмент или яркий признак своего тогда еще полнокровного искусства; в противном случае

[2] Подробнее историографию по теме см.: [Чвырь, 1991; 2001, с. 317–322].

– определяли его как чужеродное заимствование. Теперь – иное. Значительная часть молодежи, уже довольно поверхностно знакомая с прошлым своей народной культуры, все современные «народные поделки» воспринимает вчуже, как и туристы, для которых каждое изделие-«визитка» уже не столько неотъемлемая часть их былой жизни и культуры, сколько символ определенной этнической или этнографической группы населения (не больше, но и не меньше!)

Илл. 6. Современная «свадебная» тюбетейка. Таджикистан, Узбекистан (*фото Е. С. Ермаковой*)

Илл. 7. Мужская «чустская» тюбетейка. Таджикистан, Узбекистан (*фото Е. С. Ермаковой*)

Выбор «визитки в народном стиле»

Пониманию сути феномена современных «визитных карточек в народном стиле» помогает выяснение того, кто собственно их выбирает из богатого репертуара искусства каждого народа. Многие полагают, что это *мастера*, создатели художественного «продукта», и *народ,* непосредственный его «потребитель». Но такое представление было отчасти верным лишь в прошлом, а ныне подобная логика противоречит реальности. Народ сейчас почти ничего не выбирает. Да и само понятие *народ* сейчас становится все более расплывчатым, в частности, вкусы и представления об искусстве у составляющих его социально-профессиональных групп, разных по масштабу и этнокультурным характеристикам, как правило, сильно различаются[3]. Общее у них, пожалуй, одно – наивная вера, что любое «художественное» изделие, внешне отдаленно и туманно напоминающее некие «народные образы» – это и есть часть национальной традиции, «нашего культурного наследия»... В этом отношении представления среднеазиатского населения все больше приближаются к аналогичным стереотипам, распространенным и среди россиян.

В быту и сознании современных людей (даже в сельских местностях Средней Азии) роль простонародного искусства уже сильно ограничена, а в сознании горожан оно и вовсе ассоциируется не столько с повседневной жизнью, сколько с праздничным общественно-организованным «гуляньем», многолюдными свадебными или иными торжествами. Даже в интерьерах жилищ привычные изделия местных мастеров все чаще вытесняются аналогичными привозными, нетрадиционными вещами.

Позиция *мастера* в современном народном искусстве тоже сильно изменилась. Он существует отнюдь не в идеальном пространстве творческих устремлений и уже мало зависит от окружающего населения (то есть покупателей): между ним и публикой давно активизировалась влиятельная фигура *посредника,* профессионального устроителя самого акта коммуникации (продюсера, куратора, агента по продаже и т. п.). Именно он запускает механизмы реализации предполагаемого взаимодействия художника с публикой, следит за рынком народного искусства, ориентирует мастеров и художников сообразно сложившимся

[3] Ср. [Соколов, 2000].

на него спросу и предложениям. В частности, организует предварительную рекламу или выбирает наиболее эффективную для каждого конкретного акта коммуникации «визитную карточку», то есть *бренд,* актуальный для предполагаемого на этот раз партнера (с учетом специфики его восприятия). Однако окончательный выбор «визитки» для какого-нибудь значительного мероприятия (очередного крупного фестиваля, конкурса или выставки) все же невозможно осуществить без участия государственных институций, общественных организаций и заинтересованных частных лиц.

Условно первыми среди них можно выделить группу энтузиастов из художественной и гуманитарной среды: экспертов (художников, дизайнеров, коллекционеров, искусствоведов, этнографов) и просто знатоков, любителей народного творчества, хорошо знакомых с национальными традициями. Эти люди, как правило, являются инициаторами проектов, направленных на возрождение и развитие национального искусства, и обеспечивают *идейно-художественное обоснование* его необходимости в жизни современного общества. Реализацией предлагаемых ими инициатив, то есть *организационным процессом* этой тенденции в современной культурной жизни страны занимается преимущественно штат чиновников из соответствующих ведомств и отделов административно-государственного аппарата всех уровней. Наконец, решающий – *финансовый* – вклад в осуществление «политики развития народного искусства» в стране часто вносят другие заинтересованные партнеры – бизнесмены, особенно связанные с туризмом и рекламой. Цели участников всех трех групп (идеологические, политические и заодно экономические) не во всем совпадают, но результаты их совместных усилий можно наблюдать везде. Ни один государственный или религиозный праздник сейчас не обходится без выступлений самодеятельных и профессиональных коллективов «народной песни и танца», без фестивалей и выставок изделий «традиционных ремесел и промыслов». Подобные картины можно наблюдать не только в Средней Азии, но и во всех национальных республиках РФ.

Сферы применения «визиток в народном стиле» – еще один показательный аспект описания этого феномена. Преимущественно это область *рекламы,* главным образом туристической. На международной арене или внутри страны такие «визитные карточки» обычно указывают на территорию проживания разных этнических или локальных групп населения, где у каждой «свое» искусство (вернее, его реликты). Кроме того, ВНС часто используют для рекламы театрально-выставочных мероприятий (тоже в «народном духе»), которые обычно в равной мере интересуют и гостей, и местных жителей. Среди современных форм ВНС упомянем и воспроизведение их в цифровом виде: при оформлении сайтов и рекламных клипов, посвященных гастролям народных музыкальных коллективов, деятельности краеведческих и исторических музеев или многочисленных центров народного творчества.

Еще одна важная разновидность «визитных карточек» – *сувениры,* особенно популярные в связи с бурным развитием туризма, в частности, международного. В Средней Азии туристические маршруты привычно охватывают столицы и традиционные старинные культурные центры региона – Ташкент, Бухару, Самарканд, Алматы, Бишкек, Ашхабад. Эта сеть постепенно расширяется, и, соответственно, разрастается сопутствующая индустрия, в том числе реклама и производство сувениров «в народном стиле» на все вкусы – удовлетворяющих и поверхностное любопытство, и осознанную любознательность путешественников, особенно этнотуристов. Правда, в современном потребительском обществе естественное человеческое стремление – узнать о культуре других народов – часто превращается в настырное стремление овладеть (купить) или зафиксировать в окружающем мире непременно нечто экстраординарное (чудеса, экзотику), акцентируясь на всем эксклюзивном («самом древнем», «самом первом», «самом выдающемся», «самом изысканном» и т. п.). Этнографы также отмечают в настроениях современников устойчивый *запрос на аутентичность* (связанный с бумом в развитии этнотуризма), и в ответ на него – создание современных объединений ремесленников, бизнесменов и актеров-массовиков-затейников,

которые и предоставляют эту «аутентичность» всем желающим [Рыжакова, 2006, с. 118; Умарова, 2015, с. 33–34].

Подобное отношение к окружающему миру – с установкой на желательную престижность и, соответственно, склонность человека ко всему, якобы, исключительному, как известно, характерная черта массовой культуры. Такой настрой среди большинства современных туристов, естественно, не мог не повлиять и на феномен «визитных карточек». Так, на местных базарах теперь можно встретить любопытные сувениры «в народном стиле», имитирующие этнографические раритеты или местные археологические находки (небольшие «древние» монетки или украшения, уменьшенные макеты традиционной юрты или старинных сосудов, стилизованные «национальные» куклы и т.п.), которые нередко преподносятся как образцы «искусства наших предков». Они пользуются успехом, поскольку большинство туристов удовлетворяется достаточно условным «этническим» обликом этих вещей, в общих чертах соответствующих их расплывчатым представлениям о местной культуре. К сожалению, часть массовых, недорогих сувениров «в народном стиле» из-за чудовищно низкого качества их исполнения подчас едва узнаваемы даже знатоками национального искусства, поскольку их производство на местах нередко отдано на откуп торгово-коммерческим фирмам, отчего их художественное качество становится далеким от приемлемого.

Илл. 8. Старинная туркменская брошь «гульяка» (*фото М. А. Малашенко*)

Илл. 9. Современная стилизация традиционной туркменской броши «гульяка» (*фото М. А. Малашенко*)

Однако на современных среднеазиатских базарах встречаются и произведения иного достоинства, составляющие другой полюс художественного рынка Средней Азии. Такие вещи, напротив, обычно редкие, часто уникальные, но по существу их тоже можно отнести к «национальным сувенирам», хотя из-за высокой цены и качества их распространение ограничено. Мастера – авторы подобных произведений обычно тщательно воссоздают характерные для своей этнической среды образцы, взяв за основу аутентичные музейные экспонаты, подлинные вещи конца XIX – первой половины XX в., и стараются воспроизвести не только старинные формы и декор изделий, но по возможности и их

традиционные материалы, и соответствующую им старую технологию. К подобным изделиям относятся, например, редкие национальные музыкальные инструменты, кустарной работы шерстяные и шелковые ковры, огромные войлочные и вышитые настенные панно, сложные старинные ювелирные украшения, лучшие образцы традиционной поливной керамики [Гюль, 2013; Загитова, 2016; Кубель, 2015; Дервиз и др., 1974 и др.].

К ним примыкают и реконструированные, или стилизованные национальные костюмы (разной степени аутентичности) для выступлений в театрах, кино, на концертах. Среди них тоже есть дорогие, уникальной работы одеяния, особенно с золотым шитьем (*илл. 2*), шали и накидки, дорогая орнаментированная обувь, драгоценные наборные пояса и сложные ювелирные украшения (*илл. 8–9*) – все эти вещи, созданные современными мастерами, по большей части используются утилитарно, но чаще не в быту, а на сцене. Их справедливо считают престижными, и поэтому нередко либо дарят их особо уважаемым гостям, либо украшают ими жилище, одновременно демонстрируя этнический и социальный статус хозяина дома; наконец, подобные произведения – частые экспонаты на различных, особенно международных художественных выставках. Иными словами, во всех случаях их используют как ВНС.

* * *

Приведенные выше факты и соображения свидетельствуют в пользу того, что «визитки в народном стиле», как правило, представляют собой произведения уже не традиционного народного искусства (известного по образцам конца XIX – начала XX в.), а современного, сильно деформированного его варианта. Остается лишь понять, как оно соотносится с местной художественной традицией. Тщательное сравнение современных и традиционных вещей выявило только одно очевидное качество – заметное внешнее «обновление» каждого типа изделий. Раньше новации в первую очередь касались упрощения формы и декора изделий (но все же остававшихся в пределах канона, т. е. узнаваемости), а их традиционные материалы и соответствующая технология обработки обычно оставались прежними. В современных условиях, напротив, именно эти последние признаки изменяются в первую очередь, а внешняя форма и особенно декор часто как раз стараются сохранить.

Но, пожалуй, самая характерная черта современного варианта народного искусства в Средней Азии – кардинальная модификация его роли в жизни населения: исчезла сакральная функция, изменилось утилитарное использование, усилилось идентификационное назначение декоративно-прикладных изделий «в народном стиле». Для понимания сути происходящих с народным искусством превращений, принципиально важно учитывать и другой аспект – статусные перемены у основных «действующих лиц» художественных процессов – народных мастеров и «потребителей» их произведений. Теперь авторы декоративно-прикладных изделий (в традиционном стиле) уже не всегда безвестные народные мастера (в прошлом тесно связанные со своей общиной «заказчиков»), а чаще профессиональные художники, иногда даже члены Союза художников (независимо от их официального образования). Правда, кроме них на этой же ниве трудятся и талантливые любители – самодеятельные умельцы и некоторые потомственные мастера, вынужденные из-за исчезновения многих прежде распространенных промыслов и ремесел заниматься любимым делом лишь на досуге. Таким образом, в реальной жизни границы между понятиями «народный мастер», «самодеятельный автор» и современный художник-профессионал декоративно-прикладного искусства стали зыбкими, почти стерлись. Сейчас гораздо четче выделяются две другие группы творцов, обслуживающих покупательские потребности разных слоев населения. С одной стороны, это авторы массовых, недорогих сувениров, предназначенных для широкой публики, а с другой – упоминавшиеся выше создатели редких и дорогих произведений для состоятельных туристов или для национальной элиты. И те и другие целенаправленно имитируют образцы «национального

искусства», но по-разному: одни обращаются к популярным, несложным и легко воспроизводимым вещам (иногда просто копируют и тиражируют фрагменты традиционного национального орнамента, перенося его на несвойственные ему категории вещей), а другие ориентированы на тщательное воссоздание сложных аутентичных изделий.

Наконец, есть и иной вариант использования «визиток»: отдельные «национальные» украшения, аксессуары или элементы народного орнамента довольно часто можно увидеть в составе абсолютно современных костюмов или интерьеров (как жилых, так и общественных, *илл. 10*). Включение «народных фрагментов» в новые объекты обычно обусловлено модным ныне принципом *винтажа* (*илл. 1*), согласно которому конкретная «национальная принадлежность» задействованных традиционных атрибутов как будто уже становится совсем не актуальной, скорее они представляют именно некое абстрактное «народное искусство» как таковое [Умарова, 2015, с. 34].

Реальное место так или иначе трансформированной народной художественной традиции в пространстве всего современного искусства Средней Азии пока не определено, поэтому изучение феномена «визиток в народном стиле» отчасти заполняет этот пробел. Упоминавшаяся выше нацеленность народного искусства на обслуживание туристической сферы косвенно указывает на его значительную коммерциализацию и, следовательно, несвободное развитие и подчиненное положение. А поскольку в роли туристов время от времени пребывает большинство наших граждан, постольку в широких массах трудящихся не исчезает и даже укрепляется иллюзия тождества настоящего народного искусства и современных художественных поделок «в народном духе».

Илл. 10. «Национальный» дизайн номера в гостинице. Узбекистан, Бухара (*фото Е. С. Ермаковой*)

Подобные стереотипы в восприятии народного искусства господствуют ныне не только в Средней Азии, хотя здесь еще полвека назад частично сохранялся традиционный уклад жизни, а значит и широкое использование «своих» художественных ремесленных изделий. Однако уже к концу прошлого столетия социально-психологические, идеологические и этнокультурные представления всех советских народов (в том числе и среднеазиатских) значительно нивелировались, и в частности, восприятия своей национальной культуры типологически стали сходными и весьма аморфными.

Последнее объяснимо. Ушло (или уходит) старшее поколение, которое еще пользовалось в быту подлинными изделиями народного декоративно-прикладного искусства и традиционно, с детства обученное навыкам некоторых домашних промыслов. А среднеазиатская молодежь сейчас в основном ориентируется уже не столько на традиционный быт, сколько на свои впечатления (часто тоже еще детские!), почерпнутые из многочисленных художественно-исторических, сказочно-мультипликационных фильмов или из книжных иллюстраций к «национальным» эпосам и другим фольклорным сочинениям. Именно эти театрализованные фольклорные образы постепенно стали для них теперь едва ли не главным источником знаний о традиционной культуре и искусстве своего народа.

К сожалению, сила воздействия музейных подлинников на формирование вкусов и общих представлений публики о декоративно-прикладном народном искусстве остается по ряду причин довольно ограниченной, хотя фонды основных крупных художественных музеев региона исключительно богаты и разнообразны. Но фундаментом нынешней «народной памяти» у большей части населения Средней Азии служат уже эти преимущественно приблизительные, скудные визуальные образы, почерпнутые из иных источников. Эти образы – результаты творческих усилий двух-трех поколений современных художников и режиссеров, которые с разной степенью достоверности создавали (и тиражировали) «подновленные» и «обобщенные» картины национального простонародного быта и искусства средствами кинематографа, театра, телевидения. Так, по-видимому, сформировались, а в наши дни еще постоянно «подкрепляются» уже вполне современные политизированные этнокультурные мифы, воплощенные в концепте *национальных искусств* народов Средней Азии; их символами, или опознавательными знаками, в основном, и являются «визитки в народном стиле».

Взаимодействие разных видов искусства в современной Средней Азии порождает много вопросов, среди которых для нас центральным остается один – в каких случаях «визитки в народном стиле» действительно представляют сохранившиеся фрагменты живой художественной традиции, а когда они являются «новоделами» той части массовой культуры, что лишь внешне имитирует народное творчество? Для его решения прежде всего необходимо выяснить, насколько все, упомянутое выше, типично для народного искусства других групп населения, развивающихся в сходных или принципиально иных социокультурных, экономических и политических условиях. Вопросов много; изучение современных «визиток в народном стиле» только начинается...

Литература / References

Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях Средней Азии // *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.* М., 1975 [Borozna N. G. Nekotorye materialy ob amuletah-ukrasheniiah v Srednei Azii // *Domusulmanskie verovania i obrijdy v Srednei Azii.* Moscow, 1975].

Гюль Э. Ф. *Сады небесные и сады земные. Вышивка Узбекистана: скрытый смысл сакральных текстов.* М., 2013 [Gul' E. F. *Sady nebesnye i sady zemnye. Vyshivka Uzbekistana: skrytyi smysl sakral'nyh tekstov.* Moscow, 2013].

Дервиз Г., Жадова Л., Жданко И., Митлянский Д. *Современная керамика народных мастеров Средней Азии.* М., 1974 [Derviz G., Zjadova L., Zjdanko I., Mitlianski D. *Sovremennaia keramika narodnyh masterov Srednei Azii.* Moscow, 1974].

Загитова М. А. Туркменское ювелирное искусство // *Туркмены. Серия «Народы и культуры».* М., 2016 [Zagitova M. A. Turkmenskoe iuvelirnoe iskusstvo // *Turkmeny. Seria "Narody i kultury".* Moscow, 2016].

Кубель Е. Л. Производство музыкальных инструментов в Каракалпакии // *Труды XI Конгресса антропологов и этнографов России.* М., 2015 [Kubel' E. L. Proizvodstvo muzykalnyh instrumentov v Karakalpakii // *Trudy XI Kongressa antropologov i etnografov Rossii.* Moscow, 2015].

Октябрьская И. В., Сураганов С. К. Казахские узорные войлоки // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2013. № 3 [Oktiabrskaia I. V., Suraganov S. K. Kazahskie uzornye voiloki // *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2013. 13].

Олкотт М. Б., Тишков В. А., Малашенко А. В. *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах.* М., 1997 [Olkott M. B., Tishkov B. A., Malashenko A. V. *Identichnost' I konflikt v postsovetskih gosudarstvah.* Moscow, 1997].

Рыжакова С. И. «Хлебные мантры» и «японские чаши» у латышей. К вопросу об аутентичности и «регистрах истинности» в современной этнографии // *Этнографическое обозрение.* 2006. № 1 [Ryzhakova S. I. «Hlebnye mantry» i «iaponskie chashi» u latyshei. K voprosu ob autentichnosti i «registrah istinnosti» v sovremennoi 'etnografii // *'Etnograficheskoe obozrenie.* 2006. 1].

Соколов К. Б. Субкультурная стратификация и городской фольклор // *Традиционная культура.* 2000. № 1 [Sokolov K. B. Subkul'turnaia stratifikacia i gorodskoi fol'klor // *Traditsionnaia kul'tura.* 2000. 1].

Стасевич И. В. Динамика развития современного декоративно-прикладного творчества кыргызов (теоретические и практические аспекты) // *Труды XI Конгресса антропологов и этнографов России.* М., 2015 [Stasevich I. V. Dinamika razvitia sovremennogo dekorativno-prikladnogo tvorchestva kyrgyzov // *Trudy XI Kongressa antropologov i etnografov Rossii.* Moscow, 2015].

Сухарева О. А. Некоторые результаты изучения истории одежды народов Средней Азии // *Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.* М., 1971 [Suhareva O. A. Nekotorye rezul'taty izuchenia odezhdy narodov Srednei Azii // *Itogi polevih rabot Instituta 'Etnografii v 1970 g.* Moscow, 1971].

Сухарева О. А. *Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка.* М., 2006 [Suhareva O. A. *Suzani. Sredneaziatskaia dekorativnaia vyshivka.* Moscow, 2006].

Сычева Н. *Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана.* М., 1984 [Sycheva N. *Juvelirnye ukrasheniia narodov Srednei Azii i Kazahstana.* Moscow, 1984].

Тохтабаева Ш. Ж. *Серебряный путь казахских мастеров.* Алматы, 2005 [Tohtabaeva Sh. J. *Serebrianyi put' kazahskih masterov.* Almaty, 2005].

Умарова Г. А. *Традиционный мусульманский костюм таджиков: современные тенденции развития* (рукопись диссертации). М., 2015 [Umarova G. A. *Traditsionnyi musul'manskii kostium tadzhikov: sovremennye tendentsii razvitia* (rukopis' dissertatsii). Moscow, 2015].

Чвырь Л. А. Одна актуальная проблема этнографии народов Средней Азии и Казахстана // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* Вып. 3. М., 1991 [Chvyr L. A. Odna aktual'naia problema etnografii narodov Srednei Azii i Kazahstana // *Problemy 'etnogeneza i 'etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazahstana.* Vol. 3. Moscow, 1991].

Чвырь Л. А. Культурные ареалы и этнонимы // *Сборник к 60-летию Д. С. Раевского. Ежегодник МИФ.* Т. 7. София, 2001 [Chvyr L. A. Kul'turnye arealy i 'etnonimy // *Sbornik k 60-letiiu D. S. Raevskogo. Ezhegodnik MIF.* Vol. 7. Sofia, 2001].

«ГОЛОЦЕНОВОЕ МОРЕ» В СРЕДНЕМ ЕГИПТЕ: К НЕЗАВИСИМЫМ ОБОСНОВАНИЯМ ГИПОТЕЗЫ

Д. Б. Прусаков*

Гипотеза автора об огромном озере на голоценовом Ниле в Среднем Египте может быть окончательно подтверждена или опровергнута только комплексными полевыми исследованиями и спутниковой съемкой. На предварительном этапе ее обоснования полезно обратиться к уже имеющимся релевантным научным данным.

Ключевые слова: Восточная Сахара, голоцен, климат, Нил, гидрология, археология, додинастический Египет.

A “HOLOCENE SEA” IN MIDDLE EGYPT: INDEPENDENT VALIDATIONS OF THE HYPOTHESIS

Dmitry B. Proussakov

The author’s hypothesis on a large lake along the course of the Holocene Nile in Middle Egypt can be finally confirmed or disproved only through comprehensive field research and satellite imagery. At the preliminary stage of its validation, an appeal to available relevant scientific data is helpful.

Keywords: Eastern Sahara, Holocene, climate, the River Nile, hydrology, archaeology, Predynastic Egypt.

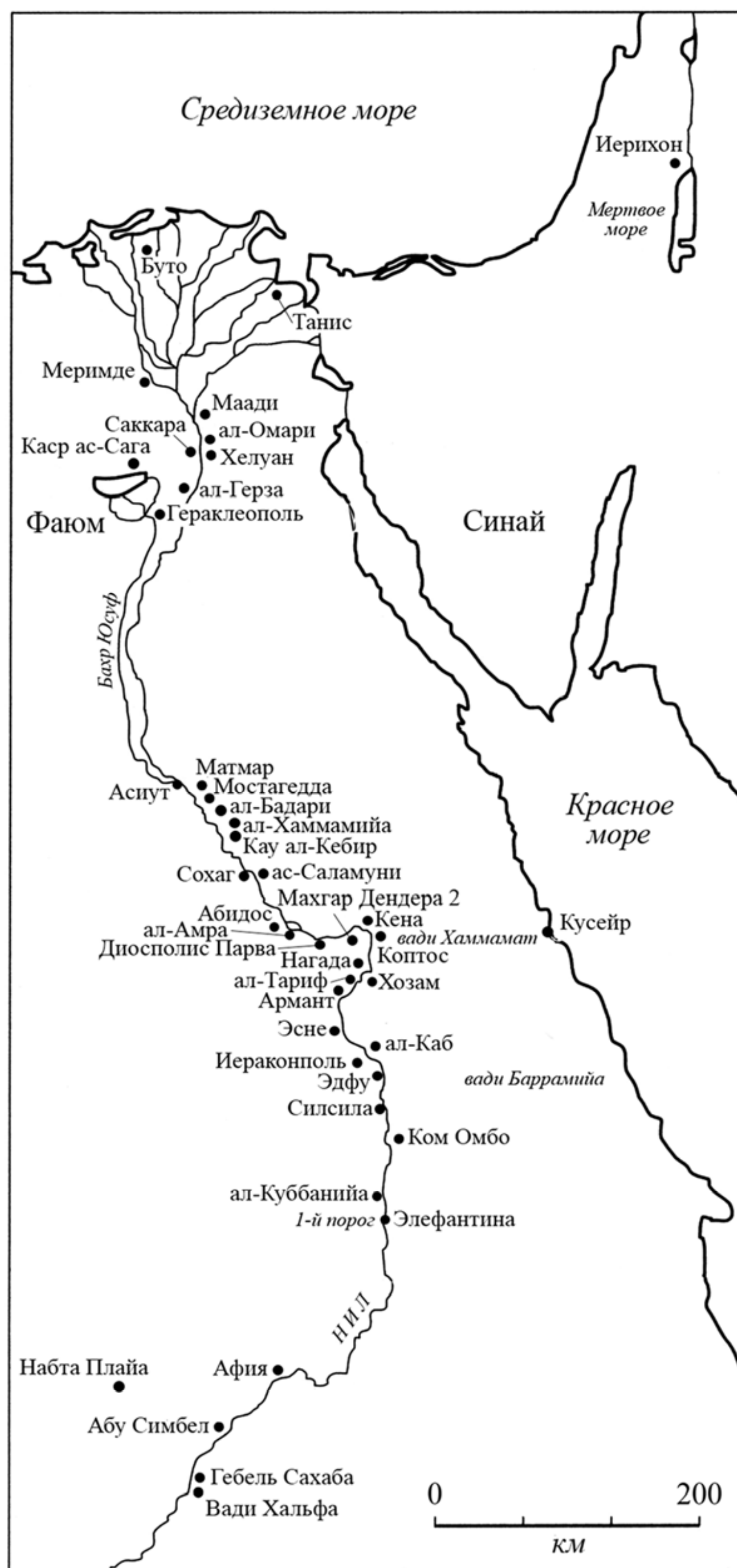
Опубликовав в первом номере «Вестника Института востоковедения РАН» свою гипотезу о наличии в Среднем Египте между Асиутом и Фаюмом в VII–IV тыс. до н. э. огромного озера, образованного разлившимся «неолитическим» Нилом [Прусаков, 2018], я оказался в неопределенной ситуации, как итальянский гидроинженер XIX в. Элиа Ломбардини, один из строителей Суэцкого канала, который в свое время выдвинул аналогичную идею для нижнего течения Белого Нила в Судане [Lombardini, 1864; 1865]. Спустя полтораста лет после выхода его «блистательного эссе» [Willcocks, 1904] [1] целенаправленные геолого-археологические исследования и космические съемки этой территории подтвердили существование «мегаозера Белый Нил» на пространстве от устья Собата почти до Хартума, по вероятнейшей на сегодня датировочной версии, в рисс-вюрмское межледниковье (109 ± 8 тыс. лет назад) [Barrows et al., 2014; Williams et al., 2003]. В ожидании пока заинтересованные изыскатели зафиксируют в поле, а дежурный спутник Landsat отсканирует с орбиты береговую линию «среднеегипетского голоценового моря», обращусь к уже имеющимся параллельным научным результатам, которые можно было бы предварительно истолковать в пользу его формирования в указанном регионе на обозначенном хронологическом отрезке.

Рождению гипотезы, наряду с «альтернативным» междисциплинарным подходом, способствовало то практическое обстоятельство, что, эскизируя для своих монографий [Прусаков, 2009а; 2015] карты додинастических археологических памятников на Ниле

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. Proussakov, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

[1] Уильям Уилкокс, крупный британский инженер гражданского строительства, проектировщик первых очередей Асуанской и Асиутской плотин в Египте (1898–1902 гг.) [Willcocks, 1894; 1913].

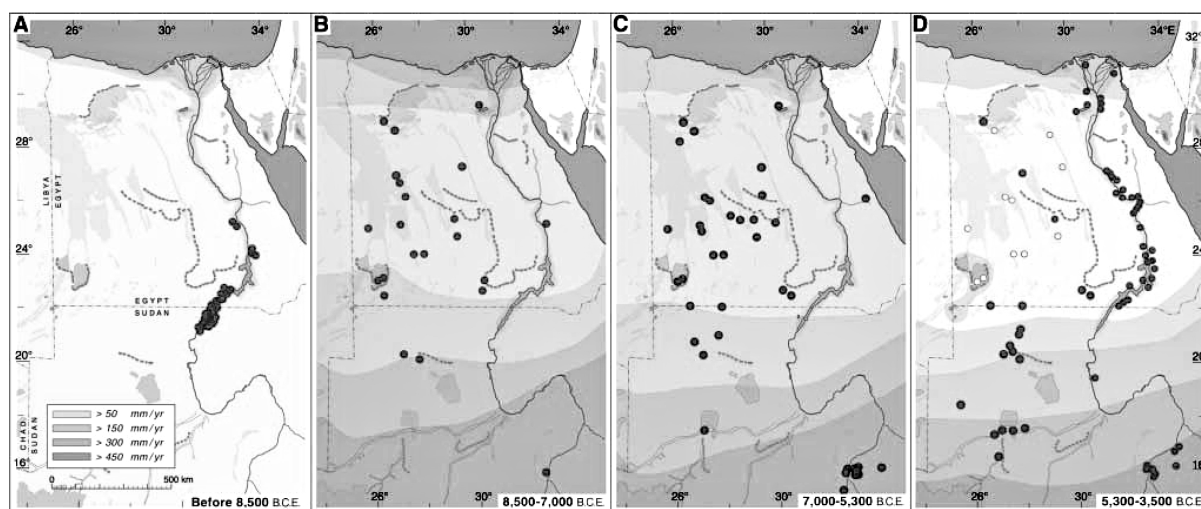
Илл. 1. Египетско-нижненубийский Нил: основные археологические памятники, рассматриваемые и упоминаемые в книге [Прусаков, 2009а] (*рис. автора*)

(стоянок, протогородов, некрополей), я каждый раз получал на месте Среднего Египта немую лакуну (*илл. 1*). Этот просторнейший участок пойменной Долины, где от Реки ответвляется, сопутствуя ей затем на протяжении примерно 250 км, рукав Бахр-Юсуф, наиболее продуктивен в сельскохозяйственном отношении, и, наверное, было бы логично ожидать его освоения доисторическими земледельцами и скотоводами по крайней мере синхронно и соразмерно с другими, но никак не столь ярко выраженной демонстрации отсутствия здесь бесспорных признаков оседлой первобытной жизни. Во избежание подозрений в авторской субъективности или недостаточной фактологической обоснованности такой «демографической» картины желательно, насколько позволяет доступный материал, сопоставить ее с независимыми реконструкциями подобного рода, в идеале – охватывающими по возможности более широкие хронологические пределы и стороны социально-культурного и хозяйственно-технологического развития обитателей дофараоновского Египта.

Сотрудники Кёльнского университета при участии Штефана Крёпелина, одного из ведущих современных специалистов по геологии и палеоклиматам Восточной Сахары [Schiermeier, 2012], изучали в этой «уникальной природной лаборатории» влияние на миграции доисторического человека глобальных температурных трендов голоцена [ср.: Клименко, 1997; Klimenko, 1997] и в итоге, с опорой на 500 радиоуглеродных дат из 150-ти археологических раскопов в пустыне (не

считая крупнейших оазисов и плейясов), смоделировали основные климатически обусловленные фазы заселения людьми Судана и Египта «в последние 12000 лет» [Kuper, Kröpelin, 2006] (*илл. 2*). Уточню, что на переходе к голоцену, в эпоху аллерёдского потепления со сравнительно быстро сменившим его финальным позднеплейстоценовым похолоданием верхнего дриаса (XII–XI тыс. до н. э.), Восточная Сахара оставалась такой же гипераридной, как и на пике вюрмского оледенения около XX тыс. до н. э.; дожди здесь не выпадали, нильскую пойму окаймляли эоловые дюны [Schild, Wendorf, 1989; Wendorf, Schild, 1989]. Ограниченность пищевых ресурсов засушливым климатом и резким (до менее чем 20 % от нынешнего объема стока [Wendorf, 2001]) обмелением Главного Нила могла стать причиной вооруженных конфликтов в вюрмском Египте, о которых, как допускали виднейшие антропологи-африканисты, свидетельствует скелет крепкого молодого мужчины из Вади Куббанийа со следами ранений дистального отдела плечевой кости и грудной клетки, нанесенных каменным оружием 21000–19000 некалибр. лет назад [Wendorf, Schild, Close, 1986]. Примерно тогда же, с большим опережением Европы, в Египте и ряде областей Восточной Африки «скачкообразно» началось производство микролитических орудий, которые господствовали в долине Нила и ее окрестностях вплоть до рубежа плейстоцена и голоцена, вероятно, послужив прогрессу охотничьего промысла того периода [Close, Wendorf, 1990; Gautier, van Neer, 1989; Marks, 1968; Peregrine, 2001]. В этом контексте показателен археологический объект E71K12 в 15 км к северу от Эсне — так называемая «верхнеегипетская позднепалеолитическая бойня», датируемая 19800–19600 некалибр. л. н. и приписываемая к нильской микролитической культуре Фахури [Wendorf et al., 1997]: в отложениях ископаемого озерца диаметром около 15 м у первобытной стоянки было найдено свыше 28000 фрагментов костей зверей, птиц и рыб, среди которых опознаны бубал (коровья антилопа), тур и газель доркас (94 % изученного костного материала), а также африканская кошка, заяц, утка, гусь, сом, тилапия и др.; наличие всех частей скелетов представленных здесь животных предполагает их местную разделку и поедание добытчиками [Baker, Gautier, 1997].

В засушливой фазе терминального плейстоцена Сахара простиралась почти на 400 км южнее, чем в наши дни, покрывая более трети площади Африки. Следов человеческих стоянок того времени в пустыне археологами не найдено, при этом их «предостаточно» (и больше всего) на Ниле под водохранилищем Насер (*илл. 2A*), что специалисты, впрочем, связывали с интенсивнейшими раскопками в зоне затопления перед строительством Высотной Асуанской плотины [Kuper, Kröpelin, 2006]. По имеющимся данным, после 18000–16000 некалибр. л. н. вдоль Реки наблюдалось постепенное увеличение средней площади охотничье-рыболовецко-собирательских стоянок: от 400–800 м^2 в указанный период до 3500 м^2 16000–14000 некалибр. л. н. и 12000 м^2 к концу плейстоцена [Hassan, 1980].

Илл. 2. Заселение египетской Сахары и долины Нила в раннем и среднем голоцене (по: [Kuper, Kröpelin, 2006, fig. 3])

Холодный верхний дриас был прерван «стремительным» приростом глобальных температур, фиксируемым гренландскими ледовыми кернами [Alley et al., 1993; Grootes et al., 1993; Mayewski et al., 1993]; потепление и увлажнение с началом голоцена климатов Восточной Африки[2] характеризовалось, в частности, «резким возвращением» на континент ливневых летних муссонов, способствовавших существенному повышению уровней великих и малых озер Восточно-Африканского разлома [Adamson et al., 1980; Grove, Goudie, 1971; Williams et al., 2006], и установлением режима ежегодных (в ту пору экстремально высоких [Butzer, 1998]) разливов Главного Нила, позднее наложивших неповторимый отпечаток на весь строй древнеегипетской цивилизации [Talbot, Williams, Adamson, 2000]. Этому климатически нестабильному рубежу геологических эпох принадлежит уникальный археологический памятник, датируемый около 12000 некалибр. л. н. – массовое людское захоронение Гебель Сахаба близ Вади Хальфа (в основном скоплении точек, обозначающих первобытные «поселения», на *илл. 2А*). Из найденных здесь 59-ти мужских, женских и детских скелетов более 40 % имеют признаки насильственной смерти: каменные отщепы в черепах и костях, порезы и переломы конечностей, натолкнувшие исследователей на мысль, что в конце плейстоцена – начале голоцена обитатели долины «необузданного» Нила вели ожесточенную борьбу за ресурсы («территорию и пищу») [Wendorf, 1968; 2001].

После 12000 некалибр. л. н. в Египте и Нубии (северный Судан) наметился новый «технологический прорыв»: микролиты стали вытесняться орудиями на больших отщепах и пластинах [Barich, Hassan, 1987; Hassan, 1978; 1979]. При этом, в отличие от Передней Азии, которая в IX–VIII тыс. до н. э. уверенно шагнула в неолит, практикуя земледелие и скотоводство, организуя многолюдные поселения и торговый обмен на обширных пространствах [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1989; 1991; Bar-Yosef, Meadows, 1995; Horwitz et al., 1999], Нубия и Египет сравнительно долго сохраняли охотничье-собирательский уклад мезолита; в частности, заливная пойма нубийско-египетского Нила, еще не наросшая аллювиальными отложениями плодородных илистых почв [Прусаков, 2009а; 2009б], не благоприятствовала разведению культурных растений и приходу сюда оседлых жителей и производящего хозяйства. За исключением района Вади Хальфа, прилегающего ко 2-му порогу, на Главном Ниле, чьи разливы повысились до очередного «разрушительного» экстремума 9500–9000 некалибр. л. н. [Wendorf, Schild, 1976; Said, 1981], почти не обнаружено стоянок периода 12000–8000 некалибр. л. н. (≈12062–6925 гг. до н. э.) [Connor, Marks, 1986]; лишь в VII тыс. до н. э. в области слияния Белого и Голубого Нила получила развитие традиция раннего («мезолитического») Хартума, отправная для нильского неолита [Arkell, 1949; 1977; Caneva, 1983; Clark, 1989; Khabir, 1987].

В Восточной Сахаре, напротив, на этом этапе так называемого «большого увлажнения раннего голоцена» [Haynes, 2001; Muzzolini, 1989] с кульминацией, по Ш. Крёпелину, около 8500 г. до н. э. [Kuper, Kröpelin, 2006], установились комфортные термические и гидрологические условия для растений и животных, привлекавших толпы первобытных промысловиков [Nicoll, 2004; Wendorf, Hassan, 1980; Williams, 1984]. Озера Сахары тогда достигали максимального уровня [Kröpelin, Soulié-Märsche, 1991; Muzzolini, 1986]. Озеро Чад между 9500 и 8000/7000 некалибр. л. н. образовало гигантскую акваторию порядка 350 тыс. км^2, по площади сопоставимую с Каспийским морем (т. н. «Мега-Чад») [Grove, Goudie, 1971]. Повышение зеркала грунтовых вод 9500 некалибр. л. н. ≈ 8808 г. до н. э. способствовало формированию и обеспечило питание озер в северном Судане, где около 9300 некалибр. л. н. возник также сток вади в Нил; в Вади Ховар с устьем между 3-м и 4-м порогами струился полноводный приток Желтый Нил, иссякший только в историческую эпоху [Haynes et al., 1989; Keding, 1998; Pachur, Kröpelin, 1987; Pachur, Röper, 1984; Pachur et al., 1990; Richter, 1989]. В оазисах Харга и Дахла 9100–8700 некалибр. л. н. ≈ 8281–7692 гг. до н. э. имелись ключи и целые озера, наполненные артезианскими водами [Brookes, 1989; 1993; Kleindienst, 1999; McDonald, 1992], в центральном Судане 8500–7000 некалибр. л. н. ≈ 7559–5868 гг. до

[2] Подробнее см.: [Прусаков, 2005; 2009а; 2018].

н. э. – неглубокие, но многочисленные дождевые озера [Ritchie, Eyles, Haynes, 1985; Williams, Adamson, 1980; Williams, Clark, 1976]. Гумидная раннеголоценовая Восточная Сахара отличалась богатым животным миром; найденные археологами кости и наскальные рисунки указывают на носорогов, гиппопотамов, слонов, жирафов, крупный и мелкий рогатый скот, эквидов, страусов, а также хищников: львов, каракалов, крокодилов и др. [Churcher, 1999; Gautier, 2001; Hassan, Gross, 1987; van Neer, Uerpmann, 1989; van Noten, 1978; Pachur, Röper, 1984]. На отдельных петроглифах (датировки спорны) видны «стада» в сопровождении «пастухов»; распространенные в бывших египетских саваннах россыпи тяжелых камней с боковыми выемками или отверстием посередине исследователи считали «якорями» для привязывания древнейших одомашненных животных [Pachur, 1991]. По самым смелым выкладкам, среднегодовое количество осадков во времена процветания всей этой фауны в различных районах Египта и Судана колебалось от 200 до 800 мм [McHugh, 1974a; 1974b; 1981; ср.: Peyron et al., 2006] (более умеренные оценки см.: [Gautier, 2001; Kröpelin, Pachur, 1991; Pachur, Braun, 1980]).

Апогею очерченной привлекательнейшей палеоклиматической картины [ср.: Hoelzmann et al., 2001] соответствует *илл. 2B* по Ш. Крёпелину, иллюстрирующая «на удивление раннее и быстрое» заселение изучаемого региона [Kuper, Kröpelin, 2006]. Для сравнения, в центральной Сахаре радиоуглеродные даты 9370 ± 130 и 9330 ± 130 ^{14}C л. н. (≈8800–8400 гг. до н. э.) получены для находок каменных наконечников стрел, терочников и «волнисто-линейной» керамики (возможно, первой в Старом Свете [см.: Jesse, 2003]) [Roset, 1996]. В Восточной Сахаре, другом «керамическом очаге» Африки, если не всего мира, район плейясов (пересохших озер) Набта – Кисейба на юге Египта дал схожую керамику возраста 9800 некалибр. л. н. (последняя четверть X тыс. до н. э.) [Close, 1987; Wendorf, Schild, 2001], причем некоторые специалисты допускали здесь доместикацию крупного рогатого скота (тура *Bos primigenius*) уже 9500–9000 некалибр. л. н. (IX тыс. до н. э.[3] [Banks, 1984; Gautier, 1980; Wendorf, Schild, 1998; Wendorf, Schild, Close, 1984]; в Ливийской пустыне обнаружены эпипалеолитические селища с развитым керамическим производством, датированные между 8640 ± 70 и 8070 ± 100 ^{14}C л. н. (≈7700–6800 гг. до н. э.) [Barich, 1978; 1984; 1987; Barich et al., 1984]. Предполагалось, что это были отчасти выходцы из «негостеприимной» долины Нила и, в массе, переселенцы «с юга», адаптированные к условиям саванн и мигрировавшие в здешние края вслед за ускоренным перемещением границы выпадения летних муссонных дождей, которая в IX тыс. до н. э. продвинулась от 16-го к 24-му град. с. ш., или от 6-го до 1-го порогов, а на пике большого атлантического оптимума голоцена во второй половине V тыс. до н. э. [см.: Клименко, 1997; Клименко и др., 1996] могла приблизиться к 30-му градусу с. ш., т. е. к нильской Дельте [Fairbridge, 1962; Haynes, 2001; Kröpelin, 1999; Sarnthein, 1978]. Даже в глубине «Большого песчаного моря», ныне абсолютно бесплодного эрга на западе Египта, не оживляемого ни грунтовыми водами, ни атмосферными осадками, археологические раскопки засвидетельствовали проникновение человеческих стоянок начиная с 9300 некалибр. л. н. ≈ 8553 г. до н. э., которому тогда, вероятно, способствовали разбросанные среди дюн озера дождевого питания с произрастающими вокруг кустарниками и деревьями – тамариксами и акациями [Riemer, 2003]; при этом, с указанием на период 8000–7000 гг. до н. э., обращалось особое внимание на «почти полное отсутствие поселений в египетской долине Нила, за исключением эль-Каба» [Kuper, Kröpelin, 2006].

Обозначенная «археологическая лакуна» (по другой датировочной версии, VIII–VI тыс. до н. э. [Trigger, 1983]) в принильском Египте, согласно Ш. Крёпелину, хронологически коррелирует с «относительно стабильными влажными условиями, преобладавшими на протяжении приблизительно 3200 календарных лет между 8500 и 5300 гг. до н. э.» [Kuper, Kröpelin, 2006]. Этому тезису, однако, противоречит «мгновенный» упадок 8000 некалибр. л. н. культуры докерамического неолита PPNB в Сирии-Палестине и на Синае, который специалисты объясняли аридизацией ближневосточного региона в рамках

[3] Против столь низких дат см.: [Clutton-Brock, 1993; Smith, 1986].

так называемого «иссушения среднего голоцена» 8000/7500–7000/6500 некалибр. л. н. (VII – вторая половина VI тыс. до н. э.) [Aurenche et al., 2001; Hassan, 1987; Midant-Reynes, 2000]. Данный аридный эпизод с предполагаемой кульминацией в Северной Африке около 7500 некалибр. л. н. ≈ 6384 г. до н. э. [Lubell, 2001] соотносится с похолоданием 7000–5000 гг. до н. э., которое палеоклиматологи связывали с глобальной вулканической активностью [Zielinski et al., 1994; ср.: Grove, 1993]. На африканском континенте оно было отмечено регрессией озера «Мега-Чад» после 8000/7000 некалибр. л. н., убылью озер Эфиопского рифта 8400/8000–7200 некалибр. л. н., понижением уровня грунтовых вод, усыханием водоемов и процессами ветровой эрозии в оазисах Западной (Ливийской) пустыни Египта 8000–7000 некалибр. л. н., синхронно с исчезновением оттуда микролитических орудий [Barich, Hassan, 1987; Czielsa, 1993; Gasse, Street, 1978; Grove, Goudie, 1971; Hassan, 1976; 1979; Wendorf, Hassan, 1980]. Кроме того, около 7450 некалибр. л. н. ≈ 6316 г. до н. э., предположительно, по причине резкого ослабления или полного прерывания гидрологического сообщения Фаюмской депрессии с Нилом через «канал» Бахр-Юсуф и проток Хавара началось заболачивание (возможно, с последующим высыханием) Меридова озера [Hassan, 1986], что совпало с упадком возникшей на его берегах во второй половине VIII тыс. до н. э. эпипалеолитической культуры Карун (Фаюм В) [Wenke et al., 1983]. Вместе с тем после 7000 г. до н. э. первобытные поселения закрепились по всей Восточной Сахаре, хозяйственно-технологически адаптировавшись к ее ландшафтно-климатической специфике [Gehlen et al., 2002] (*илл. 2C*); «важнейшим достижением этой фазы является разведение домашнего скота» [Kuper, Kröpelin, 2006], включая овец и коз происхождением из Передней Азии [Close, 2002].

Календарную дату 5300 г. до н. э. Ш. Крёпелин с коллегами рассматривали как рубеж, с которого в результате аридизации египетской Сахары, за вычетом отдельных пока остававшихся пригодными для жизни скотоводов экологических ниш наподобие плато Гильф Кебир с озерами и водотоками вади [Gautier, 1984; Kuper, 1995; McHugh, 1975], ее население «резко сокращается» – на Ниле же, куда оно вытесняется ухудшением климата и нарастающим опустыниванием, «расцветают» первые нижнеегипетские неолитические общины, прежде всего Фаюма и Меримде, где времени «около 5000 г. до н. э.» отвечает «почти полностью развитое культивирование пшеницы и ячменя» [Kuper, Kröpelin, 2006]. Здесь нужно внести ясность. Материалы, используемые учеными из Кёльна для этой реконструкции – например, данные их междисциплинарного проекта ACACIA[4] об уменьшении в связи с «засушливым трендом» количества радиометрически датируемых после 6300 некалибр. л. н. (≈5289 г. до н. э.) археологических местонахождений в низменности Джара в Египте на полпути между Асиутом и оазисом Фарафра [Kindermann et al., 2006] и т. п. – представляют лишь что-то вроде сигнальных симптомов будущей «болезни». До всеобъемлющей засухи, окончательно превратившей Сахару в пустыню, оставалось не меньше двух тысячелетий, к тому же вобравших в себя «необычайно благоприятный в климатическом отношении период атлантического оптимума голоцена», на пике которого около 5500 некалибр. л. н. ≈ 4344 г. до н. э. температура северного полушария превышала сегодняшнюю на 1,4°C; не говоря уже о VI–V тыс. – «сейчас можно считать твердо установленным, что в начале IV тыс. до н. э. в Африке не существовало сколько-нибудь значительных пространств, занятых пустынями, похожими на современные» [Клименко, 2009]. Иными словами, переселение обитателей Сахары на Нил на раннем этапе, выделенном германскими исследователями, не могло определяться как доминирующим, климатическим фактором; по моей версии [Прусаков, 2009в], притяжение к Реке первых «сельскохозяйственных» коллективов с переходом к неолиту в Египте было преимущественно стимулировано образованием аллювиального почвенного покрова в нильской пойме, заложившего основу ее знаменитого ирригационно-заливного земледелия. При этом

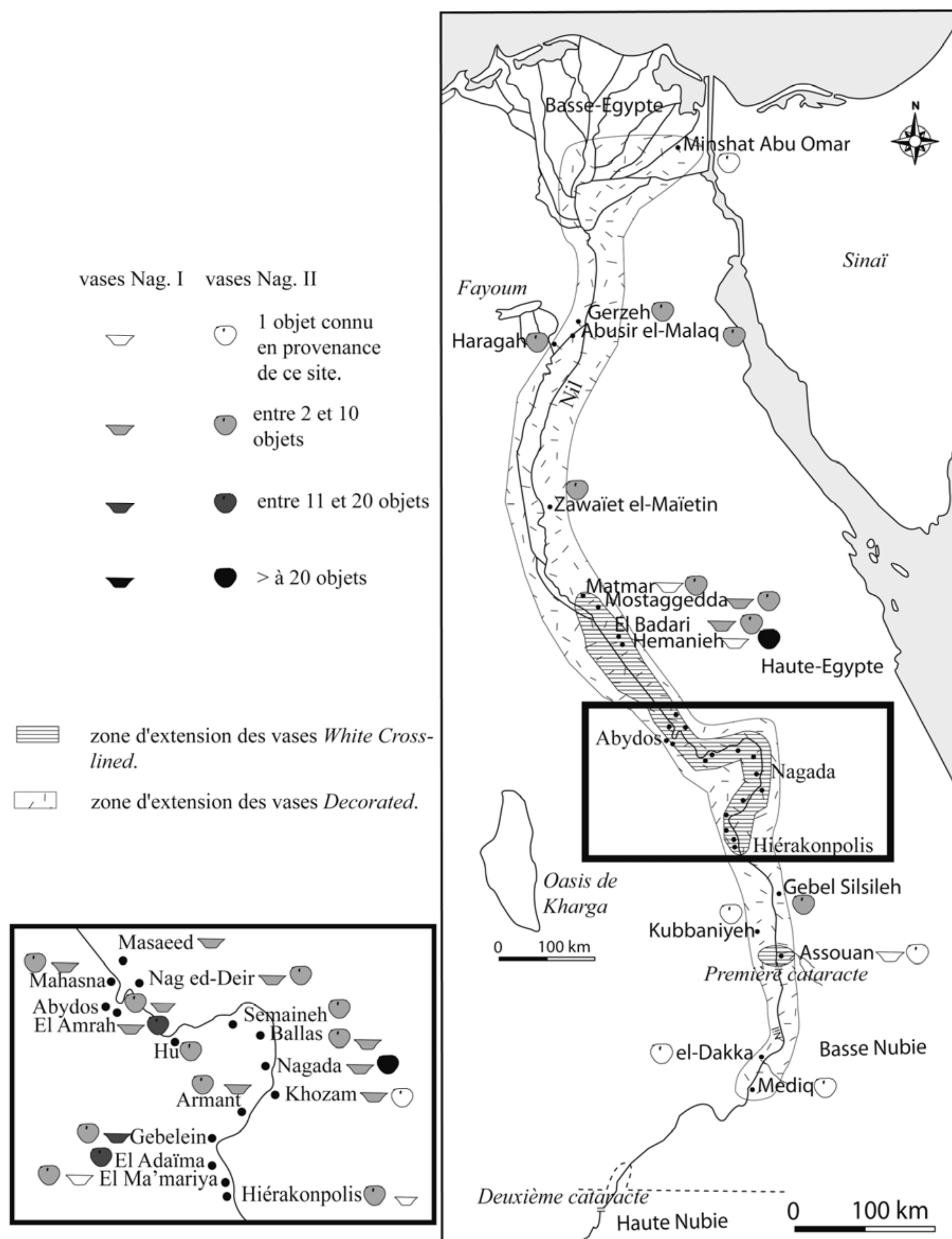
[4] См.: *Arid Climate, Adaptation and Cultural Innovation in Africa*. URL: http://www.uni-koeln.de/inter-fak/sfb389/ (дата обращения 29.11.2018).

древнейшие известные неолитические стоянки культуры Фаюм А в Каср ас-Сага на севере оазиса, датированные около 6360 некалибр. л. н. ≈ 5325 г. до н. э. [Dagnan-Ginter et al., 1984; Ginter et al., 1982], лишены признаков растениеводства (как и оседлого скотоводства): оставившие их люди занимались сезонным рыболовством и вели бродячий образ жизни [Kozlowski, 1983]; эммер (пшеница-двузернянка) и ячмень с расположенного неподалеку уникального фаюмского земледельческого объекта kôm W имеют радиоуглеродную датировку 5860 ± 115 ^{14}C л. н. ≈ 4839–4579 гг. до н. э. [Wendorf, Schild, 1976; ср.: Libby, 1955] и происходят из ямного зернохранилища емкостью менее чем на 300 едоков, рядом с которым отсутствовало постоянное селище [Hassan, 1988].

Для ранненеолитического технокомплекса Меримде, зародившегося около середины VI тыс. до н. э. на юго-западной окраине Дельты [Eiwanger, 1984–1992; Hawass, Hassan, Gautier, 1988], тезис о здешнем «почти полностью развитом» земледелии уже в конце VI – начале V тыс. до н. э., откуда («горизонт II») до нас не дошло вообще никаких следов культивирования растений, остается даже более дискуссионным, чем в случае с лежащим в стороне от Нила Фаюмским оазисом. В то же время не позднее VII–VI тыс. до н. э. в Нижнем Египте стартовало интенсивное почвообразование, севернее Каира – прежде всего благодаря поступлению колоссальных масс ила по ныне не существующему, а в VI–IV тыс. до н. э. многоводнейшему центральному, «Себеннитскому» устьевому руслу [Stanley et al., 1992; 1993a]. Считается, что этот процесс довольно быстро повлек за собой обживание «человеком хозяйствующим» формирующейся нильской Дельты [Stanley, Warne, 1993b; 1994], где, например, К. Бутцер допускал наличие к 4000 до н. э. «сотен мелких деревушек» [Butzer, 1959b]. «Неожиданный» и «нелогичный» упадок преуспевшего и в земледелии, и в скотоводстве «протогородского» [см.: Junker, 1929–1940] Меримде «горизонтов III–V» во второй половине V тыс. до н. э., в разгар атлантического термического оптимума, вероятно, отразил тенденцию к миграционному оттоку/притоку на внутридельтовые земли, превратившиеся из сухих песчаных равнин в тучные травенеющие угодья с прекрасными пастбищами [Прусаков, 2006]. В Долине, и опережающе в Среднем Египте (учитывая постепенное нарастание мощности почвенного аллювия от 6 м у Асуана до около 10 м с приближением к Каиру [Ball, 1939; Butzer, 1959a]), отложение богатого питательными веществами ила [см.: Молодцов, 1964] при скорости 1–1,5 мм в год должно было достаточно «окультурить» заливную пойму к концу V тыс. до н. э., однако нижнеегипетский неолит по какой-то причине не обнаруживает синхронной экспансии вверх по течению, в плодороднейшее после Дельты «междуречье» Нила и Бахр-Юсуфа. Не проникает туда почему-то и верхнеегипетский земледельческо-скотоводческий неолит Бадари и Амры середины V – середины IV тыс. до н. э., «запертый» загадочной северной границей, соотносившейся с областью Асиута. Именно этот культурно-территориальный разрыв фиксирует мой контурный археологический эскиз (*илл. 1*), в точности совпадающий с отображением заселенности неолитического поречного Египта на палеоклиматической карте Ш. Крёпелина (*илл. 2D*).

С полученным результатом уместно сопоставить географию поочередного распространения в Египте характерной додинастической керамики: крестолинейной *White Cross-lined* амратского (Нагада I) и расписной *Decorated* герзейского (Нагада II) периодов [см.: Petrie, 1899; 1901] (*илл. 3*). Первая концентрируется в Верховье, не выходя за упомянутый асиутский предел (корреляция с независимыми данными *илл. 1* и *2D* для Верхнего Египта бросается в глаза); вторая после 3600–3500 гг. «захватывает» всю страну до Дельты включительно [Graff, 2011], явно в русле обозначившегося во второй половине IV тыс. до н. э. этно-культурного объединения «обеих земель» будущего государства фараонов; возникает невольная ассоциация с «прорывом плотины» или устранением некоего физического препятствия, «разом» или в сравнительно короткие сроки запустившим этот процесс…

Феномен «неолитической лакуны» Среднего Египта – одна из наиболее животрепещущих, но «упущенных» (чтобы не сказать игнорируемых) специалистами проблем археологии египетской додинастики. На ее решение впервые прямо нацелена предложенная мной гипотеза о «промежуточном образовании» в этом регионе на завершающем этапе формирования современной озерно-речной гидросистемы Нила крупного водоема [Прусаков, 2018], разносторонняя экспертиза которой, надеюсь, не заставит себя ждать.

Илл. 3. Ареалы амратской крестолинейной и герзейской расписной керамики в Верхнем и Нижнем Египте (по: [Graff, 2011, fig. 1])

Литература / References

Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена // *Доклады Академии наук*. 1997. № 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. O glavnyh klimaticheskih ritmah golotsena // *Doklady Akademii nauk*. 1997. 357. Pp. 399–402].

Клименко В. В. *Климат: непрочитанная глава истории*. М., 2009 [Klimenko V. V. *Klimat: neprochitannaia glava istorii*. Moscow, 2009].

Клименко В. В., Климанов В. А., Кожаринов А. В., Федоров М. В. Глобальный климат и тысячелетний тренд температур в позднеледниковье и голоцене // *Метеорология и гидрология*. 1996. 7. С. 26–35 [Klimenko V. V., Klimanov V. A., Kozharinov A. V., Fiodorov M. V. Global'nyi klimat i tysiacheletnii trend temperatur v pozdnelednikov'e i golotsene // *Meteorologiia i gidrologiia*. 1996. 7. Pp. 26–35].

Молодцов В. А. Состав и агрохимические свойства наносов Нила // *Почвоведение*. 1964. № 12. С. 54–61 [Molodtsov V. A. Sostav i agrohimicheskie svoistva nanosov Nila // *Pochvovedenie*. 1964. 12. Pp. 54–61].

Прусаков Д. Б. О причине «позднего» перехода к неолиту и производящему хозяйству в Египте (материалы для ландшафтно-климатической реконструкции) // *История и современность*. 2005. № 2. С. 80–112 [Proussakov D. B. O prichinah "pozdnego" perehoda k neolitu i proizvodyaschemu hozyaistvu v Egipte (materialy dlya landshaftno-klimaticheskoi rekonstruktsii) // *Istoriia i sovremennost'*. 2005. 2. Pp. 80–112].

Прусаков Д. Б. Люди и скот в дельте Нила накануне цивилизации: палеоэкология, геоархеология и ценз булавы «Нармера» // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2005. Доклады*. СПб., 2006. С. 116–142 [Proussakov D. B. Lyudi i skot v del'te Nila nakanune tsivilizatsii: paleoekologiia, geoarheologiia i tsenz bulavy "Narmera" // Bolshakov A. O. (red.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2005. Doklady*. Saint-Petersburg, 2006. Pp. 116–142].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М., 2009а [Proussakov D. B. *Drevnii Egipet: pochva tsivilizatsii (etyud o neoliticheskoi revolyutsii)*. Moscow, 2009a].

Прусаков Д. Б. Климат и почва: от палеолита к неолиту в долине Главного Нила (Египет, Нубия) // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2007–2008. Доклады*. СПб., 2009б. С. 208–223 [Proussakov D. B. Klimat i pochva: ot paleolita k neolitu v doline Glavnogo Nila // Bolshakov A. O. (red.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2007–2008. Doklady*. Saint-Petersburg, 2009б. Pp. 208–223].

Прусаков Д. Б. Почва как фактор генезиса египетского неолита и додинастики (на примере культур Фаюм А и Меримде Бени-Саламе) // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2007–2008. Доклады*. СПб., 2009в. С. 193–207 [Proussakov D. B. Pochva kak faktor genezisa egipetskogo neolita i dodinastiki (na primere kul'tur Faium A i Merimde Beni-Salame) // Bolshakov A. O. (red.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2007–2008. Doklady*. Saint-Petersburg, 2009в. Pp. 193–207].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015 [Proussakov D. B. *Dodinasticheskii Egipet: lodka u istokov tsivilizatsii*. Moscow, 2015].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Ozyora na doistoricheskom Nile: "gidrologicheskie" perspektivy egipetskoi arheologii // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 1. Pp. 70–80].

Adamson D. A., Gasse F., Street F. A., Williams M. A. J. Late Quaternary History of the Nile // *Nature*. 1980. 288. Pp. 50–55.

Alley R., Meese D., Shuman C., Gow A., Taylor K., Grootes P. M., White J. W. C., Ram M., Waddington E., Mayewski P., Zielinski G. Abrupt Increase in Greenland Snow Accumulation at the End of the Younger Dryas Event // *Nature*. 1993. 362. Pp. 527–529.

Arkell A. J. *Early Khartoum: An Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried Out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–1945*. London, 1949.

Arkell A. J. Dating «Early Khartoum» // Endesfelder E. (Hrsg.). *Ägypten und Kusch*. Berlin, 1977. S. 53–55.

Aurenche O., Galet P., Régagnon-Caroline E., Évin J. Proto-Neolithic and Neolithic Cultures in the Middle East — The Birth of Agriculture, Livestock Raising, and Ceramics: A Calibrated ^{14}C Chronology 12,500–5500 cal BC // *Radiocarbon*. 2001. 43. Pp. 1191–1202.

Baker P., Gautier A. Site E71K12 and the Late Paleolithic Annual Round Along the Nile in Upper Egypt // Wendorf F. A., Schild R., Baker P., Gautier A., Longo L., Mohamed A. (eds.). *A Late Palaeolithic Kill–Butchery–Camp in Upper Egypt*. Dallas, 1997. Pp. 43–56.

Ball J. *Contributions to the Geography of Egypt*. Cairo, 1939.

Banks K. M. *Climates, Cultures, and Cattle: The Holocene Archaeology of the Eastern Sahara*. New Delhi, 1984.

Barich B. E. La seria stratigrafica de l'Uadi Ti-n-Torha (Acacus, Libia). Per una interpretazione della facies a ceramica saharosudanesi // *Origini*. 1978. 8. Pp. 7–184.

Barich B. E. The Epipaleolithic-Ceramic Groups of Libyan Sahara: Notes for an Economic Model of the Cultural Development in the West-Central Africa // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M. (eds.). *Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-Eastern Africa*. Poznan, 1984. Pp. 399–410.

Barich B. E. (ed.). *Archaeology and Environment in the Libyan Sahara. The Excavations in the Tadrart Acacus 1978–1983*. Oxford, 1987.

Barich B. E., Hassan F. A. The Farafra Oasis Archaeological Project // *Nyame Akuma*. 1987. 29. Pp. 16–21.

Barich B. E., Belluomini G., Bonadonna F., Alessio M., Manfra L. Ecological and Cultural Relevance of the Recent New Radiocarbon Dates from Libyan Sahara // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M. (eds.). *Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-Eastern Africa*. Poznan, 1984. Pp. 411–417.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. The Levantine «PPNB» Interaction Sphere // Hershkovitz I. (ed.) *People and Culture in Change: Proceedings of the Second Symposium on Upper Palaeolithic, Mesolithic, and Neolithic Populations of Europe and Mediterranean Basin*. Oxford, 1989. Pp. 59–72.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. From Sedentary Hunter-Gatherers to Territorial Farmers in the Levant // Gregg S. A. (ed.). *Between Bands and States*. Carbondale, 1991. Pp. 181–202.

Bar-Yosef O., Meadows R. H. The Origins of Agriculture in the Near East // Price T. D., Gebauer A. B. (eds.). *Last Hunters, First Farmers: New Perspectives on the Prehistoric Transition to Agriculture*. Santa Fe, 1995. Pp. 39–94.

Barrows T. T., Williams M. A. J., Mills S. C., Duller G. A. T., Fifield L. Keith, Haberlah D., Tims S. G., Williams F. M. A White Nile Megalake During the Last Interglacial Period // *Geology*. 2014. 42. Pp. 163–166.

Brookes I. A. Early Holocene Basinal Sediments of the Dakhleh Oasis Region, South Central Egypt // *Quaternary Research*. 1989. 32. Pp. 139–152.

Brookes I. A. Geomorphology and Quaternary Geology of the Dakhla Oasis Region, Egypt // *Quaternary Science Reviews*. 1993. 12. Pp. 529–552.

Butzer K. W. Some Recent Geological Deposits in the Egyptian Nile Valley // *The Geographical Journal*. 1959a. 125. Pp. 75–79.

Butzer K. W. *Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara. III. Die Naturlandschaft Ägyptens während der Vorgeschichte und der Dynastischen Zeit*. Wiesbaden, 1959b.

Butzer K. W. Late Quaternary Problems of the Egyptian Nile: Stratigraphy, Environments, Prehistory // *Paléorient*. 1998. 23. Pp. 151–173.

Caneva I. Pottery Using Gatherers and Hunters at Saggai (Sudan): Preconditions for Food-Production // *Origini*. 1983. 12. Pp. 7–278.

Churcher C. S. The Neolithic Fauna from Archaeological Contexts in Dakhleh Oasis, Egypt // Plug I., Klein R. G. (eds.). *Archaeozoology in Africa*. Victoria, 1999. Pp. 47–54.

Clark J. D. Shabona: An Early Khartoum Settlement on the White Nile // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M. (eds.). *Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara*. Poznan, 1989. Pp. 387–410.

Close A. E. (ed.). *Prehistory of Arid North Africa*. Dallas, 1987.

Close A. E. Sinai, Sahara, Sahel: The Introduction of Domestic Caprines to Africa // Jennerstrasse 8 (eds.). *Tides of the Desert – Gezeiten der Wüste. Contributions to the Archaeology and Environmental History of Africa in Honour of Rudolph Kuper*. Köln, 2002. Pp. 459–469.

Close A. E., Wendorf F. A. North Africa at 18,000 BP // Gamble C., Soffer O. (eds.). *The World at 18,000 BP*. Boston, 1990. Pp. 40–57.

Clutton-Brock J. The Spread of Domestic Animals in Africa // Shaw T., Sinclaire P., Andah B., Okpoko A. (eds.). *The Archaeology of Africa: Food, Metals, and Towns*. London, 1993. Pp. 61–70.

Connor R. D., Marks A. E. The Terminal Pleistocene on the Nile: The Final Nilotic Adjustment // Straus L. G. (ed.). *The End of the Paleolithic in the Old World*. Oxford, 1986. Pp. 171–199.

Czielsa E. Investigations Into the Archaeology of the Sitra-Hatiyet, Northwestern Egypt // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M., Alexander J. A. (eds.). *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B. C.* Poznan, 1993. Pp. 185–197.

Dagnan-Ginter A., Ginter B., Kozlowski J. K., Pawlikowski M., Śliwa J. Excavations in the Region of Qasr el-Sagha, 1981. Contribution to the Neolithic Period, Middle Kingdom Settlement and Chronological Sequences in the Northern Fayum Desert // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1984. 40. S. 33–102.

Eiwanger J. *Merimde-Benisalâme I–III*. Mainz am Rhein, 1984–1992.

Fairbridge R. W. New Radiocarbon Dates of Nile Sediments // *Nature*. 1962. 196. Pp. 108–110.

Gasse F., Street F. A. Late Quaternary Lake-Level Fluctuations and Environments of the Northern Rift Valley and Afar Region (Ethiopia and Djibouti) // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 1978. 24. Pp. 279–325.

Gautier A. Contributions to the Archaeozoology of Egypt // Wendorf F. A., Schild R. (eds.). *Prehistory of the Eastern Sahara*. New York, 1980. Pp. 317–344.

Gautier A. Archaeozoology of the Bir Kiseiba Region, Eastern Sahara // Wendorf F. A., Schild R., Close A. E. (eds.). *Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba*. New Delhi, 1984. Pp. 49–72.

Gautier A. The Early to Late Neolithic Archaeofaunas from Nabta and Bîr Kiseiba // Wendorf F. A, Schild R. (eds.). *Holocene Settlement of the Egyptian Sahara*. Vol. 1. *The Archaeology of Nabta Playa*. New York, 2001. Pp. 609–635.

Gautier A., Neer W. van. Animal Remains from the Late Palaeolithic Sequence at Wadi Kubbaniya // Wendorf F. A, Schild R., Close A. E. (eds.). *The Prehistory of Wadi Kubbaniya*. Vol. 2. *Stratigraphy, Palaeoeconomy, and Environment*. Dallas, 1989. Pp. 119–161.

Gehlen B., Kindermann K., Linstädter J., Riemer H. 2002. The Holocene Occupation of the Eastern Sahara: Regional Chronologies and Supra-Regional Developments in Four Areas of the Absolute Desert // Jennerstrasse 8 (eds.). *Tides of the Desert – Gezeiten der Wüste. Contributions to the Archaeology and Environmental History of Africa in Honour of Rudolph Kuper*. Köln, 2002. Pp. 85–116.

Ginter B., Kozlowski J. K., Pawlikowski M., Śliwa J. El-Tarif und Qasr el-Sagha, Forschungen zur Siedlungsgeschichte des Neolithikums, der Frühpredynastischen Epoche und des Mittleren Reiches // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1982. 38. S. 97–129.

Graff G. Les enjeux de l'iconographie des vases peints de Nagada II (Égypte, IVe millenaire): maintien de l'équilibre cosmique ou régénération de la vie? // *Anthropozoologica*. 2011. 46. Pp. 47–64.

Grootes P. M., Stuiver M., White J. W. C., Johnsen S. J., Jouzel J. Comparison of the Oxygen Isotope Records from the GISP2 and GRIP Greenland Ice Cores // *Nature*. 1993. 366. Pp. 552–554.

Grove A. Africa's Climate in the Holocene // Shaw T., Sinclaire P., Andah B., Okpoko A. (eds.). *The Archaeology of Africa: Food, Metals, and Towns*. London, 1993. Pp. 32–42.

Grove A., Goudie A. Late Quaternary Lake Levels in the Rift Valley of Southern Ethiopia and Elsewhere in Tropical Africa // *Nature*. 1971. 234. Pp. 404–405.

Hassan F. A. Prehistoric Studies of the Siwa Oasis Region, Northwestern Egypt // *Nyame Akuma*. 1976. 9. Pp. 18–34.

Hassan F. A. Archaeological Exploration of Siwa Oasis // *Current Anthropology*. 1978. 19. Pp. 146–148.

Hassan F. A. Archaeological Explorations at Baharia and the West Delta // *Current Anthropology*. 1979. 20. P. 806.

Hassan F. A. Prehistoric Settlements Along the Main Nile // Williams M. A. J., Faure H. (eds.). *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 421–450.

Hassan F. A. Holocene Lakes and Prehistoric Settlements of the Western Faiyum, Egypt // *Journal of Archaeological Science*. 1986. 13. Pp. 483–501.

Hassan F. A. Desert Environment and Origins of Agriculture in Egypt // Hägg T. (ed.). *Nubian Culture, Past and Present*. Stockholm, 1987. Pp. 17–32.

Hassan F. A. The Predynastic of Egypt // *Journal of World Prehistory*. 1988. 2. Pp. 135–185.

Hassan F. A., Gross G. T. Early Holocene at Siwa Oasis, Northern Egypt // Close A. E. (ed.). *Prehistory of Arid North Africa*. Dallas, 1987. Pp. 85–104.

Hawass Z., Hassan F. A., Gautier A. Chronology, Sediments, and Subsistence at Merimda Beni Salama // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1988. 74. Pp. 31–38.

Haynes C. V., Jr. Geochronology and Climate Change of the Pleistocene–Holocene Transition in the Darb el-Arba'in Desert, Eastern Sahara // *Geoarchaelogy*. 2001. 16. Pp. 119–142.

Haynes C. V., Jr., Eyles C. H., Pavlish L. A., Ritchie J. C., Rybak M. Holocene Palaeoecology of the Eastern Sahara: Selima Oasis // *Quaternary Science Reviews*. 1989. 8. Pp. 109–136.

Hoelzmann P., Keding B., Berke H., Kröpelin S., Kruse H. J. Environmental Change and Archaeology: Lake Evolution and Human Occupation in the Eastern Sahara During the Holocene // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2001. 169. Pp. 193–217.

Horwitz L. K., Tchernov E., Ducas P., Becker C., Driesch A. von den, Martin L., Garrard A. Animal Domestication in the Southern Levant // *Paléorient*. 1999. 25. Pp. 63–80.

Jesse F. Early Ceramics in the Sahara and the Nile Valley // Krzyzaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.). *Cultural Markers in the Later Prehistory of Northeastern Africa and Recent Research*. Poznan, 2003. Pp. 35–50.

Junker H. Vorläufiger Bericht über die Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedlung von Merimde Benisalame (Westdelta) // *Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse*. 1929. 16–18. S. 156–250; 1930. 5–13. S. 21–83; 1932. 1–4. S. 36–97; 1933. 16–27. S. 54–97; 1934. 10. S. 118–132; 1940. 1–4. S. 3–25.

Keding B. The Yellow Nile: New Data on Settlement and the Environment in the Sudanese Eastern Sahara // *Sudan and Nubia*. 1998. 2. Pp. 2–12.

Khabir A. R. M. New Radiocarbon Dates for Sarurab 2 and the Age of the Early Khartoum Tradition // *Current Anthropology*. 1987. 28. Pp. 377–380.

Kindermann K., Bubenzer O., Nussbaum S., Riemer H., Darius F., Pöllath N., Smettan U. Palaeoenvironment and Holocene Land Use of Djara, Western Desert of Egypt // *Quaternary Science Reviews*. 2006. 25. Pp. 1619–1637.

Kleindienst M. R., Churcher C. S., McDonald M. M. A., Schwarcz H. P. Geography, Geology, Geochronology and Geoarchaeology of the Dakhleh Region: An Interim Report // Churcher C. S., Mills A. J. (eds.). *Reports from the Survey of the Dakhleh Oasis, Western Desert of Egypt, 1977–1987*. Oxford, 1999. Pp. 1–53.

Klimenko V. V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene // *Transactions (Doklady) of the Russian Academy of Sciences*. 1997. 357A. Pp. 1339–1342.

Kozlowski J. K. (ed.). *Qasr el-Sagha 1980. Contributions to the Holocene Geology, the Predynastic and Dynastic Settlements in the Northern Fayum Desert*. Krakow, 1983.

Kröpelin S. Terrestrische Paläoklimatologie Heute arider Gebiete: Resultate aus dem Unteren Wadi Howar (Südöstliche Sahara / NW-Sudan) // Klitzsch E., Thorweihe U. (Hrsg.). *Nordost-Afrika: Strukturen und Ressourcen*. Weinheim, 1999. S. 448–508.

Kröpelin S., Pachur H.-J. 500 mm Rainfall in SW Egypt During the Middle Palaeolithic? Some Remarks from the Geoscientific Point of View // *Sahara*. 1991. 4. Pp. 158–160.

Kröpelin S., Soulié-Märsche I. Charophyte Remains from Wadi Howar as Evidence for Deep Mid-Holocene Freshwater Lakes in the Eastern Sahara of Northwest Sudan // *Quaternary Research*. 1991. 36. Pp. 210–223.

Kuper R. Prehistoric Research in the Southern Libyan Desert: A Brief Account and Some Conclusions of the B. O. S. Project // *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et d'égyptologie de Lille*. 1995. 17. Pp. 123–140.

Kuper R., Kröpelin S. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution // *Science*. 2006. 313. Pp. 803–807.

Libby W. F. *Radiocarbon Dating*. Chicago, 1955.

Lombardini E. *Saggio idrologico sul Nilo; con quattro appendici*. Milano, 1864.

Lombardini E. *Essai sur l'hydrologie du Nil*. Paris, 1865.

Lubell D. Late Pleistocene – Early Holocene Maghreb // Peregrine P. N., Ember M. (eds.). *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 1. *Africa*. New York, 2001. Pp. 129–149.

Marks A. E. The Halfan Industry // Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia. V. 1–2*. Dallas, 1968. Pp. 392–460.

Mayewski P., Meeker L., Whitlow S., Twickler M., Morrison M., Alley R., Bloomfield P., Taylor K. The Atmosphere During the Younger Dryas // *Science*. 1993. 261. Pp. 195–197.

McDonald M. M. A. Neolithic of Sudanese Tradition or Saharo-Sudanese Neolithic? The View from Dakhla Oasis, South Central Egypt // Sterner J., David N. (eds.). *An African Commitment*. Calgary, 1992. Pp. 51–70.

McHugh W. P. Cattle Pastoralism in Africa: A Model for Interpreting the Eastern Sahara // *Arctic Anthropology*. 1974a. 11. Pp. 236–244.

McHugh W. P. Late Prehistoric Cultural Adaptation in Southwest Egypt and the Problem of the Nilotic Origins of Saharan Cattle Pastoralism // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1974b. 11. Pp. 9–22.

McHugh W. P. Some Archaeological Results of the Bagnold-Mond Expedition to the Gilf Kebir and Gebel Uweinat, Southern Libyan Desert // *Journal of Near Eeastern Studies*. 1975. 34. Pp. 31–62.

McHugh W. P. Archeological Investigations in the Gilf Kebir and the Abu Hussein Dunefield // *Annals of the Geological Survey of Egypt*. 1981. 5. Pp. 47–60.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford, 2000.

Muzzolini A. *L'art rupestre préhistorique des massifs centraux sahariens*. Oxford, 1986.

Muzzolini A. La «Néolithisation» du Nord de l'Afrique et ses causes // Aurenche O., Cauvin J. (eds.). *Néolithisations. Proche et Moyen Orient, Méditerranée orientale, Nord de l'Afrique, Europe méridionale, Chine, Amérique du Sud*. Oxford, 1989. Pp. 145–186.

Neer W. van, Uerpmann H.-P. Palaeoecological Significance of the Holocene Faunal Remains of the B. O. S. Missions // Kuper R. (Hrsg.). *Forschungen zur Umweltgeschichte der Ostsahara*. Köln, 1989. S. 307–341.

Nicoll K. Recent Environmental Change and Prehistoric Human Activity in Egypt and Northern Sudan // *Quaternary Science Reviews*. 2004. 23. Pp. 561–580.

Noten F. L. van. *Rock Art of the Gebel Uweinat (Libyan Sahara)*. Graz, 1978.

Pachur H.-J. Tethering Stones as Palaeoenvironmental Indicators // *Sahara*. 1991. 4. Pp. 13–32.

Pachur H.-J., Braun G. The Palaeoclimate of the Central Sahara, Libya, and the Libyan Desert // *Palaeoecology of Africa*. 1980. 12. Pp. 351–363.

Pachur H.-J., Kröpelin S. Wadi Howar: Paleoclimatic Evidence from an Extinct River System in the Southeastern Sahara // *Science*. 1987. 237. Pp. 298–300.

Pachur H.-J., Röper H. P. The Libyan (Western) Desert and Northern Sudan During the Late Pleistocene and Holocene // Klitzsch E., Said S., Schrank E. (eds.). *Research in Egypt and Sudan: Results of the Special Research Project Arid Areas, Period 1981–1984*. Berlin, 1984. Pp. 249–284.

Pachur H.-J., Kröpelin S., Hoelzmann P., Goschin M., Altmann N. Late Quaternary Fluvio-Lacustrine Environments of Western Nubia // *Research in Egypt and Sudan*. 1990. 120. Pp. 203–260.

Peregrine P. N. East African Microlithic // Peregrine P. N., Ember M. (eds.). *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 1. *Africa*. New York, 2001. Pp. 95–96.

Petrie W. M. Flinders. Sequences in Prehistoric Remains // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1899. 29. Pp. 295–301.

Petrie W. M. Flinders. *Diospolis Parva: The Cemeteries of Abadiyeh and Hu, 1898–1899*. London, 1901.

Peyron O., Jolly D., Braconnot P., Bonnefille R., Guiot J., Wirrmann D., Chalié F. Quantitative Reconstructions of Annual Rainfall in Africa 6000 Years Ago: Model-Data Comparison // *Journal of Geophysical Research*. 2006. 111. D24110, doi:10.1029/2006JD007396.

Richter J. Neolithic Sites in the Wadi Howar (Western Sudan) // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M. (eds.). *Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara*. Poznan, 1989. Pp. 431–442.

Riemer H. The "Re-Conquest" of the Great Sand Sea // Hawass Z., Brock L. P. (eds.). *Egyptology at the Dawn of the Twenty-First Century. V. 1. Archaeology*. Cairo, 2003. Pp. 408–415.

Ritchie J. C., Eyles C. H., Haynes C. V., Jr. Sediment and Pollen Evidence for an Early to Mid-Holocene Humid Period in the Eastern Sahara // *Nature*. 1985. 314. Pp. 352–355.

Roset J.-P. La céramique des débuts de l'Holocène au Niger Nord-Oriental. Nouvelles datations, bilan des recherches // Aumassip G., Clark J. D., Mori F. (eds.). *The prehistory of Africa*. Forli, 1996. Pp. 175–182.

Said R. *The Geological Evolution of the River Nile*. New York, 1981.

Sarnthein M. Sand Deserts During Glacial Maximum and Climatic Optimum // *Nature*. 1978. 272. Pp. 43–46.

Schiermeier Q. Science in the Sahara: Man of the Desert // *Nature*. 2012. 488. Pp. 272–274.

Schild R., Wendorf F. A. The Late Pleistocene Nile in Wadi Kubbaniya // Wendorf F. A, Schild R., Close A. E. (eds.). *The Prehistory of Wadi Kubbaniya*. Vol. 2. *Stratigraphy, Palaeoeconomy, and Environment*. Dallas, 1989. Pp. 15–100.

Smith A. B. Review Article: Cattle Domestication in North Africa // *The African Archaeological Review*. 1986. 4. Pp. 197–203.

Stanley D. J., Warne A. G. Nile Delta: Recent Geological Evolution and Human Impact // *Science*. 1993a. 260. Pp. 628–634.

Stanley D. J., Warne A. G. Sea Level and Initiation of Predynastic Culture in the Nile Delta // *Nature*. 1993b. 363. Pp. 435–438.

Stanley D. J., Warne A. G. Worldwide Initiation of Holocene Marine Deltas by Deceleration of Sea-Level Rise // *Science*. 1994. 265. Pp. 228–231.
Stanley D. J., Warne A. G., Davis H. R., Bernasconi M. P., Chen Z. The Late Quaternary North-Central Nile Delta from Manzala to Burullus Lagoons, Egypt // *National Geographic Research and Exploration*. 1992. 8. Pp. 34–63.
Talbot M. R., Williams M. A. J., Adamson D. A. Strontium Isotope Evidence for Late Pleistocene Re-Establishment of an Integrated Nile Drainage Network // *Geology*. 2000. 28. Pp. 343–346.
Trigger B. G. The Rise of Egyptian Civilization // Trigger B. G., Kemp B. J., O'Connor D., Lloyd A. B. (eds.). *Ancient Egypt: A Social History*. Cambridge, 1983. Pp. 1–70.
Wendorf F. A. Site 117: A Nubian Final Paleolithic Graveyard Near Jebel Sahaba, Sudan // Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Vol. 1–2. Dallas, 1968. Pp. 954–995.
Wendorf F. A. Late Paleolithic Egypt // Peregrine P. N., Ember M. (eds.). *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 1. *Africa*. New York, 2001. Pp. 116–128.
Wendorf F. A., Hassan F. A. Holocene Ecology and Prehistory in the Egyptian Sahara // Williams M. A. J., Faure H. (eds.). *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 407–419.
Wendorf F. A., Schild R. (eds.). *Prehistory of the Nile Valley*. New York, 1976.
Wendorf F. A., Schild R. Summary and Synthesis // Wendorf F. A, Schild R., Close A. E. (eds.). *The Prehistory of Wadi Kubbaniya*. Vol. 3. *Late Palaeolithic Archaeology*. Dallas, 1989. Pp. 768–824.
Wendorf F. A., Schild R. Nabta Playa and Its Role in Northeastern African Prehistory // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1998. 17. Pp. 97–123.
Wendorf F. A., Schild R. (eds.). *Holocene Settlement of the Egyptian Sahara*. Vol. 1. *The Archaeology of Nabta Playa*. New York, 2001.
Wendorf F. A., Schild R., Close A. E. (eds.). *Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba*. New Delhi, 1984.
Wendorf F. A., Schild R., Close A. E. (eds.). *The Prehistory of Wadi Kubbaniya*. Vol. 1. *The Wadi Kubbaniya Skeleton: A Late Palaeolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas, 1986.
Wendorf F. A., Schild R., Baker P., Gautier A., Longo L., Mohamed A. (eds.). *A Late Palaeolithic Kill–Butchery–Camp in Upper Egypt*. Dallas, 1997.
Wenke R. J., Buck P. E., Hanley J. R., Lane M. E., Long J. E., Redding R. R. The Fayum Archaeological Project: Preliminary Report of the 1981 Season // *American Research Center in Egypt Newsletter*. 1983. 122. Pp. 25–40.
Williams M. A. J. Late Quaternary Prehistoric Environments in the Sahara // Clark J. D., Brandt S. A. (eds.). *From Hunters to Farmers: The Causes and Consequences of Food Production in Africa*. Berkeley, 1984. Pp. 74–83.
Williams M. A. J., Adamson D. A. Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan // Williams M. A. J., Faure H. (eds.). *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 281–362.
Williams M. A. J., Clark J. D. Prehistory and Quaternary Environments in the Central Sudan // Zinderen Bakker E. M. van (ed.). *Palaeoecology of Africa*. 9. Cape Town, 1976. Pp. 52–53.
Williams M. A. J., Adamson D. A., Prescott J. R., Williams F. M. New Light on the Age of the White Nile // *Geology*. 2003. 31. Pp. 1001–1004.
Williams M. A. J., Talbot M. R., Aharon P., Salaam Y. A., Williams F. M., Brendeland K. I. Abrupt Return of the Summer Monsoon 15,000 Years Ago: New Supporting Evidence from the Lower White Nile Valley and Lake Albert // *Quaternary Science Reviews*. 2006. 25. Pp. 2651–2665.
Willcocks W. *Report on Perennial Irrigation and Flood Protection for Egypt*. Cairo, 1894.
Willcocks W. *The Nile in 1904*. London, 1904.
Willcocks W. *Egyptian Irrigation*. Vol. 1–2. London, 1913.
Zielinski G. A., Mayewski P. A., Meeker L. D., Whitlow S., Twickler M. S., Morrison M., Meese D., Gow A. J., Alley R. Record of Volcanism Since 7000 B. C. from the GISP 2 Greenland Ice Core and Implications for the Volcano-Climate System // *Science*. 1994. 264. Pp. 948–951.

Электронные ресурсы

Arid Climate, Adaptation and Cultural Innovation in Africa. URL: http://www.uni-koeln.de/inter-fak/sfb389/ (дата обращения 29.11.2018).

СТРАТИГРАФИЯ ШАХТ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО НЕКРОПОЛЯ ГИЗА

М. А. Лебедев*

Некрополь на восточной окраине плато Гизы, изучаемый специалистами Российской археологической экспедиции ИВ РАН, имеет сложную историю. Во времена Древнего царства у подножия плато развивался малый некрополь средних и низших слоев древнеегипетского населения и строились скальные гробницы. На рубеже Древнего царства и I Переходного периода начинается этап запустения и активных грабежей. В эпоху Нового царства Гиза вновь становится заметным культовым центром, а в I тыс. до н. э. она возрождается как важный некрополь мемфисского региона. В саисское и греко-римское время памятники Древнего царства на территории Восточного некрополя активно приспосабливались под вторичные погребения. В начале эпохи средневековья на восточной окраине Гизы стали селиться люди, превращая древние гробницы в жилые и хозяйственные комплексы. Эти сложные и противоречивые события нашли отражение в заполнении шахт и погребальных камер Древнего царства, стратиграфия которых является ценным источником по истории мемфисского региона в III тыс. до н. э. – II тыс. н. э. В статье предлагается типология заполнения шахт в различных комплексах Древнего царства и раскрываются основные природные и антропогенные процессы, прослеживающиеся на примере стратиграфии археологических памятников на восточной окраине Восточного плато Гизы.

Ключевые слова: Гиза, Египет, археология, стратиграфия, Древнее царство, Поздний период, античность.

STRATIGRAPHY OF OLD KINGDOM SHAFTS AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF THE EASTERN EDGE OF THE ANCIENT EGYPTIAN GIZA NECROPOLIS

Maksim A. Lebedev

The Eastern Necropolis of Giza has a extensive history of human settlement in the 3rd millennium B.C. – 2nd millennium A.D., with periods of use as a prominent burial ground of the Memphite area followed by periods of abandonment when ancient monuments were plundered and neglected. Finally, in the early Middle Ages the eastern edge of the Eastern Necropolis became a residential area and many Old Kingdom rock-cut structures were turned into living quarters or utility structures. All these events were recorded in the stratigraphy of the filling of existing Old Kingdom tombs. The paper discusses the archaeological contexts found at the eastern edge of the Eastern Necropolis of Giza and the major problems revealed by the stratigraphy of the complexes excavated by the Russian Archaeological Mission of IOS RAS.

Keywords: Giza, Egypt, archaeology, stratigraphy, Old Kingdom, Late Period, Greek-Roman period.

Российская экспедиция Института востоковедения РАН ведет работы на Восточном плато Гизы с 1996 г. Проект, начавшийся, прежде всего, как эпиграфический [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010], постепенно превратился преимущественно в археологический [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012; Kormysheva et al., 2015; Kormysheva et al., 2018]. За более чем двадцатилетнюю историю существования

* Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

экспедиции были исследованы десятки скальных гробниц и обнаружены три малых некрополя средних слоев древнеегипетского населения близ гробниц Хафраанха (G 7948), Ченти I (GE 11) и Кахерптаха (G 7721). Большинство изученных участниками экспедиции гробниц относятся ко второй половине Древнего царства, т. е. ко времени правления царей V и VI династий (ок. 2504–2216 гг. до н. э.). Раскапывая шахты и погребальные камеры, сооруженные в III тыс. до н. э., мы нередко сталкивались со сложной стратиграфией и большим количеством более позднего материала. Постепенно становилось ясно, что шахты и погребальные камеры скальных гробничных комплексов могут стать важным источником информации по истории Восточного плато Гизы с древности до наших дней. Настоящая обзорная статья развивает тему, которая была начата в недавно опубликованной работе С. Е. Малых о керамике как индикаторе хронологической многослойности памятников, изучаемых российскими археологами в Гизе [Малых, 2018a].

Восточное плато Гизы исследуется египтологами с первой четверти XIX в. Однако сначала внимание специалистов привлекал в основном эпиграфический и иконографический материал, сохранившийся в крупных часовнях этой части древнего некрополя [Champollion, 1845; Mariette, 1885; Lepsius, 1972; Lepsius, 1975; Лебедев, 2018]. Первые систематические раскопки на Восточном плато Гизы начались лишь в XX в. и связаны с именем выдающегося американского археолога Дж. Э. Рейснера. При нем были описаны и задокументированы при помощи фотографий все наиболее важные скальные комплексы восточного обрыва плато Гизы, многие из которых впоследствии оказались скрыты под американским отвалом. Сотрудники Рейснера раскопали многие гробницы, непосредственно примыкающие к комплексам на территории современной российской концессии. Кроме того, американцы расчистили полы в некоторых часовнях, которые находятся сейчас уже собственно на территории концессии ИВ РАН. К сожалению, результаты этих раскопок почти столетней давности так пока и не были опубликованы, хотя сами полевые дневники, чертежи и фотографии экспедиции Дж. Э. Рейснера оцифрованы и находятся в открытом доступе[1]. Из этой документации, в частности, следует, что стратиграфия заполнения комплексов на восточной окраине плато Гизы во время американских раскопок почти не фиксировалась. В лучшем случае о заполнении раскопанных Рейснером шахт и погребальных камер можно судить по кратким описаниям, в худшем случае – лишь по сделанным там находкам.

Таким образом, стратиграфия заполнения шахт в погребальных комплексах Восточного плато Гизы, несмотря на то что большинство этих комплексов уже раскопаны, в научном плане остается, по существу, неизученной. Для большей части Восточного плато, как и Гизы в целом, типология заполнения гробниц Древнего царства не разработана, а возможные хронологические и топографические закономерности в практике заполнения шахт не выявлены.

Стратиграфия древнеегипетских погребальных шахт: история изучения вопроса

Фиксация стратиграфии – одна из важнейших задач современного археолога. Однако так было далеко не всегда. Внимание к стратиграфии долгое время было заботой преимущественно геологов. Сам термин, произведенный от латинского слова *stratum*, «слой», и греческого *grapho*, «пишу, описываю», вошел в научную литературу лишь во второй половине XIX в. Однако к этому времени стратиграфия была уже вполне оформившимся разделом геологии. Были сформулированы и основные принципы геологической стратиграфии: 1) принцип суперпозиции (принцип последовательности образования геологических слоев): при ненарушенном залегании каждый нижележащий слой древнее покрывающего слоя; 2) принцип изначальной горизонтальности слоев; 3) принцип

[1] *The Giza Archives*. URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 11.10.2018).

изначальной протяженности слоев: в любом разрезе мы видим слои уже не в их первоначальной целостности [Woodfrord, 1965, p. 4].

Археологи стали массово задумываться о важности изучения стратиграфии в конце XIX в., хотя попытки трактовать находки, в частности, определять для них датировку, исходя из особенностей их залегания в культурном слое, предпринимались и ранее [Клейн, 2011, с. 155, 213, 216, 223, 230–232, 255, 271, 273–275]. Естественно, что первые попытки интерпретации археологической стратиграфии испытывали большое влияние геологических концепций [Daniel, 1975, p. 25]. Собственно, долгое время было совсем не очевидно, что процессы формирования отдельных страт на археологических памятниках сильно отличаются от процессов формирования слоев в природе. Наиболее ранние попытки графически представить особенности принципов формирования культурного слоя относятся к периоду Первой мировой войны [Droop, 1915, fig. 1–8]. Тогда же зарождается и современная археологическая стратиграфия. Впрочем, это были только начальные шаги, и еще несколько десятилетий научные работы по археологической стратиграфии оставались единичными [Harris, 1989, p. 9].

Первый современный стратиграфический чертеж (профиль) в археологии был опубликован, судя по всему, в 1922 г. британским археологом Мортимером Уиллером [Wheeler, 1922, fig. 11; Piggott, 1965, p. 175]. От прежних профилей[2] он отличался тем, что на этот раз поверхности стратиграфических объектов были четко обозначены. В 1934 г. этот же исследователь начал первым нумеровать на чертежах выявленные слои [Wheeler, 1943, fig. 10]. Работы Уиллера и его студентки Кэтлин Кеньон заложили основы современной западной археологической стратиграфии и, в частности, стратиграфических чертежей. Именно Кеньон, работавшая, в том числе, в Иерихоне, настаивала, что при изучении стратиграфии должны непременно учитываться интрузивные объекты, такие как ямы, траншеи, норы животных и т. п., а не только слои, которые эти объекты разрушали [Kenyon, 1952, p. 69]. В послевоенное время фиксация стратиграфических профилей стала обычным делом в мировой археологии[3].

Египетская археология шла особым путем, традиционно отставая и в теории, и в методике [Ветохов, Лебедев, Малых, 2017, с. 228–258]. Отец современной египетской археологии У. М. Флиндерс Питри, известный своим вниманием к классификации керамики, не осознавал важности стратиграфии и в своем главном труде о методах и задачах археологии прямо указывал на то, что основные цели археологических раскопок – это изучение планов и топографии раскапываемых объектов, а также «добыча древностей» (“portable antiquities”) [Petrie, 1904, p. 33]. При таком подходе главными археологическими чертежами оставались планы, на которые были посажены контуры построек и основные находки, а также фасы стен. Другие археологические объекты, если только речь не шла о полах или других очевидно важных контекстах, например, улицах или мощных слоях пожарищ, не фиксировались вовсе или фиксировались только в описании.

Первым египтологом, который всерьез задумался о тех возможностях, которые предоставляет в распоряжение исследователя изучение стратиграфии, стал археолог Дж. Э. Рейснер. Методика раскопок Рейснера была значительно сложнее той, что применял Питри. Именно Рейснер ввел в практику ближневосточной археологии стратиграфические

---

[2] Первые попытки изучать и чертить разрезы раскапываемых памятников, в частности, курганов, относятся еще к XVII в. – здесь лидерами были скандинавские исследователи [Клейн, 2011, с. 137–138, рис. 6.6].

[3] Одним из важнейших достижений современной археологической стратиграфии на Западе стало, пожалуй, внедрение практики раскопок по отдельным стратиграфическим объектам (локусам) и последующего анализа отношений между этими объектами с помощью так называемой матрицы Харриса (подробнее см.: [Harris, 1989; Клейн, 2012, с. 346–350; Tassie, 2015]). В России эта методика используется крайне редко (например, [Антонов, 2015]), но на территории Египта ее постепенно применяет все больше экспедиций. Использование такого подхода настоятельно рекомендуется в современных руководствах по полевой археологии, в том числе по полевой археологии в Египте [Tassie, Owens, 2010]. Впрочем, при раскопках некрополей Древнего царства за пределами Гизы матрица Харриса пока не используется.

разрезы и раскопки по слоям[4]. Он же стал первым в Египте методично использовать фотографию для поэтапной фиксации процесса раскопок. Впрочем, при работе в некрополях внимание к стратиграфии у Рейснера снижалось. То, что было обычным для него во время раскопок поселений, так и не стало частью методики раскопок погребений. Как отмечалось выше, стратиграфия большинства раскопанных Рейснером погребальных шахт в Гизе либо осталась не зафиксированной вовсе, либо известна лишь по кратким описаниям [Dunham, Simpson, 1974; Simpson, 1976; 1978; 1980; Weeks, 1994; Roth, 1995; Brovarski, 2000; Manuelian, 2009]. Судя по всему, Рейснер считал незначительной ту информацию, которую могло предоставить тщательное изучение характера заполнения шахт. Вероятно, он полагал, что то, что работало на поселениях с их последовательностями естественно отложившихся слоев, не имеет смысла в случае с быстро заполнявшимися шахтами.

Младшие современники Рейснера, исследовавшие Гизу, подходили к стратиграфии погребальных шахт с теми же методологическими установками [Hassan, 1932; 1936; 1941; 1943; 1944; 1950; 1953; 1960; Junker, 1929; 1934; 1938; 1940; 1941; 1943; 1947a; 1947b; 1950; 1951; 1953]. Причина, вероятно, была в том, что исследователей этого времени интересовал в стратиграфии шахт лишь один вопрос: ограблено погребение или нет? Поскольку ответить на него было, как правило, довольно легко уже в начале исследования шахты[5], они не тратили свое время на последующую фиксацию стратиграфии.

Такое положение вещей характерно не только для Гизы, но и для других мемфисских некрополей, которые активно изучались в XIX – первой половине XX вв. И хотя масштабы этих кладбищ настолько велики, что в Абу Роаше, южном Абусире, северной, центральной и южной Саккаре, а также в Дахшуре до сих пор остаются крупные участки, которые исследованы пока очень мало, а то и вовсе не изучены, современные раскопки улучшают ситуацию лишь незначительно. Дело в том, что египетская археология наших дней в целом все еще существует в отрыве от современной археологической науки. Если в области поселенческой археологии этот отрыв не так заметен или вовсе отсутствует, то в погребальной археологии изоляция налицо. Изучение некрополей – это, пожалуй, самая консервативная область египетской археологии: здесь до сих пор зачастую исповедуются принципы раскопок первой половины XX в., а то и конца XIX в.

Действительно, если стратиграфия заполнения наземных конструкций Древнего царства сегодня еще как-то фиксируется в мемфисских некрополях с помощью чертежей [Verner, 2001; 2006; Verner, Callender, 2002; Krejčí, Callender, Verner, 2008; Bárta, Coppens, Vymazalová, 2010; Vymazalová, 2011; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012], то стратиграфия шахт традиционно удостаивается лишь словесного описания[6] и даже в недавних публикациях не воспроизводится ни с помощью чертежей, ни с помощью фотографий [Bárta, 2001; 2009; Myśliwiec et al., 2004; Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010; Kanawati, 2006; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010; 2012; Vymazalová, 2011]. Из сотен раскопанных в последние десятилетия за пределами Гизы шахт Древнего царства, известных автору, подробная стратиграфия была опубликована лишь в одном случае [Sowada, 2013]. Еще в одном случае была опубликована стратиграфия заполнения прохода из шахты в подземные помещения [Bárta, Coppens,

[4] Благодаря своей долгой связи с Гарвардом Дж. Э. Рейснер, вероятно, испытал на себе сильное влияние идей Ф. В. Путнама, который за десятилетие до работ Рейснера уже учил своих студентов в Музее Пибоди новым стандартам в методологии археологических исследований [Browman, Williams, 2013, p. 229].

[5] Вот как в общих словах стратиграфию раскопанных им шахт описывал Г. Юнкер: «[для заполнения шахт] использовался битый белый известняк, в нетронутой гробнице не найти примесей другого строительного мусора, песка или кирпичей, за исключением, возможно, самых бедных погребений» [Junker, 1950, S. 10]. Как подтверждает наш собственный опыт, такого базового знания стратиграфии вполне достаточно для того, чтобы уже в начале раскопок с высокой степенью вероятности предполагать, вскрыто оригинальное погребение или нет. А более сложными вопросами, связанными с историей засыпки шахт или их переиспользованием, современники Рейснера, как правило, не задавались.

[6] В отдельных современных работах стратиграфия комплексов вовсе не упоминается, хотя речь идет не о публикации давно раскопанных гробниц, а о шахтах, которые впервые были исследованы в наши дни (например: [Kanawati, Hassan, 1996; Kanawati, Abder-Raziq, 1999; 2000; 2001; Kanawati, 2009]).

Vymazalová, 2010, p. 69, fig. 3.22]. Тем временем, изучать стратиграфию по описанию – это то же самое, что изучать по описанию керамику, находки или архитектуру[7].

Помимо недооценки важности стратиграфии подземных гробничных структур, которая происходит, вероятно, от общей архаичности методических установок египетской погребальной археологии, на отсутствие должного внимания к стратиграфии влияет также сложность данной работы. Фиксация стратиграфии в узком пространстве шахт и подземных камер нуждается в присутствии квалифицированных копателей, способных идти по слою и последовательно отбирать находки. Кроме того, она требует от специалистов значительного времени и усилий, однако в условиях короткого полевого сезона этим часто и повсеместно пренебрегают ради увеличения числа обнаруженных артефактов. В результате египтология невосполнимо теряет важнейшую информацию.

Заполнение шахт Древнего царства на восточной окраине Восточного плато Гизы

В Гизе осталось не так много участков, где все еще можно получить хорошую статистику по археологическим контекстам и керамике. Такие участки находятся в основном на Западном и Восточном плато, а также на юге. За более чем двадцатилетнюю историю Российской археологической экспедиции ИВ РАН методика раскопок шахт и погребальных камер Древнего царства на Восточном плато претерпевала некоторые изменения и, очевидно, будет меняться и в дальнейшем. Причиной основных изменений в методике раскопок конкретных комплексов и фиксации стратиграфии является стремление учитывать особенности изучаемых памятников и эффективно использовать имеющиеся технические средства. На изменение методики раскопок влияет также постепенное техническое перевооружение экспедиции: внедрение цифровой фотосъемки, использование тахеометра, появление доступного программного обеспечения для анализа данных с использованием методов фотограмметрии и технологий ГИС и т. д. В настоящее время выборка заполнения камер и шахт осуществляется по слоям с последовательной фиксацией стратиграфии и созданием трехмерных моделей ключевых этапов разбора изучаемых комплексов. Данный подход позволяет выстраивать аксонометрии заполнения шахт [Kormysheva et al., 2018, pl. LXXXIII, LXXXV–LXXXVI], которые сочетают в себе преимущества классических стратиграфических профилей и планов.

Накопленные на сегодня археологические, иконографические и эпиграфические данные позволяют заключить, что освоение восточной окраины Восточного плато Гизы в исторический период происходило в несколько этапов:

1) IV–VI династии Древнего царства (XXVII–XXII вв. до н. э.). Во времена IV династии к подножию скального обрыва на восточной окраине Гизы, судя по всему, подходит скромный некрополь средних слоев населения мемфисского региона. К этому времени на плато Гизы уже высились или продолжали строиться царские пирамиды, поэтому территория на самом плато была зарезервирована для монументальных погребений царских родственников и наиболее важных сановников, которые тоже обычно относились к членам царской семьи. В середине – второй половине V династии, когда строительство царских комплексов было перенесено на юг, в Саккару и Абусир, скальный обрыв в восточной части некрополя Гизы начинает быстро заполняться многочисленными скальными гробницами мемфисских чиновников средней руки. Одновременно у подножия скального некрополя

[7] Как и прорисовки рельефов, рисунки керамики или находок, стратиграфические чертежи имеют известную степень субъективности. Но только они, а также фотографии стратиграфических разрезов и отдельных стратиграфических контекстов в плане, могут быть надежным источником формализованной информации для исследователей, только они могут быть использованы в сколько-нибудь сложной статистике. Кроме того, в отличие от словесных описаний, фотографии и чертежи позволяют подвергать выводы авторов проверке, что немаловажно с учетом постоянного развития наших знаний о погребальных ритуалах и практике ограбления и переиспользования древнеегипетских гробниц.

продолжает формироваться так называемый малый некрополь. В конце VI династии и во времена I Переходного периода погребальная активность в восточной части Восточного плато, вероятно, резко снижается, зато активизируется процесс разграбления комплексов Древнего царства [Малых, 2017].

2) XVIII–XXXI династии (1550–332 гг. до н. э.). Во времена Нового царства[8] Гиза стала важным культовым центром, а во времена III Переходного периода и так называемого «Саисского возрождения» вновь начинает функционировать как крупный некрополь. В это время на территории Гизы строятся новые крупные гробницы, а более ранние комплексы порой расширяются за счет новых камер. В некоторых гробницах Древнего царства совершаются вторичные захоронения.

3) Конец IV в. до н. э. – начало V в. н. э. В птолемеевское и римское время некрополь Гизы, как и другие некрополи мемфисского региона, остается популярным местом захоронения. Гробницы Древнего царства продолжают переиспользовать, совершая в них вторичные погребения.

4) Раннее средневековье. В византийское и раннеарабское время скальные гробницы Восточного плато Гизы используются как жилые или хозяйственные помещения. В это время, судя по всему, вновь начинается активное разграбление комплексов Древнего царства. В какой-то степени оно, возможно, было связано с превращением шахт и погребальных камер III тыс. до н. э. в хозяйственные помещения или мусорные ямы.

5) Развитое средневековье – Новейшее время. На протяжении последней тысячи лет продолжалось постепенное ограбление комплексов Древнего царства, Позднего периода и греко-римского времени. В XIX–XX вв. оно сменяется археологическими раскопками. Все это время некрополь Гизы продолжали посещать люди, свидетельством чему служат средневековые монеты и керамика, керамика Нового времени и многочисленные предметы XIX–XX вв. Вплоть до начала XX в. скальные комплексы Древнего царства продолжали использоваться в качестве жилых и хозяйственных помещений.

В целом раскапываемые на восточной окраине Восточного плато Гизы комплексы Древнего царства можно разделить на две большие группы: гробницы малого некрополя и скальные гробницы.

Гробницы малого некрополя у подножия плато изучены в настоящий момент на двух участках: к востоку от скальной часовни Хафраанха (G 7948) и к востоку от скальной часовни Ченти I (GE 11). К сожалению, раскопки малого некрополя на других участках концессии затруднены наличием мощного слоя отвала, а также фактическим отсутствием места, куда этот отвал можно было бы переместить. Кроме того, значительная или даже основная часть малого некрополя скрыта сегодня под современными строениями деревни Назлет эль-Саман. Скромные погребения малого некрополя устраивались в камерах, куда вела вырубленная в скале шахта, в самих шахтах, в конструкциях, имитирующих шахты и погребальные камеры, но выстроенных из сырцового кирпича, или в простых могилах на поверхности скалы [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 299–306]. В соответствии с их заполнением, которое отражает историю комплексов, гробницы малого некрополя можно разделить на три большие группы:

1) Комплексы, заполненные преимущественно нестратифицированным заполнением с разновременным материалом, или комплексы, заполнение которых стратифицировано, но содержит разновременный материал на всех глубинах (перед часовней Хафраанха: шахты 17, 19, 20, 22, 23, 47, 64, 45, 59, погребения 30, 39, 51, 55/55A, 63 [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012]; перед часовней Ченти I: шахты GE 28, GE 50). Заполнение погребений малого некрополя, как правило, содержит материалы вплоть до греко-римского времени или раннего

[8] В эпоху Среднего царства некрополь Гизы, судя по всему, в значительной степени был заброшен, однако присутствие на Восточном плато небольшого количества керамики позднего Среднего царства и II Переходного периода [Малых, 2015] может свидетельствовать о посещении данной части некрополя людьми и о возможном продолжении разграбления комплексов Древнего царства.

средневековья, однако находки более позднего времени обычно отсутствуют. Можно предположить, что с эпохи раннего средневековья большинство комплексов малого некрополя были засыпаны и с тех пор не привлекали внимание.

2) Комплексы, заполнение которых стратифицировано и содержит в верхних слоях разновременный материал, а в нижних – материал Древнего царства (перед часовней Хафраанха: погребения 30 и 51, шахта 38 [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012]; перед часовней Ченти I: шахты GE 26, GE 45, GE 52, GE 53, шахта 1 в помещении GE 59C, шахты 1 и 2 в помещении GE 59A). Такие комплексы несут на себе следы поздних вторжений в верхние слои заполнения шахт, которые продолжались в основном вплоть до эпохи раннего средневековья. При этом оригинальные погребения были разграблены либо в эпоху Древнего царства и I Переходного периода, либо остались нетронутыми.

3) Комплексы, содержащие стратифицированное или нестратифицированное заполнение с материалами исключительно Древнего царства (перед часовней Хафраанха: шахты 18, 43, 60, погребения 25–28 в мастабе 24, погребения 31, 32/33, 34/35, 36–37, 40, 52, 53A, 54, 56/56A, 58/58A [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012]; перед часовней Ченти I: шахты GE 38, GE 60). Такие комплексы либо несут следы ограблений, совершенных в эпоху Древнего царства и I Переходного периода, либо остались нетронутыми.

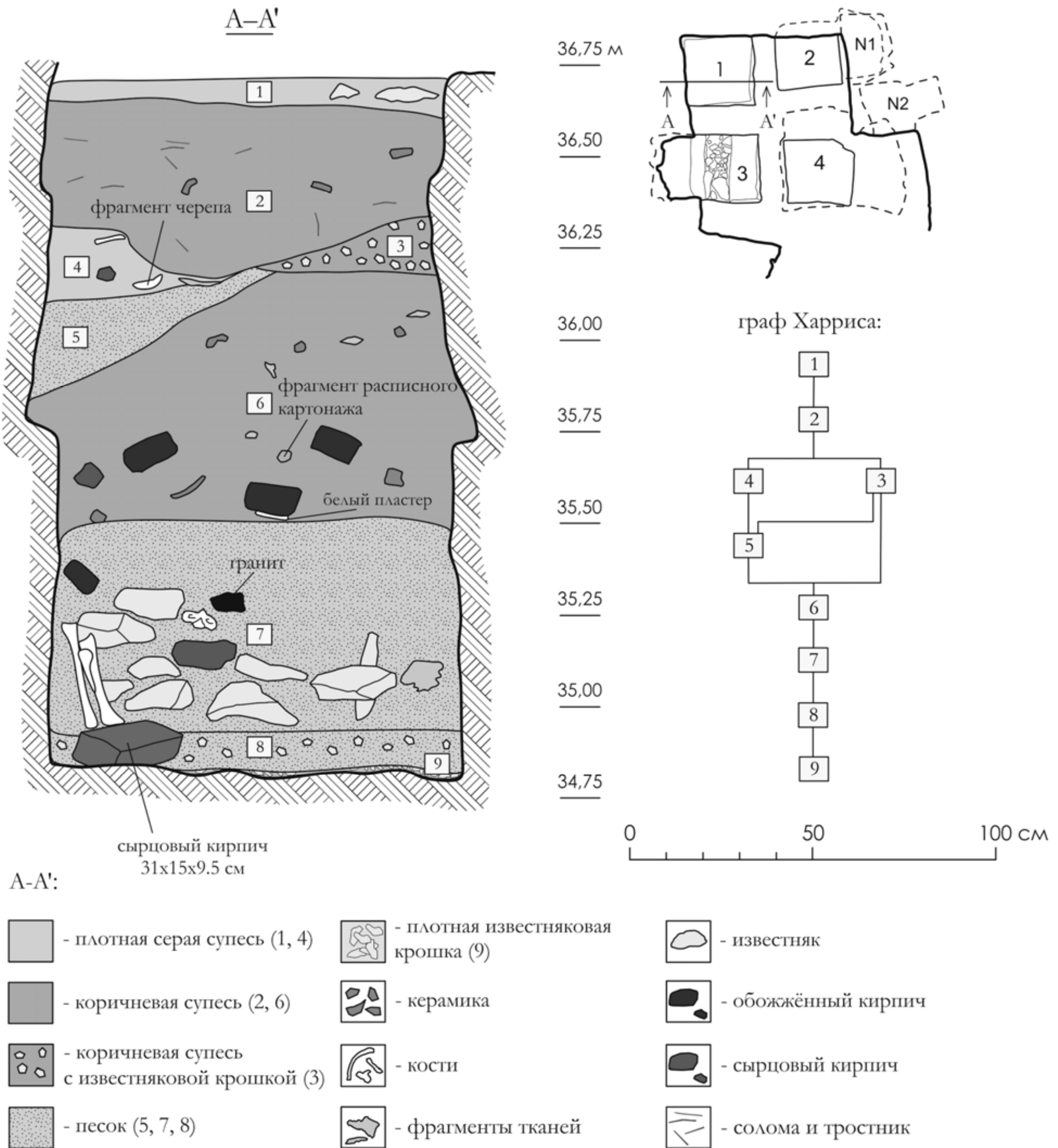
В целом комплексы малого некрополя имеют лучшую сохранность слоев Древнего царства, чем скальные гробницы. Большая часть погребений малого некрополя была ограблена вскоре после ингумации или во времена I Переходного периода. Некоторые из них раскапывались в более поздние времена, в основном в I тыс. до н. э. или в раннем средневековье, как правило, с целью грабежа, но также, вероятно, для совершения подзахоронений в I тыс. до н. э. Лишь немногие из них остались нетронутыми, равно как немногие привлекали к себе внимание грабителей в XIX–XX вв., когда большая часть малого некрополя, вероятно, была скрыта под песком и щебнем.

Заполнение шахт скальных гробниц имеет ту же типологию, что и заполнение комплексов в малом некрополе:

1) Шахты, заполненные преимущественно нестратифицированным заполнением с разновременным материалом, или шахты, заполнение которых стратифицировано, но содержит разновременный материал на всех глубинах (*илл. 1*) (например, шахты 1–4 в гробнице GE 12, шахты 1–3 в гробнице GE 15, шахты 1–3 в гробнице GE 17 [Kormysheva et al. 2015, p. 20–23, 96–98, 151–154], шахты 1 и 2 в гробнице GE 22). История комплексов с перемешанным материалом очень различается. На протяжении тысячелетий скальные гробницы оставались открыты и доступны для посещения и жизни, в результате чего многие шахты внутри часовен подвергались неоднократным раскопкам с целью грабежа, создания вторичных захоронений или использования их в качестве хозяйственных ям.

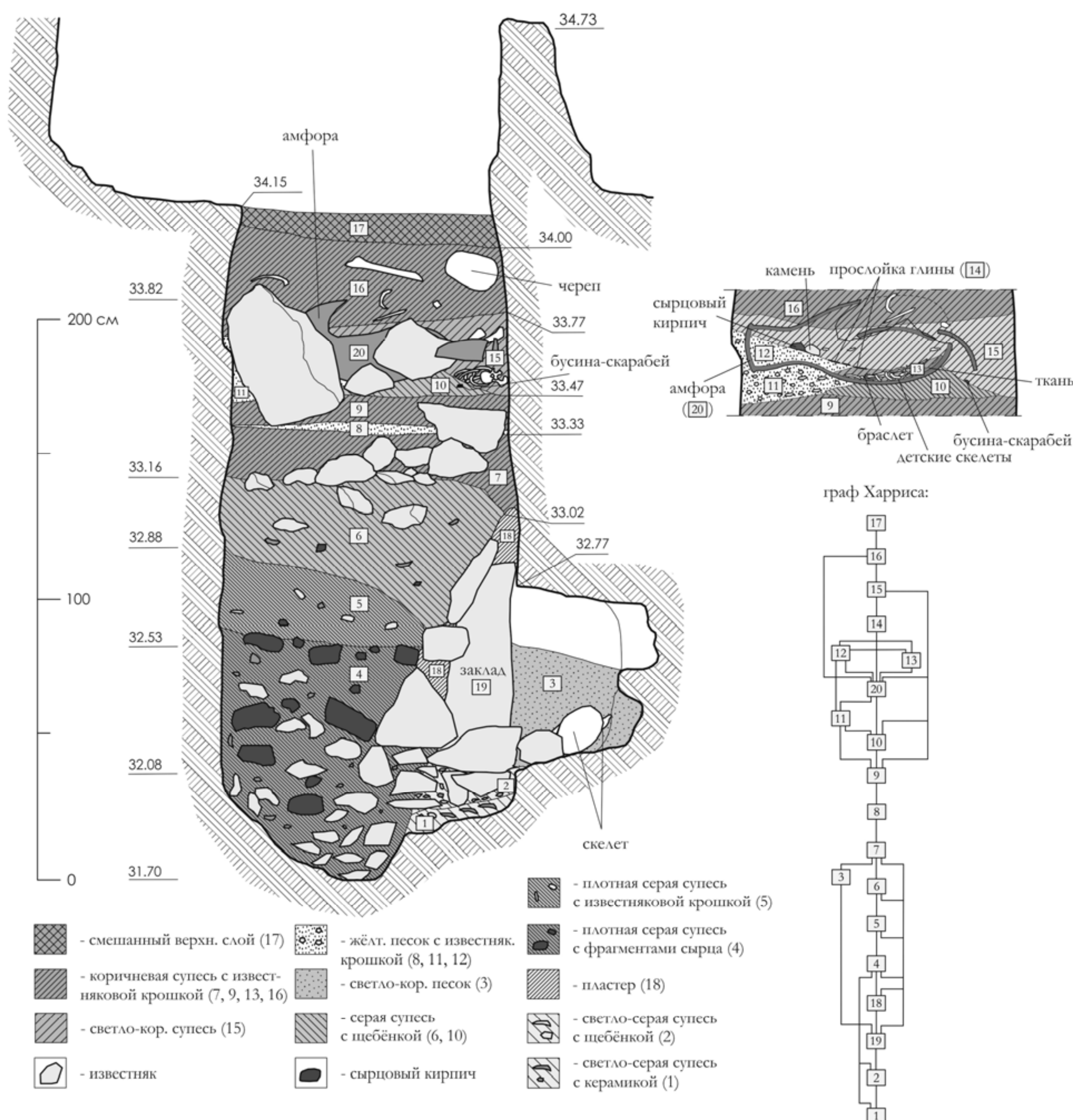
2) Шахты, заполнение которых стратифицировано и содержит в верхних слоях разновременный материал, а в нижних – материал Древнего царства (*илл. 2*) (например, шахта 4 в гробнице GE 12, шахты 2–4 в гробнице GE 58, шахта 1 в гробнице GE 49, шахты 2 и 6 в гробнице GE 19). Несмотря на сложную историю скальных гробниц Восточного плато, во многих шахтах сохранились остатки заполнения Древнего царства. Однако судьба их тоже была различна. Иногда оригинальное заполнение шахт оказывается лишь частично разрушено в более поздние времена с целью грабежа или создания в верхней части шахты вторичных захоронений, благодаря чему в погребальной камере сохраняется в неприкосновенности первоначальное захоронение (например, шахта 1 в гробнице GE 49 или шахта 2 в гробнице GE 19). Однако в большинстве случаев речь идет о хорошей сохранности слоев ограбления эпохи Древнего царства или I Переходного периода.

3) Комплексы, содержащие стратифицированное или нестратифицированное заполнение с материалами исключительно Древнего царства (*илл. 3*). Такие случаи в скальных гробницах очень редки. Тем не менее в качестве примера можно привести шахту 8 в гробнице GE 19.

Илл. 1. Пример заполнения с разновременным материалом на всех уровнях: шахта 1 в гробнице GE 58 (*рис. автора*)

Стратиграфия заполнения шахт в скальных гробницах, как правило, сложнее, чем стратиграфия комплексов в малом некрополе. Шахты в скальных гробницах имеют худшую сохранность оригинальных слоев, однако, несмотря на это, остатки заполнения Древнего царства или следы первоначальных погребений встречаются в большинстве комплексов. Заполнения шахт в скальных часовнях нередко сохраняют следы регулярных перекопов, связанных с грабительской или хозяйственной деятельностью, естественные чистые линзы песка или дождевых наносов, которые говорят о том, что соответствующие шахты или погребальные камеры долгое время стояли открытыми, а также прослойки органики, свидетельствующие о жизни в гробницах насекомых и мелких позвоночных.

Илл. 2. Пример заполнения с частично сохранившимися слоями Древнего царства: шахта 1 в гробнице GE 49 (*рис. автора*)

Как в малом некрополе, так и в скальных гробницах оригинальное заполнение шахт эпохи Древнего царства, как правило, слабо стратифицировано. Обычно оно состоит из известняковой щебенки с различными включениями. Иногда отдельные этапы заполнения шахты можно установить по прослойкам крупных камней или сырцовых кирпичей, а также по количеству или цвету супеси, которая примешивалась к щебенке. Следует, однако, помнить, что супесь имеет свойство перемещаться вниз по заполнению под воздействием гравитации.

Судя по всему, кучи известняковой щебенки образовывались во время вырубки в материковой скале шахт и погребальных камер. Отработанный материал не уносился далеко от будущего погребения, а складывался где-то неподалеку, возможно, в самой скальной часовне или рядом с соответствующей гробницей малого некрополя. В щебенке Древнего царства нередко встречаются фрагменты керамики, угли, небольшие фрагменты медных оксидов (видимо, от медных орудий, которые египетские мастера использовали при

обработке стен шахты или погребальной камеры), кости мелких животных и мелкие фрагменты костей крупных животных, фаянсовые бусины, фрагменты каменных орудий, кремневые пластины. Порой в оригинальном заполнении встречаются фрагменты сырцовых кирпичей или даже целые кирпичи. Они могли происходить из находившихся неподалеку более ранних сырцовых построек, которые к моменту совершения погребения уже разрушались. Нередко такие кирпичи имеют явные следы водной или биологической эрозии. В нижней части оригинального заполнения шахт иногда встречаются точильные камни со следами медных оксидов и другие каменные орудия. Если их использовали при устройстве соответствующего погребения, то, возможно, по мнению египтян, они должны были остаться в некрополе. В редких случаях камни щебенки имеют нагар, свидетельствующий о том, что они попадали в огонь (например, в шахте 4 гробницы GE 58). В отдельных случаях (например, шахты GE 45 и GE 60 перед гробницей Ченти I и шахта 38 перед гробницей Хафраанха) в оригинальной засыпке шахт в большом количестве использовался керамический материал[9]. Видимо, его брали неподалеку, ведь в окрестностях мастаб знати должны были аккумулироваться со временем кучи с керамикой, которая использовалась при отправлении культа и затем выбрасывалась за ненадобностью. Иногда в оригинальном заполнении времени Древнего царства встречаются прослойки супеси или песка. Так, в нижней части заполнения шахты 1 в помещении GE 59A перед гробницей Ченти I была обнаружена линза желтого песка с небольшим количеством щебенки и мелкими фрагментами керамики. В данном случае появление песка могло быть связано с погребальным ритуалом. Песок и супесь нередко встречаются по краям шахт: более мелкая песчаная фракция просыпается через камни щебенки и за тысячи лет формирует вдоль стен шахт песчаные линзы.

Слои, связанные с ограблением шахт в эпоху Древнего царства и I Переходного периода, как правило, стратифицированы слабо. В отличие от оригинального заполнения они обычно содержат больше коричневой или серой супеси, больше керамики, в том числе из уничтоженного погребального инвентаря, камни или сырцовые кирпичи из заклада, а также человеческие кости.

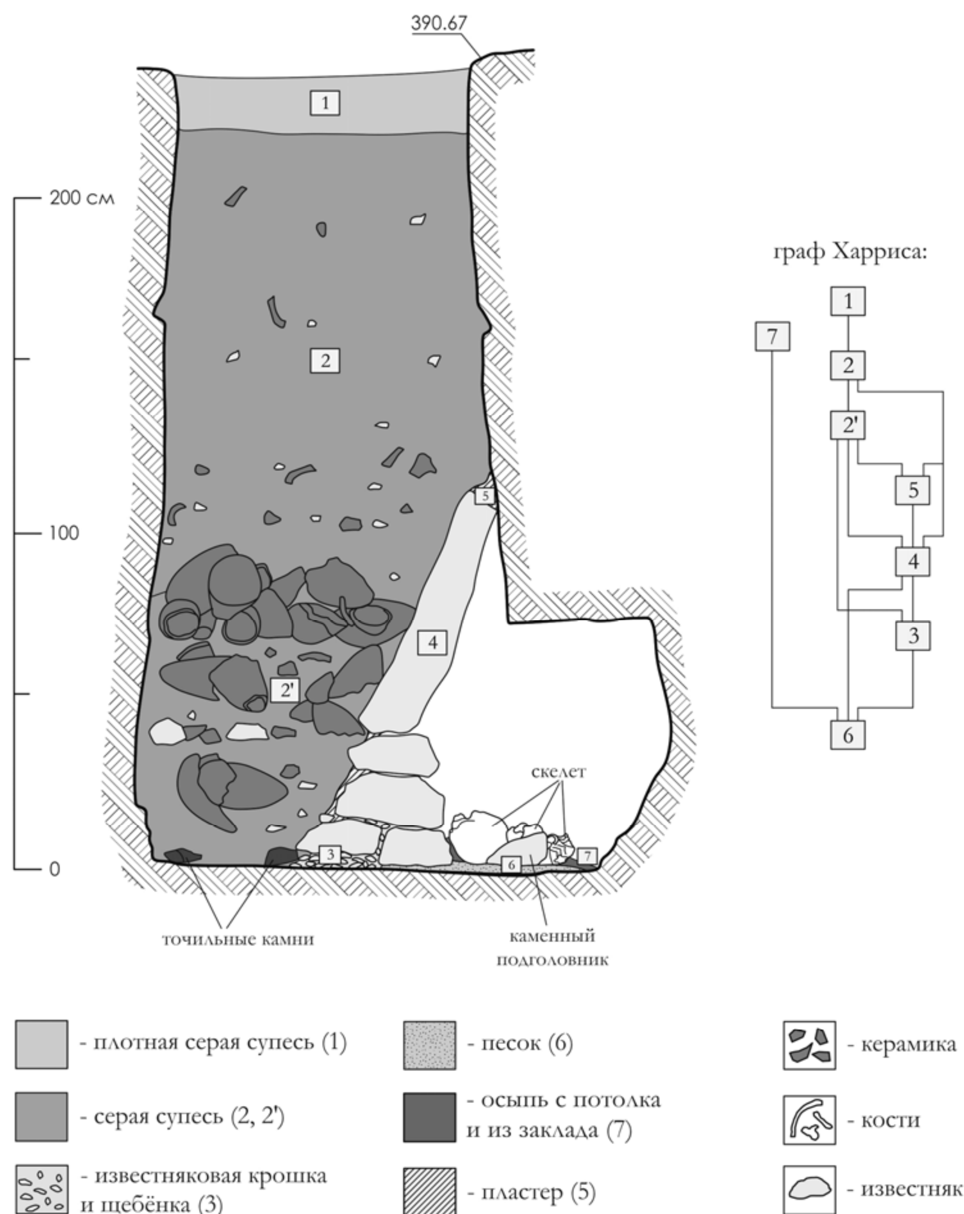
Слои, связанные с более поздними ограблениями или вторичными захоронениями, также обычно стратифицированы слабо. По сравнению со слоями Древнего царства они, как правило, включают гораздо меньше известняковой щебенки и гораздо больше песка или супеси. Нередко в них появляются фрагменты льняных тканей, расписных саркофагов, мешочки с натроном и куски смолы, использовавшиеся в процессе мумификации, фрагменты мумий и кости со следами мумификации. Не исключено, что в I тыс. до н. э. некоторые шахты скального некрополя использовались как т. н. «тайники бальзамировщиков» – т. е. схроны для материалов, оставшихся после мумификации. Поздние материалы чаще встречаются в шахтах скальных гробниц, нежели в малом некрополе.

В шахтах, которые использовались в качестве хозяйственных ям, обычны кости животных, части растений, фрагменты веревок и других плетеных изделий, помет животных. Часто объекты в таких шахтах подвергаются заметной коррозии из-за большого количества солей и органики.

Кроме того, как уже отмечалось, в шахтах скального некрополя нередко встречаются слои, которые аккумулировались во время того, как шахты стояли открытыми. Это линзы надувного песка, который порой мог заполнять почти всю шахту (например, шахта 1 в гробнице GE 48 [Kormysheva et al., 2015, p. 233]), слои смытой во время дождей глины толщиной до 5–6 см, а также прослойки органики (панцирей насекомых, растительных остатков, помета летучих мышей и костей мелких животных), которые накапливались в моменты запустения часовен.

---

[9] Подробнее об этом см.: [Малых, 2018б, с. 61–71].

Илл. 3. Пример хорошей сохранности слоев Древнего царства: шахта GE 45 (*рис. автора*)

Заключение

Приведенные примеры показывают насколько разнообразным и информативным может быть заполнение гробничных комплексов на восточной окраине Восточного плато Гизы. В ситуации, когда культурный слой за пределами скальных гробниц фактически отсутствует, шахты и иные конструкции, способные задерживать отложения и грунт, становятся единственным археологическим источником по истории данной части некрополя. В заполнении шахт отразилась сложная судьба восточной окраины Гизы, где периоды активного функционирования некрополя сменялись периодами запустения, разграбления, нового расцвета некрополя, новых грабежей и, наконец, появлением жилых комплексов. Можно выразить уверенность, что в дальнейшем, по мере накопления статистической информации и внедрения геоархеологических подходов к изучению древнеегипетских монументальных и культовых ландшафтов, у нас появится возможность комплексно подходить к решению вопросов развития и функционирования древнеегипетских некрополей на археологическом материале в широкой исторической перспективе. Такие

данные могут подвергаться обработке с помощью статистических методов и быть визуализированы в виде карт, отображающих характер и интенсивность антропогенного воздействия на территории древнеегипетских кладбищ в различные эпохи. Однако эта работа будет невозможна без тщательной фиксации стратиграфии шахт, которая в настоящее время фактически не проводится в пределах мемфисского некрополя.

Литература / References

Антонов Е. Е. Стратиграфия «цитадели» Кара-Тобе и возможности применения «Матрицы Харриса» // Родинкова В. Е. (ред.). *Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы III международной конференции молодых ученых. Москва, 16–19 марта 2015 г.* М., 2015. С. 170–171 [Antonov E. E. Stratigrafiya "citadeli" Kara-Tobe i vozmoznosti primeneniya "Matrizy Harrisa" // Rodionova V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya. Materialy III mezdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh.* Moscow, 2015. Pp. 170–171].

Ветохов С. В., Лебедев М. А., Малых С. Е. *Пирамиды над раскопом: Египет глазами российских археологов.* СПб., 2017 [Vetokhov S. V., Lebedev M. A., Malykh S. E. *Piramidy nad raskopom: Egipet glazami rossijskih arheologov.* Saint Petersburg, 2017].

Клейн Л. С. *Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога.* Кн. 1. Донецк, 2012 [Klein L. S. *Arheologicheskoe issledovanie: metodika kabinetnoj raboty arheologa.* Kniga 1. Donetsk, 2012].

Клейн Л. С. *История археологической мысли.* Т. 1. СПб., 2011 [Klein L. S. *Istoriia arheologicheskoj mysli.* T. 1. Saint Petersburg, 2011].

Лебедев М. А. Франко-тосканская экспедиция в Гизе (Египет): новые данные // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 3. С. 153–164 [Lebedev M. A. Franko-toskanskya ekspediciya v Gize (Egipet): novye dannye // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 3. Pp. 153–164].

Малых С. Е. Керамика Гизы как индикатор хронологической многослойности археологического памятника Египта // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 2. С. 164–178 [Malykh S. E. Keramika Gizy kak indicator hronologicheskoy mnogosloynosti arheologicheskogo pam'atnika Egipta // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 2. Pp. 164–178].

Малых С. Е. Древнеегипетские пивные кувшины и вотивные модели из Малого некрополя у гробницы Ченти I в восточной Гизе: проблемы интерпретации // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 4. С. 59–72 [Malykh S. E. Drevneegipetskie pivnye kuvshiny i votivnye modeli iz Malogo nekropolia u grobnitsy Tjenty I v vostochnoi Gize: problemy interpretatsii // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN.* 2018. 4. Pp. 59–72].

Малых С. Е. К истории Гизехского некрополя в первой половине второго тысячелетия до н. э. // *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Юрия Яковлевича Перепелкина. Ко 110-летию со дня рождения. Доклады. Труды Государственного Эрмитажа.* Т. LXXVI. СПб., 2015. С. 143–152 [Malykh S. E. K istorii Gizekhskogo nekropolia v pervoi polovine vtorogo tysiacheletiia do n. e. // *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2013–2014. Pamiati Iuriia Iakovlevicha Perepelkina. Ko 110-letiiu so dnia rozhdeniia. Doklady. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* T. LXXVI. Saint Petersburg, 2015. Pp. 143–152].

Малых С. Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде // *Вестник древней истории.* 2017. № 3. С. 537–554 [Malykh S. E. Funkcionirovanie Vostochnogo nekropol'a Gizy v konce Drevnego tzarstva I Pervom Perehodnom periode // *Vestnik drevney istorii.* 2017. 3. Pp. 537–554].

Bárta M. *Abusir V. The Cemeteries at Abusir South I.* Prague, 2001.

Bárta M. *Abusir XIII. Tomb Complex of the Vizier Qar, his Sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai.* Prague, 2009.

Bárta M., Coppens F., Vymazalová H. *Abusir XIX: Tomb of Hetepi (AS 20), Tombs AS 33–35 and AS 50–53.* Prague, 2010.

Brovarski E. *Giza Mastabas.* Vol. 7. *The Senedjemib Complex. Part 1. The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378).* Boston, 2000.

Browman D. L., Williams S. *Anthropology at Harvard. A Biographical History, 1790–1940.* Cambridge, 2013.

Champollion J. *Monuments de l'Égypte et de la Nubie.* Vol. IV. Paris, 1845.

Daniel G. A *Hundred and Fifty Years of Archeology.* London, 1975.

Droop J. P. *Archaeological Excavation.* Cambridge, 2015.

Dunham D., Simpson W.K. *Giza Mastabas.* Vol. 1. *The Mastaba of Queen Mersyankh III.* Boston, 1974.

Harris E. C. *Principles of Archaeological Stratigraphy*. London, 1989.
Hassan S. *Excavations at Giza 1929–1930*. Vol. I. Oxford, 1932.
Hassan S. *Excavations at Giza 1930–1931*. Vol. II. Cairo, 1936.
Hassan S. *Excavations at Giza 1931–1932*. Vol. III. Cairo, 1941.
Hassan S. *Excavations at Giza 1932–1933*. Vol. IV. Cairo, 1943.
Hassan S. *Excavations at Giza 1933–1934*. Vol. V. Cairo, 1944.
Hassan S. *Excavations at Giza 1934–1935*. Vol. VI. Part III. Cairo, 1950.
Hassan S. *Excavations at Giza 1935–1936*. Vol. VII. Cairo, 1953.
Hassan S. *Excavations at Giza 1936–37–38*. Vol. IX. Cairo 1960.
Junker H. *Giza I. Die Masfabas der IV. Dynastie auf dem Westfriedhof.* Wien, Leipzig, 1929.
Junker H. *Giza II. Die Mastabas der beginnenden V. Dynastie auf dem Westfriedhof.* Wien, Leipzig, 1934.
Junker H. *Giza III. Die Mastabas der fortgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof.* Wien, Leipzig, 1938.
Junker H. *Giza IV. Die Mastaba des KAjmanx (Kai-em-anch).* Wien, Leipzig, 1940.
Junker H. *Giza V. Die Mastaba des Śnb (Seneb) und die umliegenden Gräber*. Wien, Leipzig, 1941.
Junker H. *Giza VI. Die Mastabas des Nfr (Nefer), Qdfjj (Kedfi), KAHjf (Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen.* Wien, Leipzig, 1943.
Junker H. *Giza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes.* Erester Teil. Wien, 1947a.
Junker H. *Giza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes.* Zweiter Teil. Wien, 1947b.
Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofes.* Wien, 1950.
Junker H. *Giza X. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide. Westteil.* Wien, 1951.
Junker H. *Giza XI. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide. Ostteil.* Wien, 1953.
Kanawati N. *The Teti Cemetery at Saqqara VIII. The Tomb of Inumin.* Oxford, 2006.
Kanawati N. *The Teti Cemetery at Saqqara IX. The Tomb of Remni.* Oxford, 2009.
Kanawati N., Abder-Raziq M. *The Teti Cemetery at Saqqara V. The Tomb of Hesi.* Warminster, 1999.
Kanawati N., Abder-Raziq M. *The Teti Cemetery at Saqqara VI. The Tomb of Nikauisesi.* Warminster, 2000.
Kanawati N., Abder-Raziq M. *The Teti Cemetery at Saqqara VII. The Tombs of Shepsipuptah, Mereri (Merinebti), Hefi and Others.* Warminster, 2001.
Kanawati N., Hassan A. *The Teti Cemetery at Saqqara I. The Tombs of Nedjet-em-pet, Ka-aper and Others.* Sydney, 1996.
Kenyon K. M. *Beginning in Archaeology.* London, 1952.
Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis I. The tomb of Khafraankh (G 7948).* Moscow, 2010.
Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012.
Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.
Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.
Krejčí J., Callender V. G., Verner M. *Abusir XII. Minor Tombs in the Royal Necropolis I (the Mastabas of Nebtyemneferes and Nakhtsare, Pyramid Complex Lepsius No. 24 and Tomb Complex Lepsius No. 25).* Prague, 2008.
Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara V.1. Old Kingdom Structures between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat. Part 1. Architecture and Development of the Necropolis.* Varsovie, 2013.
Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien.* Zweite Abteilung. Bd. III. Genève, 1972.
Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien.* Text. Bd. I. Genève, 1975;
Manuelian P. Der. *Giza Mastabas.* Vol. 8. *Mastabas of Nucleus Cemetery G 2100. Part 1. Major Mastabas G 2100–2220.* Boston, 2009.
Mariette A. *Les mastabas de l'Ancien Empire.* Paris, 1889.
Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K., Czerwik D., Rzeuska T., Kaczmarek M., Kowalska A., Radomska M., Godziejewski Z. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef.* Varsovie, 2004.
Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem.* Varsovie, 2010.
Piggott S. Archaeological Draughtsmanship: Principles and Practices, Part I: Principles and Retrospect // *Antiquity.* 1965. 39. Pp. 165–176.
Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis.* Vol. I. Cambridge, 1942.
Roth A.M. *Giza Mastabas.* Vol. 6. *A Cemetery of Palace Attendants.* Boston, 1995.

Sowada K. Evidence for Late Third Millenium Weather Events from a Sixth Dynasty Tomb at Saqqara // *Studia Quaternraria.* 2013. 30(2). Pp. 69–74.
Simpson W. K. *Giza Mastabas.* Vol. 2. *The Mastabas of Qar and Idu.* Boston, 1976.
Simpson W. K. *Giza Mastabas.* Vol. 3. *The Mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II.* Boston, 1978.
Simpson W. K. *Giza Mastabas.* Vol. 4. *Mastabas of the Western Cemetery. Part 1. Sekhemka (G 1029); Tjetu I (G 2001); Iasen (G 2196); Penmeru (G 2197); Hagy, Nefertjentet, and Herunefer (G 2352/53); Djaty, Tjetu II, and Nimesti (G 2337X, 2343, 2366).* Boston, 1980.
Tassie G. J. Single-Context Recording in the Context of Archaeological Fieldwork in Egypt: Part One // Hassan F.A., Tassie G. J., Owens L. S., De Trafford A., Wetering J. van, El Daly O. (eds.). *The Management of Egypt's Cultural Heritage.* Vol. 2. London, 2015. Pp. 175–184.
Tassie G. J., Owens L.S. *Standards of Archaeological Excavations. A Fieldguide to the Methodology, Recording Techniques and Conventions.* London, 2010.
Verner M. *Abusir III. The Pyramid Complex of Khentkaus.* Prague, 2001.
Verner M. *Abusir IX. The Pyramid Complex of Raneferef. The Archaeology.* Prague, 2006.
Verner M., Callender V.G. *Abusir VI. Djedkare's Family Cemetery.* Prague, 2002.
Vymazalová H. *Abusir XXII. The Tomb of Kaiemtjenenet (AS 38) and the Surrounding Structures (AS 57–60).* Prague, 2011.
Weeks K. R. *Giza Mastabas.* Vol. 5. *Mastabas of Cemetery G 6000 including G 6010 (Neferbauptah); G 6020 (Iymery); G 6030 (Ity); G 6040 (Shepseskafankh).* Boston, 1994.
Wheeler R. E. M. The Secontium Excavations // *Archaeologia Cambrensis.* 1922. 77. Pp. 258–326.
Wheeler R. E. M. *Maiden Castle, Dorset.* Oxford, 1943.
Woodford A. O. *Historical Geology.* London, 1965.

Электронные ресурсы

The Giza Archives. URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 11.10.2018).

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЕГИПЕТСКО-ЭФИОПСКОГО КРИЗИСА ИЗ-ЗА СТРОИТЕЛЬСТВА «ВЕЛИКОЙ ДАМБЫ ЭФИОПСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Д. Б. Графов[*]

Статья посвящена кризису в отношениях между Египтом и Эфиопией, продолжающих ухудшаться с 2011 г. после объявления Аддис-Абебой о строительстве гигантской плотины с электростанцией «Хидасэ» на Голубом Ниле. Проект угрожает уменьшением объема поступающих в Египет вод Нила, особенно в течение первых лет, пока будет наполняться водохранилище перед плотиной. Египет считает это угрозой национальным интересам и пытается противодействовать возведению плотины. Власти Эфиопии отказываются обсуждать приостановку строительства и право Египта предъявлять претензии Эфиопии. Стороны конфликта демонстрируют конкурентное поведение, прибегают к широкому набору мер – от дипломатических и правовых до угроз и привлечения союзников. Кризис может привести к региональному конфликту и дестабилизации политической обстановки от Средиземного до Красного морей. Автор рассматривает возможные сценарии поведения конфликтующих сторон, их издержки и выгоды, а также механизмы разрешения кризиса.

Ключевые слова: Египет, Эфиопия, Судан, Нил, «Великая дамба эфиопского возрождения», конфликт, плотина, электростанция.

EGYPTIAN–ETHIOPIAN CRISIS OVER THE GRAND ETHIOPIAN RENAISSANCE DAM: PROSPECTS FOR RESOLUTION

Dmitry B. Grafov

The author analyzes the worsening of relations between Egypt and Ethiopia that began in 2011 when Addis Ababa announced its plan to build the "Grand Ethiopian Renaissance Dam" on the Blue Nile river. The project faces opposition from Egypt, with the major concern being that available water resources would be reduced by the construction of the dam; and, as Addis Ababa refuses to suspend construction, Egypt considers it a threat to national security and tries to mount pressure on the Ethiopian government. Both sides are equally unwilling to make concessions and instead resort to threats. It is unlikely that Egypt would use force directly, but it may put pressure on Sudan by destabilizing inner political situation through Sudan's opposition. The escalation of the crisis threatens to destabilize the political situation from the Mediterranean to the Red Sea. The article looks at possible scenarios for all stakeholders, their costs and benefits, as well as mechanisms for resolving the crisis with international mediators.

Keywords: Egypt, Ethiopia, Sudan, Nile, "Grand Ethiopian Renaissance Dam", conflict, dam, power station.

Отношения между Каиром и Аддис-Абебой никогда не были равноправными. Египет всегда стоял в своем развитии выше региональных соседей и выступал по отношению к Эфиопии в роли патрона. С начала XX в. в руках Центрального банка Египта находилась вся банковская деятельность Эфиопии, пока в начале 1930-х гг. император Х. Селассие I не счел подобное положение более невозможным и не

[*] Дмитрий Борисович ГРАФОВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Politology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graftvc@mail.ru

основал первый государственный эфиопский банк[1]. В 1929 г. усилиями Великобритании между Египтом и странами бассейна Нила был заключен договор, дающий последнему право вето на проекты, способные угрожать египетской доле вод Нила[2]. В начале XXI в. египетское доминирование сохранялось. В 2009 г. в торговле между Египтом и Эфиопией сальдо торгового баланса свидетельствовало о пятикратном перевесе в пользу Египта.

С точки зрения религии у двух стран есть много общего. Объединяющим фактором выглядит ислам суннитского толка. Но, если для Египта это доминирующая религия, то в Эфиопии мусульман около 40%. Большая часть населения христиане и язычники. В Египте коптов-христиан сравнительно немного, порядка 7–10%, но до 1959 г. эфиопские христиане принадлежали к Коптской православной церкви.

До недавнего времени серьезных противоречий между Эфиопией и Египтом не было, и они вместе заявляли о сотрудничестве в борьбе с пиратством и нестабильностью на Африканском Роге. Каир и Аддис-Абеба также намеревались взаимодействовать в рамках «Инициативы бассейна Нила». В феврале 1999 г. министры водных ресурсов девяти стран, расположенных в нильском бассейне, – Египта, Бурунди, Кении, Руанды, Демократической Республики Конго, Судана, Эфиопии, Уганды, Танзании и Эритреи в качестве наблюдателя, – заявили о партнерстве в интересах «достижения устойчивого социально-экономического развития путем справедливого использования общих водных ресурсов бассейна Нила и получения от них выгод»[3]. Однако в этой формуле сотрудничества было одно неизвестное – план Эфиопии построить крупнейшую плотину.

История строительства плотины и позиция Египта

Эфиопия начала строительство плотины-гидроэлектростанции в 2010 г. в 40 км от границы с Суданом на Голубом Ниле, сливающимся с Белым Нилом в Хартуме, после чего Большой Нил пересекает границу с Египтом. Для Эфиопии «Великая Дамба Эфиопского Возрождения» (Grand Ethiopian Renaissance Dam) – амбициозный национальный проект. Для сравнения, эфиопская гидроэлектростанция должна превзойти самую мощную в России Саяно-Шушенскую ГЭС, будет самой большой в Африке и войдет в десятку крупнейших в мире. «Дамбу Возрождения» возводит итальянская компания "Salini Impregilo", средства в постройку вложили китайские, американские и израильские компании. В 2017 г. готовность плотины составляла более 60%[4].

Объем котлована – 74 млрд. кубометров – приблизительно равен количеству воды, переносимому Нилом на границе с Суданом в течение года. Расчетный срок заполнения котлована – от 5 до 7 лет, поток Нила в Египет в этот период сократится на 15–30 %, а выработка электроэнергии крупнейшей египетской Асуанской ГЭС упадет на 40%. В 2014 г. Египет призывал Эфиопию заморозить строительство, до тех пор пока не будет установлено влияние дамбы на снабжение водой стран, расположенных вниз по течению. Обезвоживание Нила может иметь совершенно непредсказуемые последствия для сельского хозяйства Египта, т. к. страна располагает всего 4% обрабатываемых орошаемых земель и все они расположены вдоль Нила.

Эфиопия отклонила требование Египта заморозить строительство, напряженность между странами перешла в плоскость угроз. Египет заявил, что готов защищать свои

---

[1] Alemayehu F., Teklemedhin M. *The Birth and Development of Banking Services in Ethiopia, Abyssinia Law.* 02.03.2012. URL: http://www.abyssinialaw.com/study-on-line/item/393-the-birth-and-development-of-banking-services-in-ethiopia# (дата обращения 04.07.2018).

[2] Ethiopia ratifies River Nile treaty amid Egypt tension // *BBC News.* 13.06.2013. URL: http://www.bbc.com/news/world-africa-22894294 (дата обращения 14.07.2018).

[3] *The Nile Basin Initiative (NBI). Cooperative Framework Agreement.* URL: http://www.nilebasin.org/index.php/nbi/member-states (дата обращения 14.07.2018).

[4] Ethiopia's Grand Renaissance Dam 60 pct completed // *Xinhua.* 08.08.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-08/08/c_136506781.htm (дата обращения 18.07.2018).

«исторические права» на Нил «любой ценой», и никто не может лишить Египет его доли Нила, т. к. это вопрос национальной безопасности[5].

Не только Египет, но и Судан первоначально высказался против строительства. Египет настаивал, что строительство нарушает соглашения по использованию Нила от 1902, 1929 и 1959 гг. Последнее соглашение устанавливает распределение воды между Египтом и Суданом в соотношении 65% на 35%[6], хотя в договоре от 1929 г. доля Египта закреплена на уровне 57%. Столкнувшись с отказом Аддис-Абебы обсуждать свертывание строительства, Каир угрожает передать вопрос в Совет Безопасности ООН.

ПОЗИЦИЯ ЭФИОПИИ И РАЗВИТИЕ КРИЗИСА

Голубой Нил протекает через Эфиопию и является основным притоком, дающим около 80% объема большого Нила[7]. Руководство Эфиопии считает договор 1929 г., предложенный Великобританией, устаревшим и «колониальным». Аддис-Абеба не признает за Каиром права вето на любые проекты других стран, расположенные выше по течению, даже если они идут в разрез с его интересами. Соглашение 1959 г. вообще разделило воды Нила только между Суданом и Египтом[8]. Доля Судана установлена в размере 18,5 млрд. кубометров в год, а Египта – 55,5 млрд. кубометров.

Для Аддис-Абебы гигантская плотина с электростанцией – это национальный проект, имеющий огромное экономическое и политическое значение. Эфиопия не устает повторять, что благодаря электростанции страна покончит с нищетой. А после выхода электростанции на проектную мощность даже планирует стать крупнейшим экспортером электроэнергии в Африке и продавать электричество в Восточную Европу.

Эфиопский парламент одобрил новое рамочное соглашение о сотрудничестве по Нилу с пятью другими странами бассейна (Руандой, Танзанией, Угандой, Кенией и Бурунди), находящимися в положении, аналогичном с Эфиопией по отношению к Египту. В соответствии с новым соглашением должен быть создан постоянный орган для надзора за управлением рекой. Страны, расположенные в верховьях Нила, как и Эфиопия, в более ранних соглашениях не участвовали. Уганда и Танзания как бывшие колонии Великобритании тоже не могут считаться субъектами прежних договоренностей.

На угрозы Египта власти Эфиопии отвечают жестко: готовы с оружием в руках отстаивать свое право на долю нильской воды. «Дамба Возрождения» – вопрос жизни и смерти для страны, в которой 83% населения не имеет доступа к электричеству[9]. С другой стороны, в Аддис-Абебе сочетают резкие отповеди с миролюбивой риторикой. МИД Эфиопии уверяет в готовности продолжать работать с Суданом и Египтом для справедливого и равноправного использования Нила. Призывы к сотрудничеству в переговорах сопровождаются утверждениями, что плотина не только не умаляет египетские интересы, но наоборот будет уменьшать испарение воды из Нила и стабилизирует поток воды.

---

5 Hussein H. Egypt and Ethiopia spar over the Nile // *Aljazeera*. 06.02.2014. URL: http://america.aljazeera.com/opinions/2014/2/egypt-disputes-ethiopiarenaissancedam.html (дата обращения 18.07.2018).

6 Hussein H. Egypt and Ethiopia spar over the Nile // *Aljazeera*. 06.02.2014. URL: http://america.aljazeera.com/opinions/2014/2/egypt-disputes-ethiopiarenaissancedam.html (дата обращения 18.07.2018).

7 Hussein H. Egypt and Ethiopia spar over the Nile // *Aljazeera*. 06.02.2014. URL: http://america.aljazeera.com/opinions/2014/2/egypt-disputes-ethiopiarenaissancedam.html (дата обращения 18.07.2018).

8 Ethiopia ratifies River Nile treaty amid Egypt tension // *BBCNews*. 13.06.2013. URL: http://www.bbc.com/news/world-africa-22894294 (дата обращения 19.08.2018).

9 Sudan and Ethiopia on alert for Egyptian military strike // *The Middle East Monitor*. 05.05.2017. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20170505-sudan-and-ethiopia-on-alert-for-egyptian-military-strike/ (дата обращения 29.07.2018).

По классификации международных конфликтов происходящий кризис в отношениях Египта и Эфиопии можно охарактеризовать, как двусторонний невооруженный региональный длительный конфликт экономических интересов.

В 2015 г. Египет, Судан и Эфиопия подписали в Хартуме Декларацию принципов[10], в которой говорится о сотрудничестве, развитии и региональной интеграции, а также договорились о независимой экспертизе последствий строительства плотины. Эфиопия согласилась не перекрывать Нил для заполнения водохранилища, пока между тремя странами не будет достигнут определенный консенсус[11]. Экспертиза была проведена, но подготовленный экспертами документ, похоже, устроил в большей степени Каир. Министр иностранных дел Египта С. Шукри посетовал на неспособность других стран бассейна одобрить подготовленный технический доклад[12].

Конфликт прошел правовую стадию, в которой стороны исчерпали апелляцию к правовым нормам. Надежда на правовые институты – такие, как рассмотрение в Совете Безопасности ООН – для Египта малоперспективна. Мировое общественное мнение, очевидно, будет воспринимать соглашения, к которым апеллирует Египет, как анахронизм, не основанный на справедливом доступе к водам Нила всех стран бассейна. Нет гарантий и того, что Международный суд ООН не последует тем же путем. С другой стороны, Египет мог бы оспаривать односторонние действия Эфиопии, опираясь на «Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков», утвержденную резолюцией 51/229 Генеральной ассамблеи ООН 21 мая 1997 г.[13] Однако многие страны, в том числе Эфиопия, ее не приняли. При этом упомянутый договор Эфиопии с Руандой, Танзанией, Угандой, Кенией и Бурунди – уже новая правовая реальность. Правовой сценарий урегулирования благоприятней для Эфиопии, но она предпочитает продолжать строить плотину, не оглядываясь на Египет.

Ни одна из сторон не демонстрирует готовности первой определить общий знаменатель в конфликте интересов. Стороны предпочитают подходить к отстаиванию позиций, демонстрируя конкурентное поведение. В развитии конфликтов такой этап характеризуется желанием сторон идти на обострение с целью улучшить стартовые условия на будущих переговорах. Сейчас конкурентное поведение выражается в превентивных информационно-дипломатических и экономических мерах. Египет обвиняет Эфиопию и Судан в сотрудничестве с его врагами – Катаром и Израилем: якобы, именно они своими инвестициями в эфиопскую плотину хотят уничтожить экономику Египта. Каир пытался использовать и Лигу арабских государств, утверждая, что за Эфиопской дамбой стоят израильские интересы, напоминая, что в 2001 г. А. Либерман не исключал возможности бомбардировки Израилем Асуанской плотины в качестве сдерживающей меры[14]. Однако Лига арабских государств не проявила желания спешить на помощь Египту и разыгрывать израильскую карту, а лишь призвала Эфиопию к более тесному сотрудничеству с Египтом.

Параллельно Каир принимает превентивные меры от дефицита электроэнергии в случае обмеления Нила. Около 8 млрд. евро истрачено на строительство новых тепловых

---

[10] *Agreement on Declaration of Principles between The Arab Republic of Egypt, The Federal Democratic Republic of Ethiopia and The Republic of the Sudan on The Grand Ethiopian Renaissance Dam Project (GERDP).* URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Final_Nile_Agreement_23_March_2015.pdf (дата обращения 29.08.2018).

[11] Egypt, Ethiopia, and Sudan sign new Grand Renaissance Dam agreement // *CNBC Africa.* 30.12.2015. URL: https://www.cnbcafrica.com/news/east-africa/2015/12/30/egypt-ethiopia-sudan-grand-renaissance-dam-agreement (дата обращения 29.08.2018).

[12] Hendawi H., Meseret E. Egypt, Sudan and Ethiopia tensions over dam flare up again // *AP.* 23.11.2017. URL: https://www.apnews.com/2633d09cf2734bbdae358b6945141f57 (дата обращения 29.08.2018).

[13] *Conventions and agreements.* URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения 29.09.2018).

[14] *Интервью с А. Либерманом, председателем партии «Исраэль бейтену» (Наш дом Израиль), депутатом Кнессета.* 01.08.2015. URL: http://www.avigdorliberman.info/interview/kak-chelovek,-ne-sposobnyij-spravitsya-s-xamasom,-mozhet-reshit-iranskuyu-problemu.html (дата обращения 29.08.2018).

электростанций. Компания "Siemens" в марте 2018 г. сдаст последнюю из трех ТЭС, работающих на газе, мощностью 4800 МВт каждая, плюс 12 ветровых электростанций[15]. Это добавит к электрогенерации страны 48%, а доля Асуанской ГЭС сократится до 4%.

Эфиопия, в свою очередь, обвинила Египет в поддержке антиправительственных сил в многочисленных выступлениях на ее территории[16]. Также Аддис-Абеба заручилась поддержкой Судана, недовольного строительством Эфиопской плотины. Египетские средства массовой информации обвиняют Хартум в предательстве, на что министр иностранных дел Судана И. Гандур заметил: «Египет переживает по поводу доли Судана в водах Нила, которой он пользовался долгие годы бесплатно, но после строительства плотины такого больше не будет, и справедливость восторжествует»[17].

Сближение Аддис-Абебы с Хартумом облегчается еще и тем, что у Египта с Суданом существует давний спор о принадлежности пограничной полосы побережья у Красного моря. И этот спор сейчас по инициативе Судана обострился.

Гипотетический военный сценарий и реальность угрозы со стороны Египта

Пока кризис может считаться замороженным после подписания в 2015 г. «Декларации принципов» между Египтом, Суданом и Эфиопией. Однако то, что в ней декларируется, на взгляд Каира, осталось на бумаге. Стороны могут продолжать избегать обсуждения договоренностей до тех пор, пока эта стратегия не начнет приносить убытки. Если кризисы не урегулируются, они могут перерастать в военные действия, либо переходить в замороженное состояние, из которого снова возвращаются в фазу обострения. В данном случае военные действия Египта с целью остановить возведение плотины маловероятны, хотя и полностью исключить такую возможность нельзя.

В мае 2017 г. разведывательное сообщество США включило конфликт Египта и Эфиопии в первый доклад президенту Д. Трампу по оценке мировых угроз. Отмечается, что обострение в споре произойдет по мере того, как Эфиопия начнет заполнение водохранилища за плотиной, и тогда Египет испытает недостаток воды[18].

Однако для Египта попытка занять более выгодную позицию с помощью силовых мер может не принести ожидаемых результатов. Любая упреждающая силовая акция со стороны Каира будет осуждена западными странами. Госдепартамент США продолжит критиковать режим египетского президента А.-Ф. ас-Сисси как диктаторский, авторитарный и к тому же агрессивный. Наоборот, ЕС и США считают Эфиопию надежным партнером в борьбе с террористической угрозой в Африке. Президент Б. Обама, посетив Эфиопию с визитом летом 2015 г., назвал ее правительство «демократически избранным».

Теоретически Каир как более оснащенная в военном отношении страна мог бы нанести по возводимой плотине показательные удары с воздуха. Однако Эфиопия без труда найдет средства на эффективную противовоздушную оборону. Уже сейчас появляется информация о создании вокруг плотины режима безопасности с негласной бесполетной зоной ПВО[19].

---

[15] Fonseca J. Egypt's Siemens Power Plants to go online // *Maritime Activity Reports*. 07.08.2016. URL: https://www.marinelink.com/news/siemens-egypts-plants413574 (дата обращения 29.09.2018).

[16] Ethiopia blames Egypt and Eritrea over unrest // *BBCNews*. 10.10.2016. URL: http://www.bbc.com/news/world-africa-37607751 (дата обращения 29.09.2018).

[17] Hendawi H., Meseret E. Egypt, Sudan and Ethiopia tensions over dam flare up again // *AP*. 23.22.2017. URL: https://www.apnews.com/2633d09cf2734bbdae358b6945141f57 (дата обращения 20.09.2018).

[18] Expected Egypt. Ethiopia tension over water share: US report // *Egypt Today*. 13.05.2017. URL: http://www.egypttoday.com/Article/1/5062/Expected-Egypt-Ethiopia-tension-over-water-share-US-report (дата обращения 20.09.2018).

[19] Vall M. Egypt–Ethiopia tensions over new dam rise again // *Al Jazeera*. 28.11.2017. URL: http://www.aljazeera.com/news/2017/11/egypt-ethiopia-tensions-dam-rise-171127143625140.html (дата обращения 20.09.2018).

Военный сценарий разрешения конфликта не сулит Египту быстрого достижения своих целей. Наземная военная операция вряд ли возможна, потому что страны, во-первых, не граничат друг с другом. При попытке провести операцию с моря (а два закупленных у Франции десантных вертолетоносца позволяют ее начать) Каир столкнется с издержками абсолютно непрогнозируемых размеров. С одной стороны, может показаться, что Эфиопия истощена конфликтом с Эритреей, боевыми действиями в Сомали, ее терзают внутренние конфликты, но, с другой стороны, у Эфиопии могут найтись союзники в противостоянии с Египтом. Контракты на закупку эфиопской электроэнергии уже подписаны с несколькими израильскими компаниями. Эфиопия занимает важное место в проекте Китая «Один пояс – один путь». Да и сам Судан, скорее всего, выступит на стороне Эфиопии при обострении противостояния с Египтом, чтобы заодно решить вопрос о принадлежности спорного прибрежного участка суши.

Неопределенность исхода операции также связана, во-первых, с огромными логистическими проблемами Египта в обеспечении военного контингента, а во-вторых, с серьезным мобилизационным потенциалом Эфиопии, имеющей 95-миллионное население. Все это превратит гипотетическую войну даже для 100-миллионого Египта в затяжную и невыгодную операцию, которая точно не закончится легкой победой.

После стадии силового обострения Египту все равно пришлось бы вернуться в юридическое поле, но уже на худших позициях. Судя по всему, египетское руководство это понимает. За вербальными угрозами так и не последовали военные приготовления, хотя даже намека на удар по плотине было бы достаточно, чтобы международные подрядчики свернули свою деятельность. Поэтому с момента прихода к власти президента А.-Ф. ас-Сисси власти Египта стали осторожней в заявлениях. Более того, Абдель-Фаттах ас-Сисси заявил, что стратегическим выбором Египта является мир, а не война, и что Каир не собирается вмешиваться во внутренние дела Эфиопии и Судана[20].

Но это пока лишь слова. Судан выявил беспокойство относительно появления египетских войск на территории Эритреи вблизи границы с Суданом[21]. Эритрея находится во враждебных отношениях как с Суданом, так и с Эфиопией, с которой воевала в 1990-х гг. В Аддис-Абебе поспешили заявить, что план Египта – готовить в Эритрее повстанцев для проведения диверсионных нападений на плотину; достоверности такому сценарию придает встреча президента Эритреи Исайяс Афеворки и Абдель-Фаттаха ас-Сисси в Каире[22]. Поэтому нельзя исключать и сценарий прокси-войны с низким порогом интенсивности и включением механизмов дестабилизации и хаоса в Эфиопии.

Основания и перспективы разрешения конфликта

С точки зрения теории неореализма международных отношений есть два подхода к обеспечению государством своей безопасности. Стратегия «наступательного реализма» [Labs, 1997; Mearsheimer, 2001] исходит из максимизации собственной силы, до тех пор пока государство не достигнет неоспариваемой позиции регионального гегемона. Стратегия «оборонительного реализма» исходит из того, что повышение ставок в балансировании (ballance of power) [Waltz, 1979] через прямое противостояние ведет к большим издержкам и рискам для «наступающей» стороны, т. к. число противников растет. Более эффективно ослаблять противника и получать власть за его счет [Waltz, 1990], создавая оборонительные

---

[20] Egypt's Leader Seeks to Defuse Tension With Sudan, Ethiopia // *The Associated Press*. 01.15.2018. URL: https://www.nytimes.com/aponline/2018/01/15/world/middleeast/ap-ml-egypt-nile-.html (дата обращения 28.09.2018).

[21] Egypt's Leader Seeks to Defuse Tension With Sudan, Ethiopia // *The Associated Pres*s. 01.15.2018. URL: https://www.nytimes.com/aponline/2018/01/15/world/middleeast/ap-ml-egypt-nile-.html (дата обращения 28.09.2018).

[22] Egypt's Leader Seeks to Defuse Tension With Sudan, Ethiopia // *The Associated Press*. 01.15.2018. URL: https://www.nytimes.com/aponline/2018/01/15/world/middleeast/ap-ml-egypt-nile-.html (дата обращения 28.09.2018).

коалиции и перекладывая (передавая) ответственность противодействия «гегемону» на другие государства (buck passing) [Mearsheimer, 2001]. В международной практике акторы часто сочетают оборонительную и наступательную стратегию, известную как баланс между нападением и обороной. Все определяет цена того или иного сценария, т. е. соотношение издержек и приобретений для балансирующей стороны. Очевидно, что ни Египет, ни Эфиопия не имеют однозначных выгод при военном сценарии разрешения кризиса.

Практика показывает, что когда силы приблизительно равны или военное решение бесперспективно, стороны могут перейти от эскалации конфликта к выводу о необходимости решить проблему на основе договоренности, т. е. от баланса силы к балансу интересов. В данном случае баланс интересов означает учет двух фактов:

1) четыре пятых речного потока Нила формируют дожди, выпадающие на эфиопском нагорье;

2) для Египта, в котором дожди редки, Нил – это 97% всех водных ресурсов [Michel, 2013], обмеление реки даже на 30% в течение нескольких лет грозит катастрофическими убытками. Практически все сельскохозяйственное производство Египта сосредоточено на 4% территорий по берегам Нила. Договоренность должна отражать эту экзистенциальную взаимозависимость двух стран. Проблема в том, что Египет хотел бы признания и закрепления приоритета своих интересов. Фазу силового обострения и даже переговоры с позиции силы можно избежать, если появится авторитетный посредник.

Первый вариант наиболее логичен, это переговоры при участии Африканского союза, хотя и не столь авторитетного посредника (например, для Египта). Очевидно, что большей эффективностью будет обладать внешний посредник с авторитетом, признаваемым обеими сторонами. Можно рассматривать два варианта – с одним и с двумя посредниками. В первом варианте роль медиатора может сыграть Россия, которая сейчас имеет хорошие дипломатические отношения с Египтом на основе экономического и военно-технического сотрудничества. Россия имеет богатую историю сотрудничества и с Аддис-Абебой. В 1970–1990-х гг. Москва помогала Эфиопии строить промышленные и энергетические предприятия, проводить геологоразведку, поставляла военную технику, поддерживала в войне с Сомали. Более 20 000 эфиопских специалистов были подготовлены в нашей стране. А военно-морской флот СССР с 1977 по 1991 гг. располагал в Эфиопии на архипелаге Дахлак пунктом материально-технического обеспечения.

Вторым вариантом может быть урегулирование кризиса с двумя посредниками. Китай в качестве второго посредника мог бы устроить Аддис-Абебу во всех отношениях. Эфиопия связана с Поднебесной строительством не только «Великой Дамбы возрождения», но и еще шестью менее крупными электростанциями. Китайские телекоммуникационные компании “ZTE” и “Huawei” обеспечивают Эфиопии сотовую связь; автомобильные и железные дороги, метро и аэропорт тоже строят китайские корпорации. Влияние Китая и его заинтересованность в эфиопских делах огромны.

В целом конфликт вовсе не выглядит неразрешимым: он не является ни территориальным, ни религиозным, стороны не представляют различные цивилизационные подходы. Нет агрессора и жертвы, нет гуманитарной катастрофы и гуманитарных преступлений, за сторонами не стоят глобальные игроки. Все это говорит о том, что конфликт не имеет выраженной тенденции к эскалации.

Как может выглядеть конструкция соглашения, если у сторон не останется иных вариантов, кроме как сесть за стол переговоров? Принцип разведения интересов здесь вполне применим. Эфиопии нужны электроэнергия и демонстрация национальных амбиций. Египту нужны вода (электроэнергия и продукция сельского хозяйства на орошаемых территориях) и демонстрация национальных амбиций. Все в этом уравнении можно урегулировать через компенсации. Конфликт не является конфликтом «с нулевой суммой» по определению Т. Шеллинга, то есть существует возможность компромиссов, от которых могут выиграть обе стороны [Schelling, 1960, p. 40–47].

С одной стороны, компромисс может быть найден в объеме отбора воды для наполнения котлована. Если Эфиопия согласится увеличить срок наполнения, то убытки Египта можно минимизировать. С другой стороны, вырабатываемая Эфиопией электроэнергия может стать ресурсом для компенсации. Например, поставка ее с серьезной скидкой способна заинтересовать Каир. Остается урегулировать выражение амбиций на почетных условиях. Амбициями сторон выражаются в нежелании признать, что под непримиримыми позициями скрываются потребности, а противоречия в потребностях всегда можно согласовать [Fisher, Ury, 1981, p. 54–62].

Если же стороны откажутся от стратегии согласования интересов, то кризис может быть заморожен или, теоретически, обостриться, если одна из сторон заподозрит другую в подготовке использования силы. Этот сценарий связан с неверной интерпретацией действий противоположной стороны, дезинформацией или с ошибочным расчетом. Он известен как «спираль дилеммы безопасности» и не может игнорироваться для данной ситуации. В теории спираль ответных действий раскручивается, когда одновременно есть представление о серьезности угрозы и об эффективности силового ответа. По мнению Р. Джервиса, существует четыре типа дилеммы безопасности с четырьмя возможными сочетаниями *двух параметров*: 1) возможно или нет идентифицировать приготовления противника как оборонительные или наступательные; 2) степень выгоды *наступательного / оборонительного сценария* [Jervis, 1978]. Как уже указывалось, наступательной стратегии можно ждать от Египта, но полноценной военной операции ожидать трудно, хотя нельзя исключать точечные авиационные удары. Остается сочетание этих *двух параметров*, когда Эфиопия может ошибочно истолковать действия Египта как приготовления к удару. И это вызовет реакцию по «спирали безопасности», другими словами, теоретически спровоцирует упреждающий удар Эфиопии. Но для нее степень выгоды *наступательной стратегии* эфемерна, издержки точно выглядят больше. Таким образом, сочетание высокой цены *наступательной стратегии* (в первую очередь для Египта) и отсутствие инструментов быстрого радикального военного решения позволяет оценить спиральное решение дилеммы безопасности, как маловероятное.

До окончания возведения плотины осталось завершить около 30% строительных работ, и, возможно, в 2020 г., когда Эфиопия перекроет воду для наполнения котлована, развитие кризиса из теоретической плоскости перейдет в практическую.

Литература / References

Fisher R., Ury W. *Negotiating Agreement Without Giving In*. London, 1981.

Jervis R. Cooperation under the Security Dilemma // *World Politics* 1978. 30.2. Pp. 167–214.

Labs E. J. Beyond Victory: Offensive Realism and the Expansion of War Aims // *Security Studies*. 1997. 4.6. Pp. 1–49.

Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, 2001.

Schelling T. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, 1960.

Waltz K. N. Realist Thought and Neorealist Theory // *Journal of International Affairs*. 1990. 44. Pp. 1–34.

Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Reading, 1979.

Электронные ресурсы

Интервью с А. Либерманом, председателем партии «Исраэль бейтену» («Наш дом Израиль»), депутатом Кнессета. 01.08.2015. URL: http://www.avigdorliberman.info/interview/kak-chelovek,-ne-sposobnyij-spravitsya-s-xamasom,-mozhet-reshit-iranskuyu-problemu.html (дата обращения 21.12.2017) [*Interview with A. Lieberman, Chairman of the party "Israel Beitenu", Knesset member*. 01.08.2015. URL: http://www.avigdorliberman.info/interview/kak-chelovek,-ne-sposobnyij-spravitsya-s-xamasom,-mozhet-reshit-iranskuyu-problemu.html (accessed 21.12.2017)].

Agreement on Declaration of Principles between The Arab Republic of Egypt, The Federal Democratic Republic of Ethiopia and The Republic of the Sudan on The Grand Ethiopian Renaissance Dam Project (GERDP). URL:

https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Final_Nile_Agreement_23_March_2015.pdf (дата обращения 29.08.2018).

Alemayehu F., Teklemedhin M. The Birth and Development of Banking Services in Ethiopia // *Abyssinia Law.* 02.03.2012. URL: http://www.abyssinialaw.com/study-on-line/item/393-the-birth-and-development-of-banking-services-in-ethiopia# (дата обращения 04.07.2018).

Conventions and agreements. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения 29.09.2018).

Fonseca J. Egypt's Siemens Power Plants to go online, Maritime Activity Reports. 07.08.2016. URL: https://www.marinelink.com/news/siemens-egypts-plants413574 (дата обращения 29.09.2018).

Egypt, Ethiopia, and Sudan sign new Grand Renaissance Dam agreement // *CNBC Africa.* 30.12.2015. URL: https://www.cnbcafrica.com/news/east-africa/2015/12/30/egypt-ethiopia-sudan-grand-renaissance-dam-agreement (дата обращения 29.08.2018).

Egypt's Leader Seeks to Defuse Tension With Sudan, Ethiopia // *The Associated Press.* 15.01.2018. URL: https://www.nytimes.com/aponline/2018/01/15/world/middleeast/ap-ml-egypt-nile-.html (дата обращения 28.09.2018).

Ethiopia blames Egypt and Eritrea over unrest // *BBCNews.* 10.10.2016. URL: http://www.bbc.com/news/world-africa-37607751 (дата обращения 29.09.2018).

Ethiopia's Grand Renaissance Dam 60 pct completed // *Xinhua.* 08.08.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-08/08/c_136506781.htm (дата обращения 18.07.2018).

Ethiopia ratifies River Nile treaty amid Egypt tension // *BBC News.* 13.06.2013. URL: http://www.bbc.com/news/world-africa-22894294 (дата обращения 14.07.2018).

Expected Egypt, Ethiopia tension over water share: US report // *Egypt Today.* 13.05.2017. URL: http://www.egypttoday.com/Article/1/5062/Expected-Egypt-Ethiopia-tension-over-water-share-US-report (дата обращения 20.09.2018).

Hendawi H., Meseret E. Egypt, Sudan and Ethiopia tensions over dam flare up again // *AP.* 23.22.2017. URL: https://www.apnews.com/2633d09cf2734bbdae358b6945141f57 (дата обращения 20.09.2018).

Hussein H. Egypt and Ethiopia spar over the Nile // *Aljazeera.* 06.02.2014. URL: http://america.aljazeera.com/opinions/2014/2/egypt-disputes-ethiopiarenaissancedam.html (дата обращения 19.07.2018).

Michel D. Egypt, Ethiopia Water Dispute Threatens Nations // *The International Business Times*, 06/26/13. URL: http://www.ibtimes.com/egypt-ethiopia-water-dispute-threatens-nations-1324189 (дата обращения 10.01.2018).

Sudan and Ethiopia on alert for Egyptian military strike // *The Middle East Monitor.* 05.05.2017. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20170505-sudan-and-ethiopia-on-alert-for-egyptian-military-strike/ (дата обращения 29.07.2018).

The Nile Basin Initiative (NBI), Cooperative Framework Agreement. URL: http://www.nilebasin.org/index.php/nbi/member-states (дата обращения 14.07.2018).

Vall M. Egypt-Ethiopia tensions over new dam rise again // *Al Jazeera.* 28.11.2017. URL: http://www.aljazeera.com/news/2017/11/egypt-ethiopia-tensions-dam-rise-171127143625140.html (дата обращения 20.09.2018).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. И. Захаров[*]

Сотрудничество России и Индии традиционно строилось на общем восприятии мироустройства, глобальных и региональных процессов. Несмотря на наличие затруднений в торгово-экономическом взаимодействии, дружеские связи двух стран были обусловлены отсутствием значительных разногласий по принципиальным вопросам международной повестки. Именно политический диалог государств, основанный на взаимопонимании и доверии, всегда был сильной стороной российско-индийского партнерства. Начиная с 2014 г. в сотрудничестве России и Индии наметились негативные тенденции, связанные с появлением расхождений в подходах к региональным проблемам. Основными поводами для беспокойства Индии являются тесное взаимодействие России и КНР, а также развитие российско-пакистанских связей. Статья исследует российскую политику в Южной Азии в контексте общего «поворота России на Восток». Автор рассматривает взаимодействие Москвы и Нью-Дели по афганской проблематике и определяет сходства и различия в подходах сторон. Особое внимание уделено китайскому фактору, занимающему видное место в российско-индийском взаимодействии и развитии геополитической ситуации в Южной Азии.

Ключевые слова: российско-индийские отношения, геополитика, Пакистан, Афганистан, Китай, Южная Азия.

REGIONAL ASPECTS OF RUSSIA–INDIA RELATIONS

Aleksei I. Zakharov

The Russia–India relations used to be built on the common perception of the world order as well as global and regional issues. Although there has been a sticking point in the trade and economic cooperation between the two countries, their friendship was accompanied with lack of divergences on the matters of principle. The political dialogue based on mutual understanding and trust has always been a strong point of Russian–Indian partnership. Since 2014, however, some negative trends have also appeared. The close cooperation between Russia and China together with the development of Russian–Pakistani ties emerged as the main irritants for New Delhi. The paper revolves around the Russian policy in South Asia in the context of Russia's pivot to East. The author outlines the interaction between Moscow and New Delhi on the Afghan crisis and defines commonalities and differences in their approaches. This paper also deals with the China factor which has featured prominently in Russian-Indian interaction as well as in the overall geopolitical environment in South Asia.

Keywords: Russian-Indian relations, geopolitics, India, Pakistan, Afghanistan, China, South Asia.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На фоне украинского кризиса и ухудшения отношений со странами Запада Москва была вынуждена уделить большее внимание расширению сотрудничества с азиатскими государствами. Пакистан стал одним из направлений внешней политики России, на котором с 2014 г. произошел своеобразный прорыв. Основным драйвером российско-пакистанского взаимодействия стало военно-техническое сотрудничество, долгий период находившееся под негласным запретом в России [Каменев, 2016, с. 121]. В то же время стоит отметить, что российско-пакистанские отношения находятся на весьма ранней стадии. Помимо военно-технического сотрудничества, в октябре 2015 г. две страны подписали соглашение о строительстве газопровода Карачи-Лахор.

[*] Алексей Игоревич ЗАХАРОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; aleksei.zakharof@yandex.ru

Aleksei I. ZAKHAROV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; aleksei.zakharof@yandex.ru

С российской стороны также проявлялся интерес в развитии энергетического сотрудничества с Пакистаном, в частности – в разведке нефтегазовых месторождений и поставке сжиженного природного газа [Каменев, 2016, с. 124].

Широко известно, что для индийского правительства Пакистан является основным источником раздражения. В этой связи рост двустороннего партнерства Москвы и Исламабада, особенно в сфере ВТС, был воспринят в Нью-Дели с озабоченностью. Неприятным сюрпризом для Индии стало объявление о подписании контракта на поставку Исламабаду четырех российских вертолетов Ми-35М «для использования в антитеррористических операциях» [2] и дальнейшее увеличение сотрудничества стран в области борьбы с терроризмом. Пожалуй, именно конец 2016 г. стал для российско-индийских отношений негативным периодом. После долгих обсуждений внутри страны, Индия заключила Соглашение о логистической поддержке с США, Россия же впервые в истории провела совместные военные учения с Пакистаном. Российско-пакистанские маневры стали тревожным сигналом для Индии, поскольку обозначили начало сотрудничества Москвы и Исламабада в области региональной безопасности. Недовольство Нью-Дели вызвал тот факт, что в первоначальном варианте учения должны были пройти в деревне Ратту, в провинции Гилгит-Балтистан, расположенной в спорной части Кашмира. Примечательно, что объявление о проведении совместных с Пакистаном учений в этом районе до сих пор доступно на англоязычной версии сайта Минобороны РФ [3]. Впоследствии российско-пакистанские маневры прошли на военной базе «Черат» в 100 км от Исламабада, и неприятный осадок у Нью-Дели остался на долгие годы.

Заинтересованность России во взаимодействии с Пакистаном связана также с афганским кризисом. Комментируя объявление стратегии Д. Трампа в Южной Азии, специальный представитель президента РФ по Афганистану Замир Кабулов подчеркнул, что «Пакистан является ключевым региональным партнером России», с которым необходимо вести переговоры и другим странам [4]. На международной конференции «Сердце Азии – Стамбульский процесс», проходившей в декабре 2016 г. в индийском городе Амритсар, господин Кабулов отметил, что Россия «осознает озабоченности индийской стороны, но победить в войне против терроризма без пакистанской поддержки невозможно» [5]. Серьезное недовольство Индии вызвало проведение в конце декабря 2016 г. первого раунда «Московского процесса» по урегулированию кризиса в Афганистане в трехстороннем формате Россия-Китай-Пакистан. Данные переговоры вызвали в Нью-Дели подозрение, что Москва собирается искать выход из афганского кризиса без учета индийских интересов. Не исключено, что отсутствие Индии на первом диалоге по афганской проблематике было связано с тем, что в сентябре 2016 г. Нью-Дели участвовал в трехсторонних переговорах по данному вопросу с США и действующим афганским правительством. Очевидно, что параллельные процессы, происходившие в индийско-американских и российско-пакистанских отношениях, не были случайностью.

Индийские эксперты убеждены: российское сотрудничество с Пакистаном не должно быть увязано с развитием стратегического партнерства Индии и США. По их мнению, создание подобных взаимосвязей несправедливо, поскольку значимость российско-индийского сотрудничества несоизмеримо выше тех выгод, которые Россия может извлечь из взаимодействия с Пакистаном. Индия является одним из крупнейших покупателей

---

[2] Россия подписала контракт с Пакистаном на поставку вертолетов Ми-35М // *Интерфакс*. 20.08.2015. URL: http://www.interfax.ru/world/461412 (дата обращения 09.07.2018).

[3] Russian-Pakistani tactic exercise Friendship-2016 // *Ministry of Defence of the Russian Federation*. 23.09.2016. URL: http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12096967@egNews (дата обращения 15.08.2018).

[4] Россия видит вызовы в афганской стратегии Трампа // *Afghanistan.ru*. 23.08.2017. URL: http://afghanistan.ru/doc/113569.html (дата обращения 03.07.2018).

[5] Chaudhury N. R. Terrorism, connectivity focus of 'Heart of Asia' // *Russia Beyond*. 5.12.2016. URL: https://www.rbth.com/world/2016/12/05/terrorism-connectivity-focus-of-heart-of-asia_653547 (дата обращения 14.07.2018).

российского вооружения, тратящим 4–5 млрд. долларов в год на оружие и военную технику, произведенные Россией. В сравнении с этим затраты Исламабада несоизмеримо ниже, поэтому коммерческая составляющая сотрудничества незначительна. В Индии задаются вопросом, стоит ли для Москвы небольшая денежная выгода испорченных отношений с Нью-Дели? Несмотря на тот факт, что российские военные поставки Пакистану несущественны по объему и не угрожают индийской национальной безопасности, чувствительным моментом является сама возможность использования российского оружия против Индии. Между тем, совместные маневры военных России и Пакистана становятся традицией: в 2017 г. они прошли в Карачаево-Черкесии, в 2018 г. учения снова пройдут на территории РФ. Пакистан заинтересован в укреплении сотрудничества с Россией на фоне кризиса в отношениях с США.

Нет сомнения, что Индия по-прежнему является крупнейшим партнером России в Южной Азии. В последней концепции внешней политики РФ от 2016 г. двусторонние отношения именуются «исторической дружбой, основанной на разделяемых обеими странами внешнеполитических приоритетах и глубоком доверии»[6]. Однако приоритеты российской политики в Южной Азии в данном документе не расставлены, а цели сотрудничества с Пакистаном вовсе не упомянуты. Москве, по всей видимости, еще предстоит сформулировать и выработать последовательную стратегию в отношении всего региона и его отдельных стран. Для полноценного понимания региональных подходов России со стороны «особо привилегированного стратегического партнера» необходимо избегать неопределенности и шагов, способных получить двоякую оценку.

Развитие сотрудничества с Исламабадом не направлено на причинение вреда индийским интересам и не ставит под угрозу индийскую безопасность. Россия стремится укрепить собственное присутствие в регионе за счет диверсификации экономических и геополитических возможностей, стремясь найти альтернативных покупателей вооружений на случай продолжения снижения российской доли индийского импорта. Логику Москвы можно представить так: если Индия диверсифицирует своих партнеров сфере безопасности и ВТС, почему Россия должна ограничивать себя во взаимодействии с другими региональными игроками? Тем не менее, если российская политика в Южной Азии не станет последовательной, непонимание внешнеполитических шагов России в Индии будет расти, а стратегические взгляды стран расходиться. Очевидно, что новая внешнеполитическая доктрина России должна быть более содержательной в освещении российских подходов к Южной Азии.

Кризис в Афганистане

Как упоминалось, у России и Индии имеются разногласия в отношении подходов к урегулированию афганского кризиса. Содержащаяся в совместной декларации сторон по итогам саммита В. В. Путина и Н. Моди в Санкт-Петербурге в июне 2017 г. краткая фраза о намерении «координировать позиции по острым вопросам, включая национальное примирение в Афганистане... в рамках Московского диалога»[7] не убеждала в наличии схожих взглядов по данной проблематике, а, напротив, демонстрировала необходимость продолжения поиска точек пересечения. В предыдущие годы безопасность и стабильность в Афганистане занимали важное место в совместных заявлениях сторон. Традиционно несколько абзацев посвящалось угрозе терроризма, экстремизма, производству и

[6] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 22.07.2018).

[7] Санкт-Петербургская Декларация Российской Федерации и Республики Индии: Взгляд в XXI век // *Администрация Президента России*. 01.06.2017. URL: http://kremlin.ru/supplement/5199 (дата обращения 11.07.2018).

распространению наркотиков, общей приверженности оказывать поддержку афганскому правительству.

Кризис в Афганистане не только вызов региональной безопасности, но и проверка на прочность российско-индийских отношений. Определенной преградой в его урегулировании является то, что кризис стал еще одной зоной противоборства России и США. У РФ и Индии существуют два основных противоречия в отношении разрешения афганской проблематики. Во-первых, Москва хотела бы в будущем видеть Афганистан нейтральной страной, в то время как Нью-Дели поддерживает американское присутствие. Во-вторых, Россия выступает за включение некоторых групп движения «Талибан» в межафганский мирный процесс, так как группировка контролирует около 50% территории страны и, по российской оценке, могла бы быть полезной в борьбе с распространением влияния ИГИЛ в Афганистане.

Индийскую роль в качестве медиатора по урегулированию кризиса трудно переоценить. Нью-Дели участвует как в трехсторонних консультациях с США и Афганистаном, так и в «Московском диалоге». В 2017 г. между Россией и Индией значительно усилилось обсуждение путей выхода из афганского кризиса, и были предприняты шаги по координации подходов. Об этом свидетельствуют многочисленные встречи на официальном уровне, посвященные урегулированию кризиса в ИРА. Данная проблема поднималась в ходе встречи В. В. Путина и Н. Моди в июне 2017 г., во время визита в Нью-Дели З. Кабулова в октябре того же года, на министерских встречах в рамках Шанхайской организации сотрудничества и форума Россия-Индия-Китай. Позитивным фактором, способствующим сближению позиций Москвы и Нью-Дели, должно стать обсуждение кризиса в рамках контактной группы «ШОС – Афганистан», возобновившей работу в октябре 2017 г. Детали конкретных договоренностей сторон остаются закрытыми для широкой публики, но сам факт ведения интенсивного диалога по афганской проблематике представителями России и Индии свидетельствует о стремлении найти взаимовыгодные решения.

Китайский фактор

В то время как российское сближение с Пакистаном является эмоциональным раздражителем для Индии, развивающееся военно-политическое сотрудничество Москвы и Пекина представляет собой намного более серьезную озабоченность со стратегической точки зрения. Являясь крупнейшим торговым партнером, Китай одновременно с этим рассматривается в качестве основного стратегического противника Индии, стремящегося подорвать индийские позиции в Южной, Юго-Восточной Азии и регионе Индийского океана.

В прошлом, сталкиваясь с агрессивным поведением со стороны КНР, Индия полагалась на помощь Советского Союза. В 1959 г. руководство СССР критиковало Китай за вторжение на территорию Индии. Сообщалось, что Н. С. Хрущев лично «обвинил Мао Дзэдуна за пограничный кризис между странами»[8]. До самого окончания Холодной войны советско-китайские отношения оставались напряженными. Ряд разногласий включал различия в идеологии, территориальные споры, а также сотрудничество Китая с Пакистаном и США. Нормализация во взаимоотношениях между Москвой и Пекином началась в 1986 г. после знаменитой речи М. С. Горбачева во Владивостоке, открывшей путь для разрешения проблемных аспектов двустороннего взаимодействия [Joshi, 2001, p. 317].

Китай не находился среди внешнеполитических приоритетов России в 1990-е гг., хотя отношения с Пекином имели важное геополитическое значение для Москвы. Значимым шагом на пути развития сотрудничества стало совместное заявление сторон по итогам

[8] Nikita Khrushchev Blamed Mao Zedong for 1959 India-China Border Skirmish // *News18*. 5.08.2017. URL: http://www.news18.com/news/india/nikita-khrushchev-blamed-mao-zedong-for-1959-india-china-border-skirmish-1483507.html (дата обращения 15.05.2018).

саммита в Пекине, в котором Россия и КНР объявили о стремлении к построению «стратегического партнерства», основанного на равенстве и доверии и направленного на углубление взаимодействия в XXI в. В результате в 1998 г. было достигнуто практическое решение пограничных проблем, долгое время осложнявших двусторонние связи [Воскресенский, 2015, с. 35]. Существенное значение имело согласие, к которому стороны пришли по основным мировым проблемам. Одной из важнейших причин укрепления российско-китайских отношений стала демонстрация понимания со стороны Китая российского недовольства политикой НАТО по расширению на Восток. Поддержка Китая приобрела еще более весомое значение в свете украинского кризиса и начала конфронтации России с Западом. Тем не менее усиление сотрудничества двух государств не означает полного совпадения их стратегических интересов. Даже если Москва и Пекин продолжат придерживаться схожих подходов на глобальном уровне, обеим сторонам будет трудно добиться сопряжения их политик в ближайшем к их общей границе регионе – Центральной Азии.

Усиление влияния КНР и увеличение соперничества Пекина и Нью-Дели ставит перед Россией вопрос о поддержании баланса во внешней политике в Азии. Наглядными примерами этому явились нейтральная позиция России по индийско-китайскому приграничному спору на плато Доклам в июне–августе 2017 г. По сообщениям СМИ, Москва приложила усилия к включению базирующихся в Пакистане террористических групп в декларацию по итогам саммита БРИКС в Сямэне, что было воспринято в Индии как дипломатическая победа[9]. Совместная работа с Нью-Дели и Пекином в многосторонних форматах (БРИКС, РИК, ШОС) плодотворна для Москвы с точки зрения выработки общих подходов к проблемам регионального и глобального масштаба. Вместе с тем в последнее время значительно возросла необходимость постоянного балансирования между Индией и Китаем, ведь каждая из стран является стратегическим партнером России.

Представляется, что, укрепляя экономические связи с Китаем, России следует помнить уроки 1990-х гг., когда Москва попала в зависимость от США и Европы и оказалась в уязвимом положении после введения санкций. Чтобы не попасть в ту же ловушку снова, российский «поворот на Восток» должен быть сбалансированным и строиться на широкоформатном развитии отношений не только с Китаем и Индией, но и с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН и другими региональными игроками.

Укрепление российско-китайских связей и рост взаимодействия России и Пакистана привели к подозрениям Индии о формировании треугольника Москвы, Пекина и Исламабада. Следует признать, что Россия дала основания для подобных предположений, проведя в декабре 2016 г. первый раунд переговоров по Афганистану именно в трехстороннем формате. Однако на этом тревожные сигналы для Индии не закончились. Взаимодействие России и Пакистана продолжает увеличиваться, в особенности – в области ВТС, а Китай стал первой страной мира, получившей передовые российские зенитно-ракетные системы С-400. Формирование единого видения трех стран подтверждается и ростом политического диалога. Так, в конце декабря 2017 г. в Исламабаде прошла конференция, посвященная борьбе с угрозой терроризма в регионе, объединившая руководителей парламентов шести стран – Пакистана, России, Китая, Афганистана, Ирана и Турции. Переговоры прошли без участия индийской стороны и вызвали в Индии подозрение в обсуждении острого вопроса – проблемы Кашмира.

Одним из опасений Индии, связанным с партнерством Москва, Пекина и Исламабада, является присоединение России к ключевому проекту инициативы «Пояса и пути» – китайско-пакистанскому экономическому коридору (КПЭК). Индия бойкотировала форум в Пекине (середина мая 2017 г.), официально выразив свое несогласие с проектом, который

[9] Pak-based terror groups named in BRICS declaration for first time // *The Times of India*. 4.09.2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/pak-based-terror-groups-named-in-brics-declaration-for-first-time/articleshow/60361371.cms (дата обращения 26.06.2018).

«игнорирует ее суверенитет и территориальную целостность»[10]. Россия же в рамках собственной инициативы «Большого евразийского партнерства» объявила о сопряжении с китайской инициативой «Пояса и пути». Детали данного сопряжения до сих пор до конца не ясны. На данный момент нет оснований говорить об участии России в КПЭК, хотя пакистанские СМИ сообщали о проведении по данному вопросу «секретных переговоров» Москвы и Исламабада. Несмотря на опровержение информации со стороны МИД РФ, сообщения внесли нервозность и недопонимание в российско-индийские отношения. Индикатором интереса РФ к проекту является тот факт, что тема КПЭК упоминалась в ходе переговоров российских и индийских официальных лиц. В частности, выступая в Международном фонде им. Вивекананды в Нью-Дели в декабре 2017 г., министр иностранных дел РФ С. В. Лавров так прокомментировал вопрос о российском намерении присоединиться к китайско-пакистанскому экономическому коридору: «...отдельные политические разногласия [Индии и Китая] не должны ставить под угрозу все остальное... Уверен на 100%, что у Индии нет нехватки в умелых дипломатах и политиках, чтобы найти способ извлечь выгоду из этого процесса, при этом не делая уступок по принципиальным вопросам»[11]. Индийские эксперты и средства массовой информации восприняли заявление российского министра как лоббирование китайских интересов.

Заключение

Несмотря на некую «турбулентность» в российско-индийских отношениях, официальные лица обеих стран проявляют терпение и сдержанность. Отсутствие значительных разногласий по принципиальным вопросам должно остаться одной из ключевых характеристик стратегического партнерства стран. Весьма вероятно, что сотрудничество России и Китая и развитие российско-пакистанского взаимодействия останутся точками напряжения в российско-индийском диалоге. Становление КНР одним из ведущих акторов в Южной Азии оказывает значительное влияние на региональный баланс сил и заставляет Индию искать способы противодействия «китайской экспансии». Ввиду отсутствия у России прозрачной стратегии в Южной Азии, Москве потребуются дополнительные дипломатические усилия для проведения сбалансированной политики, не ущемляющей интересы ни одного из партнеров. Для сохранения высокого уровня доверия и преодоления влияния региональных аспектов на двусторонние отношения, Москве и Нью-Дели важно сохранять интенсивность политического диалога и не пересекать «красные линии» друг друга, несмотря на провокации третьих сторон и средств массовой информации.

Литература / References

Воскресенский А. Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) // *Сравнительная политика*. 2015. Том 6. № 1 (18). С. 32–53 [Voskresenskii A. D. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v kontekste aziatskogo vektora rossiiskoi diplomatii (1990–2015) // *Sravnitel'naya politika*. 2015. 6 (1(18)). Pp. 32–53].

Каменев С. Н. Российско-пакистанские отношения: вчера, сегодня, завтра // *Свободная мысль*. 2016. № 2. С. 119–130 [Kamenev S. N. Rossiisko-pakistanskie otnosheniia: vchera, segodnia, zavtra // *Svobodnaia mysl'*. 2016. 2. Pp. 119–130].

Joshi N. Russia and China: The Emerging Strategic Partnership // Chopra V. D. (ed.). *Indo-Russia Relations: Prospects, Problems and Russia Today*. Delhi, 2001.

[10] Official Spokesperson's response to a query on participation of India in OBOR/BRI Forum // *Ministry of External Affairs*. 13.05.2017. URL: http://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/28463/Official+Spokespersons+response+to+a+query+on+participation+of+India+in+OBORBRI+Forum (дата обращения 20.06.2018).

[11] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды, Нью-Дели, 11 декабря 2017 года // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/2984577 (дата обращения 29.04.2018).

Электронные ресурсы

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды, Нью-Дели, 11 декабря 2017 г. // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/2984577 (дата обращения 29.04.2018).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 22.07.2018).

Россия видит вызовы в афганской стратегии Трампа // *Afghanistan.ru*. 23.08.2017. URL: http://afghanistan.ru/doc/113569.html (дата обращения 03.07.2018).

Россия подписала контракт с Пакистаном на поставку вертолетов Ми-35М // *Интерфакс*. 20.08.2015. URL: http://www.interfax.ru/world/461412 (дата обращения 09.07.2018).

Санкт-Петербургская Декларация Российской Федерации и Республики Индии: Взгляд в XXI век // *Администрация Президента России*. 01.06.2017. URL: http://kremlin.ru/supplement/5199 (дата обращения 11.07.2018).

Chaudhury N. R. Terrorism, connectivity focus of 'Heart of Asia' // *Russia Beyond*. 5.12.2016. URL: https://www.rbth.com/world/2016/12/05/terrorism-connectivity-focus-of-heart-of-asia_653547 (дата обращения 14.07.2018).

Nikita Khrushchev Blamed Mao Zedong for 1959 India-China Border Skirmish // *News18*. 5.08.2017. URL: http://www.news18.com/news/india/nikita-khrushchev-blamed-mao-zedong-for-1959-india-china-border-skirmish-1483507.html (дата обращения 15.05.2018).

Official Spokesperson's response to a query on participation of India in OBOR/BRI Forum // *Ministry of External Affairs*. 13.05.2017. URL: http://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/28463/Official+Spokespersons+response+to+a+query+on+participation+of+India+in+OBORBRI+Forum (дата обращения 20.06.2018).

Pak-based terror groups named in BRICS declaration for first time // *The Times of India*. 4.09.2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/pak-based-terror-groups-named-in-brics-declaration-for-first-time/articleshow/60361371.cms (дата обращения 26.06.2018).

Russian-Pakistani tactic exercise Friendship-2016 // *Ministry of Defence of the Russian Federation*. 23.09.2016. URL: http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12096967@egNews (дата обращения 15.08.2018).

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КИТАЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

С. В. Чеснокова*

Китай – мировой лидер в развитии солнечной энергетики. В 2017 и первой половине 2018 гг. производство солнечной энергии и фотоэлектрического оборудования в Китае росло темпами, опережающими плановые цели пятилетки. В конце мая 2018 г. китайские власти ввели существенные ограничения: снизили субсидии, сократили тарифы, приостановили выдачу квот на строительство новых солнечных электростанций. Энергетические компании и производители фотоэлектрического оборудования перестраиваются для работы в условиях отказа от административного регулирования отрасли. В статье предпринята попытка анализа нововведений в «солнечном» секторе энергетики, которые могут привести к существенным изменениям в использовании возобновляемых источников энергии.

Ключевые слова: Китай, солнечная энергетика, «политика 531», отмена субсидирования, прогноз.

NEW TENDENCIES IN SOLAR ENERGY PRODUCTION IN CHINA

Svetlana V. Chesnokova

China is the world leader in the development of solar energy. In 2017 and the first half of 2018, the production of solar energy and photovoltaic equipment outpaced planned targets of the five-year plan. At the end of May 2018, Chinese authorities introduced significant restrictions: they reduced subsidies and tariffs and suspended quotas for the construction of new solar power plants. Power companies and manufacturers of photovoltaic equipment change their methods of work under these conditions of non-administrative regulation of the industry. The article attempts to analyze innovations in the solar energy sector, which can lead to significant changes in the use of renewable energy sources.

Keywords: China, solar energy, 531 Policy, cancellation of subsidies, forecast.

В основе солнечной энергетики лежит непосредственное использование солнечного излучения в качестве возобновляемого источника энергии (ВИЭ). Солнечная энергетика не производит вредных отходов, то есть является экологически чистой. Она растет опережающими темпами по сравнению с другими видами возобновляемой энергетики. Солнечные электростанции относительно просты в установке и эксплуатации. В статье предпринимается попытка проанализировать последние переломные тенденции развития солнечной энергетики Китая.

Тема альтернативной энергетики является актуальной для КНР, которая испытывает серьезный дефицит традиционных источников энергии. Использование «чистых» ВИЭ диктуется также тяжелой экологической ситуацией. При этом китайское руководство пытается перевести ситуацию с солнечной энергетикой в рыночное русло и сознательно идет, как будет показано ниже, на отказ от государственного регулирования отрасли.

2017 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 2018 ГГ.: МАКСИМАЛЬНЫЙ РОСТ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

По информации европейской ассоциации солнечной энергетики SolarPower Europe, в мире в 2017 г. были введены в эксплуатацию солнечные электростанции общей мощностью 98,9 ГВт. Это почти на треть больше, чем в 2016 г., тогда отрасль выросла на 76,5 ГВт (*илл. 1*).

* Светлана Викторовна ЧЕСНОКОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; csv7@mail.ru

Svetlana V. CHESNOKOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; csv7@mail.ru

Илл. 1. Годовые объемы ввода мощностей солнечной энергетики (2000–2017)[2]

В 2017 г. общемировой объем инвестиций в солнечную энергетику достиг 160,8 млрд. долларов, что на 18% больше, чем в 2016 г.[3] На солнечную энергетику приходилось 57% всех инвестиций в возобновляемые источники энергии в 2017 г., что превзошло инвестиции в угольную и газовую генерацию[4]. Как и в предыдущие годы, крупнейшим инвестором в ВИЭ стал Китай, вложивший в производство всех видов энергии 126,6 млрд. долларов. Две трети этих инвестиций было направлено в солнечную энергетику. Таким образом, Китай с большим отрывом опережает другие страны по инвестициям в возобновляемую энергетику.

В 2017 г. в КНР были введены в эксплуатацию фотоэлектрические мощности объемом 52,83 ГВт – более половины мирового прироста. Суммарная годовая мощность солнечной энергетики КНР достигла 130,25 ГВт [5]. Согласно прогнозам Независимой консалтинговой компании “Asia Europe Clean Energy (Solar) Advisory Co. Ltd” (AECEA), к 2020 г. установленная мощность китайской солнечной энергетики достигнет 250–255 ГВт[6].

В XIII пятилетнем плане в качестве цели развития китайской солнечной энергетики до 2020 г. был определен объем 105 ГВт установленных мощностей. Таким образом, если экстраполировать темпы роста 2017 и первой половины 2018 гг., то поставленная цель будет превышена более чем в два раза. В этот период Китай быстрыми темпами наращивал масштабы производства оборудования для солнечной энергетики. Например, компания “Risen” строит завод, на котором будет производиться до 5 ГВт солнечных модулей в год[7].

[2] Osborne M. Global solar market hit 98.9GW in 2017 – SolarPower Europe // *PVTech*. 14.03.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/global-solar-market-hit-98.9-gw-in-2017-solarpower-europe (дата обращения 22.10.2018).
[3] Global Trends in Renewable Energy Investment 2018. Bloomberg New Energy Finance // *Built up. The European Portal For Energy Efficiency In Buildings*. P. 15. URL: http://www.buildup.eu/sites/default/files/content/gtr2018v2.pdf (дата обращения 22.10.2018).
[4] Global Trends in Renewable Energy Investment 2018. Bloomberg New Energy Finance // *Built up. The European Portal For Energy Efficiency In Buildings*. URL: http://www.buildup.eu/sites/default/files/content/gtr2018v2.pdf (дата обращения 22.10.2018).
[5] Сидорович В. В 2017 году в Китае было построено 53 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 22.01.2018. URL: http://renen.ru/in-2017-china-built-53-gw-of-solar-power-plants/ (дата обращения 23.10.2018).
[6] Сидорович В. В 2017 году в Китае было построено 53 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 22.01.2018. URL: http://renen.ru/in-2017-china-built-53-gw-of-solar-power-plants/ (дата обращения 23.10.2018).
[7] Osborn M. Risen Energy starts construction of 5GW solar module manufacturing base in China // *PVTech*. 18.07.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/risen-energy-starts-construction-of-5gw-solar-module-manufacturing-base-in (дата обращения 23.10.2018).

Компания “Tongwei” в июне 2018 г. заявила об амбициозных планах увеличить в будущем производство солнечных элементов общей мощностью до 30 ГВт в год[8].

В первом квартале 2018 г. в Китае были введены в эксплуатацию солнечные электростанции общей мощностью 9,65 ГВт. Это на 22% больше, чем за тот же период прошлого года. В этот период особенно быстрыми темпами росли так называемые распределенные мощности. К распределенной энергетике относят децентрализованные мощности компактных размеров и / или мобильной конструкции, производящие тепловую и электрическую энергию для нужд мелких и средних потребителей (домохозяйства, предприятия малого бизнеса и т. п.). Излишки производимой энергии могут отправляться в общую сеть. По информации AECEA, 19–20 ГВт из введенных в 2017 г. солнечных мощностей относятся к распределенным источникам энергии. В 2016 г. таких объектов было построено всего мощностью 4,23 ГВт[9].

В первом квартале 2018 г. было возведено 7,68 ГВт распределенных мощностей. В 2017 г. за тот же период было введено в эксплуатацию всего 1,97 ГВт таких мощностей[10]. При этом в секторе крупных промышленных электростанций отмечалось замедление, здесь было введено 1,95 ГВт, что на 64% меньше прошлогоднего показателя за первый квартал.

Тем не менее итоги первого квартала 2018 г. превзошли ожидания. Консалтинговая компания AECEA ранее прогнозировала, что в Китае в первом квартале будет построено 7,5 ГВт мощностей солнечной энергетики. AECEA также прогнозировала, что за весь 2018 г. в КНР будет введено 40–45 ГВт таких мощностей. Такие организации, как “Bloomberg New Energy Finance”, “IHS Markit” и “GTM Research” делали более оптимистичные прогнозы – 48–60 ГВт, а компания “Bernreuter Research” предполагала ввод 65 ГВт новых мощностей солнечной энергетики[11]. Как мы увидим позже, эти прогнозы будут пересмотрены.

По данным авторитетного портала по солнечной энергетике PVTech, в первом полугодии 2018 г. в КНР было введено в эксплуатацию 24,3 ГВт солнечных электростанций. Установленная мощность солнечной энергетики Китая достигла 154,51 ГВт, в том числе 112,6 ГВт – это промышленные солнечные электростанции, а 41,9 ГВт – проекты распределенной солнечной генерации[12].

«Политика 531» и мировой рынок солнечной энергетики

В конце мая 2018 г. ситуация в китайской солнечной энергетике резко изменилась. Три китайских государственных органа – Национальная комиссия развития и реформ, Министерство финансов и Национальная энергетическая администрация – выступили с совместным заявлением «по вопросам, связанным с выработкой солнечной энергии в 2018 году[13]». Объявленные меры получили название «Политика 531» по дате публикации заявления (31 мая 2018 г.). Эта новая политика китайских властей в развитии солнечной энергетики предполагает прекращение выдачи квот на строительство промышленных

[8] Bellini E., Beetz B. Ambitious PV expansion plans for China’s Tongwei, Longi and Sunport still on track // *PV Magazine*. 26.06.2018. URL: https://www.pv-magazine.com/2018/06/26/ambitious-pv-expansion-plans-for-chinas-tongwei-longi-and-sunport-still-on-track/ (дата обращения 23.10.2018).

[9] Сидорович В. В 2017 году в Китае было построено 53 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 22.01.2018. URL: http://renen.ru/in-2017-china-built-53-gw-of-solar-power-plants/ (дата обращения 23.10.2018).

[10] The Weekend Read: Greener horizons for China // *PV Magazine*. 28.04.2018. URL: https://www.pv-magazine.com/2018/04/28/the-weekend-read-greener-horizons-for-china/ (дата обращения 23.10.2018).

[11] Сидорович В. В 1 квартале 2018 в Китае было построено почти 10 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 25.04.2018. URL: http://renen.ru/china-installs-nearly-10-gigawatts-of-solar-in-1q-2018/ (дата обращения 25.10.2018).

[12] Osborn M. China installed 24.3GW of solar power in the first half of 2018 // *PVTech*. 02.08.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/china-installed-24.3gw-of-solar-power-in-the-first-half-of-2018 (дата обращения 25.10.2018).

[13] 国家发展改革委 财政部 国家能源局关 2018 年光伏发电有关事项的通知 // *National Development and Reform Commission*. URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbtz/201806/t20180601_888637.html (дата обращения 25.10.2018).

солнечных электростанций, претендующих на субсидии. Объявляется запрет властям провинций выдавать разрешения на строительство таких электростанций в 2018 г. Китай уже перевыполнил план XIII пятилетки (2016–2020) по развитию солнечной энергетики. Теперь в связи с изменившимися обстоятельствами никакого официального плана на 2018 г. не устанавливается.

В 2018 г. также планировалось установить ограничение в 10 ГВт на ввод новых мощностей распределенной солнечной энергетики. Для всех видов объектов фотоэлектрической генерации власти снижают фиксированные «зеленые» тарифы. Устанавливается график дальнейшего снижения этих тарифов. В опубликованном заявлении говорится, что эти меры направлены на содействие устойчивому развитию сектора солнечной энергии, повышению качества ее развития и ускорению сокращения субсидий.

Есть несколько причин изменения политики властей. Одна из них — возросший дефицит государственного фонда поддержки развития ВИЭ, достигший 100 млрд. юаней (15,6 млрд. долларов). Этот фонд финансируется потребителями энергии. В Германии, например, программа поддержки ВИЭ сводится каждый год с профицитом, который в настоящее время достиг примерно 5 млрд. евро, а система, существующая в Китае, не справляется со слишком высокими темпами роста отрасли. Второй причиной называют переизбыток производства электроэнергии в стране. Эта ситуация привела к существенному снижению коэффициента использования установленной мощности традиционных электростанций.

При этом «Политика 531» предполагает, что местные власти должны поощрять любые проекты в солнечной энергетике, не требующие субсидий. Солнечная энергетика Китая во многих районах страны приближается по конкурентоспособности к угольной и уже обгоняет газовую. Возникает вопрос, насколько быстро эта отрасль сумеет перестроиться на работу в новых условиях. В КНР вводятся весьма жесткие экологические стандарты для угольных электростанций, что может привести к обострению конкурентной борьбы между различными технологиями генерации электроэнергии.

В Китае производители солнечной энергии недовольны последними изменениями в политике правительства, которые с их точки зрения тормозят развитие отрасли. После введения новой политики властей в солнечной энергетике акции китайских производителей, работающих в этой сфере, упали на 10–20% и более.

Директор по маркетингу одного производителя солнечных фотоэлектрических (PV) модулей в провинции Гуандун говорит: «Мы уже остановили работу на 11 мегаваттах промышленных и коммерческих распределенных солнечных фотоэлектрических проектов. Без субсидий нет никакой отдачи от инвестиций в течение более десяти лет, поэтому инвесторы и владельцы недвижимости не заинтересованы в распределенной солнечной энергии. С помощью субсидий для окупаемости инвестиций требуется всего семь лет»[14].

Последние изменения в политике китайских властей окажут существенное влияние на весь мировой рынок солнечной энергетики, поскольку КНР – это половина мирового объема отрасли. Изменения будут воздействовать на мировой рынок разнонаправлено. Естественно, замедление темпов ввода солнечных электростанций в Китае приведет к сокращению мирового роста солнечной энергетики.

Китайские производители высокими темпами наращивали производственные мощности, но сейчас они теряют часть внутреннего рынка. Это может привести к значительному превышению предложения над спросом и существенному падению цен на оборудование для солнечных электростанций на мировом рынке (прежде всего на фотоэлектрические модули). Снижение цен будет стимулировать развитие солнечной энергетики в других странах.

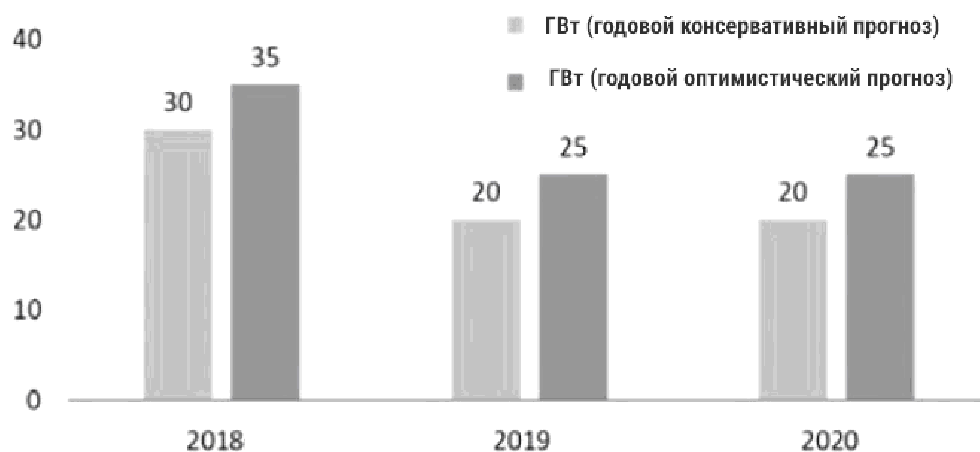
[14] Bin L. China's solar industry is at a crossroads // *Chinadialogue*. 13.08.2018. URL: https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/10775-China-s-solar-industry-is-at-a-crossroads (дата обращения 27.10.2018).

С другой стороны, недавние изменения могут ударить по производителям солнечных модулей из других стран. Например, в США и Канаде действуют протекционистские меры на рынке солнечных панелей и элементов. В январе 2018 г. президент США Дональд Трамп объявил о введении сбора 30% на импортируемые солнечные панели, что препятствует экспансии китайских производителей фотоэлектрических элементов на рынки США[15].

Перспективы развития солнечной энергетики в Китае

После изменения политики китайского правительства в области солнечной энергетики аналитики резко снизили отраслевые прогнозы.

AECEA предсказывает вместо 40–45 ГВт ввода мощностей в 2018 г. 30–35 ГВт, и всего 20–25 ГВт в год на последующие два года (*илл. 2*).

Илл. 2. Консервативный и оптимистический прогноз ввода новых мощностей солнечной энергетики[16]

Даже при пониженных прогнозах планируемые объемы ввода мощностей весьма существенны, но для КНР эти величины – серьезный откат по сравнению с 2017 г. Установленная мощность китайской солнечной энергетики, по мнению *Forbes*, может достичь к концу пятилетки (2020 г.) 200–215 ГВт, что существенно меньше прежних прогнозов[17].

Тем не менее отдельные крупнейшие китайские производители оборудования для солнечной энергетики сохраняют сдержанный оптимизм по поводу перспектив развития отрасли. Так, основатель и глава китайской компании “LONGi”, одного из крупнейших мировых производителей солнечных модулей, элементов и кремниевых пластин, Ли Чжэньго (Li Zhenguo) полагает, что в среднесрочной перспективе ежегодно в мире может устанавливаться 1 тераватт (1000 ГВт) солнечных электростанций. У “LONGi” широкомасштабные планы развития, которые не изменились в связи с запуском «Политики

[15] *China Energy Policy Newsletter*. September 2018. P. 2. URL: https://www.energypartnership.cn/fileadmin/user_upload/china/media_elements/newsletter/CNREC_Newsletter_EN/China_Energy_Policy_Newsletter_September_2018.pdf (дата обращения 25.10.2018).

[16] Osborn M. China putting major brakes on solar deployment as new market rules imposed // *PVTech*. 04.06.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/china-putting-major-breaks-on-solar-deployment-as-new-market-rules-imposed (дата обращения 27.10.2018).

[17] Baker J. Solar Leader China Is Slashing Its Subsidies On Solar Power – What You Need To Know // *Forbes*. URL: https://www.forbes.com/sites/jillbaker/2018/06/18/solar-leader-china-is-slashing-its-subsidies-on-solar-power-what-you-need-to-know/#29ca74432f9a (дата обращения 28.10.2018).

531». В частности, как и прежде, компания планирует к 2020 г. увеличить выпуск кремниевых пластин до 45 ГВт в год[18].

Планы "LONGi", как и других крупных производителей фотоэлектрического оборудования, представляются чрезмерно оптимистичными. В связи с существенным сокращением мер государственной поддержки китайская солнечная энергетика и производство оборудования для отрасли находятся в сложной ситуации. Скорее всего, солнечный сектор энергетики будет пребывать в состоянии неопределенности в ближайшие годы.

Нововведения в политике регулирования производства солнечной энергии могут стать своеобразным испытательным полигоном новой, рыночной стратегии развития альтернативной энергетики. Однако велика вероятность того, что необходимость работать в рыночных условиях, а не в протекционистской атмосфере государственных субсидий и квот, будет стимулировать конкурентное развитие отрасли. Тогда через несколько лет возможен новый рывок китайской солнечной энергетики. Она постепенно будет занимать все более существенное место в энергетическом балансе страны. Вытеснение традиционных источников энергии, прежде всего угля, продолжится. Рост солнечной энергетики будет сопровождаться развитием производства фотоэлектрического и другого оборудования для нужд отрасли. Экспорт этого оборудования станет существенным фактором развития солнечной энергетики во всем мире.

Литература / References

Электронные ресурсы

Сидорович В. 1000 ГВт солнечных электростанций ежегодно – LONGi // *RenEn*. 24.10.2018. URL: http://renen.ru/1000-gw-of-solar-power-plants-annually-longi/ (дата обращения 29.10.2018).

Сидорович В. В 1 квартале 2018 в Китае было построено почти 10 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 25.04.2018. URL: http://renen.ru/china-installs-nearly-10-gigawatts-of-solar-in-1q-2018/ (дата обращения 25.10.2018).

Сидорович В. В 2017 году в Китае было построено 53 ГВт солнечных электростанций // *RenEn*. 22.01.2018. URL: http://renen.ru/in-2017-china-built-53-gw-of-solar-power-plants/ (дата обращения 23.10.2018).

Baker J. Solar Leader China Is Slashing Its Subsidies On Solar Power – What You Need To Know // *Forbes*. URL: https://www.forbes.com/sites/jillbaker/2018/06/18/solar-leader-china-is-slashing-its-subsidies-on-solar-power-what-you-need-to-know/#29ca74432f9a (дата обращения 28.10.2018).

Bellini E., Beetz B. Ambitious PV expansion plans for China's Tongwei, Longi and Sunport still on track // *PV Magazine*. 26.06.2018. URL: https://www.pv-magazine.com/2018/06/26/ambitious-pv-expansion-plans-for-chinas-tongwei-longi-and-sunport-still-on-track/ (дата обращения 23.10.2018).

Bin L. China's solar industry is at a crossroads // *Chinadialogue*. 13.08.2018. URL: https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/10775-China-s-solar-industry-is-at-a-crossroads (дата обращения 27.10.2018).

China Energy Policy Newsletter. September 2018. P. 2. URL: https://www.energypartnership.cn/fileadmin/user_upload/china/media_elements/newsletter/CNREC_Newsletter_EN/China_Energy_Policy_Newsletter_September_2018.pdf (дата обращения 25.10.2018).

Global Trends in Renewable Energy Investment 2018 // *Built up. The European Portal For Energy Efficiency In Buildings*. URL: http://www.buildup.eu/sites/default/files/content/gtr2018v2.pdf P.15 (дата обращения 22.10.2018).

Osborn M. China installed 24.3GW of solar power in the first half of 2018 // *PVTech*. 02.08.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/china-installed-24.3gw-of-solar-power-in-the-first-half-of-2018 (дата обращения 25.10.2018).

[18] Сидорович В. 1000 ГВт солнечных электростанций ежегодно – LONGi // *RenEn*. 24.10.2018. URL: http://renen.ru/1000-gw-of-solar-power-plants-annually-longi/ (дата обращения 29.10.2018).

Osborn M. China putting major brakes on solar deployment as new market rules imposed // *PVTech*. 04.06.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/china-putting-major-breaks-on-solar-deployment-as-new-market-rules-imposed (дата обращения 27.10.2018).

Osborn M. Risen Energy starts construction of 5GW solar module manufacturing base in China // *PVTech*. 18.07.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/risen-energy-starts-construction-of-5gw-solar-module-manufacturing-base-in (дата обращения 23.10.2018).

Osborne M. Global solar market hit 98.9GW in 2017 – SolarPower Europe // *PVTech*. 14.03.2018. URL: https://www.pv-tech.org/news/global-solar-market-hit-98.9-gw-in-2017-solarpower-europe (дата обращения 22.10.2018).

The Weekend Read: Greener horizons for China // *PV Magazine*. 28.04.2018. URL: https://www.pv-magazine.com/2018/04/28/the-weekend-read-greener-horizons-for-china/ (дата обращения 23.10.2018).

国家发展改革委 财政部 国家能源局关 2018 年光伏发电有关事项的通知 // *National Development and Reform Commission*. URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbtz/201806/t20180601_888637.html (дата обращения 25.10.2018).

УГЛУБЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА КИТАЯ И ЕС: ОТ ВОЗМОЖНОГО К РЕАЛЬНОМУ?

Т. А. Тутнова*

В статье анализируются задачи, основные проблемы и перспективы отношений стратегического партнерства Китая и Евросоюза (ЕС) в условиях стремительного усиления китайского экономического потенциала и роста американо-китайских противоречий. Подчеркивается, что Китай и ЕС вкладывают разный смысл в содержание такого сотрудничества, а причины их политической заинтересованности друг в друге, как и степень «стратегической самостоятельности», которую стороны готовы продемонстрировать, неодинаковы.

Ключевые слова: Парижское соглашение, Саммит Китай – ЕС, сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы и Китая, торговые споры.

DEEPENING CHINA – EU STRATEGIC PARTNERSHIP: FROM POSSIBILITY TO REALITY?

Tatiana A. Tutnova

The article provides analysis of obstacles, objectives and prospects of the China–EU strategic partnership in the 21st century in the context of rapidly increasing Chinese economic potential and growth of US–China tensions. While there are still opportunities for a closer China–EU cooperation, it is emphasized that parties lack a shared vision of substance and main purposes of their strategic partnership.

Keywords: China–EU Summit, cooperation of Central and Eastern Europe and China, Paris Agreement, trade disputes.

Со времен установления в 2003 г. отношений стратегического партнерства Китайская Народная Республика (КНР) и Европейский Союз (ЕС) сформировали разветвленную структуру взаимодействия, поддерживая контакты в рамках более двадцати регулярных диалогов, в том числе, по региональной политике, урбанизации и правам человека, диалог по космосу, экономический и торговый диалог Китай – ЕС и др.

Наиболее динамично взаимодействие Китая и ЕС развивается в торгово-экономической области: Китай является вторым по значимости торговым партнером Евросоюза (после США) и с 2016 г. – главным торговым партнером Германии[1]. Для Китая Евросоюз с 2004 г. остается первым торговым партнером. Основная часть дипломатической риторики сторон также направлена на улучшение экономического сотрудничества.

Однако исследователи отмечают, что за четыре десятилетия дипломатических отношений (установлены в 1975 г.) Пекин и Брюссель перешли от простого коммерческого партнерства к координации действий в вопросах дипломатии, безопасности и глобального управления. Такая тенденция связана со стремлением Пекина и Брюсселя (как минимум, декларативным) не только лидировать в экономике и научно-техническом прогрессе, но и усилить влияние на ход мировых событий как на географическом уровне, так и в конкретных

* Татьяна Антоновна ТУТНОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tutnowa.t@gmail.com
Tatiana A. TUTNOVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tutnowa.t@gmail.com

[1] Foreign Trade / Ranking of Germany's trading partners in foreign trade // *Statistisches Bundesamt (Destatis)*. 2018. URL: https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/Tables/OrderRankGermanyTradingPartners.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 15.10.2018).

областях. В совместном документе «Стратегическая повестка дня сотрудничества ЕС – Китай 2020 г.» отмечено, что, будучи важными участниками многополярного мира, ЕС и Китай обязуются укреплять диалог и координацию на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, а также работать над тем, чтобы сделать международный порядок более справедливым[2].

Тем не менее ЕС и Китай, похоже, вкладывают разный смысл в содержание такого сотрудничества, а причины их политической заинтересованности друг в друге неодинаковы, как и степень «стратегической самостоятельности», которую стороны в настоящее время готовы продемонстрировать.

Современное состояние и основные проблемы китайско-европейских отношений

Китай все более претендует на то, чтобы в XXI в. быть новым «центром силы», активно влияющим на международные процессы, а попытки усилить контакты с Евросоюзом являются важным вектором китайской дипломатии. Как подчеркнули российские исследователи В. Михеев и С. Луконин, КНР выстраивает взаимодействие с другими субъектами международных отношений с точки зрения того, насколько они способствуют китайскому «возвышению» [Михеев, Луконин, 2015, с. 69]. Для Китая ЕС интересен как: 1) крупнейший торговый партнер и один из ведущих инвесторов; 2) партнер по научно-техническому сотрудничеству и источник технологий; 3) один из регионов инфраструктурной инициативы КНР «Один пояс, один путь»; 4) потенциальный помощник в продвижении интересов КНР по отдельным направлениям (например, в Арктике, исследовании космоса); 5) пользующийся авторитетом, весомый участник международных отношений, сотрудничество с которым повышает престиж самого Китая. В силу названных причин КНР надеется укрепить связи с Евросоюзом не только в торгово-экономической, но и в политической сферах.

Политика ЕС также не ограничивается евро-атлантическим пространством (ярко выраженные интересы Союз имеет, например, на Ближнем Востоке), хотя Брюссель более избирательно, нежели Пекин, подходит к выбору финансовых и политических партнеров. Китай и экономически сильные государства Северо-Восточной Азии, не имеющие серьезных военно-политических противоречий с Евросоюзом, рассматриваются последним в контексте экономических, прежде всего, а не политических возможностей.

Показательно, что совокупный объем торговли Евросоюза с Китаем, Японией и Южной Кореей (802,191 млрд. евро в 2017 г.) превышает двусторонний товарооборот ЕС и США (632,589 млрд. евро)[3]. Наглядным примером углубления экономических связей Европы и Северо-Восточной Азии стала ратификация в 2015 г. соглашения ЕС и Южной Кореи о свободной торговле, а также присоединение ряда стран Евросоюза (в т. ч. Германии, Великобритании, Франции, Австрии) к учрежденному Китаем в 2014 г. Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). При этом ни США, ни другой их союзник – Япония, к банку не присоединились, рассматривая АБИИ как китайскую альтернативу международным финансовым институтам, где наибольшая часть квот и голосов принадлежит США и Японии. Важная задача АБИИ – финансирование проектов в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», которая, по плану Пекина, должна связать Китай с Европой с помощью автомобильного, железнодорожного и морского транспорта, сети трубопроводов и городской инфраструктуры.

---

[2] EU – China 2020 Strategic Agenda for Cooperation // *European External Action Service (EEAS)*. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf. P.3. (дата обращения 15.10.2018).

[3] Client and Supplier Countries of the EU28 in Merchandise Trade (value %) (2017, excluding intra-EU trade) // *European Commission*. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.pdf (дата обращения 15.10.2018).

Между тем, политические и экономические отношения КНР и ЕС на практике все еще далеки от тесных и доверительных ввиду ряда факторов.

Во-первых, Китай и Евросоюз играют важную роль в мировой экономике, занимая первое и второе места в мировом экспорте товаров (17% и 16% соответственно от общего объема мирового экспорта в 2016 г.)[4], что подогревает их конкуренцию на внешних рынках. С конца 1980-х гг. Китай сохраняет положительное сальдо торгового баланса в отношениях с ЕС (более 176 млрд. евро в 2017 г.), при этом его производственный бум стал результатом деятельности совместных предприятий с филиалами западных компаний. Открыв свои отрасли для европейских инвестиций, Китай получил взамен высокотехнологичное оборудование, опыт современного менеджмента и гарантированные рынки сбыта, в том числе в самой Европе.

Помимо лицензионной передачи технологий в рамках торговых сделок с ЕС, Китай неоднократно прибегал к незаконному нарушению прав интеллектуальной собственности европейских производителей. Не всегда в пользу европейцев действует и китайское законодательство, в котором при недостатке основных законов преобладают оперативно принимаемые (в течение суток) и легко изменяемые локальные правовые документы [Трощинский, 2015, с. 111]. Именно они «защищают» интересы иностранных правообладателей. Хотя подобные подзаконные акты способствовали привлечению иностранных инвестиций в 1980–1990-е гг. за счет предоставления зарубежному бизнесу условий наибольшего благоприятствования, органы власти на местах вправе быстро менять их по своему усмотрению, что часто вынуждало иностранцев останавливать производство (и в ряде случаев оставить китайцам технологии). На подобную практику указала и международный бизнес-консультант Кристин Хорбах (Kristine Horbach). По ее мнению, многие европейские компании сталкивались в Китае с необходимостью поспешно менять годами разрабатываемые инвестиционные стратегии из-за часто меняющейся нормативной базы[5].

Во-вторых, отношения с США остаются приоритетными для Европы, поэтому, прежде чем заключать сделки с Китаем, ЕС не может не оценивать их возможное влияние на американо-европейские отношения. Учитывая усиливающееся соперничество между Пекином и Вашингтоном как в политике, так и в экономике, чрезмерная «самостоятельность» ЕС в контактах с КНР может вынудить Вашингтон применить против Брюсселя новые рычаги давления, в дополнение к уже существующим экономическим ограничениям.

К выгоде Пекина, нынешняя протекционистская риторика Д. Трампа в адрес ЕС и Китая в некоторой степени затушевывает их собственные противоречия и даже, на первый взгляд, предоставляет благодатную почву для китайско-европейского сотрудничества. Китайские и англоязычные СМИ подчеркивают, что на прошедшем в Пекине в июле 2018 г. ежегодном двустороннем саммите КНР и ЕС согласились создать рабочую группу по реформам ВТО, а также поддерживать принципы свободной торговли, что можно связать с введением США таможенных пошлин на сталь и алюминий.

Действительно, лидеры ЕС, возможно, использовали саммит с КНР от 16 июля 2018 г. для укрепления переговорных позиций перед встречей с президентом США, состоявшейся позднее в том же месяце. Однако наблюдаемая тенденция на сближение Китая и ЕС не является устойчивой, и по возможному еще не следует заключать о действительном. Как отметил Юкон Хуан, старший научный сотрудник Фонда Карнеги, занимавший ранее должность директора китайской программы Всемирного банка, Китай и Европа не являются естественными союзниками, а перспективы их сближения зависят как от степени

---

[4] China-EU – international trade in goods statistics // *European Statistical Office*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Overview (дата обращения 15.10.2018).

[5] China-Germany Relations: Opportunities Emerge as Investment Ties Grow // *China Briefing*. 23.04.2018. URL: http://www.china-briefing.com/news/2018/04/23/china-germany-relations-opportunities-emerge-investment-ties-grow.html (дата обращения 23.10.2018).

дальнейшего американского давления на Европу в торговых вопросах, так и от готовности Китая выработать ответственный подход к решению накопившихся противоречий в отношениях с ЕС[6]. Что касается последнего пункта, то, по мнению ученого, на прошедшем в июле 2018 г. саммите Китай и ЕС преимущественно избегали обсуждения «больных» вопросов двусторонних отношений.

Таким образом, озвученные на китайско-европейском саммите 2018 г. двусмысленные формулировки об угрозе принципам свободной торговли могли быть подспудно адресованы самой КНР. Не случайно на той же встрече в верхах еврокомиссар по торговле Сесилия Мальмстрем отметила: «Китай предпринял большие усилия для борьбы с протекционизмом, <…> но *я бы пожелала, чтобы эти слова воплощались в более конкретных действиях* по дальнейшему открытию для инвестиций»[7].

В-третьих, налаживанию тесного партнерства КНР и членов Евросоюза препятствует тот факт, что Китай и китайцы остаются для европейцев *terra incognita*, как с точки зрения культурных особенностей и принципов ведения бизнеса, так и в контексте перспектив усиления китайского влияния в мире. К крупнейшей азиатской экономике и перспективам ее внешней политики европейцы относятся с недоверием. Дополнительные трудности создают различия в политических системах и вытекающие из этого обвинения со стороны ЕС в нарушениях прав человека в Китае, отсутствии политического плюрализма и др. Даже несмотря на наличие в странах ЕС «Чайнатаунов», популярность китайской культуры среди европейцев невысока, что также не упрощает процесс формирования общественного доверия к КНР.

Конечно, было бы ошибочно отрицать нарастание взаимодействия Китая и ЕС в XXI в. по ряду новых направлений, включая электронную коммерцию, энергосберегающие технологии, проблемы изменения климата, международную безопасность. На этом фоне расширяются и возможности Китая по осуществлению практических шагов для перевода политических отношений с ЕС (или некоторыми странами Союза) на новый уровень.

Так, лестными для Китая стали слова Федерики Могерини, которая высоко оценила полезную роль Китая в сохранении иранской ядерной сделки после отказа от нее США и отметила, что Китай и ЕС работают сообща, чтобы спасти соглашение[8]. Действительно, Китай и ЕС могут попытаться выработать совместные меры по укреплению экономического сотрудничества с Ираном для удержания его в соглашении, однако такая вероятность невысока без повторного присоединения США к договору.

После заявления Д. Трампа о намерении США выйти из Парижского соглашения по климату, принятого в 2015 г., Китай видится для ЕС как ключевой партнер в вопросах борьбы с глобальным потеплением, даже несмотря на то, что КНР является крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов. Следует заметить, что Китай, в отличие от США, находится на начальном этапе борьбы с экологическими проблемами. Это означает, что существующий в КНР низкий уровень обеспечения экологической безопасности предполагает гораздо меньшие, в сравнении с США, финансовые затраты для достижения быстрых и заметных результатов в улучшении экологической ситуации в стране. Слабость Парижского соглашения заключается в том, что оно «мало требовало от Китая и очень много – от США»[9].

---

[6] Huang Y. Europe and China Are Not Natural Allies // *Carnegie Endowment for International Peace*. 16.07.2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/07/16/europe-and-china-are-not-natural-allies-pub-76858 (дата обращения 15.10.2018).

[7] ЕС и КНР сотрудничают против США // *Euronews*. URL: https://ru.euronews.com/video/2018/07/16/eu-china-europe-looks-east (дата обращения 12.10.2018).

[8] Brattberg E. Why Trump's Tariffs May Push Europe toward China and Russia // *Carnegie Endowment for International Peace*. 03.06.2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/06/03/why-trump-s-tariffs-may-push-europe-toward-china-and-russia-pub-76508 (дата обращения 15.10.2018).

[9] China's rising emissions prove Trump right on Paris Agreement // *The Hill*. 05.06.2018. URL: https://thehill.com/opinion/energy-environment/390741-chinas-rising-emissions-prove-trump-right-on-paris-agreement (дата обращения 15.10.2018).

Таким образом, Китай, присоединившись к Парижскому соглашению, решает для себя ряд задач. В их числе улучшение экологической обстановки в стране, где стремление к высоким темпам экономического роста долгое время перевешивало необходимость соблюдения даже минимальных экологических стандартов и привело к экологической катастрофе. Также новая политика китайских властей способствует укреплению имиджа Пекина на международной арене. Кроме того, Китай привлекает европейские технологии и инвестиции в проекты по созданию на своей территории «зеленых» городов, экологически чистых предприятий и строительству очистных сооружений – путем создания благоприятных экономических условий для партнеров из ЕС.

Фактор Центральной и Восточной Европы в отношениях Китая и ЕС

Помимо выстраивания стратегии в отношении консолидированной политики Евросоюза, Китай не забывает и о необходимости налаживать выгодное сотрудничество с государствами ЕС в отдельности. Такой подход обусловлен, во-первых, структурными факторами: различиями в экономической активности государств-членов Евросоюза и их ресурсным потенциалом. Во-вторых, необходимость налаживания двусторонних связей с европейскими столицами продиктована внешнеполитическими целями КНР и различиями геополитических интересов членов Евросоюза.

В научных и политических кругах все чаще обсуждаются возможные последствия китайских инвестиций в ЕС, в особенности, когда речь идет о менее конкурентоспособных экономиках Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)[10]. Многие государства-члены ЕС, в частности восточноевропейские, обладают собственным видением региональных политических и экономических процессов, а их представления о целях европейской интеграции часто вступают в противоречие с позицией государств Западной Европы. Кроме того, страны ЦВЕ отличаются от западных соседей более низким уровнем экономического развития и ограничены в доступе к инвестиционным программам в области инфраструктуры. Подобная ситуация благоприятствует расширению экономического влияния КНР в Восточной Европе, в т. ч. в странах-кандидатах на вступление в ЕС, однако реальные масштабы сотрудничества и условия выдачи китайских кредитов расходятся с ожиданиями восточноевропейских стран.

По инициативе Китая с 2011 г., помимо двусторонних саммитов КНР – ЕС, ежегодно проводится совещание глав правительств стран Центральной и Восточной Европы и Китая в формате «16+1», куда кроме КНР и одиннадцати государств-членов ЕС входят также пять Балканских государств (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия и Черногория). Совокупный товарооборот указанных шестнадцати европейских стран и Китая пока сильно уступает объему торговли между Китаем и ЕС и составляет всего 68 млрд. долл., что равносильно товарообороту Китая и Нидерландов.

В то время как экономические результаты сотрудничества в формате «16+1» оцениваются некоторыми СМИ как скромные, совещание вызывает недовольство в Брюсселе, который видит в его проведении попытку Китая разделить Европейский союз. «ЕС должен говорить сильным, четким и единым голосом в своем подходе к Китаю. Когда государства-члены осуществляют двусторонние отношения с Китаем – один на один или в виде форматов, таких как 16 + 1, – они должны сотрудничать с Комиссией, Европейской службой внешних связей и другими государствами-членами ЕС, чтобы гарантировать, что аспекты, имеющие отношение к ЕС, соответствуют законодательству, правилам и политике

[10] Такая формулировка используется в официальных документах КНР, а также на саммитах «16+1» и включает 16 государств: Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Латвию, Литву, Македонию, Польшу, Румынию, Сербию, Словакию, Словению, Хорватию, Черногорию, Чехию и Эстонию.

ЕС и что общий результат полезен для ЕС в целом[11]», – отмечено в «Элементах новой стратегии ЕС в отношении Китая» от 2016 г.

Столкнувшись с такой реакцией, китайские дипломаты заявили о заинтересованности КНР в единой Европе. По словам премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, инвестиции помогут государствам Восточной Европы быстрее приблизиться к экономическим стандартам Союза. Вероятно, с целью ослабления антикитайской риторики, в 2018 г. на саммите «16+1» ЕС был предоставлен статус наблюдателя.

Несмотря на рост товарооборота Китая со странами, участвующими в саммите «16+1», 80% этой торговли приходится на пять государств – Польшу, Чехию, Венгрию, Словакию и Румынию. Основными реципиентами китайских инвестиций являются Венгрия, Польша, Болгария, Чехия и Словакия.

Крупнейшим торговым партнером Китая в ЦВЕ является Польша, для которой Китай остается основным источником торгового дефицита: двусторонний товарооборот в 2016 г. составил 24,9 млрд. долларов, из которых польский экспорт в КНР составил лишь 2,1 млрд. долларов, при этом в нем по-прежнему доминировала медь. Китай не вошел даже в первые 15 экспортных партнеров Польши, однако стал вторым источником польского импорта (после Германии).

С одной стороны, обладая крупнейшей территорией среди европейских стран формата «16+1», в интересах Польши сделать все возможное, чтобы использовать выгодное географическое положение и быть в центре европейского участка «Пояса и пути». С другой стороны, Польша является крупнейшим получателем субсидий ЕС в Центральной и Восточной Европе, имеет весомое этническое лобби в США и склоняется к проамериканскому внешнеполитическому курсу.

Второй торговый партнер Китая среди стран ЦВЕ – Чехия; товарооборот в 2015 г. составил 11 млрд. долларов. Показательно, что глава китайской энергетической компании CEFC Е Цзяньмин был назначен на пост советника по экономическим вопросам президента Чехии Милоша Земана, что, на первый взгляд, свидетельствует не только об экономическом потенциале КНР, но и как будто о растущем авторитете китайской экономической модели среди отдельных европейских политиков. Однако дальнейшие события – задержание Е Цзяньмина китайскими властями по обвинению в финансовых махинациях – продемонстрировали непредсказуемость китайских порядков. Любопытно, что президент Милош Земан был единственным лидером государства-члена ЕС, который посетил военный парад в Пекине в сентябре 2015 г.

Венгрия – основной получатель китайских инвестиций и третий по значимости торговый партнер КНР среди стран ЦВЕ (8 млрд. долларов). Кроме того, в Будапеште в 2017 г. был открыт первый в Центральной и Восточной Европе китайский аналитический центр (Институт Китая и ЦВЕ), спонсирующий программы по Китаю и Азии и нацеленный на повышение привлекательности Китая как партнера.

Шагом вперед во внешнеэкономических отношениях Китая и Восточной Европы стало сотрудничество с государством – кандидатом на вступление в ЕС – Сербией, которая также участвует в саммите «16+1». КНР профинансировала строительство сербских теплоэлектростанций и нового моста через Дунай в Белграде (сдан в эксплуатацию в 2014 г.), а также реконструкцию сталелитейного завода в городе Смедерево, с 2016 г. принадлежащего китайской компании HBIS. Реконструкция завода называется в СМИ «гордостью» и «историей успеха» Сербии, однако проект также является несомненным европейским успехом Китая. Вывод китайских металлургических компаний за рубеж важен как в связи с необходимостью улучшить экологическую обстановку в КНР, так и в контексте возможностей беспошлинного экспорта стали в другие страны.

[11] Elements for a new EU strategy on China // *European Commission*. Brussels. 22.06.2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf. P. 4. (дата обращения 15.10.2018).

Хотя Сербия является седьмым крупнейшим реципиентом китайских инвестиций среди стран – участниц «16+1» и первым – среди Балканских государств, на КНР приходится менее 2% от поступающих в Сербию инвестиций, что свидетельствует о недостаточно активной деятельности китайских инвесторов в регионе. Товарооборот Китая и Сербии в 2017 г. составил лишь 1,68 млрд евро (4,9% от всего объема внешней торговли Сербии), а Китай занял четвертое место в списке торговых партнеров Сербии.

Сотрудничая с нуждающимися в инвестициях странами ЦВЕ, Китай стремится усилить наглядность европейской составляющей инициативы «Один пояс, один путь». Наблюдаемые темпы сотрудничества КНР и государств «16+1» свидетельствуют о положительной динамике, однако обещания больших притоков китайского капитала в регион еще предстоит реализовать[12], при этом КНР предпочитает обсуждать конкретные проекты не на полях саммитов, а в двустороннем формате, настаивая на не всегда удобных для стран ЦВЕ условиях сотрудничества. Страны региона, хотя и соревнуются за внимание Пекина в надежде привлечь китайских инвесторов на выгодных для себя условиях, также не пришли к единому мнению о степени привлекательности сотрудничества с Китаем. Что касается «старых» членов ЕС, индивидуальные переговоры восточноевропейских столиц с КНР пока не ослабляют серьезно их позицию. Инвестиции КНР в ЦВЕ могут быть выгодны Брюсселю – в зависимости от условий сотрудничества.

Все еще долгий путь к реальному партнерству

Китайско-европейское сотрудничество демонстрирует тенденцию роста, однако углубление контактов происходит постепенно, и позиции сторон во многих важных вопросах остаются далекими друг от друга. В ЕС не встречают чрезмерной симпатии ни китайские ценности и модель развития, ни абстрактные концепции вроде «активной дипломатии» или «китайской мечты», о которых говорит Пекин. Кроме того, укрепление связей с азиатской страной едва ли автоматически продемонстрирует силу и независимость европейской политики от США, тем более в условиях, когда Брюссель находится в зависимости от Вашингтона в вопросах обороны, а настроения в пользу формирования независимой от США европейской системы безопасности в ЕС не популярны. Напротив, китайско-европейское сближение показало бы, что ЕС является «слабым» субъектом международных отношений, вынужденным идти на сотрудничество с азиатской и пока еще развивающейся страной, с иными идеологическими ценностями, не имеющей сравнимого с США военного и технического потенциала и ворующей европейские технологии. Китай также имеет причины для сохранения баланса в отношениях с США, поскольку достижение и *удержание* им весомого положения в международных отношениях в настоящее время невозможно без контактов не только с ЕС, но и с США.

Экономический потенциал и затрачиваемые на внешнюю политику финансовые ресурсы остаются пока что единственным преимуществом Китая в проведении внешнеполитического курса в Европе, но готовность КНР налаживать контакты с европейскими промышленными кругами также сталкивается с трудностями.

Однако было бы ошибочно отрицать рост взаимодействия Китая и ЕС в XXI в. по ряду новых направлений. Союз заинтересован в стабильном и взаимовыгодном сотрудничестве с Китаем, а также в координации политической и экономической политики *ad hoc* – когда это может быть полезно для Брюсселя и не навредит связям с Вашингтоном. Культурными и внутриполитическими различиями в отдельных случаях также можно было бы пренебречь, когда на повестке китайско-европейских саммитов престижные экологические проекты и миллиардные контракты. Китайские бизнесмены становятся важными персонами на европейских форумах, а встреча основателя интернет-компании “Alibaba Group” Джека Ма и премьера Великобритании Терезы Мэй в 2018 г. обсуждалась в

[12] Valášek T. China and Central Europe: Don’t Believe the Hype // *Carnegie Endowment for International Peace*. 28.11.2017. URL: carnegieeurope.eu/strategiceurope/74844 (дата обращения 23.10.2018).

мировых СМИ в контексте поиска Лондоном новых партнеров и новой стратегии развития после предстоящего выхода из ЕС[13]. На подобных мероприятиях риторика китайских и европейских лидеров соответствует времени и сосредоточена вокруг идей взаимозависимости и глобализма.

Однако созвучие риторики Китая и ЕС еще не означает фактического углубления их стратегического партнерства и тем более реальной готовности выступать единым фронтом на международной арене – даже на фоне роста противоречий и обмена колкостями с администрацией Д. Трампа. Хотя такая перспектива возможна в будущем, на современном этапе отношения Китая и ЕС являются сложным феноменом и имеют несколько вариантов развития.

По какому пути пойдет эволюция китайско-европейского взаимодействия, зависит не только от динамики в трех парах двусторонних отношений (ЕС – КНР, США – КНР и ЕС – США), но также от их взаимодействия с другими субъектами международных отношений, в т. ч. с Россией. В Восточной Азии за китайско-европейскими контактами пристально следят развивающиеся страны АСЕАН, имеющие территориальные конфликты с КНР, а также стремящаяся к укреплению связей с Евросоюзом Япония.

Следует учитывать, что отношения Китая и ЕС не вписываются в рамки упрощенных оценок, таких как алармистские высказывания об угрозе в лице Китая европейскому единству и стабильности или сценарии грядущего европейско-китайского сближения, которое одними наблюдателями трактуется как опасность для РФ (Россия окажется в маргинальном положении) [Михеев, Луконин, 2015, с. 68], другими – как возможность для совместного противостояния США[14].

С уверенностью можно сказать о том, что в ближайшие несколько лет предметом внимания КНР и ЕС останутся двусторонние экономические проблемы. Несмотря на китайско-европейские торговые противоречия и вопреки мнению общественности стран ЕС, недовольной поглощением европейских люксовых брендов китайскими концернами, Брюссель ищет возможности выгодного долгосрочного взаимодействия с Китаем. Сотрудничая с КНР, Союзу приходится принимать непростые решения и находить баланс между быстрыми экономическими выгодами в отдельных проектах и необходимостью отстаивать более благоприятные для себя условия в долгосрочной перспективе.

Литература / References

Михеев В. В., Луконин С. А. Китай после Боао-2015 // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №8. С. 61–70 [Mikheev V. V., Lukonin S. A. Kitai posle Boao-2015 // *Mirovaya 'ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2015. 8. Pp. 61–70].

Трощинский П. В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2015. № 5. С. 99–117 [Troshchinskii P. V. Pravovaia sistema Kitaiiskoii Narodnoii Respubliki: stanovlenie, razvitie i harakternye osobennosti // *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA)*. 2015. 5. Pp. 99–117].

[13] May turns to Chinese billionaire Jack Ma for post-Brexit trade ideas // *The Guardian*. 09.02.2018. URL: https://www.theguardian.com/politics/2018/feb/09/may-turns-to-chinese-billionaire-for-ideas-on-post-brexit-trade (дата обращения 15.10.2018).

[14] Brattberg E. Why Trump's Tariffs May Push Europe Toward China and Russia // *Carnegie Endowment for International Peace*. 03.06.2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/06/03/why-trump-s-tariffs-may-push-europe-toward-china-and-russia-pub-76508 (дата обращения 15.10.2018).

Электронные ресурсы

ЕС и КНР сотрудничают против США // *Euronews*. URL: https://ru.euronews.com/video/2018/07/16/eu-china-europe-looks-east (дата обращения 12.10.2018).

Brattberg E. Why Trump's Tariffs May Push Europe toward China and Russia // *Carnegie Endowment for International Peace*. 03.06.2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/06/03/why-trump-s-tariffs-may-push-europe-toward-china-and-russia-pub-76508 (дата обращения 15.10.2018).

China-EU – international trade in goods statistics // *European Statistical Office*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Overview (дата обращения 15.10.2018).

China-Germany Relations: Opportunities Emerge as Investment Ties Grow // *China Briefing*. 23.04.2018. URL: http://www.china-briefing.com/news/2018/04/23/china-germany-relations-opportunities-emerge-investment-ties-grow.html (дата обращения 23.10.2018).

China's rising emissions prove Trump right on Paris Agreement // *The Hill*. 05.06.2018. URL: https://thehill.com/opinion/energy-environment/390741-chinas-rising-emissions-prove-trump-right-on-paris-agreement (дата обращения 15.10.2018).

Client and Supplier Countries of the EU28 in Merchandise Trade (value %) (2017, excluding intra-EU trade) // *European Commission*. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.pdf (дата обращения 15.10.2018).

Elements for a new EU strategy on China // *European Commission*. Brussels. 22.06.2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf (дата обращения 15.10.2018).

EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation // *European External Action Service (EEAS)*. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf (дата обращения 15.10.2018).

Foreign Trade / Ranking of Germany's trading partners in foreign trade // *Statistisches Bundesamt (Destatis)*. 2018. URL: https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/Tables/OrderRankGermanyTradingPartners.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 15.10.2018).

Huang Y. Europe and China Are Not Natural Allies // *Carnegie Endowment for International Peace*. 16.07.2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/07/16/europe-and-china-are-not-natural-allies-pub-76858 (дата обращения 15.10.2018).

May turns to Chinese billionaire Jack Ma for post-Brexit trade ideas // *The Guardian*. 09.02.2018. URL: https://www.theguardian.com/politics/2018/feb/09/may-turns-to-chinese-billionaire-for-ideas-on-post-brexit-trade (дата обращения 15.10.2018).

Valášek T. China and Central Europe: Don't Believe the Hype // *Carnegie Endowment for International Peace*. 28.11.2017. URL: carnegieeurope.eu/strategiceurope/74844 (дата обращения 23.10.2018).

МАРОККО: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЗЕЛЕНОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ

З. А. Соловьева*

В статье рассматривается некоторые вопросы устойчивого развития и примеры его реализации в Марокко. Основными секторами экономики, за счет которых может осуществляться зеленый рост, являются чистая энергетика на основе возобновляемых источников, водное хозяйство, сельское и лесное хозяйство, рыболовство, переработка и вторичное использование отходов.

Ключевые слова: Марокко, устойчивое развитие, зеленый рост, деградация природной среды, водное хозяйство, возобновляемая энергетика.

MOROCCO: PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GREEN GROWTH OF ECONOMY

Zoya A. Solovieva

The article deals with some questions of sustainable development and its realization in Morocco. Main sectors of economy which may contribute to green growth are clean energy, water sector, agriculture, forestry and fishery, waste treatment.

Keywords: Morocco, sustainable development, green growth, degradation of environment, water sector, renewable energy.

Концепция устойчивого развития (УР) имеет длительную историю. Ее основы были заложены на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972 г.), в декларации которой указывалось на необходимость совместных действий стран в сфере защиты природной среды в целях улучшения качества жизни народов и с учетом интересов будущих поколений. Эти идеи получили свое дальнейшее развитие в материале организованной Генасамблеей ООН Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, обнародованном в 1987 г. и известном как «Доклад Брунтланд». В нем подчеркивалось, что экономическое развитие не может базироваться на процессе исчерпания природных ресурсов и деградации окружающей среды, декларировалась необходимость комплексного подхода к этим проблемам. В докладе было сформулировано распространенное до настоящего времени определение УР как развития, отвечающего потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности.

На конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) был принят глобальный план действий в области УР. Один из пунктов Декларации четко указывал на роль охраны окружающей среды в процессе УР, который не может рассматриваться в отрыве от экологической проблематики.

На этом этапе возникла очевидная потребность в разработке конкретных целей и задач в области УР, определении сроков их решения. Организованная в 1997 г. Комиссия по УР должна была осуществлять мониторинг и каждые пять лет фиксировать этапы выполнения принятой в Рио-де-Жанейро Декларации.

Дальнейшее развитие концепция УР получила с принятием в 2000 г. на Саммите тысячелетия Целей развития тысячелетия. В них были конкретизированы ряд показателей

* Зоя Александровна СОЛОВЬЕВА, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zsolov@yandex.ru

Zoya A. SOLOVIEVA, PhD (Economy), Research Fellow, Institute Of Oriental Studies RAS, Moscow; zsolov@yandex.ru

экономического и социального развития человечества вплоть до 2015 г. Одной из целей была названа охрана окружающей среды.

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий формировался глобальный подход к проблеме экономического развития, при котором оно представлялось ценным и значимым лишь в том случае, если не сопровождалось усилением социальных дисбалансов и деградацией природной среды.

В 2015 г. на Саммите ООН в докладе «Изменим наш мир – план устойчивого развития до 2030 г.» были сформулированы цели УР, более амбициозные и разносторонние, чем Цели развития тысячелетия. Три из семнадцати объявленных в докладе целей имеют непосредственное отношение к различным аспектам сохранения окружающей среды, что является очевидным подтверждением того факта, что экономическое и социальное развитие современного человечества невозможно без активных действий по предотвращению деградации природы, сохранению морских экосистем и экосистем суши.

Одним из наиболее важных путей к реализации Целей УР выступает озеленение экономики. Программа ООН по окружающей среде (UNEP) определяет зеленую экономику как инструмент, содействующий повышению благосостояния людей и социального равенства и значительно снижающий неблагоприятное воздействие на окружающую среду и риски экологической деградации.

ЮНЕП разработала и ввела концепцию зеленого роста, определив ее как максимальное обеспечение экономического роста и развития, не оказывающего воздействия на количество и качество природных активов и использующего потенциал роста, который возникает при переходе к зеленой экономике. То есть, зеленый рост – это рост ВВП, который подчиняется зеленым условиям и делает упор на зеленые секторы как на новые двигатели развития.

К основным секторам и направлениям деятельности, способным обеспечить «зеленый рост» экономики, можно отнести следующие:

1. Органическое сельское хозяйство, основывающееся на консервирующих технологиях обработки почвы, культивировании менее водоемких культур, снижении агрохимической нагрузки на окружающую среду, противоэрозионных мероприятиях;
2. Управление водными ресурсами, способствующее более эффективному их использованию, рационализация водопользования, очистка и вторичное использование сточных вод;
3. Эффективная организация лесного хозяйства, направленная на сохранение и возобновление лесного покрова, поддержание биоразнообразия;
4. Развитие рыбного хозяйства, предотвращающее истощение рыбных ресурсов и поддержание морских экосистем;
5. Реформа энергетики, предусматривающая использование альтернативных возобновляемых источников энергии;
6. Сокращение выбросов отходов в окружающую среду путем развития безотходных производств, переработки и вторичной утилизации материалов.

Зеленая экономика не только изменяет отношения между человеческим обществом и окружающей средой, но и способствует развитию экономики и решению ряда социальных проблем – безработицы, бедности, социального неравенства. Таким образом, она выступает как необходимое условие устойчивого развития общества.

Использование концепции зеленой экономики как в целом, так и отдельных ее составляющих, наблюдается во многих развитых и развивающихся странах. Одним из государств арабского региона, активно внедряющего в жизнь принципы зеленой экономики как основы для УР, является Марокко.

В настоящее время Марокко испытывает ряд серьезных проблем, связанных с деградацией природной среды: аридизация климата и сокращение количества выпадающих осадков, усиление и учащение экстремальных погодных явлений (засух, сильных ливней),

водная и ветровая эрозия, опустынивание, снижение плодородности почв и деградация растительного покрова, в том числе лесных площадей, засоление орошаемых земель и заиливание водохранилищ, избыточная эксплуатация подземных вод, приводящая к снижению уровня водоносных горизонтов, загрязнение окружающей среды сточными водами, снижение биоразнообразия экосистем суши и моря. В целом потери ВВП страны от различных видов деградации природной среды оцениваются более чем в 8%[1]. Данные процессы частично являются следствием непродуманной и нерациональной деятельности человека, однако значительный вклад в их развитие вносят такие объективные причины, как наблюдающиеся климатические изменения, связанные, по мнению ряда специалистов, с увеличением выбросов в атмосферу углеводорода и других вредных примесей. По оценкам ученых, к концу нынешнего столетия средняя температура воздуха на территории Марокко повысится на 2 градуса, а количество осадков сократится на 20%[2].

Обеспокоенность руководства Марокко проблемами охраны окружающей среды нашло свое выражение в том факте, что принципы устойчивого развития были включены в Конституцию страны, принятую в 2011 г. Там указывается, что все граждане имеют право на здоровую окружающую среду и устойчивое развитие, что подразумевает сохранение природных ресурсов с учетом потребностей будущих поколений. Охрана природной среды называется одним из приоритетов королевства.

В последнее десятилетие в Марокко был разработан и принят ряд программ и законов, направленных на озеленение экономики в соответствии с принципами УР. В их числе Национальная хартия по окружающей среде и устойчивому развитию (2012 г.), предусматривающая включение экологических инициатив в планы развития отдельных секторов хозяйства, Закон об окружающей среде и устойчивом развитии (2014 г.), в соответствии с которыми вся государственная политика в сфере экономического и социального развития должна строиться с учетом природоохранной проблематики, а также перспективные планы развития важнейших отраслей экономики, наиболее уязвимых с точки зрения климатических изменений и оказывающих, в свою очередь, заметное влияние на окружающую среду.

Так, жизненно важным сектором является водное хозяйство. В результате роста населения и развития промышленности и сельского хозяйства ожидается значительное увеличение потребностей в воде. По расчетам специалистов, к 2025 г. на одного жителя Марокко будет приходиться 500 куб. м возобновляемых водных ресурсов, что в два раза ниже критического порога водообеспеченности[3]. Дефицит водных ресурсов к 2030 г., как ожидается, может достигнуть 5 млрд. куб. м, и это требует принятия незамедлительных мер по его предотвращению.

Национальная стратегия в области водных ресурсов, действующая в Марокко, представляет собой комплексную программу, предусматривающую рационализацию использования воды, охрану водных источников, снижение уязвимости водного сектора в условиях климатических изменений. В качестве конкретных мер намечается сокращение избыточной эксплуатации подземных вод, закачка воды в водоносные горизонты с целью их сохранения; повышение эффективности орошения в сельском хозяйстве путем модернизации оросительных систем и перехода на локальное орошение, сооружение трех крупных плотин и водохранилищ, переброс с помощью каналов воды из северных районов

---

[1] Arib F. Green Economy for Sustainable Human Development in Morocco // *International Journal of Operations and Logistics Management.* Vol. 4, Is. 4, Dec. 2015, P. 287. URL: oaji.net/articles/2016/351-1457858431.pdf (дата обращения 26.09.18).

[2] *Morocco. Nationally Determined Contribution to the UNFCCC.* P. 16. URL: http://www4.unfccc.int/ndcregistry/PublishedDocuments/Morocco%20First/Morocco%20First%20NDC-English.pdf (дата обращения 28.08.2018).

[3] Berdai M., el-Badraoui M. H. Adaptation du systeme eau-energie au changement climatique. Etude nationale – Maroc // *Rapport final.* P. 11. URL: http://planbleu.org/fr/publications/adaptation-du-systeme-eau-energie-au-changement-climatique-etude-nationale-maroc (дата обращения 20.09.2018).

страны, более обеспеченных водными ресурсами, в испытывающие острый дефицит южные (до 800 млн. куб. м ежегодно). Кроме того, планируется модернизация систем городского водоснабжения, а также рост использования нетрадиционных источников воды, в том числе опресненной воды (до 500 млн. куб. м ежегодно), очищенных сточных вод (до 325 млн. куб. м в год). Ожидается, что к 2030 г. все эти мероприятия позволят дать дополнительно до 2,5 млрд. куб. м воды в год из традиционных источников и такой же объем – за счет нетрадиционных источников[4].

Реформирование водного хозяйства тесно связано с модернизацией сельского хозяйства, которое остается важнейшим сектором экономики Марокко. Обеспечивая до 15% ВВП страны, оно является сферой занятости для 38% трудовых ресурсов в целом и источником дохода для 75% проживающих в сельской местности. Одной из основных проблем сельского хозяйства является высокая степень зависимости от погодных условий и, соответственно, резкие колебания валовых сборов основных продовольственных культур. Так, необходимый для обеспечения нужд населения импорт зерна меняется от 10% от объема производства в благоприятные годы до 244% в засушливые[5]. На большей площади Марокко выращивание зерновых и других продовольственных культур возможно лишь в условиях орошения, однако оросительными системами оборудовано только 16% пахотных площадей. К тому же, на 77% орошаемых массивов используются системы поверхностной ирригации, при которых большое количество воды испаряется, просачивается в почву, то есть попросту теряется.

Сельское хозяйство оказывает значительное воздействие на природную среду. Механическая обработка почв, использование тяжелой сельскохозяйственной техники нередко приводит к деградации почвенного покрова, усилению ветровой и водной эрозии. Перевыпас скота в полузасушливых районах оказывается причиной обеднения растительности и почв, усиления процесса опустынивания. Поверхностное орошение, использование минеральных удобрений и ядохимикатов способствует химическому загрязнению грунтовых вод, а избыточное эксплуатация подземных вод, в частности, в оазисах, вызывает заметное понижение уровня водоносных горизонтов, их истощение и пересыхание скважин.

Таким образом, внедрение принципов зеленой экономики в аграрную сферу является насущной необходимостью. В 2008 г. в Марокко был принят т. н. «Зеленый план», рассчитанный на период до 2020 г. и предусматривавший ряд кардинальных реформ в сельском хозяйстве, направленных на переход к устойчивому развитию.

Прежде всего речь идет о переходе от традиционных методов механической обработки почв к консервирующим агрикультурным методикам (безпахотное земледелие, севообороты и др.), а также использовании высокопродуктивного семенного материала, замене традиционных культур (зерновых), сильно подверженных зависимости от погодных условий, более устойчивыми (фруктовыми и оливковыми деревьями) на площади более 1 млн. га. «Зеленый план» включает также Национальную стратегию сохранения водных ресурсов для ирригации, и в этом пересекается с программой по реформированию водного хозяйства. В соответствии с ней планируется значительно расширить орошаемые массивы обрабатываемых земель, а также модернизировать существующие ирригационные системы.

По данным Министерства сельского хозяйства Марокко, несмотря на сокращение посевных площадей под зерновыми культурами, в 2017–2018 гг. в стране был собран рекордный урожай, что стало результатом заметного увеличения урожайности. По сравнению с показателями наиболее благоприятных по погодным условиям посевных

---

[4] *Moroccan Water Strategy. Kingdom of Morocco. State Secretariat of Water and Environment.* URL: www.emwis.org/documents/MA_SEEE_EO%20(2).pdf (дата обращения 20.09.2018).

[5] The Green Morocco Plan: An Innovative Strategy of Agricultural Development // *Euro-Mediterranean Information System on Know-how in the Water Sector.* URL: http://www.emwis.org/thematicdirs/news/2014/12/green-morocco-plan-innovative-strategy-agricultural-development (дата обращения 28.09.2018).

кампаний в период, предшествовавший осуществлению «Зеленого плана», урожайность зерновых возросла на 71% (с 13,4 ц/га до 22,9 ц/га). По мнению специалистов, это стало возможным из-за совершенствования агротехники и других мероприятий, повышающих устойчивость сельскохозяйственного производства в меняющихся погодных условиях. Среди положительных итогов «Зеленого плана» необходимо назвать увеличение объема экспорта сельскохозяйственной продукции на 65% за прошедшие 10 лет, а также создание 125 тыс. новых рабочих мест в аграрном секторе в последние два года[6].

Важнейшей отраслью марокканской экономики является морское рыболовство, обеспечивающее до 2,3 % ВВП и 15 % стоимости экспорта страны. Однако рыбное хозяйство в полной мере испытывает все опасности, связанные с деградацией морских экосистем, снижением их биоразнообразия и продуктивности, загрязнением прибрежных вод и повышением их средней температуры, вызванными человеческой деятельностью и климатическими изменениями. Марокко располагает береговой линией протяженностью более 3,5 тыс. км, вдоль которой расположены крупные города, промышленные и туристические центры, пляжи. Существует вероятность того, что в случае климатических изменений уровень Мирового океана может повыситься, что вызовет подтопление побережья, где уже сейчас наблюдаются такие явления, как наводнения и усиление эрозии. В соответствии с многочисленными программами, направленными на охрану морских и прибрежных экосистем, планируется на 90% сократить сбросы неочищенных сточных вод в океан, организовать несколько особо охраняемых зон, а также систему станций океанографического, метеорологического и экологического мониторинга, регулировать вылов 95% пород промысловых рыб с целью избежать снижения их численности.

Значительную антропогенную нагрузку, а также отрицательное воздействие климатических изменений испытывают лесные экосистемы. Многие ценные породы деревьев, такие как атласский кедр, пробковый дуб, аргановое дерево и другие уступают место менее ценным в результате избыточной эксплуатации, более частых и сильных лесных пожаров, появления новых болезней и насекомых-вредителей. Сведение лесов приводит, как правило, к обмелению рек, понижению уровня водоносных горизонтов, усилению засушливости и, в конечном итоге, опустыниванию. Различные национальные программы в сфере лесного хозяйства предусматривают противоэрозионные мероприятия на площади 1,5 млн. га, посадки 800 тыс. га лесных насаждений к 2030 г., а также проведение фитосанитарных исследований и практических работ.

Одним из важнейших секторов экономики Марокко, обеспечивающих экономический рост страны и одновременно оказывающих огромное воздействие на окружающую среду, является энергетика. До последнего времени ее основой было ископаемое топливо – нефть, уголь, природный газ, в связи с чем до 95–97% потребляемой в стране энергии импортировалось. В стоимостном выражении в 2015 г. импорт топлива составлял 6,6 млрд. долларов, несмотря на сокращение почти на треть из-за снижения мировых цен на энергоносители. Помимо того, что подобные затраты являются тяжелым бременем для платежного баланса Марокко, при сгорании ископаемого топлива образуется и выбрасывается в атмосферу большой объем CO_2, что, по мнению ряда специалистов, выступает одной из причин наблюдающихся климатических изменений.

Вместе с тем страна обладает хорошими возможностями для развития энергетики на основе возобновляемых источников, а именно солнечной и ветровой энергетики (сильные и постоянные ветры на Атлантическом побережье, большое количество солнечных дней в году, высокий уровень солнечной радиации). Однако в 2012 г. в структуре установленной

[6] *LesEco.ma*. URL: http://www.leseco.ma/economie/66800-la-production-agricole-marocaine-depasse-les-attentes.html (дата обращения 28.09.2018).

мощности на возобновляемые источники приходилось немногим более трети, причем ветровая и солнечная энергетика составляла всего 5,6%[7].

В 2008–2009 гг. в Марокко были приняты амбициозные планы развития энергетики на основе альтернативных источников, а именно гелиоэнергетики и ветровой энергетики (Новая энергетическая стратегия). В соответствии с ними к 2020 г. удельный вес установленной мощности всех видов возобновляемой энергетики должен возрасти до 42%, в том числе солнечной и ветровой – по 14% (при этом доля ГЭС снизится также до 14%), а к 2030 г. – до 52%. В 2010 г. в стране было законодательно оформлено привлечение частных инвесторов в развитие энергетики на основе ВИЭ (возобновляемых источников энергии).

В феврале 2016 г. была введена в строй первая очередь гелиокомплекса Нур («Свет») в районе города Уарзазат установленной мощностью 160 МВт. К 2018 г. запланировано завершение строительства еще трех очередей этого комплекса, который станет крупнейшим из подобных в мире (установленной мощностью до 580 МВт). Общая стоимость его сооружения оценивается в 3 млрд. долларов, в финансировании участвуют Всемирный банк, Африканский банк развития, Европейский инвестиционный банк и другие международные финансовые организации. Комплекс Нур использует технологию концентрации солнечной энергии (КСЭ): расположенные на большой площади зеркала отражают солнечный свет на коллектор, в котором находится теплоноситель; последний при нагревании приводит в движение турбины, вырабатывающие электроэнергию.

В перспективе намечается строительство еще нескольких солнечных электростанций с использованием как технологии КСЭ, так и фотовольтаики (фоточувствительных панелей), общая установленная мощность которых составит до 2000 МВт.

С 2000 до 2015 г. мощность марокканской ветроэнергетики увеличилась с 54 до 787 МВт. К 2020 г. она должна возрасти до 2000 МВт. Планируется расширение электростанций в Тарфайе, Танжере, Акфенире, Хауме, а также строительство нескольких новых. Так, в конце 2015 г. ONEE (Национальное агентство по электроэнергетике и водоснабжению) подписало соглашение с группой компаний во главе с “Nareva” (в нее вошли также итальянская “Enel Green Power” и немецкая “Siemens Wind Power”), по которому планируется осуществить строительство пяти ветровых электростанций обшей установленной мощностью 850 МВт к 2020 г. Необходимо подчеркнуть, что себестоимость электроэнергии по договору ожидается рекордно низкой – около 3 центов за киловатт-час. Среди других иностранных партнеров в развитии ветроэнергетики Марокко следует назвать японскую “Mitsui”, французскую “Alstom”, китайскую “Xinjiang Goldwind”, а также фирмы из Абу-Даби и Саудовской Аравии, работающие совместно с национальными компаниями.

Развитие энергетики на основе ВИЭ требует значительных капиталовложений. В 2010 г. с целью проектного финансирования в этой сфере были организованы государственное Инвестиционное энергетическое общество с капиталом 1 млрд. дирхамов и Фонд энергетического развития. Средства Фонда сформированы за счет безвозмездной помощи Саудовской Аравии (500 млн. долларов) и ОАЭ (300 млн. долларов), а также переводов из Фонда Хассана II (в последний через госбюджет перераспределяется часть доходов от приватизации). Кроме того, для финансирования проектов привлекаются кредиты Всемирного банка, Африканского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития, крупнейших частных банков Германии, Франции и других европейских стран[8].

Процесс «озеленения» экономики требует значительных инвестиций как на научные исследования, так и на внедрение новейших технологий и создание на их основе крупных проектов в различных вышеперечисленных секторах хозяйства. В период 2020–2030 гг. необходимые расходы только на программы в водном, лесном и сельском хозяйстве составят

[7] Leidreiter A., Boselli F. *100% Renewable Energy: Boosting Development in Morocco.* March 2015. URL: http://www.energynet.co.uk/ru/webfm_send/1606 (дата обращения 22.09.2018).

[8] *Morocco Country Commercial Guide. Morocco – energy.* URL: https://www.export.gov/article?id=Morocco-Energy (дата обращения 28.09.2018).

как минимум 35 млрд. долларов, в том числе на реализацию «Зеленого плана» – 10 млрд. долларов). Еще более, чем в 7,5 млрд. долларов, оценивается стоимость осуществления программ развития энергетики на основе ВИЭ[9]. В этом вопросе страна рассчитывает не только на свои финансовые возможности с учетом активного участия частного сектора, но и на широкую финансовую и техническую поддержку международного сообщества.

Задачи зеленой экономики в Марокко гораздо шире, чем просто содействие сохранности природной среды. Она призвана обеспечить цели устойчивого развития в плане сглаживания основных социально-экономических диспропорций на межрегиональном уровне, повышая уровень жизни населения в сельской местности и в наименее развитых районах, содействовать снижению безработицы и улучшению общих стандартов жизни населения, способствовать росту конкурентоспособности страны на международных рынках путем внедрения высокотехнологичных отраслей экономики. Сокращение бедности, создание новых рабочих мест, повышение уровня доходов населения, создание здоровой и благоприятной среды для жизни людей – все это может быть достигнуто в ходе становления зеленой экономики.

Литература/ References

Электронные ресурсы

Arib F. Green Economy for Sustainable Human Development in Morocco // *International Journal of Operations and Logistics Management,* Vol. 4, Is. 4, Dec. 2015. URL: oaji.net/articles/2016/351-1457858431.pdf (дата обращения 26.09.18).

Berdai M., el-Badraoui M. H. Adaptation du systeme eau-energie au changement climatique. Etude nationale – Maroc // *Rapport final.* URL: http://planbleu.org/fr/publications/adaptation-du-systeme-eau-energie-au-changement-climatique-etude-nationale-maroc (дата обращения 20.09.2018).

The Green Morocco Plan: An Innovative Strategy of Agricultural Development // *Euro-Mediterranean Information System on Know-how in the Water Sector*. URL: http://www.emwis.org/thematicdirs/news/2014/12/green-morocco-plan-innovative-strategy-agricultural-development (дата обращения 28.09.2018).

Leidreiter A., Boselli F. *100% Renewable Energy: Boosting Development in Morocco*. March 2015. URL: http://www.energynet.co.uk/ru/webfm_send/1606 (дата обращения 22.09.2018).

LesEco.ma. URL: http://www.leseco.ma/economie/66800-la-production-agricole-marocaine-depasse-les-attentes.html (дата обращения 28.09.2018).

Morocco Country Commercial Guide. Morocco – energy. URL:_https://www.export.gov/article?id=Morocco-Energy (дата обращения 28.09.2018).

Morocco. Nationally Determined Contribution to the UNFCCC. URL: http://www4.unfccc.int/ndcregistry/PublishedDocuments/Morocco%20First/Morocco%20First%20NDC-English.pdf (дата обращения 28.08.2018).

Moroccan Water Strategy. Kingdom of Morocco. State Secretariat of Water and Environment. URL: www.emwis.org/documents/ MA_SEEE_EO%20(2).pdf (дата обращения 20.09.2018).

[9] *Morocco. Nationally Determined Contribution to the UNFCCC.* URL: http://www4.unfccc.int/ndcregistry/PublishedDocuments/Morocco%20First/Morocco%20First%20NDC-English.pdf (дата обращения 28.08.2018).

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ АРАБСКИХ СТРАН

 Э. Э. Имамкулиева*

Сложность классификации арабских стран в том, что, будучи во многом схожими, они зачастую отличаются друг от друга фундаментально: как качественными признаками, так и количественными – порой в разы. Особенное значение эти расхождения начинают играть при составлении индексов и рейтингов. Арабские страны – географически единый регион, что позволяет исследовать некоторые проблемы на пространстве всего арабского мира. Однако этот регион в высшей степени неоднороден, и помимо экономических предпосылок именно его немоноэтничность служит причиной ряда конфликтов и напряженных ситуаций в странах Ближнего Востока. По мере усложнения политических процессов и экономических связей в рамках того, что принято называть «арабскими странами» или «арабским миром», изучение арабских стран все более конкретизируется и усложняется.

Ключевые слова: арабские страны, арабский мир, население, территория.

DIFFICULTIES IN CLASSIFYING ARAB COUNTRIES

Elmira E. Imamkulieva

The difficulty in classifying Arab countries lies in the fact that they differ from each other – qualitatively and quantitatively sometimes by orders of magnitude; and, together with similarities, generally have more than a number of differences. It is in the setup of various indices and ratings that this profound variance comes to the forefront. Arab countries can be said to be a cohesive geographic region, which allows studying a number of problems across the board. However, the key distinctive feature of this region is its high degree of ethnic and religious heterogeneity, which, in addition to local economic difficulties, is a major cause for conflicts and tensions in these Middle East countries. Unsurprisingly, therefore, the study of Arab countries is becoming more and more complex commensurately with the complexity of political processes and economic relations within what is commonly called the "Arab world".

Keywords: Arabic countries, Arab world, population, surface area.

Под «арабским миром» обобщенно понимают расположенные как в юго-западной Азии, так и на Африканском континенте страны, среди которых: Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Иордания, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Сомали, Судан, Тунис и Палестинская национальная администрация (ПНА), а также Сомали, Джибути и Коморские острова, закрепившие арабский язык в качестве одного из официальных языков, но, тем не менее, существенно отличающиеся по культуре, традициям и этническому составу от других арабских стран. Все эти страны вошли в международную организацию, объединяющую арабские государства, – Лигу арабских государств (ЛАГ)[1]. Однако с момента создания ЛАГ

* Эльмира Эльмановна ИМАМКУЛИЕВА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; elmiracif@gmail.com

Elmira E. IMAMKULIEVA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; elmiracif@gmail.com

[1] Членство некоторых стран приостанавливалось, как например, Египта в период с 1979 по 1989 гг. или Ливии в период с 22 февраля по 11 августа 2011 г. Членство Сирии в организации было приостановлено 16 ноября 2011 г. решением 19 арабских стран. Резолюция по Сирии была одобрена 19 государствами-членами, Ирак воздержался, Йемен и Ливан проголосовали «против». 12.11.2011 г. членство Сирии было приостановлено по причине обострения внутрисирийского конфликта. В марте 2013 г. место официальной сирийской делегации было предоставлено сирийской Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС). На саммите в 2014 г. место Сирии осталось свободным, поскольку Алжир, Египет и Ирак выступили против передачи голоса в ЛАГ главе НКОРС Ахмаду аль-Джарбе. Лига арабских государств. Досье // *Информационное агентство России «ТАСС»* // ТАСС: URL: http://tass.ru/info/1845649/ (дата обращения: 25.08.2018)].

в 1945 г. арабский мир существенно изменился. Несмотря на то что эти страны представляют единый географически регион, что позволяет изучать ряд проблем в рамках всего арабского мира, они сильно отличаются друг от друга. Среди 22 членов ЛАГ имеются страны разного политического и социального строя и уровня развития. Процесс дифференциации этих стран усугубился под воздействием получения сверхдоходов странами-нефтеэкспортерами. Арабские страны выбирают разные пути развития и общественного прогресса, придерживаются разных макрополитических и экономических убеждений.

Численность населения

Численность населения арабского мира неуклонно растет, и за 57 лет по данным на 2017 г. она утроилась, увеличившись с 128 млн. до 359 млн. человек (*табл. 1*).

Табл. 1. Численность населения арабских стран (составлено и рассчитано по: World Bank Open Data[2]).

Страна	*Численность населения (1960, чел.)*	*Численность населения (2017, чел.)*	*Удельный вес от населения мира (2017, %)*	*Межарабское ранжирование (2017)*	*Абсолютное значение прироста населения (2017 и 1960, чел.)*
Алжир	11277757	41318142	0,55	2	30040385
Бахрейн	162501	1492584	0,02	20	1330083
Джибути	83636	956985	0,01	21	873349
Египет	27997745	97553151	1,3	1	69555406
ПНА	–	4684777	0,06	15	–
Йемен	5099785	28250420	0,38	7	23150635
Иордания	844000	9702353	0,13	11	8858353
Ирак	7289759	38274618	0,51	4	30984859
Катар	47316	2639211	0,04	19	2591895
Кувейт	261994	4136528	0,05	18	3874534
Ливан	1804927	6082357	0,08	14	4277430
Ливия	1428435	6374616	0,08	13	4946181
Мавритания	858316	4420184	0,06	17	3561868
Марокко	12328534	35739580	0,47	5	23411046
ОАЭ	89608	9400145	0,12	12	9310537
Оман	551737	4636262	0,06	16	4084525
Саудовская Аравия	4072110	32938213	0,44	6	28866103
Сирия	4592777	18269868	0,24	8	13677091
Сомали	2756380	14742523	0,2	9	11986143
Судан	7544491	40533330	0,54	3	32988839
Тунис	4176266	11532127	0,15	10	7355861
Арабский мир	**81547317**	**361612517**	**4,8**		**280065200**
Мир	**3032160395**	**7530360149**	**100**		

Таким образом, на начало 2010-х гг. каждый 20-й человек на Земле жил в одной из арабских стран [Mirkin, 2010, с. 5]. По прогнозам ученых ожидается, что к 2050 г. численность арабского населения сохранит тенденции к росту и достигнет 598 млн. жителей[3]. Удельный

[2] World Bank Open Data // *World Bank Group*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?end=2017&start=1961&view=chart&year_high_desc=true (дата обращения 25.09.2018).

[3] World Bank Open Data // *World Bank Group*. URL: http://databank.worldbank.org/data/home.aspx (дата обращения 15.09.2018).

вес этого показателя в мире также растет. Этот индикатор еще не превышает 5% от населения мира, демонстрируя, тем не менее, повышательный тренд и увеличив свою долю с 4,3% до 4,8% с 2010 до 2017 гг., а в 1960 г. этот индикатор равнялся всего 2,7%.

Самая многочисленная страна арабского мира – Египет. По данным Всемирного банка в 2017 г. население этой страны превысило 97,6 млн. человек [4]. Разрыв численности населения Египта со следующей в межарабском рейтинге[5] страной – Алжиром – превышает 2 раза, а именно составляет 56 млн. человек, что даже больше населения самого Алжира, равного 41 млн. человек. За ними следуют Ирак, Марокко, Саудовская Аравия и Йемен с численностью населения от 28 до 40 млн. человек.

Самым маленьким по населению арабским государством является Джибути. Разрыв по численности населения этих стран с Египтом превышает 100 раз. Джибути – единственная страна арабского мира, чье население по данным на 2017 г. не превышает 1 млн. человек[6]. Страна вплотную подошла к этому порогу, но остановилась на показателе в 957 тыс. человек. Однако согласно общему повышательному тренду стоит ожидать увеличения этого индикатора в ближайшие годы.

Стремительные тенденции к росту демонстрируют как небольшие арабские государства Персидского залива, так и уже густонаселенные арабские страны с большой территорией. Если в XX в., например, численность населения монархий Персидского залива не превышала и миллиона человек (за исключением Саудовской Аравии[7]), то в XXI в. они все перешагнули «миллионный порог», увеличив показатель в разы. Согласно данным *табл. 1*, лидерами по относительному показателю увеличения населения за полувековой период стали монархии Персидского залива, крупные экспортеры углеводородного сырья: ОАЭ, Катар и Кувейт благодаря их активной политике по привлечению иностранной рабочей силы в связи с диверсификацией и ростом экономики в этих арабских странах.

Тем не менее абсолютный показатель прироста населения в этих странах был гораздо скромнее (ОАЭ, Кувейт и Катар заняли 9, 15 и 18 места в межарабском рейтинге соответственно). Закономерность легко объяснить тем, что они относятся к категории «малых стран» по площади, так как эти три вышеперечисленные страны Персидского залива находятся в конце второго десятка межарабского рейтинга по данному индикатору.

Что касается абсолютного прироста населения, то лидерами являются Египет и Алжир, увеличившие численность населения своих стран на 70 и 30 млн. человек соответственно. Данный факт свидетельствует о росте населения и в многонаселенных странах, среди которых выделим Египет с возросшим в 3,5 раза показателем численности населения в 1960–2017 гг. Не являясь рекордным относительным показателем в арабском мире, в абсолютном исчислении этот результат бьет все рекорды уровня роста населения в регионе. Прирост населения составил 50 млн. человек за пятьдесят лет и 70 млн. человек за 57 лет, что сопоставимо с появлением нового независимого государства.

Самая большая монархия Персидского залива – Саудовская Аравия также демонстрировала высокие темпы абсолютного прироста населения с показателем в 28,3 млн. человек с 4 млн. человек в 1960 г. и до 33 млн. человек в 2017 г. Таким образом, абсолютное

---

[4] World Bank Open Data // *World Bank Group*. URL: http://databank.worldbank.org/data/home.aspx (дата обращения 15.09.2018).

[5] Представляется важным для оценки и анализа положения арабских стран относительно друг друга составить их внутреннюю иерархию по данным индикаторам по методике ранжирования арабских стран от большего показателя индикатора к меньшему путем присвоения стране порядкового номера (ранга) в ранжированном ряду. Число номеров (рангов) соответствует числу стран, по которым доступны статистические данные за исследуемый период. Данная методика ранжирования была применена во всем исследовании.

[6] Согласно классификации World Bank страны с численностью меньше 1 млн. чел. относят к категории малых стран (small states).

[7] Население Саудовской Аравии составляло 4 млн. человек в 1960 г., по которому доступны показатели в базе данных World Bank. Однако население королевства также многократно увеличилось за полувековой период.

значение прироста населения этой страны равняется 88% ее нынешней численности населения.

Демографические изменения в арабских странах неоднозначны. С одной стороны, рост населения способствует увеличению рабочей силы и емкости рынка, но, с другой, этот процесс создает множество проблем и требует от правительств этих стран проведения реформ.

Площадь территории

Еще одним важнейшим фактором характеристики государства является площадь занимаемой им территории. По данным Всемирного банка арабские страны располагаются на 13,1 млн. кв. км суши или на 10% суши Земли. При этом индикатор уменьшился за 50 лет на 0,4%, в том числе, в связи с политическими изменениями на географической карте мира[8]:

Табл. 2. Площадь арабских стран (составлено и рассчитано по: World Bank Open Data[9])

Название	*Площадь (2017 г.,кв. км)*	*Удельный вес от площади стран мира (2017 г., %)*	*Межарабский рейтинг (2017 г.)*
Алжир	2381740	1,84	**1**
Бахрейн	771	0,0006	**22**
Джибути	23180	0,018	**16**
Египет	995450	0,767	**6**
Палестинская территория	6020	0,005	**20**
Йемен	527970	0,407	**8**
Иордания	88780	0,068	**14**
Ирак	434320	0,335	**10**
Катар	11610	0,009	**18**
Коморские острова	1861	0,001	**21**
Кувейт	17820	0,014	**17**
Ливан	10230	0,008	**19**
Ливия	1759540	1,36	**4**
Мавритания	1030700	0,79	**5**
Марокко	446300	0,34	**9**
ОАЭ	83600	0,06	**15**
Оман	309500	0,24	**11**
Саудовская Аравия	2149690	1,66	**2**
Сирия	183630	0,14	**12**
Сомали	627340	0,48	**7**
Судан	1839542[10]	1,42	**3**
Тунис	155360	0,12	**13**
Арабский мир	**13084954**	10,09	
Мир	**129733172**	100	

[8] В XXI в. произошли изменения политической карты арабского мира. Например, в 2011 г. Судан разделился на два государства, и к арабскому миру ныне можно отнести лишь (Северный) Судан, населенный преимущественно мусульманами. Другой пример – Союз Коморских островов, который отнесен к арабскому миру весьма условно. Однако остров Майотта, входящий в архипелаг Союза Коморских островов, согласно референдуму, проведенному в 2009 г., преобразован в заморский департамент Франции. Приведенные примеры иллюстрируют, что политические дезинтеграционные процессы в арабском мире не были завершены в XX в. после получения суверенитета от метрополий.

[9] World Bank Open Data // World Bank Group. URL: http://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.TOTL.K2 (дата обращения: 10.04.2014).

[10] Площадь Судана уменьшилась после официального отделения Южного Судана в 2011 г. и составила 1 839 542 кв. км, что автоматически переместило его на третью позицию межарабского рейтинга.

Самой большой страной по территории среди арабских государств и десятой в мире является Алжир, в то время как самая маленькая арабская страна – Бахрейн находится на 22-м месте в межарабском рейтинге и на 188-м месте в мире. Разрыв по площади между Алжиром и Бахрейном достигает 3089 раз, причем удельный вес площади занимаемой территории Алжира равняется 1,84%, а Бахрейна – 0,0006%.

Руководствуясь принципом величины территории, мировая статистика различает три категории стран: большие, средние и малые. К арабскому миру относятся большие страны с территорией от 1 до 3 млн. кв. км, к которым принадлежат Алжир, Саудовская Аравия, Судан, Ливия и Мавритания. К категории «средних стран» (от 100 тыс. кв. км до 1 млн. кв. км) отнесем Египет, Сирию, Ирак, Тунис, Марокко, Сомали, Йемен и Оман. Страны с территорией меньше 100 тыс. кв. км входят в категорию «малых стран»: Иордания, ОАЭ, Джибути, Кувейт, Катар, Ливан, ПНА, Коморские острова и Бахрейн.

Таким образом, шесть арабских государств вошли в тридцатку самых больших стран мира: Алжир, Ливия, Мавритания, Саудовская Аравия, Судан и Египет, что при прочих равных условиях указывает на возможности их экономического потенциала. Однако дифференциация в рамках даже одной этой группы достаточно велика. Так, площадь Египта превосходит территорию Туниса в 6,4 раза, а Иордания в 116 раз больше Бахрейна. Другим примером сопоставления площади арабских стран могут быть близкие по значению этого индикатора Египет и Мавритания. Однако очевидно, что экономика Египта существенно отличается от мавританской в глазах возможного иностранного инвестора: страны находятся на разных этапах экономического развития. Различие в численности населения в два раза уменьшает трудовые ресурсы. Необходимо учесть и уровень диверсификации, и многоотраслевой уклад египетской экономики по сравнению с мавританской, и разницу уровней квалификации рабочей силы.

Отметим и другие изменения в площади «малых стран» арабского мира. С 1970 до 2017 гг. площадь островного государства Бахрейн увеличилась на 81 кв. км благодаря практике «досыпания» песка и создания новой полезной площади. Так, к западу от основного острова расположены новые насыпные территории: Бахрейн-Бей, Финансовая Гавань, Лагуна Манама. Бахрейн – самое маленькое арабское государство, поэтому естественно его стремление увеличить свою площадь, учитывая скорость социального и экономического развития этого финансового центра арабского мира. Подобные проекты создания новых территорий проводятся и в других монархиях Персидского залива.

Плотность населения, этно-национальные показатели, вопросы языковой общности

Производным из двух вышерассмотренных показателей является индикатор плотности населения; арабские страны сильно дифференцированы и по этому показателю. Например, самой густонаселенной страной с населением около 1 454 жителей на кв. км является Бахрейн, находящийся по этому показателю на шестом месте в мире. Для сравнения: в Ливии и Мавритании индикатор находится на уровне всего 3 человека на кв. км, а среднемировой показатель равен 58 человек на кв. км. Помимо Бахрейна, в первую тридцатку самых густонаселенных стран в мире вошли Палестинская национальная администрация (13-е место), Ливан (17-е место) и Коморские острова (25-е место). Такой разброс показателей, помимо разрыва в численности населения, обусловлен и различиями в площади стран.

Углубляя тему дифференциации арабских стран, целесообразно рассмотреть вопрос этно-национального состава населения. В арабских странах проживают различные по численности национально-этнические, а иногда и религиозные меньшинства, которые иногда даже преобладают над арабским населением[11]. Эта тенденция роста удельного веса мигрантов над коренными жителями ярко проявляется в монархиях Персидского залива.

[11] The World Factbook // *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2075.html#71 (дата обращения 25.11.2018).

Исключение составляет Саудовская Аравия, где удельный вес арабского населения значительно превосходит другие национальные группы, однако существует строгое деление на подданных монархий Персидского залива и мигрантов, поскольку их гражданские (а иногда и социально-экономические) права сильно различаются.

Другой пример преобладания неарабского населения – Сомали и Джибути, заселенные преимущественно сомалийцами. Схожая ситуация наблюдается на соседних Коморских островах, населяемых народом анталоатра. Эти три арабские страны весьма условно отнесены к арабскому миру и рассматриваются в контексте таковых по причине их членства в ЛАГ. Однако национальный состав Сомали и Джибути отличается от соседних арабских стран и преимущественно состоит из сомалийцев или коренных народов, а языки принадлежат к другим языковым семья. Сомалийский язык относится к кушитской группе афразийской семьи языков, а коморский язык (как и распространенные на островах шикомор и анталоатра) входит в группу языков банту нигеро-конголезской семьи и далеки от семитской языковой группы, к которой примыкает арабский язык [Жолковский, 1971, с. 8]. Пестрая этно-национальная структура также отличает Мавританию, которую преимущественно населяют мавры и неарабоговорящая группа народов Африки.

При этом ключевым объединяющим фактором всех арабских стран является литературный арабский язык («фусха») как единый стандарт для всех арабских стран. Существуют также «территориальные диалекты» – ляхджат аммийя, иногда сильно отличающиеся друг от друга. Литературный язык представляет собой язык художественной, политической и научной литературы, прессы, радио; на нем ведется преподавание в школе, произносятся официальные и торжественные речи, проповеди в мечетях, молитвы» [Аганин, 2003, с. 36]. Если говорить о более понятных категориях, то диалекты арабского языка могут различаться как русский, украинский и белорусский языки, а подчас и как польский или болгарский. В некоторых странах использование литературного арабского языка применимо только на правительственном уровне, тогда как в общении используется исключительно диалект.

Этно-конфессиональное разнообразие арабского мира становилось причиной конфликтов и напряженных ситуаций в странах Ближнего Востока. Существуют как примеры симбиоза этносов и религий (как в Ливане, где политические посты занимаются в соответствии с религиозной принадлежностью кандидата), так и чреватые конфликтами разногласия на этно-религиозной почве. Примером может стать Ирак, где глубокие национально-религиозные различия привели к политическому, а затем и экономическому кризису: «беспрецедентный разгул терроризма в Ираке является следствием того, что в период осуществления контроля в стране силами международной коалиции вопросам внутриполитического устройства, налаживания инклюзивного национального диалога и формирования устойчивых политических структур не уделялось должного внимания»[12].

Выводы и направления дальнейшего исследования

Принято начинать анализ социально-экономического развития стран с анализа ключевых параметров: численности населения, площади, вытекающей из двух предыдущих показателей плотности населения, а также уровня доходов, упрощенно понимаемых под ВВП и ВВП на человека по обменному курсу и паритету покупательной способности (ППС валют), а также показателей экономического роста [13]. В этой статье рассмотрены классификации и группировки арабских стран по ключевым социальным индикаторам, а в

[12] Комментарий Департамента информации и печати МИД России о складывающейся ситуации в сфере безопасности в некоторых районах Республики Ирак 1449-17-06-2014 // *Министерство иностранных дел РФ*. URL: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/55718 (дата обращения 28.06.2018).

[13] Данный набор индикаторов используется экспертами World Bank для обзора стран мира в группе таблиц Size of economy (размер экономики).

дальнейшем планируется продолжить анализ экономических показателей по арабскому миру. Однако социальные индикаторы оказывали значительное влияние на политическую и экономическую жизнь всего арабского мира. Так, определяющую роль в формировании социально-экономической ситуации в Ираке в 2010-е гг. играли политические факторы, сформировавшиеся под действием религиозно-этнической дифференциации внутри страны после свержения Саддама Хусейна в 2003 г. Этот пример иллюстрирует, что подходить к вопросу исключительно с формальной стороны не вполне методически верно.

Острые социально-экономические противоречия и волна революций на Ближнем Востоке оказали глубокое воздействие на социальную структуру арабских стран. Военные конфликты в Ливии, Сирии спровоцировали волны миграции и перемещения беженцев. Так, наплыву беженцев из зон военных конфликтов в арабских странах подверглись не только соседние страны Ближнего Востока, но и Европы.

Социально-политические взрывы в XXI в. сыграли важную роль: существовавшие в арабских странах десятилетиями режимы пали, а им на смену пришли как радикальные политические партии, так и политический хаос, который не заканчивается и поныне. Это явление получило название «Арабская весна»[14], начиная с «Жасминовой революции» в Тунисе, также известной как одна из «первых народных революций XXI в.», «молодежных революций», "Facebook revolutions" или "Twitter revolutions" [Видясова, 2011, с. 80], в конечном счете закончившихся гражданскими потрясениями в Сирии. Арабский мир претерпел радикальные формы социальных протестов, приводивших как к смене правящего режима, так и к большим человеческим жертвам. Однако именно показатели индексов устойчивости и привлекательности Туниса были оценены весьма высоко. Одним из способов сравнения привлекательности той или иной страны были разработаны специалисты ООН для иностранных инвесторов – индекс потенциального притока ПИИ (inward FDI potential index), который рассчитывается по методу «Атлас», т. е. данные берутся не за текущий год, а используют средние значения показателей за текущий и два предыдущих года, по 12 экономическим и политическим показателям. Согласно этому индексу накануне волны революций давались следующие оценки: Тунис – 72-е место в мире, Ливия – 63-е место в мире, Бахрейн – 23-е место[15]. При этом 2-е место в мире после США было отведено Катару. Однако развернувшиеся в дальнейшем события не коррелировали с рейтинговыми оценками экспертов ООН. Опыт последних лет показал, что огромную роль играют социальные, политические и другие факторы, не учитывающиеся в мировых индексах для составления прогнозов по странам арабского мира. При построении более общего индекса и стратегий развития важно учитывать удельный вес социально-экономических и политических факторов.

Если задаться вопросом о том, в какие группы классификаций по численности населения, размерам занимаемой территории и размеров доходов попадают арабские страны, то становится очевидным, что арабский мир в какой-то мере отражает весь мир (в миниатюре), представляя собой сложную политическую и экономическую структуру: в него входят как страны с монархической схемой передачи власти, так и демократические республики, страны с высоким доходом, опережающие по этому показателю страны Западной Европы и Северной Америки, и государства из списка наименее развитых стран.

Очевидны различия по таким базовым характеристикам, как площадь территории, численность населения, а также географические условия и наличие или отсутствие энергоносителей, уровень развития, устройство политической системы и структуры власти. Основной вопрос в том, в какой мере арабский мир един или все более дифференцируется.

---

[14] «Арабская весна» – период политических волнений в арабских странах, начало которому положило самосожжение гражданина Туниса в декабре 2010 г. В результате волны социальных и политических протестов произошли перевороты и смены режимов в ряде арабских стран.

[15] Web table 28. Inward FDI potential index // *UNCTAD*. URL: https://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR11_web%20tab%2028.pdf (дата обращения 1.12.2018). Примечание: индекс составляется по 141 стране.

Тем не менее регулярно происходят съезды лиги арабских государств, наблюдается развитие региональных группировок, как, например, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Опыт Западной Европы демонстрирует, что и она долгое время различалась по всем приведенным признакам, что привело к двум разрушительным мировым войнам. Только после этого сбылась вековая мечта объединения Европы, в которую никто не верил: все началось с объединения «угля и стали», но без общей экономической основы дальнейшее объединение и интеграция были бы невозможны.

Анализируя экономические отношения в арабских странах, необходимо помнить о других серьезных различиях. Все арабские страны можно и нужно разделять на две группы: нефтегазовые и прочие. Арабский мир вступил на путь структурной модернизации значительно позже развитых европейских стран. Становление экономики «нового поколения», формирование рынка, создание информационной инфраструктуры, трансформация общества – все это стало возможным в арабских странах вместе с нахлынувшей волной нефтедолларов, захлестнувшей его во второй половине XX в. Все это означало не только обновление экономических структур: речь о качественной трансформации всех сфер жизни и их приспособлении к веяниям времени. Существенным преобразованиям подверглись технологии производства, образ жизни, политическая и духовная культура нации. Модернизация явилась многосторонним феноменом, ставшим объективным фактором преобразования арабского общества. Например, монархии Персидского залива за несколько десятков лет шагнули из полусредневекового уклада быта в век высоких технологий. Модернизационные процессы охватили все сферы: в сжатые исторические сроки сформировались новые общественные структуры, в рамках которых постепенно растворялись устаревшие отношения, обычаи, традиции и нормы. Для правящих режимов арабского мира, отличающихся разным уровнем социально-экономического развития, проблема модернизации остается, ведь по охвату сфер общественного развития модернизация является тем многосторонним феноменом, который все более и более становится объективным фактором социально-экономических преобразований. На пути преобразований арабские страны сталкиваются с рядом вызовов, их решение зависит от изначальных базовых характеристик любого государства, а именно численности его населения и площади занимаемой территории, косвенно указывающих на потенциал рынка и возможности развития.

Литература / References

Аганин А. Р., Соловьева З. А. *Современная Иордания.* М., 2003 [Aganin A. R., Solov’eva Z. A. *Sovremennaia Iordaniia.* Moscow, 2003].

Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? // *Обозреватель.* 2011, № 10. С. 79–96 [Vidiasova M. F. Kuda idet tunisskaia “revolutsiia”? // *Obozrevatel’.* 2011. 10. Pp. 79–96].

Жолковский А. К. *Синтаксис сомали (Глубинные и поверхностные структуры).* М., 1971 [Zholkovsky A. K. *Sintaksis somali (Glubinnye i poverhnostnye struktury).* Moscow, 1971].

Электронные ресурсы

Комментарий Департамента информации и печати МИД России о складывающейся ситуации в сфере безопасности в некоторых районах Республики Ирак 1449-17-06-2014 // *Министерство иностранных дел РФ.* URL: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/55718 (дата обращения 28.06.2018).

Лига арабских государств (справочная информация) // *Министерство иностранных дел РФ.* URL: http://www.mid.ru/international_organizations/-/asset_publisher/km9HkaXMTium/content/id/290490 (дата обращения 25.09.2018).

Лига арабских государств. Досье // *Информационное агентство России «ТАСС».* URL: http://tass.ru/info/1845649/ (дата обращения 25.08.2018).

Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № A/RES/52/2 и сформулированные Цели развития тысячелетия, направленные на улучшение социальных и экономических условий в странах мира / United Nations. General Assembly et al. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 / Washington: United Nations. 2015. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 27.09.2018).

Сомалийский язык // *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Анталоатра и https://ru.wikipedia.org/wiki/Сомалийский_язык (дата обращения 27.09.2018).

Mirkin B. *Population levels, trends and policies in the Arab region: challenges and opportunities. USA: United Nations Development Program, Regional Bureau for Arab States, 2010*. URL: http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/Population%20Levels,Trends.pdf (дата обращения 28.11.2018).

The World Factbook // *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2075.html#71 (дата обращения 25.11.2018).

World Bank Group. World development indicators 2014. World Bank Publications, 2014. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/18237/9781464801631.pdf?sequence=1 (дата обращения 28.11.2018).

World Bank Open Data // *World Bank Group*. URL: http://databank.worldbank.org/data/home.aspx (дата обращения 15.09.2018).

ПАМЯТИ В. С. НАЙПОЛА: ПИСАТЕЛЬ БЕЗ КОРНЕЙ

Н. В. Колесникова*

Статья посвящена одному из самых значительных писателей постколониального времени, лауреату Нобелевской премии 2001 г. сэру В. С. Найполу (1932–2018). Этнический индиец, уроженец Тринидада, он жил в Великобритании и писал на темы культурной идентичности.

Ключевые слова: постколониальная иммиграция на Западе, англоязычный писатель индийского происхождения, В. С. Найпол.

IN MEMORIAM V. S. NAIPAUL: A WRITER WITHOUT ROOTS

Natalia V. Kolesnikova

The article is about Sir V. S. Naipaul (1932–2018) who won the Nobel Prize in literature in 2001. An ethnic East Indian born in British Trinidad who lived most of his life in Great Britain, the writer chronicled the postcolonial world and explored questions of identity.

Keywords: postcolonial immigration in the West, English-speaking writer of East Indian origin, V. S. Naipaul.

11 августа 2018 г. в Лондоне умер Видьядхар Сурьяпрасад Найпол – первый лауреат Нобелевской премии по литературе третьего тысячелетия. Этнический индиец[1], рожденный на Тринидаде, он прожил в Великобритании 68 лет, не дожив шести дней до своего 86-летия.

В России В. С. Найпол относится к авторам, которые, скорее, «широко известны в узком кругу». Немногие слышали его труднопроизносимое имя, единицы читали[2], во многом из-за того, что в русском переводе пропадает совершенство найполовского «языка», выдрессированного так, чтобы самым очевидным образом говорить совсем неочевидные вещи.

Между тем, В. С. Найпол считается одним из наиболее ярких и талантливых прозаиков современной англоязычной прозы. Десять лет назад журнал «Таймс» – рупор западных интеллектуалов – назвал Найпола седьмым среди 50 самых великих англоязычных писателей постколониального времени. Найполовская проза знаменита не только своим высочайшим качеством, но и сфокусированностью на самых болевых проблемах современности. Книги писателя восторженно принимались самыми рафинированными критиками в обоих полушариях западного мира и награждались наиболее престижными литературными премиями. За выдающиеся заслуги перед Тринидадом Найпол

---

* Наталия Владимировна КОЛЕСНИКОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nvk5937@yandex.ru

Natalia V. KOLESNIKOVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nvk5937@yandex.ru

[1] В английском языке термин *Indian* имеет двоякое значение, так как исторически служит для обозначения коренного населения американского континента. Во избежание неточностей обычно используется выражение *East Indian*, в последние годы используется также выражение *South Asian*.

[2] Произведения В. С. Найпола переводили и в Советском Союзе, и в нынешней России. Первая публикация писателя относится к 1979 г., последняя – к 2008 г.

был награжден орденом «Тринити Кросс» (1989 г.), а за заслуги перед культурой Великобритании Ее Величеством Елизаветой II писателю был присвоен титул рыцаря[3] (1990 г.).

Видьядхар Найпол родился на маленьком острове Тринидад[4], который находится в Вест-Индии. Этот остров вместе с несколькими другими островами образует небольшой архипелаг, протянувшийся дугой между Южной и Северной Америкой, отделяя Атлантический океан от Карибского моря и Мексиканского залива. Тринидад долгое время служил перевалочной базой для парусников работорговцев и невольничьим рынком для обеих Америк. Его хозяевами становились то испанцы, то голландцы, то французы. В конце XVIII в. Тринидад перешел в руки англичан, которые, присоединив к нему соседний остров Тобаго, сделали их частью Британской империи[5].

Когда индейцы – коренное население островов – были почти полностью истреблены, для работы на плантациях стали ввозить рабов из Африки. Когда же после отмены рабства (1834 г.) бывшие рабы стали уходить с сахарных плантаций, британцам понадобились новые рабочие руки. В мае 1845 г. на остров прибыло первое судно с переселенцами из Индии[6]. За ними последовали очередные партии работников из Китая и других стран Южной и Юго-Восточной Азии. Постепенно Тринидад превратился в подлинный «плавильный котел наций», в котором жили потомки африканских рабов и мулаты, индийцы и китайцы, англичане и французы, американцы и канадцы, испанцы и португальцы. В результате этого культура Тринидада представляет собой сложный симбиоз европейского, азиатского и африканского компонентов[7].

Когда Видьядхар появился на свет, Тринидад еще входил в состав Британской империи. На острове проживало около 400 тыс. человек, из которых около 150 тыс. были индусами и мусульманами. Почти все они являлись выходцами с равнины реки Ганга, для которых Тринидад не стал ни вторым домом, ни новой родиной. Индийские иммигранты жили в своем замкнутом мире, практикуя модель параллельного существования – рядом, но вне тринидадской действительности, которую «они не то чтобы игнорировали, а просто не принимали» [Naipaul, 1977, p. 28].

Родители Видьядхара исповедовали индуизм и принадлежали к варне брахманов, то есть относились к высшему слою в индусской социальной иерархии. Раннее детство Видьядхара прошло в доме бабушки со стороны матери. Обитателями этого патриархального дома свято чтились обряды индуизма и ревностно соблюдались предписанные религией правила.

В то время повседневную жизнь и действия членов любой индусской касты определял страх осквернения. Однако в отношении соблюдения «чистоты» к брахманам предъявлялись особенно строгие требования. Принадлежность к варне высокорожденных требовала сохранения холодно-отчужденной дистанции с окружающим миром и людьми. Поэтому якобы свойственный Найполу снобизм, в котором писателя очень часто обвиняли вест-индские критики, и аристократическое безразличие английского джентльмена, который

---

[3] Титул рыцаря (*Knight*) – почетное звание в системе наград Великобритании. Посвящение в рыцари производится монархом в знак признания высоких заслуг персоны перед британской короной. Гражданские лица, в особенности, люди искусства, награждаются титулом рыцарь-бакалавр (*Knight Bachelor*). Он является низшим дворянским титулом, не передается по наследству и дает его обладателю право на почетную приставку «сэр» (англ. *sir*).

[4] Тринидад был открыт Христофором Колумбом в 1498 г. во время третьей экспедиции к американскому континенту. Когда мореплаватель увидел на горизонте четко выступавшие из воды три плоские вершины, то назвал их «Ла Тринидада», что в переводе с испанского означает «Троица».

[5] Тринидад и Тобаго получили ограниченное внутреннее самоуправление в 1956 г., затем несколько лет пребывали в составе так называемой Вест-Индской федерации, и только в 1962 г. получили независимость в рамках Содружества наций.

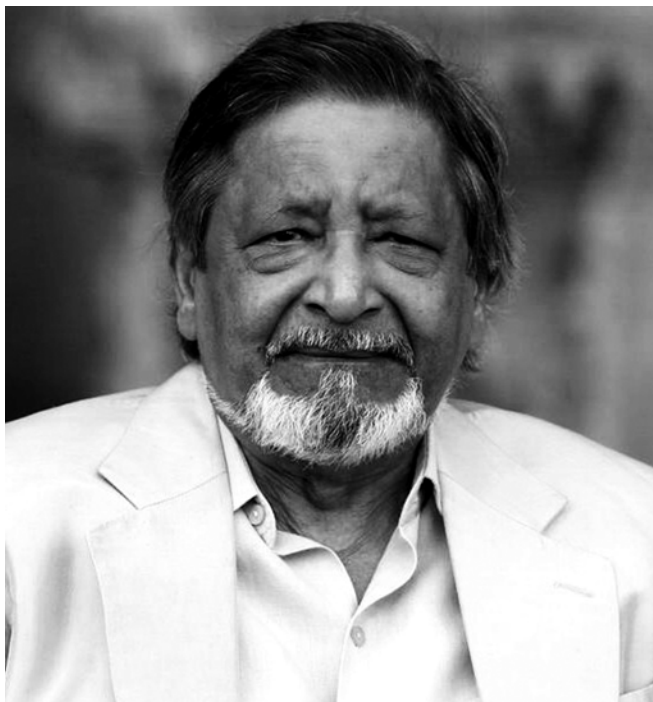
[6] Тема появления индийцев на Тринидаде в статье не рассматривается, т. к. ей уделил значительное внимание в своих работах А. Д. Дридзо.

[7] Подробнее см.: [Колесникова, 2014, с. 16–27].

нередко отмечали многие западные исследователи, является не чем иным как традиционным поведением брахмана, как понимал его В. С. Найпол.

Эта дистанция, определив мировосприятие Видьядхара, сформировала, в свою очередь, особенности его творческой манеры: писатель как бы «отстоит» от рисуемого им мира, оставляя за собой право критиковать и комментировать все как наблюдатель. А «наблюдателем» Найпол был милостью божьей…

Видьядхар принадлежал к поколению индийских иммигрантов, рожденных на Тринидаде, и, естественно, находился под мощным воздействием его культуры. Смешение различных языков, обычаев и нравов, привнесенных из разных культурных источников в молодую развивающуюся цивилизацию, создали на Тринидаде чрезвычайно колоритный мир – постоянно меняющийся, плюралистический, массовый. В этом «беззаботном мультикультурном обществе» не имели значения традиционные религиозные, этнические и классовые ориентиры. В нем больше всего ценилась личная независимость и человеческая оригинальность [Naipaul, 1984, p. 13]. Об этих заядлых индивидуалистах и эксцентриках, являвших собой к тому же воплощение конформизма, Найпол рассказал в своем цикле рассказов «Улица Мигель»[8] (Miguel Street, 1959).

В. С. Найпол (1932–2018)

От Тринидада Найполу достался его безудержный индивидуализм: прозаик всегда отстаивал право человека быть только самим собой, отказываясь считать себя представителем чего бы то ни было (национальности, расы, веры и т. п.). Унаследовал Видьядхар от маленького острова и ощущение невыносимого культурного удушья окраины мира – места, где можно только рождаться и умирать, так и не узнав настоящей жизни. Это четкое разделение мира на «просвещенный центр» и «забитую пассивную периферию» навсегда определило систему координат В. С. Найпола.

Интересы и пристрастия будущего писателя определились довольно рано. В тринидадской школе его любимым предметом была английская литература и языки (кроме английского, Найпол изучал испанский и французский). В одном из своих учебников Видьядхар написал обещание: навсегда уехать из этого никому неизвестного местечка и стать писателем. Он реализовал первую половину мечты с помощью стипендии, которой способного ученика наградило правительство Тринидада. Найпол выбрал Оксфорд, чтобы продолжить изучение английского языка и литературы. Он поступил на отделение английской филологии («самый бесполезный факультет», по его более позднему признанию), из стен которого вышел бакалавром гуманитарных наук.

Время, проведенное в университете, стало для Найпола очень трудным периодом. Чужаком Видьядхара делала и текущая в нем индийская кровь, и рождение в далеком тринидадском захолустье. Шок от перехода в новое социокультурное пространство был

[8] Этот сборник рассказов вышел в «Библиотеке журнала “Иностранная литература”» в 1984 г. В том же году издательство «Радуга» выпустило сборник «Повести и рассказы», в который вошли рассказы из цикла «Улица Мигель», а также некоторые другие произведения «малой прозы» писателя.

настолько сильный, что привел Найпола к нервному срыву: он пытался покончить жизнь самоубийством. К счастью, газ отключили из-за долгов…

Тринидад не стал его родиной, да и не мог ею стать в силу воспитания, «отравленного» Индией. Когда Видьядхар поселился в Великобритании, то постоянно осознавал груз собственной «инаковости», чувствуя себя там не более чем англизированным иностранцем. А когда писатель осуществил свою мечту и оказался в Индии, то почувствовал себя бесконечно далеким от нее. Таким образом, связанный рождением, воспитанием и образованием с тремя разными мирами Востока, Запада и Вест-Индии, Найпол чувствовал себя в каждом из них гостем, иностранцем, чужаком.

В. С. Найпол – обладатель чрезвычайно редкого писательского дарования, существующего вне среды, вне страны, вне всего остального мира. Он всегда настаивал на ценности единственно ценного – индивидуального, личного существования, в котором и есть смысл бытия. Со своим ощущением одновременной принадлежности к трем культурам, которые впитал с детства, и ясным осознанием собственной неприкаянности в любой культуре Видьядхар Найпол является очень современным писателем, который уже 50 лет назад вписался в культурную парадигму эпохи глобализации, оформившуюся лишь к концу XX – началу XXI вв.

После окончания Оксфорда Найпол перебрался в Лондон. Он работал на Би-би-си (в еженедельной литературной передаче вещания на страны Карибского бассейна) и подрабатывал в качестве книжного обозревателя в разных газетах. А все свободное время Видьядхар занимался сочинительством, так как ради него он приехал в Лондон и «готов был терпеть какие угодно лишения»...

Найпол начал свою писательскую карьеру с рассказа о городе, в котором вырос. В далекий тропический город с экзотическим названием Порт-оф-Спейн писатель возвращался на протяжении всего своего творчества, подтверждая высшую ценность для него этого жизненного материала.

Три ранних романа Найпола: «Мистик-массажист»[9] (The Mystic Masseur, 1957), «Выборы в Эльвире» (The Suffrage of Elvira, 1958) и «Дом для мистера Бисваса» (House for Mr. Biswas, 1961), – представляют собой своего рода трилогию о втором поколении индийских иммигрантов, к которому принадлежали родители писателя. Третий роман, навеянный воспоминаниями об отце писателя, который прожил свою жизнь с ощущением несостоявшейся судьбы, считается вершиной раннего найполовского творчества – вершиной необычной, взятой практически на старте долгой писательской карьеры.

Ранние произведения Найпола написаны легко, весело, местами почти зло, но при этом как-то очень естественно и ярко. Им не хватало «объемности»: не было еще того контекста, который придал бы им подлинную жизненную убедительность. Это умение увидеть в малом большое, в эпизоде целое, в детали характер придет к писателю с течением времени, которое отточит его талант. А наблюдательность превратится в проницательность и зоркость мастера. «Настоящий» Найпол появится позже, 10 лет спустя, в повести «Флаг над островом»[10] (A Flag on the Island, 1967), в котором он в совершенстве овладеет всеми видами иронии: от легкой насмешки до язвительного сарказма. В полной мере ирония – гневная, уничтожающая – проявится в книге «В свободном государстве» (In A Free State, 1971).

Достигнув творческой зрелости, Найпол перешел от изображения мира, в котором родился и вырос, к анализу его проблем. Он начал разрабатывать тему, ставшую в дальнейшем основной в его творчестве: распад колониальной системы и поиски самоидентификации в постколониальном мире. На смену окрашенной юмором атмосфере

---

[9] К сожалению, на русский язык недостаточно точно переводятся названия произведений В. С. Найпола. Так, например, его роман о неудачливом массажисте, решившим подзаработать на жизнь «мистиком», называют «Таинственный массажист».

[10] Надо заметить, что с переводом на русский язык «повезло» только этой повести. Она была напечатана в журнале «Иностранная литература» (1981, № 4) в переводе одного их самых известных российских переводчиков Виктора Голышева, блистательно передавшего виртуозную ясность прозы писателя.

ранних вещей пришел жестокий мир зрелости, в котором родиной и одновременно чужбиной стала вся цивилизация с ее неприглядными окраинами. И не случайно сквозной и важнейшей темой этого периода творчества Найпола стала тема «бегства»: из пространства, в котором довелось родиться и жить его героям, и от самих себя, какими сделали их доставшиеся им пространство и время.

Романом «Ненастоящие»[11] (Mimic Men, 1967) открывается второй и чрезвычайно плодотворный период писателя, который завершается публикацией в 1979 г. романа «Излучина реки» (A Bend In the River). Творческим пиком этого периода считается уже упоминавшаяся книга «В свободном государстве».

В романе «Ненастоящие» Найпол анатомирует политическую и социальную природу одной небольшой британской колонии и шире – государств, которые вежливо называют «слаборазвитыми странами». Именно поэтому со страниц произведения исчез реальный Тринидад, и вместо него местом действия стал вымышленный остров Изабелла, напоминающий многие бывшие колонии. Подтверждением чему служит фраза, рефреном звучащая в романе: «Так происходило в двадцати странах».

Пытаясь найти причину пустоты, скуки, тоски, царящих в душах и умах людей из далекой и крохотной колонии Британской империи, Найпол полагал, что начало всего следует искать в их сознании, деформированном веками физического и духовного угнетения. Жители крохотного острова испытывали острый комплекс колониальной неполноценности и старались во всем уподобиться британцам, заимствуя образцы чужого социо-культурного общества. В общем, писатель рассказывал о людях с глубоко фрустрированным сознанием, т. е. сознанием непоправимо малоценного «я». Главным их желанием было убежать от собственного «я», которое и выражалось в их страсти к подражанию, в склонности к выдумках, в легковерии и готовности верить в осуществление даже невозможного.

Жители маленького острова Изабелла – «ненастоящие», имитаторы, которые вели не реальную, а воображаемую жизнь. Поэтому, полагал писатель, они были обречены на жалкое прозябание в таком мирке, напоминающем жизнь в каком-нибудь захолустном «пошехонье». У Найпола провинция – понятие не географическое, а психологическое, т. е. состояние крайней несвободы человека, которая не дает ему реализовать свои возможности.

Собственно, репутация В. С. Найпола как беспощадного критика Третьего мира, уделявшего чрезмерное внимание худшим сторонам жизни бывших колоний и полуколоний, возникла как раз в те годы (конец 1960 – начало 1970-х гг.), на которые пришелся расцвет комплекса вины западного сообщества по отношению к этим странам.

Видьядхар Найпол отказался принимать эти правила игры. И вопреки общей тенденции признания вины перед бывшими колонизованными народами писатель начал разоблачать фальшивость тех местных национальных деятелей, которые пришли к власти после обретенного суверенитета.

По Найполу, жители острова Изабелла были имитаторами, а пришедшие к власти национальные политики – манипуляторами: «Политики – это люди, которые <…> мало что могут предложить людям <…> Они манипуляторы <…> Политик по своей натуре человек, который всю свою жизнь хочет играть» [Naipaul, 1983, p. 37]. Неплохо освоив представления о западной демократии и вооружившись необходимым набором демагогических штампов, они оказались неспособны осуществить необходимые для страны социально-экономические преобразования. И, спекулируя на пробуждающемся национальном самосознании людей, политики стали разглагольствовать о некоем третьем пути развития – пути национального возрождения, а в действительности хотели власти и денег, обрекали народы своих стран на вторичность и незначительность.

[11] На русский язык название этого романа переводят еще как «Имитаторы». Однако название этого произведения, приведенное в посвященной ему статье М. Салганик, наиболее точно соответствует смыслу, вкладываемому в роман самим писателем [Салганик, 1969, с. 269–271].

Найпол был убежден, что общество, вставшее на путь самомифологизации, неспособно выработать ответы на вызов, который бросало человечеству современная эпоха. Это проходит красной нитью через все творчество зрелого Найпола, особенно публицистику, посвященную родине предков – Индии[12].

Неприязнь к Найполу критиков из того панрегиона мира, который обозначается терминами «Восток», «Третий мир» или «Юг», крылась в отсутствии у писателя радужного восприятия, апологетики этого мира, в его трезвой оценке последствий многовековой колониальной зависимости и соответственно – будущего постколониальных стран. И многие интеллектуалы приложили немало усилий, чтобы представить творчество писателя под знаком «снобизма», «расизма» и «культурного шовинизма».

Как и положено писателю, Видьядхар Найпол исследовал человеческую природу. Он писал правдиво, остро, саркастично, без расчета кому-то понравиться или угодить. Это свойство мало где приветствуется, особенно в эпоху расцвета политкорректности. Но из двух ролей – интеллектуал как воплощение проницательности и интеллектуал как податель надежд[13], – В. С. Найпол выбрал первую, отказавшись от расхожих истин и общепринятых в мировом сообществе формул порицания или восхваления.

В. С. Найпола в первую очередь интересовала жизнь в тех ста с лишним странах, где живет больше половины современного человечества. Прозаик знал все беды этого мира, потому что сам был оттуда родом. И говорил писатель о человеке и социуме этого постколониального пространства и времени то, что думал, заставляя увидеть их такими, какими они доподлинно видятся: «Пусть читатель всматривается в тех, о ком я пишу, пусть обобщает сам, а какое получится обобщение, зависит от него самого» [Найпол, 2002, с. 5].

Любая критика воспринималась Найполом с великолепным и почти нескрываемым презрением. На своих недоброжелателей брахман смотрел свысока и спокойно: «Скажите, что из того, о чем я говорил, касаясь политики (войны, революции, диктаторы, о которых тогда еще никто и не думал), что из этого не сбылось?» Одному журналисту, которого он довел до слез (что случалось нередко), прозаик спокойно ответил: «Не спрашивайте меня, как я пишу такие хорошие книги, спрашивайте меня – как я увидел так много»[14].

После теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. именно эта позиция безжалостно трезвого и резкого художника сделала Найпола лауреатом самой престижной литературной премии в мире – Нобелевской. О чем и поведал Нобелевский комитет, вручая писателю премию с формулировкой: «За непреклонную честность, что заставляет нас задуматься над фактами, которые обсуждать обычно не принято».

В. С. Найпол оказался едва ли не единственным, кто еще за 20 лет до этого трагического события заговорил в публицистике об исламском фундаментализме, пробудившемся в странах третьего мира после краха мировой колониальной системы. В двух книгах «Среди правоверных: исламское путешествие» (Among the Believers: An Islamic Journey, 1981) и «По ту сторону веры: путешествие среди новообращенных» (Beyond Belief: Excursion Among the Converted Peoples, 1998) писатель сравнил фундаментализм с проказой, поразившей исламский мир, назвав его новой и опасной формой колониализма.

Книга «В свободном государстве» – важная веха на творческом пути Найпола. За нее писатель получил высшую литературную премию Великобритании – Букеровскую. По далеко не полным данным, эта книга переиздавалась более 25 раз. И большинство переизданий приходится на нынешний век.

В книгу входят два рассказа, обрамленных Прологом и Эпилогом, и одна повесть, давшая название книге. Словосочетание «in a free state» буквально означает «в свободном государстве». Но существует научный термин «a free state», описывающий состояние

---

[12] Подробнее см.: [Колесникова, 2002, с.145–152].

[13] Об этих ролях рассуждает литературовед и философ Цветан Тодоров в книге «Человек, потерявший родину». Подробнее см.: [Тодоров, 1998].

[14] Цит. по: [Найпол, 2008, с. 268].

молекулы, свободное от любых сил притяжения. Этим вторым значением вскрывается потаенный, скрытый смысл названия, потому что создается впечатление, что именно в таком состоянии находятся персонажи этой книги. Все они, вырванные из своей естественной среды, привычного уклада жизни, без привязанностей, свободные от всего, кроме самих себя, находятся в каком-то подвешенном состоянии: им некуда возвращаться, потому что они переросли свое прошлое, и не хочется идти вперед, поскольку им чуждо их будущее.

Если в романе «Ненастоящие» Найпола интересовали бывшие колонизованные, то в повести его внимание приковано к бывшим колонизаторам, живущим в Африке уже не на правах хозяев, а в качестве иностранных специалистов. Государственный служащий по имени Бобби и его попутчица Линда (жена сотрудника государственного радио) отправляются на автомобиле из столицы на юг страны, в компаунд – огороженный стеной и охраняемый городок для европейцев. В момент описываемого путешествия в неназванной африканской стране идет гражданская война между соперничающими кланами убитого короля и свергнувшего его президента.

В повести «говорящим» становится подчеркнутый контраст между яростной интенсивностью разрушительного существования африканских персонажей – и ограниченностью, даже заурядностью «белых» героев. И Бобби и Линда «пасуют» перед спонтанностью и сложностью африканской натуры, перед неожиданностью и противоречивостью ее побудительных мотивов, питаемых к тому же непонятным и трудновообразимым для них – белых – опытом жизни. Оба откровенно признают свою неспособность по-настоящему разобраться в событиях и в их подоплеке, как социально-исторической, так и психологической.

Найпол слишком хорошо осознавал природу насилия, неизбежного при систематическом унижении человека, которое прорывается в форме ответной, мстительной, бессмысленной и беспредельной жестокости. И его герою приходится понять это под сапогом африканского солдата из дорожного патруля, избивающего его от нечего делать. Сначала Бобби решил, что этот солдат с сигаретой в зубах хотел его унизить и ограбить. Ему это было понятно и даже вызывало сочувствие. Но затем он понял, что «этот толстый солдат, так заинтересовавшийся его наручными часами, собирается его просто убить» [Naipaul, 1978, p. 232].

По Найполу, в душе у угнетенного человека царят первобытные зверства, и он не в состоянии защитить себя так, чтобы при этом не разрушить все вокруг и не пролить море невинной крови. В жестоком и беспросветном мире, который создал писатель в повести, на смену колониализму приходит не национальная независимость и прогресс, а хаос и варварство бывших рабов, находящихся на полуживотном уровне морали и интеллекта. И когда, наконец, англичане благополучно добираются до компаунда, у читателя уже не остается сомнения, что стихия насилия, бушующая вокруг них, вскоре сомкнется над головами обитателей этой почти игрушечной модели западной цивилизации.

В «эту Африку» Найпол вернется в романе «Излучина реки», который представляет собой одну из самых беспощадных хроник падения колониализма. Писатель снова использует свой излюбленный прием: перед читателем – страна, не существующая в реальности. Подобная анонимность позволяет писателю воспроизвести обстановку, типичную для времени сброшенных оков и опьянения свободой.

В стране, которая недавно обрела независимость, идет процесс «модернизации», которую помогают осуществлять приглашенные западные советники. Но эта модернизация – лишь видимость, под которой бурлит типичный процесс постреволюционного «освобождения» от пережитков колониального прошлого: физические расправы и депортация этнических меньшинств, экспроприация и коррупция. И как результат – всеобщая паника и ненависть всех ко всем.

Найпол стал одним из первых, кто увидел и сумел показать, что в бывшей колонии вслед за свободой наступает варваризация, представляющая собой процесс в каком-то смысле

более мощный и страшный, поскольку превращает страну в место, где вытаптывается все, связанное с культурой. По мнению писателя, любой бунт рабов, в конце концов, вырвется из-под контроля очередного местного вождя и будет возглавлен любителями побузить и охотниками пограбить. И получив эту «свободу», они вскоре превратятся в садистов и бессмысленных убийц, а потом, устав и одурев от кровопролития, сдадутся и позволят себя уничтожить.

Именно после публикации «В свободном государстве» и «Излучина реки» Найпол стал для мировой культуры актуальной фигурой. Но в силу «догоняющего развития» гул пропастей, услышанный писателем в 1970-х гг., отдался эхом во многих уголках планеты с наступлением XXI в. Время, в конце концов, догнало Видьядхара Найпола и начало звучать в унисон с его голосом. Именно время догнало глубоко и честно мыслящего писателя, которому были присущи не только наблюдательность и проницательность, но и умение видеть дальше сегодняшнего дня. А это случается не так часто.

Третий период творчества Найпола знаменует собой совершенно новый этап в его развитии: полное отчуждение второго периода, сменившее гротески раннего творчества с их нигилистической бравадой и чистой игрой, перешло в спокойное, внимательное вслушивание в окружающий мир. В этот «поздний» период входят четыре романа: «Загадка приезда» (The Enigma of Arrival, 1987), «Дорога в мир»[15] (A Way in the World, 1994), «Полужизнь» (Half A Life, 2001) и «Магические зерна» (Magic Seeds, 2004). Двумя последними романами Видьядхар как бы закольцевал свою творческую карьеру. Рассказав историю индийца, в судьбе которого пересеклись Индия, Англия и Африка, писатель соединил все темы, занимавшие его на протяжении долгой писательской карьеры.

Роман «Загадка приезда» – вершина творчества «позднего» Найпола – был особо отмечен Нобелевским комитетом. Этот роман о долгом пути медленного приспособления к иному – западному – миру является, пожалуй, самым исповедальным произведением писателя. Подчас кажется, что эта книга – не художественная проза, а откровенный разговор автора с читателем, оплаченный собственной, непросто складывающейся судьбой.

После чтения этого романа куда ясней начинаешь понимать, что, покидая край родных и близких, человек оказывается на ничейной земле. На чужбине все зависит от резервов, которые у человека есть, и о которых он слишком мало знал, принимая решение об отъезде в надежде, что сил хватит. Переезд в другую страну может уничтожить, но если человек не дал себя погубить, то он станет благодаря ему стократ сильнее. Эта философская концепция была сформулирована Найполом еще в романе «Излучина реки»: «мир таков, каков он есть, а для людей, которые ничего не значат или позволяют себе быть ничем, в нем нет места» [Naipaul, 1980, p. 3].

В современном мире, который пугает своей нестабильностью, нельзя найти точку опоры. Когда все внешнее ненадежно, опору нужно искать в себе. Она находится только «внутри» и складывается, по Найполу, в неудачах. Только приняв свои неудачи и научившись жить в потоке неудач, человек может найти в себе мужество принять реальность такой, какая она есть, не закрываясь от нее и не подчиняясь ей. В этом утверждении писателя сплошная эмпирика, опыт прожитых лет.

Своеобразный итог Видьядхар Найпол подвел в романе «Дорога в мир», в котором художественное изложение, автобиография и документальность переплетаются так, что практически невозможно сказать, какая стихия господствует. Фактически лишь одна из девяти глав этого произведения – чисто беллетристическая. Остальные представляют собой автобиографические сюжеты, зарисовки о местах, где случалось бывать, воспоминания о людях, с которыми сводила судьба, а также исторические миниатюры.

В целом книгу можно назвать посвящением людям, чей путь в жизни не привел к желанной цели. Себя самого Найпол относил к особой разновидности аутсайдеров – неудавшимся неудачникам. Не имея, по его словам, природного писательского дара, он

[15] В 1996 г. В «Иностранной литературе» (№ 9) были опубликованы несколько глав из этой книги.

устремился в большую жизнь с низкого, даже с очень низкого старта, и …победил. Впрочем, писатель никогда не придавал этому большого значения, полагая, что жизнь – игра, своего рода пьеса, в которой по-настоящему серьезен бывает только финальный уход.

Литература / References

Колесникова Н. В. *Лауреат Нобелевской премии В. С. Найпол: жизнь, творчество, судьба*. М., 2014 [Kolesnikova N. V. Laureat Nobelevskoi premii V. S. Naipaul: zhizn', tvorchestvo, sud'ba. Moscow, 2014].

Колесникова Н. В. В поисках Индии: несентиментальное путешествие В. С. Найпола // *Восток (Oriens)*. 2002. № 3 [Kolesnikova N. V. V poiskah Indii: nesentimental'noe puteshestvie V. S. Naipola // *Vostok (Oriens)*. 2002. 3].

Найпол В. С. Невроз новообращенных // *Иностранная литература*. 2002. № 1 [Naipaul V. S. Nevroz novoobrashchennyh // *Inostrannaya literatura*. 2002. 1].

Найпол В. С. *Средний путь (Карибское путешествие)*. М., 2008 [Naipaul V. S. *Srednii put' (Karibskoe puteshestvie)*. Moscow, 2008].

Салганик М. «Ненастоящие» по-настоящему // *Иностранная литература*. 1969. № 3 [Salganik M. Nenastoyashchie po-nastoyashchemu // *Inostrannaya literatura*. 1969. 3].

Тодоров Ц. Человек, потерявший родину // *Иностранная литература*. 1998. № 6. С. 200–211 [Todorov Tz. Chelovek potepyavshii rodinu // *Inostrannaya literatura*. 1998. 6. Pp. 200–211].

Naipaul V. S. *An Area of Darkness*. London, 1977.

Naipaul V. S. *A Bend in the River*. New York, 1980.

Naipaul V. S. *In a Free State*. Aylesbury, 1978.

Naipaul V. S. *The Mimic Men*. Reading, 1983.

Naipaul V. S. *The Overcrowded Barracoon*. New York, 1984.

КАК Я ПОСТУПИЛА В АСПИРАНТУРУ ИВ АН. ВОСПОМИНАНИЯ ФИЛОЛОГА-ВОСТОКОВЕДА

Н. И. Пригарина*

От редакции: воспоминания одного из ведущих литературоведов и культурологов ИВ РАН, обладательницы высшей пакистанской награды для иностранцев Ситара-и-имтиаз Натальи Ильиничны Пригариной посвящены московской востоковедной сцене в целом и Институту востоковедения АН в 1950–1960-е гг. Автор приводит живые характеристики выдающихся филологов, литературоведов, редакторов и администраторов Института, не только сыгравших важную роль в ее судьбе, но и оставивших заметный след в истории советского востоковедения.

Ключевые слова: советское востоковедение, ИВ АН, ИВ РАН, Б. Г. Гафуров, история востоковедения, история науки.

HOW I JOINED GRADUATE PROGRAMME IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, SAS. RECOLLECTIONS OF A PHILOLOGIST AND ORIENTALIST

Natalia I. Prigarina

Editorial: Recollections of one of the leading philologists and culture scholars of the Institute of Oriental Studies, the laureate of *Sitara-i-imtiaz*, the highest Pakistani award for foreigners, Natalia I. Prigarina, describe the Moscow Orientalist scene in general and the Institute of Oriental Studies SAS in 1950–1960s. The author gives vivid characteristics of some outstanding scholars – philologists, editors, and administrators of the Institute, who not only played an important part in her own life, but left notable marks in the history of Soviet Oriental studies.

Keywords: Soviet Oriental Studies, IOS RAS, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Bobojan G. Gafurov, History of Oriental Studies, history of science.

В 1956 г. я закончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, иранское отделение с красным дипломом и первым разрядом по художественной гимнастике. По семейным обстоятельствам (мать – инвалид II группы; бабушка – мать погибшего на фронте (пропавшего без вести) моего отца) у меня не было обязательного распределения, а как самостоятельно найти работу по моей специальности «филолог-востоковед», «преподаватель русского языка в национальной школе», обозначенных в дипломе, я себе не представляла. Целый месяц после окончания я проходила без работы и, соответственно, просто без денег, так что небо показалось мне с овчинку. Поэтому я приняла предложение руководителя моего диплома доцента Веры Сергеевны Расторгуевой пойти на должность инспектора учебной части: в сентябре 1956 г. открывался Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ. Сама Вера Сергеевна стала деканом филологического отделения ИВЯ.

Надо сказать, что я всегда с предубеждением относилась к лаборантским и другим административным должностям, не имевшим отношения к тому, чему нас учили и чем мы жили в университете. Лингвистика в это время была на самом пике наших филологических

* Наталья Ильинична ПРИГАРИНА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; prigarina@gmail.com

Natalia I. PRIGARINA, DSc (Phylology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; prigarina@gmail.com

интересов: учителя – В. И. Абаев, П. С. Кузнецов, М. Н. Петерсон [1], старшие коллеги и сверстники – В. В. Иванов, Игорь Мельчук[2], Виталий Шеворошкин[3] – дешифровки языков, проект машинного перевода, Де Соссюр, лекции и семинары с участием блестящих эрудитов, выплывшие из небытия имена великих лингвистов, еще три года назад отброшенные назад «гениальными трудами товарища Сталина по языкознанию», – это была настоящая жизнь.

Думаю, Вера Сергеевна знала о моих настроениях и интересах (я получила у нее пятерку за дипломную работу «Категория обстоятельства в таджикском языке»), поскольку она поставила мне условие не уходить (то есть не сбегать) с предлагаемой работы и отнестись серьезно к тому, что она рекомендует меня на эту должность.

В работе администратора оказалось много опций: за полгода я прикрепилась к аспирантуре, даже успела сдать кандидатский экзамен, мне дали группу искусствоведов преподавать персидский, к тому же в институте была замечательная компания молодежи – старшекурсников, лаборантов, аспирантов, молодых преподавателей, входивших в комсомольскую организацию, среди них – мой старый друг еще по пионерскому лагерю (наши мамы работали в журнале «Война и рабочий класс») Саша Чичеров [4], там же я познакомилась с Таней Григорьевой [5], Игорем Лисевичем [6], Мишей Мейером [7], Игорем Поздняковым, Юлей Алихановой[8]. Я участвовала в самодеятельности со своим номером из художественной гимнастики (чем вызвала сенсацию: «Говорят, у вас инспектор плясал?»). А Алексей Аркадьевич Стариков [9], который вместе с иранской кафедрой перешел в ИВЯ, предложил нам с Валерой Волгиной[10], работавшей лаборанткой, читать персидские стихи. Мы забирались в пустую аудиторию, Алексей Аркадьевич вытаскивал из портфеля коржик, мы делили его с Валерой пополам и читали Джами. И что я упустила и не могла простить себе никогда – я могла попросить разрешения ходить на занятия языком урду, который преподавала наша выпускница Галя Гапонова, но почему-то вовремя не приняла нужного решения.

Одной из моих обязанностей было составление программ по досдаче тех курсов, которые входили в программу института, и по разным причинам не были сданы во время обучения. Моим первым делом оказалось составление такой программы для Киры Ереминой[11], вернувшейся из лагерей, в которые ее засадили восемнадцатилетней девушкой на пять лет за «шпионаж», а на самом деле за общение с иностранкой-однокурсницей, к которой она была приглашена на день рожденья и с которого, по ее словам, «она отправилась

---

[1] Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962) – российский и советский лингвист, профессор, один из представителей московской (фортунатовской) школы. Читал курс санскрита.

[2] Игорь Александрович Мельчук (1932) – советский и канадский лингвист, создатель лингвистической теории «Смысл ↔ Текст».

[3] Виталий Викторович Шеворошкин – американский лингвист русского происхождения, доктор филологических наук (1966).

[4] Александр Иванович Чичеров (1932–1999), индолог, профессор, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

[5] Татьяна Петровна Григорьева (1929–2014), японист, доктор филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

[6] Игорь Самойлович Лисевич (1932–2000), китаист, доктор филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

[7] Михаил Серафимович Мейер (1936 г.р.), советский и российский историк-тюрколог, специалист по османской истории, многолетний ректор ИСАА при МГУ.

[8] Юлия Марковна Алиханова (1936 г.р.), кандидат филологических наук (1970), доцент ИСАА при МГУ.

[9] Алексей Аркадьевич Стариков (1892–1962), иранист, востоковед, сотрудник Института мировой литературы АН СССР, доцент филологического факультета МГУ.

[10] Валерия Васильевна Волгина (1925 г.р.), выпускница иранского отделения филфака МГУ, редактор издательской фирмы «Восточная литература» РАН ВО «НАУКА».

[11] Кира Николаевна Еремина (1929 г.р.), филолог-иранист, уроженка Рязани. С 1946 г. студентка иранского отд. МИВ, успела закончить два курса. Арестована 17 июня 1948 г. Пост. ОСО при МГБ СССР от 1 декабря 1948 г. приговорена к 5 годам ИТЛ (ст. 7–35 УК РСФСР), которые отбывала в лагере в Инте. Освобождена в мае 1953 г. Реабилитирована в 1955 г. Окончила ИВЯ при МГУ (1956–1961). В 1961–1989 гг. работала в ИНА / ИВ АН СССР (Москва) в группе персидско-русского словаря и др. Кандидат филологических наук (1973).

на другой день рожденья» – в Воркутинские лагеря. Кира училась на втором курсе Института востоковедения на иранском отделении, когда это произошло, и теперь ей было разрешено восстановиться в ИВЯ и довести свое обучение до конца.

В 1960-е годы в Институте востоковедения планировалось издание двухтомного персидско-русского словаря под редакцией Ю. А. Рубинчика[12], и в какой-то момент возникла возможность взять лексикографа. Мне предложили перейти в словарь, но я твердо отказалась, и Юрий Аронович стал обсуждать со мной кандидатуру Киры. Он опасался брать «репрессированного» сотрудника, и я, пораженная его соображениями, сказала все, что думаю по этому поводу, отдавая при этом отчет во всеобщей запуганности востоковедов его поколения. Киру взяли, она была блестящим работником, имя ее стоит среди создателей этого эпохального словаря.

Еще один случай свел меня с будущим начальником: однажды пришло трое студентов разогнанного ВИИЯКа: у них появилась возможность досдать некоторые предметы и закончить образование, а я должна была составить список требуемых экзаменов. Среди них оказался Алексей Сергеевич (тогда Леша) Сухочев[13], под началом которого я проработала потом в Институте много лет, и он не упускал случая напомнить, какой формалисткой я перед ними предстала, составив длинный список экзаменов. Впрочем, инспекторские обязанности почти не занимали времени, а моя беспечность и равнодушие к административной карьере таили в себе ростки конфликта.

К концу первого семестра я познакомилась с аспирантом-китаистом Сашей Лариным[14] (теперь он профессор, маститый специалист по Тайваню), который спросил, не хочу ли я пойти редактором в только-только создававшийся журнал «Русский язык в национальной школе». Главным редактором его был назначен Степан Григорьевич Бархударов – автор знаменитого школьного учебника русского языка для пятых классов, в просторечии «Бархударов и Крючков». Он посмеялся над моим заявлением о приеме на работу «в качестве редактора по индоевропейским языкам», как я написала, но взял. Поскольку я кроме МГУ окончила еще двухгодичные курсы журналистики при Доме журналиста, где давались основы редактирования, мне захотелось испытать себя. По сравнению с работой в учебной части, эта деятельность все же относилась к моей специальности и, несмотря на условия, поставленные Верой Сергеевной, я рискнула попросить ее разрешения уйти из инспекторов.

Из шумных аудиторий ИВЯ и большого коллектива преподавателей и студентов, с которым я успела перезнакомиться, а с некоторыми и подружиться на всю жизнь, я перешла в маленькую и весьма специфическую редакцию, которая к тому же долго находилась в состоянии утверждения планов, а сама продукция в виде журнала никак не приобретала зримых черт. Впрочем, опыт правки материалов, присылаемых учителями русского языка из национальных школ, пригодился со временем в издательской деятельности, когда я готовила в нашем отделе к печати многочисленные сборники и монографии, будучи членом редколлегии или ответственным редактором: многие авторы также принадлежали к «национальным школам». Пропуская некоторые детали биографии (я еще поработала инженером в отделе информации Уральского почтового ящика), перейду к тому моменту, когда я стала прорываться в Институт востоковедения.

Во время долгой и тяжелой послеродовой горячки в сентябре-октябре 1959 г., когда я лежала пластом в больничной палате, мне принесли «радио», – наушники, которые можно было воткнуть в розетку радио около кровати. В один из радиосеансов я услышала

[12] Юрий Аронович Рубинчик (1923–2012), советский и российский филолог-иранист, доктор филологических наук, профессор; автор фундаментальных исследований по грамматике и лексикографии персидского языка. Участник Великой Отечественной войны.

[13] Сухочев Алексей Сергеевич (1928–2000), литературовед-индолог. Окончил Институт восточных языков при МГУ (1957). Заведовал сектором и Отделом литературы ИВ РАН.

[14] Ларин Александр Георгиевич (1932), профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. Член Европейской ассоциации китаеведов.

выступление о готовящемся в 1960 г. Конгрессе востоковедов в Москве. Ученый по имени Евгений Челышев[15] рассказывал об изучении индийских литератур и в числе прочего упомянул литературу на персидском языке в Индии и знаменитого поэта Амира Хусрава Дехлеви. Поднявшись на ноги, я связалась с индологом Сашей Чичеровым и спросила совета – с кем поговорить о том, что я хочу заняться персидской литературой Индии. Оказалось, что вместе с Сашиным отцом Иваном Ивановичем Чичеровым в ИМЛИ сейчас работает Алексей Аркадьевич Стариков.

Назначили день, и я явилась в ИМЛИ. Увидев Алексея Аркадьевича, я выпалила: «Я решила заниматься персидской литературой Индии». Алексей Аркадьевич чуть не подпрыгнул от радости, ведь это была его любимая тема и, значит, недаром он читал нам «Экскурс в персидскую литературу Индии» и особое внимание уделял Амиру Хусраву, да и кандидатская диссертация была у него по Амиру Хосрову (Эмиру Хосрову, в тогдашнем написании и произношении. Позже я нашла тетрадку с записями его лекций!).

Следующим этапом было мое знакомство, с подачи Алексея Аркадьевича, с И. С. Брагинским. Иосиф Самойлович в свою очередь представил меня Е. П. Челышеву, который должен был определить степень моей профпригодности и при положительном решении взять к себе в сектор индийской литературы, входивший тогда в Отдел Индии.

Естественно, попасть на работу в Институт без солидной поддержки было практически невозможно, время, когда брали молодых востоковедов «с улицы», прошло. Мне это всячески давали понять, только до меня это не доходило. Между тем мне было предложено заполнить анкету, и тут на сцене появился А. И. Кошкин – завкадрами. Он меня уже видел в коридорах Института. После долгой послеродовой болезни и лечения гормонами я была довольно толстой, волосы у меня от болезни вылезли, и я ходила в платочке, а единственная юбка, которая на меня налезала и которую я сшила сама, не свидетельствовала никак о моей принадлежности к «сынкам и дочкам», которым дорога в институт была все-таки открыта. Как я узнала потом от самого Челышева, Кошкин сказал: «Вы что, не видите, что она скоро родит, вон какая толстая и в платочке». Моему сыну было тогда восемь месяцев, и после перенесенных ужасов деторождения и осложнений после них мысль о родах и роддомах бросала меня в дрожь.

Но Челышев, который, по-видимому, все-таки одобрил мои данные, сделал еще одну попытку: отозвал меня в коридор и спросил с некоторой долей интимности: «Раскроем карты, скажи, кто о тебе хлопочет?» Я с вызовом ответила: «Никто!», хотя в душе моей бился драматический ответ: «Мой отец, который погиб на фронте». После войны прошло уже 15 лет, а пепел отца, без преувеличения, все еще стучал в мое сердце.

С неудачей попасть в Институт пришлось примириться, хотя я уже втянулась в некоторые институтские сюжеты и даже поучаствовала в обсуждении статьи таджикской аспирантки Шарафджон Пулатовой о письмах Мирзы Галиба. (Как и многое в моей жизни – это знакомство с именем «Галиб» оказалось судьбоносным: со временем я написала монографию и приняла участие в переводе его поэзии [Пригарина, 1986; 2015]).

Неудача с поступлением на работу в Институт меня очень огорчила: я жила с этой надеждой месяца три. Но в мае 1960 г. Лариса Лебедева[16], окончившая тюркскую группу нашего Восточного отделения несколько раньше, пристроила меня в журнал «Дружба народов» в отдел критики как специалиста по таджикской литературе, и я вышла на работу в удивительно прекрасное место, с замечательными сотрудниками, интеллигентными людьми. Был только один недостаток – редактором журнала был крайне неприятный человек, автор одного, впрочем, вполне приличного, произведения о своем деревенском детстве.

[15] Евгений Петрович Челышев (1921 г.р.), академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН (1988–2002), заслуженный деятель науки РФ, более 30 лет проработал в ИВ АН, заведовал Отделом литератур Востока. См. подробнее [Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее, 2018, с. 168–169].

[16] Лариса Иосифовна Лебедева (1928–2016) тюрколог, критик, переводчик, член Союза журналистов и Союза писателей СССР, Заслуженный деятель культуры Киргизской ССР.

В июле 1960 г. в альпинистской экспедиции погиб мой муж Женя Пригарин, которому только что исполнилось 27 лет. Мне было 26, и на руках у меня остался десятимесячный сын, мать-инвалид и девяностолетняя бабушка. А через два месяца кончилось мое пребывание в журнале – меня уволили по сокращению штатов, впрочем, в штат я зачислена и не была.

В журнале я часто встречала однорукого человека по фамилии Герш. Мы раскланивались, вряд ли даже общались хоть как-то более близко. Но он оказался человеком моей судьбы. Видимо, каким-то образом узнав про мое бедственное положение, в одну из встреч он спросил: «Наташа, не хочешь ли ты пойти на работу в Институт востоковедения? У меня там фронтовой друг Гоша Беспалов, ему нужен кто-нибудь со знанием французского языка. Ты знаешь французский?»

Если бы он спросил, знаю ли я зулусский, я бы тоже сказала – знаю, впрочем, французский я учила в университете и с чистой совестью сказала, что знаю. У нас были очень хорошие преподаватели, но одну из лучших – Иссу Яковлевну Черняк[17] – уволили за пятый пункт в паспорте, а новая француженка – Малышева в ответ на вопрос, будем ли мы говорить по-французски, ответила простодушно – «Зачем? Вы же с иностранцами встречаться не будете» (шел 1953 г.).

Услышав предложение Герша, я вспомнила вдруг, что отчество моей университетской подруги Лары Беспаловой[18] – Георгиевна. Я ей позвонила, и выяснилось, что «Гоша» – Георгий Михайлович Беспалов[19] – ее отец и в Институте востоковедения издает некий Спецбюллетень. Зная мою ситуацию, Лара поговорила с отцом и пригласила меня домой, чтобы представить Георгию Михайловичу.

Ларин отец лежал на кушетке в маленькой комнате, ему нездоровилось, за письменным столом сидела Ларина мама спиной к нам. Георгий Михайлович спросил, знаю ли я французский язык и умею ли я редактировать. «Тогда приходи завтра в Армянский переулок, заполнишь анкеты», – сказал он. Потом я вспомнила, что ее мама была зам. начальника кафедры иностранных языков Военно-политической академии им. Ленина, автором многих учебников и словарей французского языка. Но Бог меня спас, она не заговорила со мной по-французски!

На следующий день – это было в декабре 1960 г. – я примчалась в Институт и тут же была зачислена в сотрудники с зарплатой в 120 рублей, по тем временам вполне пристойные деньги (мама как инвалид получала 46 рублей, бабушка за погибшего сына – 30, мой маленький сын по утрате кормильца – тоже 30). Страшный год болезней, смертей и безработицы кончался. Начиналась новая жизнь.

На первых порах меня оформили в отдел информации, которым руководил Вартанян. Моим местом в Армянском переулке стал газетный зал (спецхран?) библиотеки, которым заведовала хорошенькая Галя Александрова, жена малаиста Авенира Теселкина. Там проводила время за чтением персидских газет Джульета Рождественская, забегали Таня Шаумян, Галя Фомичева и еще несколько молодых сотрудниц, листавших прошлогодние

---

[17] Исса Яковлевна Черняк (1922–2004) добровольцем ушла на фронт, служила в войсковой разведке, позднее преподавала французский язык в МГУ и Институте иностранных языков.

[18] Лариса Георгиевна Беспалова (1933 г.р.) окончила филологический факультет МГУ, работала в журнале «Новый мир», издательстве «Молодая гвардия». Член Союза Писателей Москвы. Была замужем за поэтом и прозаиком Владимиром Николаевичем Корниловым (1928–2002). После его смерти выступает как публикатор его произведений.

[19] Георгий Михайлович Беспалов (1904–1967), публицист-международник, партийный и комсомольский деятель, один из создателей комсомольской организации на Урале, участник Великой Отечественной войны. В 1921–1931 гг. занимался подпольной работой в Германии, Китае. В годы Великой Отечественной войны начальник разведки танковой бригады, подполковник; трижды ранен. В 1945–1947 гг. начальник информационного отдела Советской военной администрации в Германии. На Нюрнбергском процессе в 1946 г. возглавлял делегацию корреспондентов ТАСС. До 1948 г. заместитель начальника Совинформ-бюро, заведующий отделом в Институте востоковедения АН СССР. Член редколлегий журналов «Международная жизнь», «Современный Восток», «Азия и Африка сегодня».

журналы и газеты. Особенно ценились те, где были разделы моды с картинками и рассуждениями о том, что нужно носить, а что не нужно. Мы передавали их из рук в руки. Туда же, узнав, что появилась новая сотрудница комсомольского возраста, пришел знакомиться и ставить меня на учет Юра Петросянц, китаист, с которым мы сразу подружились. Совершенно не помню, что от меня требовалось как от сотрудника отдела информации, тем более что очень скоро Георгий Михайлович переместил меня к себе.

Итак, я стала младшим научным сотрудником ИВ АН. Эйфории моей не было предела, и я пару раз повела себя крайне неосмотрительно. Так, в Ученом секретариате, где сидели две дамы – Тася Шевцова и Люся Угленкова, на меня наткнулся Ученый секретарь Института Юрий Владимирович Ганковский[20]. Он с удивлением спросил, кто я такая, а когда я ответила, произнес с досадой: «Я же сказал, чтобы без меня никого не принимали на работу!» Я же, в сладком упоении от законности своего статуса, дерзко возразила: «А меня вот приняли!». Мне до сих пор стыдно вспоминать это мелкое хвастовство. Надо сказать, что все оставшиеся годы Юрий Владимирович относился ко мне замечательно, предлагал после аспирантуры пойти к нему в отдел и отмел все сомнения Е. П. Челышева насчет моей первой книги о Мухаммаде Икбале, которые возникли в связи с нестандартной для Отдела литературы религиозно-философской трактовкой этого поэта и мусульманского мыслителя [Пригарина, 1972; 1978]. Юрий Владимирович вернул рукопись, научив меня правильно писать слово «агорафобия» и с полным одобрением моего взгляда на роль идеологии в среде мусульманской интеллигенции британской Индии.

За второй случай моей беспечности мне хорошо влетело от Георгия Михайловича Беспалова. Я получила указание пойти в Первый отдел и подписать документы, связанные с грифом Спецбюллетеня «Для служебного пользования» (издание должно было распространялся по списку и храниться в сейфе). По правде сказать, я мало ощущала эту закрытость: в 1961 г. обо всем говорили гораздо свободнее и решительнее, нежели в нашем закрытом органе, к тому же политические и экономические статьи и французские тексты благополучно «стекали» с моих филологических мозгов, так что, просидев пару дней над корявым текстом и исправив несколько грамматических и стилистических ошибок, я немедленно забывала об их содержании. Из авторов, которых совсем не нужно было править, вспоминаются только Виктор Растянников и Леня Гордон, остальных так или иначе приходилось «чистить». С одним автором я поссорилась – исправила, в частности, падежи, после чего он устроил скандал со словами «Я не дам тебе мой стиль портить!» В качестве мести я перестала с ним здороваться, и он очень болезненно на это реагировал. Совсем другое отношение к текстам проявляла Аза Алмазова[21], которая сначала тоже была автором «Дружбы народов», не имела постоянной работы, и по совету все той же Ларисы Иосифовны Лебедевой была с моей подачи принята Георгием Михайловичем на работу в Институт. Она окончила факультет журналистики МГУ, хорошо знала французский язык и проработала редактором Спецбюллетеня, вникая во все тонкости международной политики и экономики, пока журнал не приказал долго жить. На базе Спецбюллетеня был создан Редакционно-издательский отдел Института, в котором Аза Завеновна работает до сих пор.

Так вот, отправившись в Первый отдел подписывать бумаги о «закрытости», я повела себя неправильно. Обязательство, что я не буду разглашать содержание спецбюллетеня, я охотно подписала по вышеотмеченным причинам, но, обнаружив вторым пунктом требование не встречаться с иностранцами, вступила в полемику с дамой, возглавлявшей Первый отдел. Во время Фестиваля молодежи и студентов 1957 г. в Москве появилась иностранная молодежь, в основном левая, и почти в каждом доме можно было встретить

[20] Юрий Владимирович Ганковский (1921–2001) историк стран Южной Азии и Среднего Востока, преподаватель Военного института иностранных языков. Арестован 8 мая 1947 г. Приговорен ОСО при МГБ СССР 6 декабря 1947 г. по ст. 58-10, ч. 1. к 8 годам ИТЛ, освобожден из ИТЛ в Казахстане в 1954 г. Реабилитирован в 1956 г.

[21] Аза Завеновна Алмазова (1936 г.р.), научный сотрудник Института востоковедения, заместитель заведующего редакционно-издательским отделом ИВ РАН. В Институте работает с 1961 г.

какого-нибудь голодного студента из стран третьего мира, образно говоря, за чаем с сахаром и баранками, поэтому я очень удивилась и спросила: «А это-то почему?». Ответ был убийственным: «Вы же не собираетесь выходить за них замуж!»

Я-то не собиралась, но Георгий Михайлович моих намерений не учел и с чисто отцовским негодованием вскричал: «Нашла с кем вступать в полемику!» Также он предостерегал от радикализма по отношению к отжившим ценностям, с каким мое поколение вошло в 1960-е гг.: «Если сейчас в нашем зале сказать «За Сталина!», поднимется половина зала! Каждый второй наш сотрудник – бывший шпион или резидент!» Кстати, сам он был на подобной работе в Китае и Германии. Войну он начал рядовым, а окончил подполковником, начальником информационного отдела Советской военной администрации в Германии благодаря своим знаниям и выдающимся организаторским способностям. Это был во всех отношениях замечательный человек, талантливый, блестяще образованный, прекрасно знавший немецкий язык. Из-за тяжелого ранения, полученного на фронте, он впадал в состояние, близкое к алкогольному опьянению, от одной рюмки водки, которой заглушал боль от сидевших в теле осколков. Институт, убогая клетушка напротив дамского туалета, прошлогодние газеты как источник закрытой информации для человека масштаба Георгия Михайловича Беспалова – все это было, конечно, не по его заслугам и таланту, Утешало, разве, что он пользовался большим авторитетом в Институте, директор Института Б. Г. Гафуров во многих вопросах полагался на его мнение, а он сам, будучи вхож к Бободжану Гафуровичу, при каждом удобном случае делал добро. Решив мою судьбу тем, что дал мне работу, когда я буквально бедствовала, еще более благородно он отнесся к моему последовавшему предательству. Я видела, что научная жизнь среди институтской молодежи кипела, и ревниво смотрела на тех, кому посчастливилось заниматься своим делом. Хотя я окончила университет как лингвист, но в университетском курсе персидской литературе отводилось центральное место, и сейчас в моей голове засела одна мысль – персидская литература Индии. Я часто встречала Иосифа Самойловича Брагинского, который пробегал мимо, не обращая на меня внимания, словно даже не вспоминал о том, что я так хотела попасть в отдел литературы, а поверил вредному Кошкину. Один раз я его подстерегла и довольно вызывающе спросила: «Почему вы не замечаете меня, Иосиф Самойлович?» Ответ был неожиданным: «Извините, я очень плохо вижу и часто не узнаю людей. А вы в Институте? А что вы делаете? Вы не хотите поступить в аспирантуру?» – Хотела ли я? Да я в лепешку готова была разбиться, чтобы получить право вернуться в «свое» востоковедение, а он еще спрашивал! – «Ну что ж! Подавайте документы».

Я помчалась к Беспалову, чтобы сообщить об этом потрясающем предложении. Я была уверена, что речь шла о заочной аспирантуре, которая даст мне возможность продолжить редакторскую деятельность. В отделе аспирантуры на меня вылили ушат холодной воды. Зав. аспирантурой Баранов не принял моих документов. Мне-то было невдомек, что места в аспирантуру поступают прямиком из Президиума Академии, и надо, чтобы такое место по литературоведению было спущено сверху, а его не было. Я вернулась в нашу комнатку в полном недоумении. Георгий Михайлович шел в это время к Гафурову, а вернувшись, сказал: «Гафуров велел тебе подавать документы». Я снова отправилась в отдел аспирантуры и заявила: «Гафуров сказал, чтобы я подавала документы», но, глядя в пол, Баранов забубнил что-то насчет отсутствующего места. Я вернулась в свою комнату уже с претензией: «Опять не взял». Тогда Георгий Михайлович снова пошел к Гафурову уже только ради меня, а, вернувшись, сказал: «Гафуров топнул ногой и сказал: если он не возьмет документы, я с этим отделом аспирантуры разберусь, они давно мне надоели». Не успела я переварить информацию, как дверь в нашу комнату открылась, вошел Баранов и, глядя в сторону, произнес: «Почему вы не подаете документы?» После немой сцены я подала документы, все еще не ведая, что нарушила правила поступления в аспирантуру Академии наук.

Надо было выбирать тему для реферата, и я уже немного вникла в поэзию Мирзы Галиба, писавшего на персидском и урду. Урду я не знала, сделала лишь попытку выучить несколько первых уроков, но даром учить меня никто не собирался, поэтому, когда Е. П. Челышев поинтересовался насчет моего урду, я сказала, что в стихах все понятно, если знаешь персидский, что, конечно, было весьма далеко от истины. Он дал мне прочитать бейт «Быть человеком, очень трудно, / Не каждому человеку удается стать человеком», я кое-как прочитала с персидским прононсом, перевод я знала. Но когда я всерьез взялась за этого поэта, то моментально увязла и в персидском тексте Галиба, не говоря уж об урду, и понадобилось время, чтобы научиться чтению его стихов. Кажется, реферат я все же написала по Галибу. Философию и английский я сдала и стала готовиться к экзамену по литературе. Оказалось, я многое забыла из университетского курса, и страх, что не справлюсь, сковывал меня по рукам и ногам. Экзамен принимали Брагинский и Челышев. Ответ на вопрос, что есть суфизм, я начала фразой из «Истории персидской литературы и ее дервишеской теософии» А. Крымского: «Суфизм – это секта ислама», что, конечно, было устаревшим определением, и за эту порочную цитату я сразу получила основательную трепку от И. С. Брагинского. Затем я проявила непонимание народных иранских основ газели, про которую я заученно (меня так учили!) произнесла, что «газель – это насиб, оторвавшийся от касыды». И. С. Брагинский был автором противоположной концепции, – происхождения газели из среднеперсидской песенной традиции, эту его концепцию я должна была к экзамену знать, я читала статью Брагинского на эту тему, но раньше выученное непроизвольно вылетело из моих уст. А народность этой, по сути своей, придворной литературы была коньком Иосифа Самойловича. Что тут началось! Со всей марксистской непримиримостью мне было показано, что я стою не на тех позициях, и вообще, я должна разбираться во всем, если хочу заниматься персидской литературой, в частности такими трудными и никому не ведомыми ее областями как суфизм и даже индийский стиль, в котором, впрочем, никто не разбирается и так. Во время его речи я уже поняла, что провалилась самым позорным образом, и пока он меня клеймил, рыдала в три ручья. Как ни странно, все перечисленные требования, в конце концов, я действительно выполнила как по нотам, в частности, вела в Институте семинар по суфизму, пользовавшийся большой популярностью и завершившийся изданием сборника «Суфизм в контексте мусульманской культуры» [Суфизм в контексте мусульманской культуры, 1989], написала монографию «Индийский стиль и его место в персидской литературе» [Пригарина, 1999], а последние 15 лет занимаюсь газелью Хафиза. Словом, как говорят персы, «оплеуха учителя» запрограммировала меня на всю трудовую жизнь в востоковедении.

Насладившись моими рыданиями, Брагинский сказал Челышеву: «Я приму ее к себе. Надо придумать тему». И тогда случилось еще одно судьбоносное событие, Челышев как-то легко бросил: «Пусть она возьмет Икбала». Так и вышло, что с его легкой руки больше полувека я прозанималась Икбалом.

Прошло какое-то время, требовавшееся для официальных действий по зачислению в аспирантуру. Собирали комиссию, подводившую итоги по всем специальностям. Я хорошо запомнила, что стояла у доски приказов рядом с отделом кадров у нас на Армянском, на втором этаже, когда около меня оказался Алексей Михайлович Дьяков[22]. Я очень любила с ним разговаривать на самые разные темы, и теперь мы радостно раскланялись.

– Наташа, вы поступали, кажется, в заочную аспирантуру, – спросил он. – А не хотите ли пойти в очную?

– Конечно, хочу, – сказала я неуверенно, вспомнив о своих обязательствах перед Спецбюллетенем и Георгием Михайловичем.

Как это получилось, не знаю до сих пор: последующая институтская жизнь и история моих собственных аспирантов всегда подтверждала обратную теорему: люди поступали в

[22] Алексей Михайлович Дьяков (1896–1974) – индолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

очную аспирантуру, но, придравшись к какой-то промежуточной четверке, комиссии переводили их в заочную, чтобы отдать место «своему» или «нужному» человеку.

Аспирантура – ошеломительная свобода, сиди, читай, ходи в библиотеку, на семинары, состояние полной невесомости и все та же стипендия – 120 рублей! Из обязательного – семинар по философии. Из возможного – на первом году заниматься с преподавателем языка, отдел аспирантуры оплачивает занятия. Кто-то из знакомых сказал: «Попроси, чтобы тебе дали Азера». Азер[23] из иранских эмигрантов, которых в Институте довольно много, большинство из них занимаются текстологией, литературой языком.

Занятия можно проводить в холле на первом этаже Института, там есть несколько столов, главное – успеть застолбить один из них. Азер – невысокого роста, с военной выправкой, седоватый, черноглазый, строгий иранец. Мы садимся за вовремя захваченный стол, раскрываем книгу и вместе начинаем разбирать стихи Икбала.

В этот момент я испытала такое счастье, какого не испытывала, наверное, никогда. Наверное, меня посетил тот самый суфийский «халь», состояние непередаваемого восторга перед раскрывшимся передо мной миром, а может быть, японское дзэн-буддийское просветление «сатори».

И это ощущение счастья так и осталось со мной на всю мою жизнь в Институте.

Литература / References

Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт.-сост. Д. В. Дубровская. М., 2018 [*Institut vostokovedeniia RAN – proshloe i nastoiaschee. K 200-letiyu osnovaniia.* Dubrovskaya D. V. (ed.). Moscow, 2018].

Пригарина Н. И. *Индийский стиль и его место в персидской литературе.* М., 1999 [Prigarina N. I. *Indiiskii stil' i ego mesto v persidskoi literature.* Moscow, 1999].

Пригарина Н. И. *Мирза Галиб. Биографическая повесть.* М., 1986; 2015 [Prigarina N. I. *Mirza Galib. Biograficheskaya povest'.* Moscow, 1986; 2015]

Пригарина Н. И. *Поэзия Мухаммада Икбала (1900–1924 гг.).* М., 1972 [Prigarina N. I. *Po'eziia Muhammada Ikbala (1900–1924 gg.)* Moscow, 1972].

Пригарина Н. И. *Поэтика творчества Мухаммада Икбала.* М., 1978 [Prigarina N. I. *Po'etika tvorchestva Muhammada Ikbala.* Moscow, 1978].

Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989 [*Sufizm v kontekste musul'manskoi rul'tury*. Moscow, 1989].

[23] Азер Реза был известным генералом, личным врагом последнего иранского шахиншаха Мохаммеда Резы Пехлеви и политическим эмигрантом.

NOṢPEṂ PRIYASUNDARI ET AUTRES ADDENDA ET CORRIGENDA-3

И. Б. Иткин*

Статья продолжает цикл работ, посвященных грамматике и лексике тохарских языков. Предлагаются новые чтения и интерпретации для ряда «трудных мест» в тохарских А текстах, изданных в 1921 г. Э. Зигом и В. Зиглингом. В частности, обосновывается предположение о том, что слово *noṣpeṃ*, ранее рассматривавшееся как абстрактное существительное или даже послелог, в действительности имеет значение «горничная, камеристка»; выявляется устойчивое выражение со значением «отцы и праотцы, предки», уточняются правила употребления аблативной местоименной энклитики *anäṣ*.

Ключевые слова: тохарский А язык, чтение трудных мест, грамматика, лексика, Daśakarmapathāvadānamālā.

NOṢPEṂ PRIYASUNDARI ET AUTRES ADDENDA ET CORRIGENDA–3

Ilya B. Itkin

The article continues a series of works dedicated to the grammar and lexis of the Tocharian languages. We suggest new readings and interpretations of some "difficult places" of the Tocharian A texts published in 1921 by E. Sieg and W. Siegling. In particular, we prove that the word *noṣpeṃ*, which was earlier regarded as an abstract noun or even a postposition, in fact means "a housemaid, a chambermaid"; we determine the set expression meaning "fathers and ancestors"; we specify the rules of usage of the ablative enclitic pronoun *anäṣ*.

Keywords: Tocharian A language, reading of "difficult places", grammar, lexis, Daśakarmapathāvadānamālā.

Настоящее исследование продолжает цикл статей, начатых работами [Burlak, Itkin, 2000] и [Бурлак, Иткин, 2010]. Как и две названные работы, оно посвящено дополнению и уточнению ныне известных сведений о грамматике и лексике тохарских языков. На этот раз мы сознательно ограничиваемся тохарскими А текстами, включенными в издание [Sieg, Siegling, 1921]: как мы надеемся показать, несмотря на то, что за прошедшие почти 100 лет эти тексты, казалось бы, были изучены вдоль и поперек, в действительности многие места в них требуют пересмотра. Каждый раздел статьи представляет собой комментарий к одному из таких мест; разделы логически независимы и упорядочены по номерам рассматриваемых текстов.

A 58 a5, A 118 a5: ПОСЛЕЛОГ ИЛИ ДЕВУШКА?

По числу предложенных интерпретаций слово *noṣpeṃ* занимает одно из первых мест среди всех тохарских А лексем. В ныне известном корпусе восточнотохарских текстов это слово засвидетельствовано дважды, в строках 58 a5 и 118 a5.

Текст A 58 относится к очень популярной в буддизме истории, известной как "Ṣaḍdanta-Jātaka", главными героями которой выступают слон-бодхисатва Шадданта с шестью бивнями и дочь царя Махендрасены Бхадра, в предыдущем рождении бывшая женой Шадданты и жаждущая отомстить ему за нанесенную обиду.

* Илья Борисович ИТКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент НИУ ВШЭ, Москва; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Ilya B. ITKIN, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Текст A 118 относится к буддийской драме на также очень популярный сюжет о двоюродном брате Будды принце Нанде и его жене Сундари. В настоящее время этот лист считается утраченным; по содержанию он, по-видимому, представляет собой родословие Будды и его семьи.

Все известные нам трактовки слова *noṣpeṃ* относятся к тексту A 58; ни употребление слова *noṣpeṃ* в тексте A 118, ни этот текст в целом практически не привлекали внимания исследователей. Контексты, в которых встретилось слово *noṣpeṃ*, сохранились только частично:

|| *tmäṣ bhādrāy noṣpeṃ priyasundari śla wārpäṣlune o*(*ki*) (58 a5) «Тогда Бхадры (или: Бхадре) *noṣpeṃ* Приясундари словно с устремленностью (?)...» (значение слова *wārpäṣlune* в точности неизвестно; при этом, однако, нет никаких сомнений, что выражение *śla wārpäṣlune o*(*ki*) представляет собой характеристику последующих слов Приясундари).

...*pättāñäkte mācar tākim* || *temi=k noṣpeṃ* //// (*lakṣa*)*ṇäsyo yetu ārānt se tākiṣ=ñi* ♦ (118 a5-6) «"...Да стану я матерью Будды-бога!" Ее же (или: ей же) *noṣpeṃ*... "...Да будет мой сын знаками украшенным архатом!"» (часть строки a5, предшествующая слову *pättāñäkte*, почти полностью потеряна).

Левая часть строки 58 a6 утрачена; ее сохранившаяся часть начинается с названия мотива. Существенно при этом, что стихотворная строфа, вводимая этим названием, практически точно представляет собой слова Приясундари. О том, что эта строфа не принадлежит Бхадре, свидетельствует следующий за ней оборот *tmäṣ bhādrā* «Тогда Бхадра...»: в случаях, когда субъект стихотворного монолога совпадает с подлежащим следующего предложения, это предложение начинается словами *täpreṃ wewñuräṣ* «Так сказав...». Предполагать же, что эта строфа произносится неким третьим лицом, содержание текста не дает никаких оснований; кроме того, утраченная часть строки a6 слишком мала (около 22 акшар), чтобы включать в себя как окончание фразы про Приясундари, так и упоминание какого-то ранее не названного персонажа.

Что касается строк 118 a5-6, может сложиться впечатление, что они не дают вообще никакой информации о значении и свойствах слова *noṣpeṃ*; далее мы постараемся показать, что это не так.

По-видимому, первая попытка интерпретации слова *noṣpeṃ* принадлежит Э. Зигу: в своем переводе "Ṣaḍdanta-Jātaka" он предложил для него перевод «признание» (Herzensäußerung) [Sieg, 1952, p. 9]. Это решение в своей рецензии на книгу Э. Зига поддержал В. Куврёр, предположивший, что тохарское слово представляет собой перевод скр. *udāna-* [Couvreur, 1954, p. 261]. Фактически такова же и точка зрения Г. Рихтера, в своем английском переводе использующего более нейтральное "comment" [Richter, б/г, p. 21].

В статье Т. Тамаи слово *noṣpeṃ* оставлено без перевода, а структура предложения, в котором оно встретилось, передана так: "Then Priyasundarī (gave?) *noṣpe*(?) of/for Bhadrā..." [Tamai, 2016, p. 286].

Наконец, Ф. Менье и М. Перо, авторы перевода текста A 58 и комментариев к нему на сайте CEToM [1], предлагают рассматривать *noṣpeṃ* как послелог со значением "≈ (turned) towards".

Несмотря на внешнее несходство приведенных трактовок, бросается в глаза, что в случае принятия любой из них фраза о Приясундари обнаруживает предельно необычный (если не полностью невозможный) порядок слов: прямое дополнение / послеложная группа занимают место перед подлежащим. Подчеркнем при этом, что речь идет о прозаическом фрагменте вполне традиционного для тохарских текстов содержания: «Тогда такой-то говорит то-то...». В частности, для слова со значением «признание» соответствующая фраза должна была бы выглядеть так – с обязательной интерпозицией абсолютивного (деепричастного) оборота между подлежащим и сказуемым [Иткин, Курицына, 2017]: **tmäṣ priyasundari bhādrāy noṣpeṃ kaklyuṣuräṣ śla wārpäṣlune o*(*ki träṅkäṣ*) «Тогда Приясундари, Бхадры

[1] *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).

признание услышав, словно с устремленностью (?) (говорит)...». Для послеложной группы ожидалось бы нечто вроде ***tmäṣ priyasundari śla wārpäṣlune o*(*ki*) *bhādrāy noṣpeṃ* (*träṅkäṣ*) «Тогда Приясундари, словно с устремленностью (?) к Бхадре обращаясь (говорит)...», однако, как хорошо известно, в тохарском А глагол «говорить» управляет беспослеложным аллативом.

При этом, как показывает текст A 118, позиция в начале предложения является для группы "G + *noṣpeṃ* " не единичным отклонением, а нормой. Кроме того, при любой из приведенных трактовок приходится считать простой случайностью тот факт, что в обоих известных примерах *noṣpeṃ* относится к словам, обозначающим женщин.

Различные варианты "Ṣaḍdanta-Jātaka" сохранились на нескольких языках (английский пересказ некоторых версий см. [Richter, б/г, vii–xxi]), в том числе на древнеуйгурском. Одна из древнеуйгурских версий джатаки входит в состав сборника "Daśakarmapathāvadānamālā" (DKPAM), переведенного на древнеуйгурский с тохарского А. Сводный текст уйгурской DKPAM был недавно издан Й. Вилкенсом [Wilkens, 2016]. На наш взгляд, сопоставление тохарской и уйгурской версий в существенной степени способствует прояснению значения слова *noṣpeṃ*.

В настоящее время известно 11 фрагментов "Ṣaḍdanta-Jātaka" на тохарском А; их взаимная последовательность устанавливается достаточно надежно, см. [Sieg, 1952, p. 7]. Лист A 58 идет после листа A 66, причем последняя строка (b6) фрагмента A 66 примерно соответствует уйгурским строкам 02709–02713 по нумерации Й. Вилкенса [Wilkens, Peyrot, 2017, p. 704]. Несмотря на то что между листом A 58 и уйгурским текстом, следующим после строки 02713, в целом трудно усмотреть что-либо общее, у них имеется одна яркая совпадающая деталь: в обоих случаях в повествование вводится новый женский персонаж, роль которого сводится к произнесению одной-единственной реплики, отвечающей на слова Бхадры. В уйгурском тексте соответствующее место выглядит так: (02721–02722): kamini atl(ı)g *e*nč tapıgčısı inčä tep tedi: "Ihre Zofe Kāminī sagte..." [Wilkens, 2016, p. 354–355].

Мы предлагаем считать, что тохарское А слово *noṣpeṃ* соответствует уйгурскому *tapıgči* и имеет значение «горничная, камеристка». Тот факт, что в тохарской версии текста горничную Бхадры зовут Приясундари, а в уйгурской – Камини, свидетельствует либо о том, что лист A 58 относится к тохарской А версии "Ṣaḍdanta-Jātaka", не входящей в DKPAM, либо о том, что тохарских А версий DKPAM было несколько.

Предлагаемое решение обладает, по крайней мере, следующими преимуществами:
- новый персонаж при своем первом появлении не просто называется по имени (как имплицитно предполагалось при всех вышеизложенных интерпретациях), а, как и в уйгурском тексте, характеризуется через отношение к персонажу уже известному;
- и в тексте A 58, и в тексте A 118 слово *noṣpeṃ* занимает позицию, характерную для подлежащего, потому что оно и является подлежащим соответствующих предложений;
- и Приясундари, и неизвестная нам по имени (см., однако, ниже) *noṣpeṃ* из текста № 118 прислуживают женщинам, потому что это слово обозначает не любую прислугу (этот смысл в тохарском А, по-видимому, передается словом общего рода *spaktānik*), а именно «камеристку» – служанку при высокопоставленной госпоже.

Некоторые сомнения может вызвать тот факт, что в тексте A 58 – как, очевидно, и в тексте A 118 – слово *noṣpeṃ* предшествует имени героини: обычно в составе аппозитивных сочетаний собственное имя предшествует нарицательному, ср. бесчисленные *śibi wäl* «царь Щиби», *citrarathe waṣtä-lmo* «домохозяин Читраратха», *mahāmāyā ñäkteññā* «богиня Махамайя» и т. д. Однако при наличии у такого сочетания зависимого в G нормальным, по-видимому, является как раз порядок «нарицательное – собственное», ср., например:

säs napeṃ <u>daśārathes</u> <u>lānt</u> ***se rām*** *... lāṅk ri worpu n=äm* (10 a4-5) «Этот человек, **сын** <u>царя Дащаратхи</u> **Рама**, ...наш город Ланку окружил»

вероятно, также //// ***pr*(*a*)*c*(*a*)*r devadatte*** *aviśäṣ tsälpo* (YQ-35+40[N.2+N.6]) «...**брат** (<u>Будды-бога</u>?) **Девадатта** из <ада> Авичи освободился» (Девадатта был двоюродным братом Щакьямуни).

Рассмотрим подробнее текст A 118. Раздел повествования, включающий упоминание о *noṣpeṃ*, начинается так:

| | *tā*(*m praṣtaṃ tāpātr*)*iś ārkiśoṣṣaṃ viśvakarm ñäktes patmā ño*(*mā ckācar*) (118 a4) «В то время (?) в мире 33 богов (дочь) бога Вищвакармана по имени Падма...».

Исходя из размера лакуны в левой части листа можно опять-таки с уверенностью утверждать, что слова «Да стану я матерью Будды-бога!» принадлежат Падме, а слова «Да будет мой сын знаками украшенным архатом!» – соответственно, ее *noṣpeṃ*. При этом дальнейшее содержание текста однозначно свидетельствует, что речь идет о событиях, предшествующих рождению Будды Щакьямуни, – ср. фрагмент строки 118 b2: *mahāmāyā ñom tāka=ṃ* «Ее имя стало Махамайя». С учетом того, что главным героем пьесы, к которой относится лист № 118, является Нанда, трудно удержаться от соблазна предположить, что небесная камеристка Падмы, воплотившейся в образе Махамайи, стала известна на земле как Махапраджапати Гаутами – сестра Махамайи и мать архата Нанды.

Прямых подтверждений этому в сохранившейся части листа № 118 мы, однако, не обнаружили, как не обнаружили и свидетельств существования в рамках буддийской традиции подобного мотива. Тем не менее сюжетный ход, в соответствии с которым госпожа осуществляет «грандиозное желание», а ее служанка – «желание поменьше», представляется вполне логичным и может служить еще одним аргументом в пользу перевода слова *noṣpeṃ* как «горничная, камеристка».

62 A2: FIGURA ETYMOLOGICA?

Левая часть строки 62 a2 в издании приведена в виде //// *s jātakä*(*s*) *kāpñe śolntu – wäs neṣ* ♦ 1 [Sieg, Siegling, 1921, p. 35]. Поскольку данный фрагмент написан размером 4 x 14 слогов, реально между *śolntu* и *wäs* недостает только одной акшары; это обстоятельство отмечено в [Siegling PK, p. 35] и учтено при воспроизведении листа № 62 на сайте CEToM[2]. Что касается реконструкции утраченной акшары, то в настоящее время едва ли не общепринятой можно считать конъектуру (*yo*)*wäs* 3 Sg Pt A от *yow-* «входить», впервые предложенную, по-видимому, в [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 461]. Однако «входить» – непереходный глагол, да и будь иначе, сочетанию «входить жизни» едва ли можно придать сколь-нибудь содержательный смысл, ср. перевод Ф. Менье и М. Перо[3]: "... *jātaka*s ... he entered dear lives previously".

Мы предлагаем усматривать в данном фрагменте форму (*ś*)·*wäs* 3 Sg Pt A по кл. III от глагола *śo-* «жить». Возможно, более точной была бы запись [*ś*]·*wäs*, но соответствующая часть листа № 62 настолько сильно повреждена, что судить об этом на основании имеющейся фотографии невозможно.

С синтаксической и семантической точки зрения такое решение представляется вполне логичным. «Жить», разумеется, также непереходный глагол (хотя его каузативные формы, вопреки [Malzahn, 2010, p. 86, 918], переходны [Иткин, 2014, с. 37]), однако в обоих тохарских языках широко представлена конструкция «жизнь жить» [Malzahn, 2010, p. 98] – классическая figura etymologica, известная и в русском языке, ср., например:

$k_u$yal mā oṅkrac śol śāwās napeṃsaṃ ♦ (A 300 a7) «Почему не вечно вы жили жизнь среди людей?»

♦ *aiśaumyi ce_u pällāntär krento āstreṃ śaul śayeñcai wnolme* ♦ (B 31 a4-5) «Мудрецы его славят <как> существо, живущее благую, чистую жизнь».

Оборот «любимые жизни жил он прежде» хорошо согласуется с упоминанием джатак – повествований о прошлых жизнях Будды.

[2] *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).
[3] *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).

В отношении морфологии и морфонологии ситуация выглядит менее ясной. Личные формы Pt глагола «жить» в тохарском А неизвестны. Форма PP *śāśo* в [Malzahn, 2010, p. 918] отнесена к кл. I, но такое решение абсолютно произвольно: эта форма должна иметь такой вид независимо от того, по какой модели глагол «жить» образует личные формы Pt. Так, у глагола *ko-* «убивать» форма PP выглядит как *kāko*, а форма 3 Sg Pt A с ЭМ Pl – как *kosā=m*, т. е. этот глагол образует Pt именно по кл. III. При этом, однако, соответствующая форма без ЭМ может выглядеть только как **kos* (не как ***kowäs*). С другой стороны, имеется та самая форма *yowäs* от *yow-* «входить», показывающая, что сохранение *ä* перед суффиксом Pt *-s* при корнях подобной структуры возможно. Кроме того, с учетом общей нерегулярности спряжения глагола «жить» (ср., в частности, PPM *śāmāṃ* вместо ожидаемого ***śomāṃ*) нельзя с уверенностью определить, какой гласный – *ā* или *o* – представлен у этого глагола в личных формах Pt.

A 98 a1: //// [*t*]*ru säṅkeñcäṃ*, *ru*[*tä*]*ṅkeñcäṃ* или…?

Лист A 98 относится к той же рукописи, что и лист A 118 (см. выше, первый раздел), и также считается утраченным.

В [Sieg, Siegling, 1921, p. 56] начало сохранившейся части строки 98 a1 имеет вид //// [*t*]*ru säṅkeñcäṃ*; это же чтение воспроизведено на сайте CEToM[4]. Напротив, в [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 463] в этой строке усматривается словоформа *ru*[*tä*]*ṅkeñcäṃ*.

Соображения, побудившие Э. Зига и В. Зиглинга к пересмотру первоначального чтения, вполне понятны: в тохарском А практически нет словоформ, заканчивающихся на *-tru* (едва ли в данном тексте можно ожидать появления имени индийского царя *ajātaśatru*, упоминаемого в строках 222 b7 и 224 a2), глагол *säṅk-* также неизвестен ни одному из тохарских языков. Напротив, форма *ru*[*tä*]*ṅkeñc=äṃ* представляет собой вполне регулярный 3 Pl Pr A с ЭМ 3 Sg от не очень частотного, но надежно засвидетельствованного глагола *rutk-* «≈ убирать, отодвигать».

При этом, однако, интерпретация рассматриваемого отрезка в виде //// [*t*] *ru*[*tä*]*ṅkeñcäṃ* также сталкивается с двумя значительными проблемами. Во-первых, чтение *sä* приведено в издании без квадратных скобок, т. е. изначально оно представлялось Э. Зигу и В. Зиглингу вполне надежным. Более того, сама «бессмысленность» этого чтения, исключающая влияние каких бы то ни было содержательных соображений, как представляется, удостоверяет его правильность. Таким образом, конъектура [*tä*] фактически сопряжена с предположением об описке, значительно понижающем убедительность такой трактовки. Во-вторых, слитное написание двух слов, первое из которых заканчивается на *t*, а второе начинается на *r*, было бы для графической системы тохарского А явлением едва ли не уникальным. По крайней мере, нам не удалось найти ни одного подобного примера, в то время как случаев раздельного написания конечного *t* и начального *r* в тохарских А текстах не менее 6, ср., в частности, *ptāñkät ris* (254 a3), *pälkāt ratä*(*k*) (434 b5) и особенно *ayot rī* (89 b1; тексты № 89 и № 98 принадлежат к одной рукописи) «город Айодхья»: слова написаны раздельно, несмотря на наличие между ними тесной смысловой связи.

С учетом вышесказанного мы считаем целесообразным предложить для строки 98 a1 новую интерпретацию, а именно, выделяем в ней единую словоформу [*t*]*rusäṅkeñc=äṃ*. Эта словоформа должна представлять собой 3 Pl Pr A с ЭМ 3 Sg от глагола *trusk-*. Как показал Ж.-Ж. Пино [Pinault, 2002, p. 314], свидетельства существования такого глагола со значением «≈ запрягать» имеются в обоих тохарских языках. В тохарском B от этого корня образовано существительное *truskäñña* (B SI P/65 b2 b1) «упряжь, сбруя»; в тохарском А встретилось существительное *tursko* (361, 9) – по-видимому, субстантивированное PP со значением «тягловое животное». Что касается колебания *ru* ~ *ur*, оно отмечено в тохарских А словах *ṣurm* ~ *ṣrum* «причина» и *pruccamo* ~ *purccamo** «первый, лучший»; существенно, что если в слове

[4] *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).

«причина» исходным является вариант *ur* (ср. B *ṣarme*), то в слове «первый, лучший», как и в глаголе *trusk*-, – вариант *ru*: тох. A прилагательное заимствовано из тох. B *pruccamo*.

Сохранившаяся часть строки 98 a1 целиком выглядит так: //// [*t*]*rusäṅkeñcäṃ* [*mä*] *•rä* – *•y•ñc ārwar kārāśaṃ*. Если для отрезка [*mä*] *rä* – трудно предложить какую-либо убедительную конъектуру, то последующие слова естественно понимать как *y*(*i*)*ñc ārwar kārāśaṃ* «они отправляются (букв. “идут”) прямо в джунгли». Общий смысл получающейся фразы – «Они запрягают его... (и) отправляются прямо в джунгли» – представляется вполне правдоподобным (под «ним», скорее всего, подразумевается конь).

Несмотря на то что такую интерпретацию нельзя считать абсолютно надежной, она выглядит более вероятной, чем предлагавшиеся ранее. Если эта интерпретация верна, строка 98 a1 содержит первый для обоих тохарских языков пример личной формы глагола *trusk*- «≈ запрягать».

A 128+130 b3: ОТЦЫ И ПРАОТЦЫ

Как отмечено в [Siegling PK, p. 70], фрагменты A 128 и A 130 представляют собой левую и центральную части одного листа. В недавней статье Х. Огихара предпринял критическое переиздание сводного текста [Ogihara, 2017].

С учетом соединения двух фрагментов строка A 128+130 b3 предстает в следующем виде:

pälkār na(*nde*) *cem* – (–) *pañ pācri täm ne wkänyo tsopatsäṃ yātlune parnoreyo pä* //// «Посмотри, Нанда, эти ... отцы таким образом с великим могуществом и блистательностью...» (ср. с незначительными расхождениями [Ogihara, 2017, p. 200]).

Ни В. Зиглинг, ни Х. Огихара не предлагают какого-либо восполнения для лакуны между отрезками 128 b3 и 130 b3 и никак не комментируют слово, предшествующее форме *pācri* «отцы». Между тем это слово может быть восстановлено с полной надежностью благодаря следующей параллели:

⧫ *āpas pācräśśi śaśmunt slyi cam mar katkat* ⧫ (256 a4) «Это отцами и праотцами установленное правило не нарушай».

Таким образом, в строке 128+130 b3 представлена не засвидетельствованная в других текстах форма (*ā*)*pañ* N Pl от *āp** «отец, предок». Сопоставление строк 128+130 b3 и 256 a4 позволяет говорить о наличии в тохарском A устойчивого выражения *āpañ pācri* «отцы и праотцы, предки».

По мнению С. В. Малышева (устное сообщение), акшара после *cem* допускает чтение (*tñ*)[*i*] G от *tu* «ты», что позволяет полностью восстановить интересующую нас часть строки 128+130 b3 в виде *cem* (*tñ*)[*i*] (*ā*)*pañ pācri* «Эти твои отцы и праотцы...».

A 167 b6: НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭНКЛИТИКЕ *anäṣ*?

В тохарском A имеется две особых местоименных энклитики – *anac* и *anäṣ*, – первая из которых замещает дополнение в форме All, вторая – дополнение в форме Abl (см. о них в последнее время специально [Peyrot, 2017]). В употреблении этих двух энклитик имеется хорошо известная асимметрия. Форма *anac* свободно присоединяется как к комплексам вида «личная глагольная форма + энклитическое местоимение 3 Sg или Pl», так и к формам герундива (глагольного прилагательного с модальным значением), ср., например:

//// (*we*)*ñ*[*ā*]*r=äṃn anac* (95 a5) «сказали ему»;

[*w*]*eññā=mm anac* (436 b6) «сказал им»;

späntāll anac (61 a4, 169 a2) «доверять следует ему».

В то же время форма *anäṣ* во всех надежных случаях представлена только после герундива, причем фактически одного-единственного глагола – *pärsk*- «бояться», ср., например:

wsomiṃ ārṣall oki anahāl wäss oki präskāll anäṣ nāṃtsu //// (155 b3) «словно ядовитой змеи, словно яда халахала бояться следует его».

Вопрос о возможности сочетания *anäṣ* с личными глагольными формами остается открытым. На наш взгляд, в ныне известном корпусе тохарских А текстов имеется пример, дающий некоторые основания для положительного ответа.

Строка 167 b6 представлена в издании в следующем виде: //// [*lo*] – ·*eñcän tanä* //// [Sieg, Siegling, 1921, p. 87]. Такое решение выглядит спорным: тохарские А словоформы исключительно редко пишутся с одиночным *n* на конце (а если пишутся, то почти всегда раздельно с последующим словом, тогда как в строке 167 b6 использовано слитное написание); в большой рукописи № 144–211, к которой относится лист № 167, мы не обнаружили ни одного подобного примера. Между тем знаки для согласных *t* и *n* в тохарских текстах по большей части неразличимы: показательно, что левая часть строки 95 a5 (см. выше) первоначально была прочитана издателями как //// *ñ*[*ā*]*räṃ natac* [Sieg, Siegling, 1921, p. 55]. С учетом этого для строки 167 b6 кажется возможным чтение //// [*lo*] – *eñc=änn anä*(*ṣ*) ////, где ...*eñc* – окончание какой-то глагольной формы 3 Pl A, =*änn* – ЭМ 3 Sg, а *anä*(*ṣ*) – аблативная энклитика.

Если эта интерпретация верна, структура конструкции с *anäṣ* оказывается в точности такой же, что и у конструкции с *anac*. Что касается написания *nn*, удвоение конечных согласных перед *anac* и *anäṣ* является в тохарском А обязательным правилом [Бурлак, Иткин, 1999, с. 76].

К сожалению, определить, какая именно глагольная форма представлена в рассматриваемой строке, не удается. Акшара, предшествующая *ñcä*, более всего похожа на [*c*](·)*e*, что допускает, в частности, конъектуру [*c*](*k*)*eñc* 3 Pl Pr A от *täk*- «касаться»; маловероятно, однако, чтобы глагол с таким значением требовал употребления аблатива.

А 233 b5: *nasam ñci* – ПО МОДЕЛИ ТОХАРСКОГО В?

Левая половина сохранившейся части строки 233 b5 имеет следующий вид: //// *l nasam ñci* ⧫ 30. Форма *nasam* представляет собой 1 Sg Pr A глагола *nas*-/ «быть». Судя по -*l*, ей, скорее всего, предшествовала какая-то форма герундива, ср., например, *ñäkcyās* k_u*lewāsaṃ tränkñäl nasam* (144 "b"2) «к божественным женщинам я могу привязаться», где *tränkñäl* – герундив II от от *tränk*- «быть (суетно) привязанным».

Последующее *ñci*, однако, таинственно. В [Poucha, 1955, p. 114] это написание зарегистрировано со знаком вопроса; ни в каких других тохаристических работах его упоминания нам не встречались. Предположение о том, что перед нами какая-то неизвестная тохарская А лексема, маловероятно хотя бы потому, что ни в одном из тохарских языков слова не могут начинаться на *ñc*. Гипотеза об описке также не выдерживает критики, поскольку ответа на необходимый для ее обоснования вопрос «Вместо чего?» явным образом не существует.

На наш взгляд, ключом к разрешению этой загадки служат два обстоятельства. Во-первых, сочетание *nasam ñci* записано слитно. Во-вторых, лист А 233 относится к рукописи буддийской поэмы "Maitreyāvadānavyākaraṇa", текст которой обнаруживает ряд особенностей, отличающих ее от большинства, а иногда и от всех других тохарских А текстов [Itkin, 2002]. Эти особенности имеют разную природу; для нас сейчас существенно, что часть из них может объясняться влиянием тохарского В – ср. композит *tri-lkwär* «три раза» (В *lyakur*, N-Acc Pl *lykwarwa* ~ *lkwarwa* «раз») и частицу *āttsek* (В *attsaik*) [Itkin, 2002, p. 12, 15].

Между тем некоторые тохарские В рукописи (согласно концепции П. Штумпфа и М. Перо, хронологически более поздние) демонстрируют фонетическое развитие *mc* → *mñc*, ср. *nemcek* ~ *nemñcek* «конечно, точно», *camñcer* 2 Pl Pr A от *cämp*- «мочь», по-видимому, также *mcuṣke* ~ *mñcuṣke* «принц» (подробнее см. [Peyrot, 2008, p. 76–77]). Если допустить, что в тексте "Maitreyāvadānavyākaraṇa" представлено то же явление, уникальная последовательность *nasam*

ñci оказывается сочетанием глагола-связки с ЭМ 2 Sg =*ci* (безударность которого и объясняет слитное написание).

Сочетание *nasam*=*ci* в тохарских А текстах надежно не засвидетельствовано, но это, несомненно, не более чем простая случайность: ЭМ *ci* свободно сочетается с формами 1 Sg глаголов, ср. особенно *ṣem*=*ci* (99 a4), где *ṣem* – 1 Sg Ipf A от того же глагола «быть». Отметим также фрагментированное написание //// *sam ci* (429 b2): за //// *sam* вполне может стоять (*na*)*sam*.

A 310 a2: КАУЗАТИВ ОТ *musk*-?

Надежно читаемая последовательность //// *muskyantāñ* (310 a2) относится к числу совершенно неясных. И в глагольном индексе к восточнотохарской грамматике, и в тезаурусе П. Поухи эта последовательность приводится в статье глагола *musk*- «≈ исчезать, гибнуть» [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 456; Poucha, 1955, p. 230], однако ни там, ни там для нее не предлагается никакой интерпретации, а в другом месте грамматики она охарактеризована как “formell und sachlich dunkle” [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 118]. В монографии [Malzahn, 2010] эта последовательность не упомянута.

Поскольку не только никакая форма глагола *musk*- не может иметь вид ***muskyantāñ*, но и в целом существование такой тохарской А словоформы кажется маловероятным, приходится обращаться к предположению об описке. Мы предлагаем считать, что в строке 310 a2 представлена форма *musk<ṣ>antāñ* – N Pl от PPA K от *musk*-. В поддержку такого решения можно выдвинуть следующие аргументы:

- существование каузатива от глагола *musk*- удостоверяется данными тохарского B, где имеются формы 3 Sg Pr A K *muskaṣṣäṃ* и SV K *muṣṣalyñe* [Malzahn, 2010, p. 775];
- предлагаемая интерпретация хорошо соответствует содержанию текста. Лист A 310, от которого до нас дошел лишь небольшой фрагмент, относится к рукописи пьесы “Maitreyasamiti-Nāṭaka”, скорее всего, к одной из так называемых «адских глав» (“Höllenkapitel”), ср. [Pinault, 1999, p. 205]. По-видимому, он содержит перечисление адских мучений различных существ с пояснениями, за какие грехи, совершенные в прошлой жизни, эти существа их претерпевают. Так, строка a1 сохранилась в виде //// ·[*s*]*u*[*mäs*] *ku*[*rya*]*rtāñ ṣe*(*ñc*) «...они (такими-то) купцами были», где //// [*s*]*u*[*mäs*] – форма N Pl m какого-то прилагательного с суффиксом -*um*, ср. [Siegling PK, p. 166]. Синтагма *musk<ṣ>antāñ kākmärtikāñ ṣeñc* – все, что осталось от строки a2, – должна означать «...они... уничтожающими властителями были». Таким образом, она вполне структурно идентична фразе про купцов;
- знаки для подписного *y* и для *ṣ* достаточно похожи по начертанию. Заметим, что, хотя предполагаемая нами описка могла быть допущена и сама по себе, кажется более вероятным, что она возникла под пером переписчика, принявшего за *y* небрежно написанное или плохо сохранившееся *ṣ*. Реальность такого сценария косвенно подтверждается строкой 193 b2, в которой, наоборот, форма *treśālyī* N Pl от *treśāl** «дом с тремя комнатами» из-за нечетко написанного *y* первоначально была прочитана издателями как *treśāl ṣī*, см. [Sieg, Siegling, 1921, p. 96].

A 340 a2: МАЙТРЕЙЯ ПОМОГАЕТ КОТИКАРНЕ

Настоящий раздел несколько отличается от всех предыдущих. В данном случае чтение Э. Зига и В. Зиглинга едва ли могло бы быть уточнено per se: предлагаемое нами восполнение опирается в первую очередь на текст найденной в 1974 г. и опубликованной четверть века спустя рукописи тохарской А драмы “Maitreyasamiti-Nāṭaka” из Яньци, см. [Ji, Winter, Pinault, 1998].

Листы A 340 и A 341 относятся к истории, известной как “Koṭikarṇa-Avadāna” и представляющей собой рассказ о странствиях благочестивого купца по имени Котикарна. В настоящее время оба эти листа считаются утраченными, так что единственным доступным тохарским А текстом, относящимся к данной рукописи, по иронии судьбы остался маленький

неопубликованный фрагмент THT 1525, изначально представлявший собой часть того же листа, что и A 341.

Правая половина сохранившейся части строки 340 a2 имеет следующий вид: *tā*(*t*)*wsu* · *mū* ·*l* ·*ññ* [*ok*] ////. В. Зиглинг в своей личной копии издания 1921 г. внес в первое и третье слово две очевидных конъектуры: *tā*(*t*)*wsu*(*ṣ*) *mū* ·*l* ·*ññ* [*ok*](*i*) //// [Siegling PK, p. 186]. Действительно, рассматриваемая синтагма представляет собой вполне стандартный сравнительный оборот: «словно зажженные ...». Что касается слова *mū* ·*l* ·*ññ*, в копии В. Зиглинга оно снабжено выразительным знаком вопроса [Siegling PK, p. 186].

Листы A 295 и YQ-36[N.3] представляют собой две копии одного и того же текста из "Maitreyasamiti-Nāṭaka". В частности, сопоставление строк 295 a2 и YQ-36[N.3] a6 позволяет восстановить оборот *sälpmā*[*ṃ*] *murlisyo mracaṃ* «с пылающими ... на макушке» (предшествующий и последующий текст менее ясен, и мы позволим себе от него отвлечься). Нет никаких сомнений, что форма *mū* ·*l* ·*ññ* представляет собой N Pl той же лексемы, Instr Pl которой выглядит как *murlisyo*, и должна быть восстановлена в виде *mū*(*r*)*l*(*i*)*ññ*. Таким образом, все сохранившиеся буквы в строке 340 a2 были прочитаны Э. Зигом и В. Зиглингом совершенно безупречно.

Точное значение данного слова остается неизвестным; поскольку в одном случае *murliñ* называются «зажженными», а в другом – «пылающими», допустимо предполагать, что речь идет, скажем, о факелах, но это ненадежно. Неясны и его морфологические свойства. Засвидетельствованные формы мн. ч. могут соответствовать двум разным моделям:

1) атематическому типу слов с исходом основы на гласный и окончаниями N Pl *-ñ* и Acc Pl *-s*, ср., например, *ri* «город» – N Pl *riñ*, Acc Pl *ris*;

2) очень редкому типу с N Pl на *-iñ* и Acc Pl на *-is**, к которому с достаточной степенью уверенности могут быть отнесены только слова *ratäk* «войско» и *olar* «друг», ср. N Pl [*ra*]*c*[*k*]*iñ* (THT 1134 a3; идентификация и морфологическая интерпретация этой формы принадлежат М. Перо[5]), *olariñ*, Instr Pl *rackisyo*.

В первом случае форма N Sg рассматриваемой лексемы должна выглядеть как **murli*, во втором – как **muräl*.

Сокращения и условные обозначения / Abbreviations and conventions

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо
ЭМ – энклитическое местоимение
A – активный залог
Abl – аблатив
Acc – аккузатив
All – аллатив
G – генитив
Instr – инструменталис
Ipf – имперфект
K – каузатив
m – мужской род
N – номинатив
N-Acc – номинатив-аккузатив
Pl – множественное число
PP – причастие прошедшего времени
PPA – активное причастие настоящего времени
PPM – медиальное причастие настоящего времени
Pr – презенс
Pt – претерит
Sg – единственное число
SV – глагольное существительное
//// – край строки оборван
"b" – сторона листа, в [Sieg, Siegling, 1921] обозначенная как verso, но в действительности представляющая собой recto

Литература / References

Бурлак С. А., Иткин И. Б. Удвоение конечных согласных в тохарском A языке // *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика.* М., 1999. С. 73–87 [Burlak S. A., Itkin I. B. Udvoenie konechnyh soglasnyh v toharskom A iazyke // *Tipologiia i teoriia iazyka: ot opisaniia k ob''iasneniiu. K 60-letiiu A. E. Kibrika.* Moscow, 1999. P. 73–87].

[5] *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts.* URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).

Бурлак С. А., Иткин И. Б. *Yreki* et autres addenda et corrigenda-2 // *Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова*. М., 2010. С. 342–358 [Burlak S. A., Itkin I. B. *Yreki* et autres addenda et corrigenda-2 // *Issledovaniia po lingvistike i semiotike: Sbornik statei k iubileiu Viach. Vs. Ivanova*. Moscow, 2010. P. 342–358].

Иткин И. Б. Некоторые наблюдения над формами имперфекта в тохарском А языке // *Вопросы языкознания*. 2014. № 2. С. 27–45 [Itkin I. B. Nekotorye nabliudeniia nad formami imperfekta v toharskom A iazyke // *Voprosy iazykoznaniia*. 2014. 2. P. 27–45].

Burlak S. A., Itkin I. B. *„māñca-kauṃ* et autres addenda et corrigenda // *Tocharian and Indo-European Studies*. Copenhagen, 2000. Vol. 9. P. 33–36.

Couvreur W. [Рец. на: Sieg 1952] // *Orientalische Literaturzeitung*. Berlin, Leipzig, 1954. 5/6. P. 259–261.

Itkin I. B. The linguistic features of Tocharian A manuscript Maitreyāvadānavyākaraṇa // *Manuscripta Orientalia*. Saint-Petersburg, 2002. Vol. 8.3. P. 11–16.

Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China* [Transliterated, translated and annotated by ...] (Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Vol. 113). Berlin – New York, 1998.

Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden, Boston, 2010.

Ogihara H. The Mahādevasūtra Quoted in the Saundaranandacaritanāṭaka in Tocharian A // *Tokyo University Linguistic Papers*. 38. September 2017 (на яп. яз.). P. 197–219.

Peyrot M. *Variation and change in Tocharian B* (Leiden Studies in Indo-European 15). Amsterdam, New York, 2008.

Peyrot M. Slavic *onъ*, Lithuanian *anàs* and Tocharian A *anac*, *anäṣ* // Hansen B. S. S., Hyllested A., Jørgensen A. R., Kroonen G. J., Larsson J. H., Whitehead B. N., Olander T. K., Søborg T. M. (eds.). *Usque ad radices. Indo-European studies in honour of Birgit Anette Olsen*. Copenhagen, 2017. P. 633–642.

Pinault G.-J. Restitution du Maitreyasamiti-Nāṭaka en tokharien A: Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l'acte XXVI // *Tocharian and Indo-European Studies*. Vol. 8. Copenhagen, 1999. P. 189–240.

Pinault G.-J. Tokh. B *kucaññe*, A *kuciṃ* et skr. *tokharika* // *Indo-Iranian Journal*. 2002. 45. P. 311–345.

Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha, 1955.

Sieg E. Übersetzungen aus dem Tocharischen II, aus dem Nachlass hg. v. Werner Thomas (*Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrgang 1951*). Nr. 1. Berlin, 1952.

Sieg E., Siegling W. (Hrsg.). *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. *Die Texte*. Berlin, Leipzig, 1921.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik*. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.

Tamai T. The Tocharian *Ṣaḍdanta-jātaka* // *Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhology at Soka University*. Vol. XIX. Tokyo, 2016. P. 279–316.

Wilkens J. *Buddhistische Erzählungen aus dem alten Zentralasien. Edition der altuigurischen Daśakarmapathāvadānamālā*. 3 Bde. Berlin, 2016.

Wilkens J., Peyrot M. Weitere Parallelen in Tocharisch B zur altuigurischen Daśakarmapathāvadānamālā: Mahendrasena- und Ṣaḍdanta-Avadāna // *Iranica*. 2017. 25. P. 683–710.

Электронные ресурсы

Иткин И. Б., Курицына А. В. Структура предложений с абсолютивными оборотами в тохарских языках // *Тезисы доклада на международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров»-2017*. URL: http://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/itkinkuritsyna.pdf (дата обращения 25.09.2018).

CEToM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения 25.09.2018).

Richter G. C. The Tocharian A *Ṣaḍdanta-Jātaka*: The Sieg/Siegling transcription with translation and gloss. [Б/г]. URL: http://titus.uni-frankfurt.de/didact/idg/toch/tochretro.pdf (дата обращения 25.09.2018).

Siegling PK – Personal and annotated copy of [Sieg, Siegling 1921] by Wilhelm Siegling. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling, pers. copy (дата обращения 25.09.2018).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. О. ЗАХАРОВА «*ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА. КУРС ЛЕКЦИЙ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ*»

А. С. Балахванцев, С. Е. Малых[*]

В предлагаемой рецензии дана критическая оценка нового учебного пособия по истории Древнего Востока (Захаров А. О. *История Древнего Востока. Курс лекций для бакалавров направления подготовки Зарубежное регионоведение 41.03.01*. М.: Институт востоковедения РАН, НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2016. 286 с., ил., карты), подготовленного для студентов-регионоведов и имеющего востоковедную направленность.

Ключевые слова: история Древнего Востока, учебное пособие, методика преподавания в ВУЗах, бакалавриат в РФ.

REVIEW OF A. O. ZAKHAROV'S BOOK *THE HISTORY OF THE ANCIENT ORIENT. LECTURE COURSE FOR BACHELORS*

Archil S. Balakhvantsev, Svetlana E. Malykh

The review gives a critical assessment of the new textbook on the history of the Ancient Orient (Zakharov A. O. *The History of the Ancient Orient. A course of lectures for bachelors in the field of foreign studies 41.03.01*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Countries, 2016. 286 pp., ill., maps), prepared specifically for students in regional studies.

Keywords: history of the Ancient Orient, textbook, teaching methods in universities, bachelors' degree program in Russian Federation.

Любое учебное пособие, посвященное тому или иному историческому периоду, целесообразно оценивать по двум тесно связанным друг с другом критериям: насколько учебник соответствует требованиям, предъявляемым педагогическим процессом, и какова степень достоверности и непротиворечивости приводимых в работе исторических фактов.

Что касается научной составляющей курса лекций по истории Древнего Востока, следует отметить, что каждый историк, взявшийся за такой титанический труд, вынужден основываться не только и не столько на своих собственных исследованиях, сколько на результатах, полученных его предшественниками, и консультациях коллег. Иными словами, работа должна представлять собой грамотную компиляцию. К тому же, со времен Катулла Веронского (I в. до н. э.) краткое изложение огромного в хронологическом отношении материала считается весьма трудной задачей. И надо признать, что в целом А. О. Захаров со всем этим успешно справился.

[*] Арчил Савелич БАЛАХВАНЦЕВ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; balakhvantsev@gmail.com

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; balakhvantsev@gmail.com

Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

Автор намеренно отказался рассматривать в работе вопросы общественного строя, способа производства и формационной принадлежности Древнего Востока, ограничившись кратким замечанием, что в развитии человечества можно выделить общие стадии: присваивающего и производящего хозяйства. Последнее, в свою очередь, подразделяется на аграрную, индустриальную и постиндустриальную ступени развития [Захаров, 2016, с. 7]. Лаконизм автора вполне объясним, и разворачивать здесь дискуссию по теоретическим вопросам представляется неуместным. Хотелось бы все же заметить, что, разделяя вместе с А. О. Захаровым свойственное большинству серьезных ученых представление об объективно существующих стадиях (эпохах) исторического развития, мы все же не готовы солидаризироваться с теорией не названного автором по имени У. Ростоу: исторические эпохи отличаются друг от друга не тем, *что* производится, а тем, *как* (какими средствами труда) производится.

К безусловным достоинствам пособия следует отнести стремление автора познакомить читателей с различными взглядами, существующими в науке по тому или иному вопросу. Так, А. О. Захаров сообщает студентам не только о безраздельно господствующей в учебной литературе точке зрения И. М. Дьяконова на *мушкенума* как на неполноправного держателя надела на царской земле, но и о мнениях тех исследователей, которые подчеркивают неоднозначность наполнения данного термина в Законах Хаммурапи [Захаров, 2016, с. 45–46]. Вместе с тем иногда такой подход грешит излишним объективизмом. Так, говоря о двух датировках пророчеств Ипувера и Неферти [Захаров, 2016, с. 99–101], вполне можно было бы добавить, что упоминания о господстве азиатов в Египте делают более предпочтительным отнесение обоих памятников ко II Переходному периоду.

Как уже отмечалось, качество каждой главы (лекции) в значительной степени зависит от того, какие научные труды и концепции легли в ее основу. На очень высоком уровне выполнены разделы по древнейшей Месопотамии, Древнему Египту, Ближнему Востоку во II – первой половине I тыс. до н. э., посвященные державе Ахеменидов. Что касается Древней Индии, у нас есть единственное замечание – в защиту правомерности употребления названия «ведийский» период [Захаров, 2016, с. 217–218]. Поскольку основным источником наших знаний об обществе середины II – середины I тыс. до н. э. являются Веды, то этот апеллятив оправдан так же, как и «гомеровский» период в истории Древней Греции. В заключительной лекции по истории Древнего Китая рассказ о восстании «Краснобровых» только выиграет, если указать, что повстанческая армия «Краснобровых» действовала на севере страны, а отряды «Зеленого леса» боролись против императора Ван Мана на юге.

Отдельно следует остановиться на лекции «Эллинизм на Востоке», прежде всего – на разделах, посвященных государству Селевкидов, Греко-Бактрии и Парфии. В них автор отходит от проводимого в других местах принципа излагать различные точки зрения и в основном проводит концепцию Г. А. Кошеленко, сформулированную в монографии «Греческий полис на эллинистическом Востоке» [Кошеленко, 1979]. Между тем, отнюдь не все защищаемые Г. А. Кошеленко тезисы истинны. Так, понимание эллинизма как политического господства греков и македонян в странах Востока [Захаров, 2016, с. 172] вызывает возражение, как минимум, по двум обстоятельствам. Во-первых, господствующий класс на эллинистическом Востоке был полиэтничным; в него, кроме потомков завоевателей, входили представители иранской и вавилонской аристократии. Во-вторых, эллинизм появился на свет благодаря завоеваниям Александра, но можно ли сводить суть нового периода к одному завоеванию и господству? В качестве специфической особенности эллинизма скорее следует рассматривать сочетание эллинского полиса, претерпевшего серьезную эволюцию в сторону большей открытости, и восточной монархии, результатом взаимодействия которых стали значительные изменения в экономической, социально-политической и религиозно-культурной областях.

Не приходится говорить и о разрыве между Александром и Селевкидами в политике по отношению к городам [Захаров, 2016, с. 184, 193]. Отнюдь не все основанные Селевкидами города получали статус полиса. Так, например, нет никаких доказательств того, что полисом был Ай-Ханум [Захаров, 2016, с. 195]: в происходящей оттуда эпиграфике *ни разу* не упоминаются полис, его институты или магистраты. К тому же, появившиеся в державе Селевкидов полисы – в отличие от их предшественников классического времени – ни в коем случае не являлись государствами [Захаров, 2016, с. 184, 188]. Они не могли вести самостоятельную внешнюю политику и объединяться в конфедерации [Захаров, 2016, с. 188]. Гражданские коллективы полисов эпохи эллинизма включали в себя не только греко-македонян [Захаров, 2016, с. 188], но и представителей восточных народов, приобщившихся к греческому образу жизни.

Очень спорным является выделение в верхушке парфянского общества двух группировок знати, одна из которых, господствовавшая в западных областях, ориентировалась на Рим и стремилась сохранить свою самостоятельность от покушений со стороны Аршакидов, а другая (парфянская и персидская) была проникнута настроениями парфянской великодержавности [Захаров, 2016, с. 212–213]. Источники свидетельствуют, что тенденцию к сепаратизму поддерживала знать как на Западе, так и на Востоке.

Вместе с тем рецензируемая работа не свободна от фактических неточностей, которые автор, как мы надеемся, сможет легко устранить при подготовке второго издания и которые не умаляют в целом положительного впечатления от учебного пособия. Так, сатрапами Египта при Ахеменидах были только персы, а из числа египтян их никогда не назначали [Захаров, 2016, с. 120]. Хорезм – это не город [Захаров, 2016, с. 151], а область. Пелопоннесская (пишется с двумя «н») война началась без помощи Артаксеркса I [Захаров, 2016, с. 167]. Фригия находится не на Балканском полуострове [Захаров, 2016, с. 168], а в Малой Азии. Александр Македонский возил с собой не томик [Захаров, 2016, с. 173], а свиток «Илиады»: книги в виде кодексов приходят на смену свиткам только в эпоху поздней античности. Антиох I не погиб во время войны с Пергамом [Захаров, 2016, с. 186], а умер собственной смертью. Тигран II, овладев Сирией, не стал сохранять за Селевкидами царского статуса [Захаров, 2016, с. 190]. Клеопатре VII не грозила участь быть прикованной к колеснице Октавиана [Захаров, 2016, с. 203], т. к. в Риме во время триумфа пленников проводили отдельно. Арамейской графике клинопись совершенно несвойственна [Захаров, 2016, с. 211]. По данным вавилонских астрономических дневников, царь Парфии Митридат II умер не в 88/87 гг. до н. э. [Захаров, 2016, с. 211], а в 91 г. до н. э.

Что касается места данного учебного пособия в педагогическом процессе, то здесь необходимо отметить его важность в создании целостной и логичной картины истории Древнего Востока у студентов-бакалавров, специализирующихся в области зарубежного регионоведения. Удачно выбрана последовательность лекций, от древнейшей Месопотамии через Древний Египет и далее проводящая будущего востоковеда-регионоведа через основные этапы формирования древневосточных цивилизаций. Материал, собранный в лекциях, дает не только фактические сведения, которые при современном развитии информационных технологий можно посмотреть в любом электронном справочнике, не прибегая к бумажному носителю, но показывает логику генезиса древневосточных цивилизаций, их особенности, на качественном уровне различающие между собой цивилизации различных регионов Древнего Востока. Разбираемые на страницах учебного пособия проблемы могут заставить студента задуматься о проблемах человеческого общества, о закономерностях сложения и развития древневосточных государств, форм правления, политического и экономического устройства, культурных черт. Списки основной и дополнительной литературы, которым завершается каждая из восьми лекций, дает любознательному студенту возможность расширить и углубить свои знания об истории Древнего Востока, а значит, заложить базис понимания истоков исторических процессов, которые до сих пор в ряде случаев имеют влияние на экономику, политику, материальную и

духовную культуру государств Азии и северной Африки. Таким образом, данное учебное пособие отвечает требованиям современного высшего образования и государственного образовательного стандарта в области формирования у учащихся по программе бакалавриата таких компетенций как выработка системного и критического мышления и информационно-аналитического мышления, восприятие межкультурного разнообразия общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах.

В заключение еще раз подчеркнем, что прозвучавшая в рецензии критика и сделанные нами замечания не уменьшают общей высокой оценки проделанной А. О. Захаровым работы, и данный курс лекций можно считать необходимой и важной частью образования современного бакалавра-регионоведа, специализирующегося в области востоковедения.

Литература / References

Захаров А. О. *История Древнего Востока. Курс лекций для бакалавров направления подготовки Зарубежное регионоведение 41.03.01.* М., 2016 [Zakharov A. O. *Istoriia Drevnego Vostoka. Kurs lektsii dlia bakalavrov napravleniia podgotovki Zarubezhnoe regionovedenie 41.03.01.* Moscow, 2016].

Кошеленко Г. А. *Греческий полис на эллинистическом Востоке.* М., 1979 [Koshelenko G. A. *Grecheskii polis na ʽellinisticheskom Vostoke.* Moscow, 1979].

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БРАНКО БОГДАНОВИЧА «*ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И АЛБАНИИ*»

А. Д. Васильев[*]

В рецензии рассматривается книга Б. Богдановича, в которой подробно рассказывается о малоизученной теме изготовления и использования холодного оружия Османской империи и Албании. В книге не только анализируется история холодного оружия, но и дается оригинальный и интересный для отечественного читателя очерк возникновения и функционирования турецкой военной машины. Автор пытается проследить влияние изменений в военном деле на эволюцию форм и типов холодного оружия. Книга сопровождается многочисленными иллюстрациями и может являться прекрасным справочным изданием для интересующихся оружием и историей военного дела.
Ключевые слова: Османская империя, Албания, армия, холодное оружие.

REVIEW OF BRANKO BOGDANOVIC'S BOOK *MELEE WEAPONS OF OTTOMAN EMPIRE AND ALBANIA*

Alexander D. Vasiliev

The review examines the book by B. Bogdanovich which describes the poorly studied topic of making and using melee weapons in Ottoman Empire and Albania. In addition to a discussion of the history of melee weapons, the book also gives an original and interesting insight into the emergence and functioning of the Turkish military machine. The author tries to trace the effect of changes in military technology on the evolution of forms and types of melee weapons. Accompanied with numerous illustrations, it is an excellent reference for those interested in the history of weapons and military history more broadly.
Keywords: Ottoman Empire, Albania, army, melee weapons.

В 2011 г. вышла в свет изданная фондом «Русские Витязи» книга ведущего сербского специалиста в области истории оружия Бранко Богдановича, посвященная интересной, но малоизвестной теме – холодному оружию и военной организации Османской империи и Албании [Богданович, 2011]. Монография продолжает серию «Военное дело Балкан», издаваемую фондом «Русские Витязи».

Книга состоит из двух частей: «Холодное оружие Османской империи (1800–1913)» и «Холодное оружие Албании (1912–2008)». Первая часть, посвященная холодному оружию Османской империи, состоит из трех глав. Первая глава представляет собой очерк истории развития организационной структуры вооруженных сил Османской империи. Во второй главе рассматривается османское холодное оружие конца XVIII – начала XX вв. Третья глава посвящена изучению клейм на турецком холодном оружии.

Вторая часть, посвященная холодному оружию Албании, уступает первой по объему, но более детально структурирована. Она состоит из семи глав, шесть из которых посвящены истории возникновения современного албанского государства и формирования его вооруженных сил. Седьмая глава второй части посвящена холодному оружию Албании.

Структура книги, таким образом, значительно шире, чем заявленная в названии достаточно узкая тема одного лишь холодного оружия. Автор достаточно подробно описывает и анализирует структурные изменения в турецкой армии на протяжении достаточно длительного времени – с начала XV в. до начала Первой мировой войны.

[*] Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru
Alexander D. VASILIEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

И, несмотря на то что турецкая армия ранее становилась предметом интереса российской историографии [Сверчевская, с. 79–83], столь подробного очерка в отечественной литературе ранее не появлялось.

Первая глава посвящена историческому очерку развития организации и структуры регулярных вооруженных сил Османской империи в конце XVIII – начале XX вв. Б. Богданович подробно описывает состав средневекового османского войска, формировавшегося за счет вооруженных сил центрального подчинения («Капыкулу») и провинциального войска. Эффективная военная организация, созданная в XV в., позволила османским султанам расширить территорию государства, вставшего в ряд первостепенных военных держав позднего средневековья и Ренессанса. Успех имперской военной машины обеспечивали четыре основных фактора. Первый – профессионализм воинов, составлявших «ударный кулак» армии, – янычар, первоначально формировавшихся из числа немусульман – преимущественно славянских народов Балкан, лишенных корней и преданных лично султану. Подобная этно-социальная практика была не нова для мусульманского мира и стала продолжением использования воинов-гулямов в мусульманских державах средневековья. Вторым фактором можно считать большой инженерно-артиллерийский корпус, включавший артиллерийские и вооруженные стрелковым огнестрельным оружием подразделения и саперов. Высокоразвитая артиллерия вкупе с высоким уровнем мастерства осады городов давали существенное преимущество османской армии на поле боя. Третьим немаловажным фактором была развитая логистическая поддержка, осуществлявшаяся специальными подразделениями поддержки, например, «корпусом перевозчиков орудий», «корпусом водовозов» и пр. Четвертый фактор – массовость армии, которую обеспечивало «провинциальное войско», состоявшее из «поместной конницы» – привилегированного класса воинов-кавалеристов (тимарлы сипахи), благосостояние которых зависело от условных земельных пожалований султана за военную службу.

Однако постепенно военная организация Османской империи размывалась и приходила в упадок. Провинциальное ополчение начинает приобретать «сезонный» характер, который выражался в нежелании тимарлы сипахи покидать свои наделы в зимний период. Увеличивается турецкая этническая составляющая в янычарском корпусе, что приводит сначала к отказу от одной из основ янычарского корпуса – обета безбрачия, а затем – к разрешению в мирное время торговать и заниматься ремеслами и жить вне казарм. Боеспособность янычар кардинально снижается, и к началу XVIII в. они превращаются в разнородную, многочисленную, недисциплинированную и полностью неэффективную «организацию», традиционно выступающую против любых идей реформы и общественно-политических преобразований.

Провинциальные власти начинают нанимать на службу потерявших землю и обедневших крестьян, формируя из них отряды стрелков – левендов и секбанов. Надо отметить не очень удачный перевод ряда фрагментов книги Б. Богдановича. Так, на с. 11 читаем: «Как ответ на этот вызов… правительство начало рекрутировать бездельников… из Анатолии». Вероятно, имеет место не совсем корректный перевод упоминавшегося в турецких хрониках слова «ишсиз» – безработный, дословно – «человек без дела, работы». Более верно было бы перевести «бедноту и безземельных».

В начале XVIII в. появляются первые проекты реорганизации османской армии по европейским образцам. В монографии рассмотрены интересные проекты военных реформ, предложенные султану Ахмеду III Станиславом Понятовским, венгерским князем Ференцем II Ракоци и Дамадом Ибрагим-пашой Невшихрли. Большое внимание уделено деятельности миссии графа Бонневаля, прибывшего в Стамбул в 1729 г., приводятся оценки его деятельности европейскими дипломатами в столице. Со второй половины XVIII в. военные реформы в Османской империи находятся полностью в руках французских специалистов – барона де Тотта, графа де Вилля и др. Французский опыт и знания, почерпнутые османским политическим деятелем Мехмедом-эфенди Челеби во время осмотра

французских арсеналов, становятся базисом, на котором впоследствии сформировалась европеизированная турецкая армия XIX в.

Важной вехой развития османской армии становится фирман об образовании в конце XVIII в. нового войска – «Низам-и Джедид» (кстати, у автора на с. 15. и османское турецкое, и русское названия написаны не совсем верно – «Низами Джедид» и Nizam-i Cedid Asakir-i (должно быть «Низам-и Джедид и Asakir-i Nizam-i Cedid»). Султан Селим III планировал воспользоваться наступившим в 1792 г. после войны с Россией миром и провести коренную реформу армии – радикально сократить численность янычар, сформировать войска «нового строя» по европейскому образцу. Однако противниками реформ оказались провинциальные власти, улемы и аяны. Последние – местная знать, владельцы крупных земельных наделов – энергично сопротивлялись реформам центра и ко второй половине XVIII в. обладали собственными кавалерийскими и пехотными воинскими контингентами. В начале 1807 г. отряды аянов и янычар нанесли под Адрианополем поражение войскам «нового строя». По сути, это был смертный приговор султану Селиму: 29 мая 1807 г. он был свергнут, а через год убит. Однако его ближайший сподвижник, великий визирь Мустафа-паша Байрактар, собрав собственное войско, разбил мятежников, сместил султана Мустафу IV и возвел на престол султана Махмуда II. Мустафа-паша считал необходимым дальнейшее продолжение военной реформы – прежде всего на основе янычарского корпуса и начал формирование нового янычарского подразделения – Секбан-и Джедид, в котором остальные янычары видели конкурентов. В результате восстания Мустафа-паша погиб, однако, Мустафу IV восставшим восстановить во власти не удалось. По приказу Махмуда II он был убит, таким образом, оставив Махмуда единственным претендентом на престол.

Греческое восстание 1821 г. вынудило Махмуда II обратиться за помощью к наместнику Египта Мухаммеду Али, воинские контингенты которого, по-европейски обученные и вооруженные, эффективно подавили восстание. Султан Махмуд II был вынужден вернуться к идее масштабной военной реформы, которую и начал в мае 1826 г. 15 июня того же года недовольные янычары вновь попытались поднять восстание, но оно было жестоко подавлено. Опорой султана стали обученные европейцами воинские части – артиллеристы, бомбардиры, инженеры, а также сохранившие верность султану полки дворцовой охраны – «бостанджи». Уже 17 июня султан издает декрет о формировании «Победоносного мусульманского воинства», принципы комплектования и вооружения которого были заимствованы с Запада, преимущественно из Франции.

Автор детально описывает процесс формирования новых подразделений в Стамбуле, а затем в провинциях. Вместе с тем вызывает недоумение, во-первых, постоянное употребление слова «Орда» как перевода османского термина «Ordu» (например, [Богданович, с. 21, 23]), в то время как более корректным было бы употребление термина «армия» или «войско». Аналогично, лишь некорректным переводом и невнимательностью редактора можно объяснить такие порой встречающиеся фразы, как например: «В это время «бостанджи очаг» был преобразован в «Гвардейскую орду» постоянных мусульманских огородников[1]» [Богданович, с. 21]. В результате реформы было создано регулярное войско – отчасти на основе старых воинских частей, отчасти на основе найма новых рекрутов. Причем, как отмечает автор, все новобранцы должны были обладать безупречной репутацией.

Автор уделяет внимание реформе запасных воинских подразделений и формированию мобилизационного резерва, специально не затрагивавшимся в российских исследованиях османской военной системы. Интересно, что формирование запасных частей автор описывает как часть процессов централизации власти (упразднения вольницы местных властей) и реформы старого «провинциального войска». С этими процессами была связана отмена в 1831 г. тимаров – условных земельных пожалований, на которых базировалась

[1] «Бостанджи» в переводе с турецкого – садовник, огородник. Этим термином обозначались военизированные подразделения, охранявшие султанские сады.

средневековая османская военно-административная и мобилизационная система. Запасные части получили название «Редиф», использовавшееся вплоть до начала Первой мировой войны. Организация редифа вначале основывалась на принципе военно-территориальных округов, с дислокацией по месту проживания солдат. Вместе с тем остается не совсем ясным степень влияния европейской военной доктрины на формирование «Редифа».

Примечателен и раздел «Императорское (Падишахское) регулярное войско», в котором рассматривается история введения рекрутской системы комплектования армии. Введение рекрутской системы происходило вначале под влиянием английских и русских военных советников, однако впоследствии турецкое руководство по итогам знакомства с привнесенной прусскими инструкторами (прежде всего – Г. фон Мольтке) германской системой приняло за образец немецкие территориальные войска милиционного типа. Формировались шесть территориальных округов – два стамбульских (один из них гвардейский), третий в Манастире, четвертый в Сивасе, пятый в Дамаске и шестой в Багдаде. Рекруты должны были тянуть жребий, определявший, будет ли новобранец служить в регулярном войске или же в редифе. Автор приводит подробное описание процедуры жребия, как и в других случаях, сопровождая текст красочными иллюстрациями и фотографиями. Срок службы в редифе составлял семь лет, а в регулярных частях – пять.

Были реорганизованы и военные предприятия, выпускавшие новые типы холодного и огнестрельного оружия. Тем не менее в российских и османских источниках, которые автор не приводит, говорится о некачественных рецептурах пороха на турецких артиллерийских заводах.

Определенные изменения сроков службы и военной структуры произошли уже после Крымской войны. Вооруженные силы были разделены на «низам» (регулярную армию), редиф (запас) и «третий призыв». После прохождения четырехлетней воинской службы в регулярных частях рекруты вначале переводились в «ихтият» – активный резерв – на двухгодичную службу. Служба в ихтияте засчитывалась как служба в низаме. По истечении шести лет с начала призыва рекруты переводились в редиф. В редифе также состояло все остальное мужское население округа в возрасте до 32-х лет. В состав третьего призыва переводилось все мужское население в возрасте до 40 лет. Армия снова была реформирована по французскому образцу.

Новый этап военных реформ начался после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На этот раз султанское правительство обратилось за помощью к О. фон Бисмарку, который прислал офицеров германского Генштаба для реформирования турецких вооруженных сил. Автор детально описывает изменения, привнесенные немцами: более разветвленную структуру турецких вооруженных сил, изменение географии размещения военных округов в связи с потерей части территорий, введение новых единиц – военных корпусов и соответственно новых воинских званий. Возрастная граница военнообязанных была поднята до 45 лет. Особое внимание было уделено формированию крепостной артиллерии, саперов и обозных частей. Модель функционирования пехотных частей была перенесена на кавалерийские части. Отдельно была сформирована жандармерия, хотя автор лишь упоминает об этом и об ее функциях не сообщает. Реформа, на первый взгляд, почти не изменила количество войск, однако сделала военную организацию Османской империи более пригодной к требованиям времени.

Значительный объем Первой главы монографии Богдановича посвящен истории формирования и использования иррегулярных сил. Иррегулярные, прежде всего, кавалерийские части были важной составляющей турецких воинских контингентов. Эта часть книги будет особенно интересна российскому читателю, поскольку внимание в ней уделяется попыткам использовать в османской армии выходцев из Российской империи – казаков и черкесов. Автор пытается отметить основные вехи переселения народов Крыма и Северного Кавказа на территорию Османской империи, однако не приводит ссылок на первоисточники (например, [Богданович, с. 36]). К сожалению, автор использует не вполне верный термин

«махаджири» – «переселенцы», тогда как правильнее будет «мухаджири» (Богданович, с. 36 и далее). Богданович детально рассматривает функционирование сформированных из числа переселенцев с Северного Кавказа воинских подразделений. Интересно, что все прибывшие в Османскую империю уроженцы Северного Кавказа в глазах местного населения обозначались собирательным этнонимом «черкес». Некоторые приведенные автором данные, однако, нуждаются в дополнении. Так, указанный им генерал Муса Кундух [Богданович, с. 36] – не кто иной, как Муса Кундухов, биография которого хорошо известна отечественным кавказоведам. Тем не менее автор монографии неверно указывает его годы жизни (указано 1867–1933, в то время как М. Кундухов участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и никак не мог родиться в 1867 г.; верные даты жизни и смерти: 1818–1889). По словам автора, османское правительство предоставило «черкесам» хорошее вооружение, хотя, по-видимому, общий опыт участия данных воинских частей в русско-турецкой войне 1877–1877 гг. был неудачным.

Автор рассматривает и историю попыток османских властей сформировать иррегулярные воинские части из некрасовцев и части запорожских казаков, переселившихся на территорию Придунавья. Формированию эффективной военной структуры помешала вражда некрасовцев и запорожцев, перераставшая во взаимные вооруженные набеги. Община некрасовцев, принимавшая в свой состав также «русских мужиков» – староверов, быстро росла, и часть ее переселилась в Добруджу и на территорию Малой Азии. Запорожские казаки участвовали в русско-турецких войнах 1806–1812 гг., принимали участие в походах против сербов (1804–1815) и греков (1821). Однако переход на сторону русских в ходе войны 1828–1829 гг. привел к ликвидации турками запорожской общины.

Автор уделяет большое внимание формированию в составе турецкой армии полков «оттоманских» и «султанских» казаков. Как правило, в состав данных воинских формирований входили выходцы из Польши и Венгрии, бежавшие в Османскую империю. В середине XIX в. Стамбул стал одним из центров польской политической эмиграции, а Крымская война возродила ее надежды на восстановление независимости Польши. Но планам создания отдельного польско-турецкого контингента не суждено было сбыться, и формировавшийся почти исключительно из числа этнических поляков полк легкой кавалерии был расформирован, так и не успев принять участия в Крымской войне. Еще один интересный рассмотренный эпизод – попытка англичан сформировать в Османской империи аналог индийской колониальной кавалерии под командованием английских офицеров («всадники Битсона»), также закончившаяся провалом.

Большое внимание автор уделяет формированию полков иррегулярной кавалерии – Хамидие. Идея формирования иррегулярной кавалерии возникла после знакомства османского правительства с организацией казачьего войска и его функциями. Как убедительно показывает автор, турки не оставляли попыток организовать османский аналог казачьего войска. Последним подобным опытом стали полки Хамидие, в которые должны были войти курдские племенные ополчения, а также некоторые тюркские кочевые племена Малой Азии – например, терекеминцы-карапапахи и туркмены. Опыт оказался неудачным ввиду низкой дисциплины и боеспособности этих формирований. Младотурки после прихода к власти расформировали часть полков Хамидие в Сирии, сохранив их в Восточной Анатолии.

Автор не обходит стороной и функционирование военно-морского флота, хотя тема книги и не подразумевает отдельное рассмотрение этого вопроса. Историю турецких ВМС автор отсчитывает от 1866 г., когда «было создано морское министерство» [Богданович, с. 46]. К сожалению, далее в тексте возникает путаница, и автор не упоминает о таком османском учреждении, как «Терсане-и Амире» («Государевы верфи»), активно функционировавшем в XVIII – первой половине XIX вв. и связанным, помимо непосредственно кораблестроения, с вооружением флота. Симпатия султана Абдулазиза к флоту и планы восстановить османскую власть в Крыму благодаря господству на море способствовали появлению к середине 1870-х

гг. многочисленного броненосного флота, однако после прихода к власти не любившего флот Абдулхамида II ВМС пришли в упадок. Только младотурки уже накануне Первой мировой войны инициировали крупномасштабную программу строительства современных броненосных кораблей, так и не завершенную к началу боевых действий (к слову, в текст вкралась досадная опечатка – на с. 47 неправильно указано имя султана – Махмуд Решад (правильно – Мехмед), хотя в скобках далее дан правильный латинский вариант).

Большой раздел работы посвящен собственно холодному оружию Османской империи, фигурирующему в названии. На многочисленных примерах автор демонстрирует эволюцию османского холодного оружия, которое менялось вслед за развитием военного дела и технологий в Европе. Вплоть до середины – второй половины XVIII в. отличительной чертой османского вооружения была его архаичность. Османское общество даже и в более поздний период до середины XIX в. достаточно болезненно воспринимало использование и заимствование европейских новаций в военном деле, европеизацию военных технологий и реформы армии по европейским образцам.

Еще одной отличительной чертой османского военного дела стал упадок национального «военно-промышленного комплекса», если можно так назвать производство оружия в XIX в. Производство традиционных видов оружия, особенно холодного, постепенно приходило в упадок и не могло удовлетворить потребностей пореформенной османской армии. Казенные заводы по производству оружия в стамбульском пригороде Зейтинбурну не могли обеспечить производства оружия и боеприпасов в нужных количествах. Кустарное производство традиционных для турецких воинов кылычей (в российской литературе и культуре они известны под именем «ятаган» – по названию места изготовления) сохранялось до конца XIX в., обеспечивая холодным оружием иррегулярные воинские части. Вместе с тем в течение XIX в. регулярная армия практически полностью перешла на западные образцы холодного и стрелкового оружия. Основными поставщиками выступали САСШ, Германия и Франция. Если из Америки поступали в основном ружья со штыками, то из Германии и Франции, кроме огнестрельного, шел и поток холодного оружия. Основными изготовителями клинков были мануфактуры Клигенталь (Страсбург) и Золинген. Безусловным достоинством книги является большое количество иллюстраций разнообразных образцов холодного оружия османской армии. Представлены фотографии парадных и боевых сабель, шашек, кинжалов, тесаков из коллекций Младена Вукича, Томислава Аралица (оба – Загреб), Исторического музея Сербии, Военного музея (Белград), Музея Республики Сербской (Баня-Лука), Национального военного музея (Бухарест) и др. Интересно, что часть иллюстраций репродуцирует османское холодное оружие, хранящееся в фондах Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). Также в книге присутствует множество иллюстраций из труда Махмуда Шевкет-паши «Османлы Тешкилят ве Кыяфет-и Аскериеси» («Османская военная организация и униформа») – униформа и знаки различия османских воинских частей, а также штатное холодное оружие младшего, старшего и высшего офицерства.

Отдельно рассматриваются автором клейма на османском оружии. Автор классифицирует клейма как османские, с тугрой султана; европейских производителей; европейских производителей, переведенные на османский язык, а также клейма продавцов или торговых фирм в Стамбуле, которые перепродавали холодное оружие в Османской империи. Интересно, что часто в виде клейм на холодном оружии могли использоваться неофициальные символы имперской власти – неутвержденные официально формы звезды и полумесяца или османского герба.

Вторая часть книги посвящена холодному оружию Албании. Однако шесть из семи глав данной части повествуют об истории становления и формирования албанских вооруженных сил. Лишь последняя глава, достаточно небольшая по объему, непосредственно рассказывает об оружии албанской армии, причем периода обретения независимости в 1920-е гг., хотя автором заявлен обширный хронологический период с 1912

по 2008 гг. Основное внимание автор уделяет, видимо, изучению холодного оружия и военной организации Османской империи и лишь затем территориально близкой и политически актуальной Албании. Несмотря на явное доминирование османского материала, читателю будет интересна и вторая часть книги, хотя бы потому, что автор повествует об участии бывших белых офицеров в военно-политическом строительстве и политической жизни Албании в межвоенный период и в годы Второй мировой войны.

К сожалению, автор лишь вскользь упоминает о трагических событиях конца прошлого, XX в., и о роли албанской армии в событиях в Косове. Вероятно, что часть арсеналов албанской армии в ходе ее развала после 1997 г. попала в руки косовских боевиков. В завершении главы автор оптимистично оценивает состояние албанских вооруженных сил на современном этапе, отмечая положительную роль западных инструкторов и западной военной помощи, способствовавших укреплению новых албанских вооруженных сил. Не совсем ясно, почему автор выбрал верхней хронологической границей исследования холодного оружия Албании 2008 г.: о холодном оружии и его роли в албанской армии после Второй мировой войны практически ничего не говорится.

Как показал автор, выбор оружия, в частности, холодного, был тесно связан с внешней политикой, целеполаганием и стратегическими ориентирами политических режимов Албании и Турции. Но если в Османской империи правительство при всех недостатках стремилось соблюдать баланс функциональности, экономичности и заимствовать лучшие образцы западного вооружения и военной технологии, то власти Албании в конце 1930-х гг. в силу множества факторов всецело зависели от поставок из Италии. Ситуация не изменилась в обеих странах и на рубеже XX–XXI вв. Вероятно, Вторая мировая война и последовавшие войны и конфликты свели к минимуму роль холодного оружия, хотя и совсем не отменили его использования. В целом, книга Б. Богдановича – прекрасный образец хорошо иллюстрированного, фундированного и интересного исследования, которое успешно продолжает серию книг «Военное дело Балканских стран», изданных Фондом «Русские витязи». Книга будет интересна всем интересующимся военным делом балканских народов, а также, несомненно, представит интерес для коллекционеров и историков военного дела.

Литература / References

Богданович Б. *Холодное оружие Османской империи и Албании.* Перевод А. В. Аверьянова М., 2011 [Bogdanovic B. *Holodnoe oruzhie Osmanskoy imperii i Albanii.* Translated by A. V. Averianov. Moscow, 2011]

Сверчевская А. К. *Библиография Турции.* М., 1982 [Sverchevskaya A. K. *Bibliografiia Turtsii.* M., 1982].

ЭПОХА ИМПЕРИЙ. ВОСТОЧНЫЙ ИРАН ОТ АХЕМЕНИДОВ ДО САСАНИДОВ: ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

А. С. Балахванцев[*]

В статье дан обзор международной научной конференции «Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура», посвященной памяти выдающегося исследователя Средней Азии Б. А. Литвинского, приуроченной к 95-летию со дня его рождения и проводившейся Институтом востоковедения РАН совместно с Государственным музеем Востока 16–18 апреля 2018 г.

Ключевые слова: Средняя Азия, Восточный Иран, история, археология, Ахемениды, Сасаниды.

AGE OF EMPIRES. EASTERN IRAN FROM ACHAEMENIDS TO SASANIANS: HISTORY, ARCHEOLOGY, CULTURE

Archil S. Balakhvantsev

The article provides an overview of the international scientific conference “Age of Empires. Eastern Iran from Achaemenids to Sasanians: History, Archeology, Culture”, dedicated to the memory of the prominent researcher of Central Asia Boris A. Litvinsky, scheduled on the 95th anniversary of his birth and held by the Institute of Oriental Studies RAS in cooperation with the State Museum of Oriental Art in April 16–18, 2018.

Keywords: Central Asia, Eastern Iran, history, archeology, Achaemenids, Sasanians.

16–18 апреля 2018 г. Институт востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН) совместно с Государственным музеем Востока (ГМВ) провели международную научную конференцию «Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура», посвященную памяти выдающегося исследователя Средней Азии академика АН Таджикистана, член-корреспондента Германского Археологического Института, член-корреспондента Итальянского Института Африки и Востока, иностранного члена Академии Национале дей Линчей (Италия) Б. А. Литвинского и приуроченную к 95-летию со дня его рождения.

В работе конференции приняло участие 30 ученых из 20 академических институтов, университетов и музеев России, Казахстана, Киргизии, Ирана, Польши, Чехии, Германии и Италии.

Открывая конференцию, ответственный секретарь Оргкомитета *А. С. Балахванцев* напомнил собравшимся об основных вехах жизненного пути Б. А. Литвинского: участие в Великой Отечественной войне, работа в Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (раскопки на Старой Нисе, в Дахистане, Намазга-тепе), руководство археологическими раскопками на территории Таджикской ССР (поселения бронзового века в Кайрак-Кумах, сакские курганы на Памире, буддийский культовый центр Аджина-Тепа [Литвинский, Земаль, 2010] и античный город Саксанохур), участие в исследованиях на городище Ай-Ханум (Афганистан), переход на работу в Москву в 1971 г. (ИВ АН СССР) и создание совместно с Государственным Эрмитажем и Институтом истории АН Таджикской ССР Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (раскопки раннесредневекового

[*] Арчил Савелич БАЛАХВАНЦЕВ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; balakhvantsev@gmail.com

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; balakhvantsev@gmail.com

городища Калаи-Кафирниган, кушанского города Тепаи-Шах и эллинистического храма Окса на городище Тахти-Сангин [Литвинский, Пичикян, 2000, Литвинский 2001; 2010]).

На утреннем заседании (председатель А. С. Балахванцев) было заслушано шесть докладов. *А. С. Балахванцев* (ИВ РАН), *Р. С. Минасян* (Государственный Эрмитаж), *С. А. Рузанова* (ГИМ) и *О. И. Фризен* (ГМВ) проинформировали участников и гостей конференции о новых находках ахеменидских импортов на Южном Урале (серебряная обкладка ножки ложа или трона, части тулова серебряного сосуда, инкрустированного узкими полосками золотой фольги, и пара золотых омеговидных браслетов) и предварительных результатах их изучения.

Доклад *А. С. Балахванцева* (ИВ РАН) и *Я. А. Лукпановой* (ЗКОЦИА, Уральск) «Ахеменидские браслеты из Таксая (Западный Казахстан)» был посвящен уникальной находке – двум золотым омеговидным браслетам, каждый из концов которых оформлен в виде головы фантастического хищника, впившегося в затылок бычка. Учитывая имеющиеся аналогии и исторический контекст находки, браслеты можно датировать первой половиной V в. до н. э.

В докладе *С. С. Иванова* (Кыргызский национальный университет, Бишкек) была предпринята попытка проследить эволюцию отношений кочевых объединений Средней Азии с Ахеменидами, Александром Македонским и Селевкидами. Однако зачастую предлагаемые автором решения (дахи, выступающие в качестве младших союзников Бесса и Александра, а затем – наемниками у Селевкидов на рубеже IV и III вв. до н.э.) вызывают серьезные сомнения в их истинности, т. к. основаны на довольно спорных трактовках письменных источников.

О. В. Двуреченский (ИА РАН) в докладе «Железные наконечники стрел конца IV–II вв. до н. э. с бактрийской крепости Узундара» сообщил, что за пять лет археологических исследований данного объекта был получен комплекс вооружения, включающий свыше трехсот наконечников стрел, более двухсот каменных ядер пращи, серию наконечников дротиков и втоков от них, а также несколько фрагментов бронзовых и железных панцирных пластин. Вся серия предметов вооружения и конского снаряжения может быть разделена на две группы по характеру обнаружения. Первая группа происходит непосредственно из слоев цитадели крепости и имеет четкую стратиграфическую и планиграфическую привязку. Вторая группа получена в ходе планшетных сборов подъемного материала за пределами крепостных стен и в их развалах.

Всего из слоев цитадели происходит 112 железных наконечников стрел, датируемых серединой III–II вв. до н. э. На сегодняшний день ни один наконечник мелких железных стрел не зафиксирован в слоях времени возведения крепости в эпоху Антиоха I. Всего в типологию узундарьинских железных наконечников стрел было включено 214 образцов с выраженными массо-размерными и морфологическими показателями. Из них выделено три группы по сечению пера, в рамках которых фиксируется серия устойчивых типов и вариантов. Примечательно, что так называемые крупные трехлопастные железные наконечники стрел представлены всего десятью экземплярами и датируются кушано-юэджийским временем, когда сама крепость приходит в запустение. Таким образом, серия узундарьинских железных наконечников стрел впервые демонстрирует столь хорошо датированный развитый комплекс, который позволяет рассматривать его как эталонный.

В докладе *Д. А. Топала* (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова) «Ахеменидские бутероли и эволюция скифских наконечников ножен» рассматривается проблема происхождения акинака. Проанализированный автором материал свидетельствует о значительном передневосточном влиянии на форму бутеролей скифских ножен.

Доклад иранской исследовательницы *Л. Асгари* (ИЯ РАН) был посвящен изучению символики пальмы на ахеменидских рельефах и печатях. В Древнем Иране некоторые растения имели особое значение и рассматривались как священные. Растительные символы были широко распространены в ахеменидском искусстве. Понимание происхождения этих

символических элементов и выявление их значения в других культурах поможет, по мнению автора, прояснить их роль в искусстве Ахеменидов.

В дневном заседании (председатель С. Б. Болелов) было заслушано шесть докладов. *П. В. Башарин* (РГГУ) посвятил свой доклад проблемам генезиса и вопросам типологии зороастрийского брака. Одним из наиболее примечательных для зороастрийских семейных отношений является кровнородственный брак *xwēdōdah* (авест. *x̌ᵛaētuuadaθa*). Характерно, что ни в общеиндоевропейской, ни в наиболее близкой иранской, индоарийской системе родства, как на текстологическом, так и на языковом материале ничего подобного институту *xwēdōdah* не прослеживается. Однако обычай женитьбы царя на близкой родственнице (сестре, дочери, матери) был знаком древнему Ближнему Востоку как особый сакральный институт. Именно в иранском обществе этот вид царского брака, на который получалась высшая религиозная санкция, продержался наиболее долго.

В совместном докладе российской исследовательницы *С. П. Виноградовой* и ее иранского коллеги *С. Х. Мусавиана* (ИЯ РАН) «К истории типологии и стратиграфии концепта СВЯТОСТЬ (Восточный Иран эпохи империй)» исследуется одно из фундаментальных понятий зороастрийского вероучения, представленного в Авесте. По В. Н. Топорову, авестийское spənta- ‘святой’ является балто-славянско-индо-иранской лексической изоглоссой, с восстанавливаемым и.-е. этимоном. Вместе с тем, эта авестийская лексема в других иранских языках различных периодов практически не засвидетельствована. За пределами мусульманской парадигмы и вне связи с ней в современных иранских языках (за исключением зороастрийского дари) концепт «святость» не представлен. Анализ исторической эволюции этого авестийского концепта как в плане выражения, так и в плане содержания, а также анализ лексики концептуального поля «святость» в пехлеви, парфянском, согдийском, хорезмийском, хотано-саксом и др. иранских языках может дать более четкое представление о временных или ареальных контурах распространения зороастризма на востоке иранского мира эпохи империй.

Е. К. Молчанова (ИЯ РАН) и *М. Б. Мейтарчиян* (ИВ РАН) в докладе «Демонические образы в древней иранской мифологии» проследили этимологию лексемы pari (ир.*parīkā-, авест. pairikā- «колдунья, чародейка», среднеперс. parīg id., классич. перс. parī id., но и «ангел»), а также изменение или сохранение семантики этого слова в древних и новоиранских языках и сферу его употребления. Вместе с тем анализируется демонический персонаж ир. *dai̯a-, др-перс. daiva- «идол, кумир, демон», авест. daēva- «демон», среднеперс., классич. перс. dēv id., но ср. индоевроп. *dei̯o-s «бог, небожитель», древнеинд. dēvá- «бог». С традициями иранской мифологии, возможно, связаны представления о демонском персонаже Албасты, широко распространенные в Средней и Центральной Азии, на Кавказе и в Турции. Высказано предположение, что образ Албасты формировался в эпоху древнейших контактов индоевропейской и семитской этнических общностей.

В докладе профессора Тегеранского университета *М. Джаафари-Дехаги* рассматриваются две системы деления суток в Древнем Иране в соответствии с Авестой. Зароастрийская религия знает две системы деления суток: в первой, используемой в религиозных ритуалах, сутки состояли из пяти частей. Во второй системе, упоминаемой в авестийско-пехлевийском словаре «Фраханг-и оим», сутки состояли из дня и ночи, причем первый делился на две части, а вторая – на четыре. Докладчик, опираясь на главу о Гахах в «Нирангестане», дает детальное объяснение обеих систем.

С. Б. Болелов (ГМВ) в докладе о первых земледельцах в низовьях Сырдарьи рассмотрел вопрос о формировании чирикрабатской археологической культуры. Она возникает не позднее конца V – начала IV вв. до н. э., причем ее создателями, как можно судить на основании археологических и антропологических данных, были потомки среднеазиатских скифов (саков). В области среднего и нижнего течения Жаныдарьи – основного дельтового русла Сырдарьи в это время – выявлены сложные ирригационные сооружения, более двух сотен крупных неукрепленных сельских поселений, монументальные погребальные

постройки, несколько крупных укрепленных городищ и крепостей. Все чирикрабатские поселения базировались на каналах, выведенных из дельтовых протоков. Выделяются два раннегородских центра Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первый считается крупным, возможно, племенным культовым центром, убежищем и резиденцией вождей; второй – памятник городского типа, урбанистические черты которого выражены в правильной квадратной планировке цитадели с привратным сооружением – «донжоном», окруженном крепостной стеной шахристане и обширной сельскохозяйственной округе. В окрестностях городища зафиксированы многочисленные следы различных ремесленных производств. Особый интерес представляет крупный гончарный производственный центр, который расположен в 5 км к югу от центра земледельческого оазиса.

Чирикрабатская археологическая культура сформировалась на местной основе не без участия более развитых в экономическом и культурном аспекте древнеземледельческих культур Средней Азии. На раннем этапе становления культуры (конец V–IV вв. до н. э.) фиксируется мощный культурный импульс из Хорезма, где к тому времени начинает формироваться раннее государственное образование. На более позднем этапе существования культуры (III–II вв. до н. э.) можно говорить о довольно устойчивом и длительном влиянии эллинизированных областей Средней Азии, прежде всего, Согда, в меньшей степени – Бактрии.

Доклад *Е. О. Стоянова* (СПбГУ) посвящен вопросу об историчности и возможной локализации бактрийского города Кариат, упомянутого только у Страбона (Strab. XI. 11. 4). В докладе были поочередно рассмотрены следующие аспекты проблемы: состояние рукописной традиции и выбор конъектуры, корректность интерпретации, происхождение свидетельства, а также представлена оценка предложенных гипотез.

В утреннем заседании (председатель Н. Д. Двуреченская) второго дня работы конференции было заслушано шесть докладов. В докладе *Н. Д. Двуреченской* (ИА РАН) рассматривается вопрос о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху. Многолетние археологические исследования, давшие обширный материал по материальной культуре, привели ученых к мнению о историко-культурном единстве древнего населения по обе стороны реки Окс (Амударья), начиная с эпохи Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) и включая период Кушанской империи. Тем не менее для окончательного решения вопроса о северных границах Бактрии этого оказалось недостаточно. Так, появилось мнение о наличии административных или политических границ, которые могли не совпадать с историко-культурными. Решение проблемы чрезвычайно осложнялось также фактом отсутствия исследованных на широкой площади памятников эллинистической эпохи в правобережье Амударьи, и всего одним раскопанным памятником на левом берегу (Ай-Ханум). Однако за последнее десятилетие ситуация на территориях к северу от реки принципиально изменилась. В частности, на юге республики Узбекистан были открыты и исследованы раннеэлинистические слои и объекты на городище Кампыртепа, был обнаружен и полностью раскопан форт Курганзол. На северо-западной границе Сурхандарьинской области в горах Байсуна в 2013 г. были начаты стационарные исследования крепости Узундара. Здесь же, помимо ранее открытой крепостной стены Дарбанд, была зафиксирована серия фортификационных сооружений, очевидно, объединенных с крепостью Узундара единым стратегическим замыслом.

Узундара – каменная крепость в горах Байсуна, построенная на горе Сусизтаг на высоте 1700 м над уровнем моря в раннеэллинистический период, имеет мощные фортификационные укрепления в виде двойных крепостных стен с внутренней галереей, усилена тринадцатью башнями и отрезками выносных стен общей протяженностью до одного километра. Она блокировала сквозной проход через одноименное ущелье, что позволяло предотвратить внезапное нападение кочевников со стороны каршинских степей, в обход пограничной стены Дарбанд. В полевой сезон 2017 г. археологические раскопки на крепости Узундара завершились практически полным вскрытием ее цитадели. Впервые

получен план восточно-эллинистической крепости, архитектурный план цитадели, обширный корпус индивидуальных находок, прекрасной сохранности объемный нумизматический комплекс и массовый керамический материал. Узундара была пограничной крепостью, являвшейся основным узлом в протянувшейся на многие десятки километров разветвленной фортификационной системе защиты северных границ земледельческих оазисов древней Бактрии от набегов кочевников. Таким образом, новые данные позволяют провести северные границы Бактрии по Гиссарскому хребту и Байсунским горам.

Дж. Мареска (Неапольский Восточный университет, Италия) представил доклад «Эллинистическая Дрангиана: исторические источники, поселения и материальная культура». Исследователи согласны в том, что первое эпиграфическое упоминание территории вокруг озера Хамун и нижнего течения Гильменда (современный Систан) содержится в Бехистунской надписи Дария I. В древнеперсидской версии надписи имя страны и ее обитателей передается как Зранка (*Zrankа*). В античных источниках данный регион в период правления Ахеменидов и Селевкидов обычно именуется Дрангианой. Хотя классические источники свидетельствуют об историческом значении эллинистической Дрангианы, археологические свидетельства для периода после македонского завоевания остаются трудно уловимыми. В докладе приводится оценка последних данных, полученных в ходе иранских и итальянских раскопок, касающихся Дрангианы эллинистического периода, с тем, чтобы представить более детальную картину ее материальной культуры и поселенческой структуры.

А. В. Омельченко (Государственный Эрмитаж) в докладе «Находки оружия сарматского типа в Пайкенде» ознакомил собравшихся с новыми открытиями совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и Института археологии АН Узбекистана, которая с 1981 г. ведет раскопки на городище Пайкенд на юго-западе Бухарского оазиса. В ходе исследований укреплений цитадели и расположенного в ней храма огня находили отдельные предметы оружия и амуниции, схожие с теми, что известны по раскопкам курганов сарматских племен как в самой Средней Азии, так и за ее пределами. Число этих изделий в Пайкенде увеличилось на порядок после обнаружения клада в 1999 г., причем – определенно в раннесредневековом контексте. Раскопки на цитадели 2012–2017 гг. дали новые многочисленные находки сарматского вооружения. В северном стрелковом коридоре они были сконцентрированы на участке, связанном с кузнечным делом (были обнаружены печь и остатки производства). В южном обводном коридоре один новый комплекс находок, по всей вероятности, являлся продолжением «клада» 1999 г. Как и в первом случае, древние вещи были перенесены на место сокрытия после нескольких столетий нахождения в «арсенале» (храмовой сокровищнице?) Пайкенда. Второй комплекс происходит из ям-ботросов, устроенных в значительно более раннем стратиграфическом горизонте, видимо, первых веков н. э. Он включал целые и фрагментированные железные меч, кинжалы, ножи, наконечники стрел и копья, панцирные пластины, умбон щита (?), части поясных наборов, перстни, бронзовые бляшки (некоторые обтянуты серебряной фольгой), костяные накладки на лук, фрагменты колчанов, остатки крашеной кожи и другие изделия. Ряд предметов из железа покрывали аппликации из золотой фольги, а у некоторых бронзовых изделий отмечена инкрустация бирюзой. Уникальной находкой является золотая литая полая бляшка-пуговица с изображением свернувшегося грифона.

Доклад *С. В. Смирнова* (ИВИ РАН) «Некоторые особенности иконографии раннеселевкидских монет из Средней Азии» посвящен анализу иконографии монетных выпусков, отчеканенных на среднеазиатских монетных дворах в правление первых двух правителей династии Селевкидов. Автор рассматривает процесс формирования единой государственной символики как неотъемлемую часть процесса становления царской идеологии. Представленный им среднеазиатский нумизматический материал демонстрирует ряд уникальных особенностей, связанных не только с иконографическими традициями региона, но и с традиционными идеологическими конструктами. Однако серьезным

недостатком доклада является отсутствие в нем даже попытки сопоставить раннеселевкидский чекан с доселевкидскими монетными выпусками Бактрии.

К. Д. Камышев (Пермский государственный национальный исследовательский университет) в своем докладе остановился на роли выходцев из восточного Ирана в развитии римско-иранского пограничья в I в. до н. э. – I в. н. э. На тесную связь буферного пространства на западе и востоке Ирана эпохи Аршакидов указывает ситуация, связанная с борьбой Митридата III и Орода II. Каждый из кандидатов в качестве опоры привлекает пограничные племена, проживающие на востоке империи: Митридат – сакарауков со среднего течения Амударьи, Ород – род Сурены, связанный с саками. Некоторую общность буферных пограничных политических образований на границе Аршакидского Ирана также демонстрирует ситуация с Абдагезом, будущим индо-парфянским царем, который сумел проявить себя как на римско-иранском, так и на индо-парфянском пограничьях. Будучи племянником индо-парфянского царя Гондофара, Абдагез со своим сыном Синнаком находился при Аршакидском дворе и участвовал в смуте, конечной целью которой являлось установление власти римского ставленника Тиридата III в 35–36 гг. н. э. По всей видимости, затем он был вынужден бежать на Восток и утвердился в Гандхаре как пропарфянский правитель. По поводу последнего предположения следует заметить, что оно основано лишь на сходстве имен индо-парфянского царя Абдагеза и сторонника Тиридата.

В дневном заседании (председатель П. Б. Лурье) было заслушано шесть докладов. Доклад польского исследователя *П. Скупниевича* (Университет Седльце) был посвящен атрибуции рельефа из Раг-и Биби (Афганистан) с изображениями всадников, охотящихся на носорогов. Из-за сходства изображения конской сбруи рельеф был отнесен к правлению Шапура I и стал рассматриваться как убедительное свидетельство его завоеваний на Востоке. Докладчик обратил внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, Раг-и Биби – единственный скальный рельеф, который изображал царскую охоту по формуле, происходящей из эллинистического искусства. Единственный сасанидский рельеф, показывающий царскую охоту, расположен на боковых стенках грота Так-и Бостана и представляет совершенно другую вариацию данной темы. Во-вторых, изображения Раг-и Биби выполнены в высоком рельефе и являются почти трехмерными. В сасанидском искусстве такая особенность встречается только в Так-и Бостане и единственной скульптуре Шапура в Керманшахе. Это – уникальная черта среди всех иранских рельефов. В-третьих, если снаряжение лучника, изображенное в Раг-и Биби, должно относиться к иранскому искусству, оно будет принадлежать парфянскому периоду. В-четвертых, лошади в Раг-и Биби показаны с задними ногами, не отрывающимися от земли, в то время как галоп в монументальном сасанидском искусстве, начиная с Фирузабада, является полной стилизацией «летящего». Все эти признаки позволяют датировать рельеф в Раг-и Биби скорее аршакидским, чем сасанидским временем. Отличие рельефа в Раг-и Биби от парфянских может быть объяснено существованием в данном регионе живой традиции эллинистической скульптуры (Халчаян). Хотя Раг-и Биби расположено слишком далеко от пределов Индо-Парфянского царства, рельеф скорее может свидетельствовать о распространении эстетических тенденций, чем о каких-то политических событиях.

Л. Станчо (Карлов университет, Прага) в докладе «Как долга была стопа Канишки: система единиц измерения в Кушанской империи» остановился на вопросе о мерах длины, применявшихся в кушанской Бактрии. Археологическое изучение кушанской Бактрии и соседних регионов свидетельствуют о быстром росте населения, строительстве сложных систем орошения и водоснабжения, а также о создании или расширении как городов, так и сельских поселений. Процесс урбанизации в беспрецедентных масштабах требовал не только высокой степени организационных навыков элиты и иерархии общества, позволяющей управлять всеми этими предприятиями, но и наличия необходимого инструмента – общепринятых единиц измерения. Кушаны, которые являлись потомками кочевников-юэджей, не имели своей системы единиц измерения, поэтому были вынуждены принять одну

из существующих. При этом они были удивительно последовательными в их использовании. Археологические источники свидетельствуют, что структура поселений кушанской Бактрии, как представляется, также сильно зависит от систематического использования единиц измерения.

Независимый исследователь *Е. Б. Мирзоев* (Москва) в своем докладе поставил вопрос о времени и масштабах восточных завоеваний первых царей династии Сасанидов. Отрывочные и противоречивые данные письменных источников не позволяют восстановить целостную картину политики Ардашира I и Шапура I на территориях Афганистана и Пакистана. В центре внимания докладчика находятся следующие проблемы: во-первых, какие именно территории к востоку от Ирана оказались под властью Сасанидов в середине – второй половине III в. н. э.? Во-вторых, с деятельностью кого из двух первых шаханшахов следует связывать распространение власти персов на бывшие кушанские владения? В-третьих, каков был статус восточных владений Сасанидов в III в. н. э.? Анализ данных разнообразных письменных источников позволяет сделать вывод о том, что утверждение власти Сасанидов в Афганистане и Пакистане произошло в правление шаханшаха Шапура I. Эти данные позволяют считать, что подчинение бывших кушанских владений стало результатом нескольких восточных походов Шапура I, а также его сыновей-наместников в восточных областях. При Шапуре I было образовано наместничество во главе с одним из сыновей шаханшаха с титулом «царь Хинда, Сакастана и Турестана до побережья моря». В списке подчиненных областей надписи Шапура I в Накш-и Рустаме «Хиндестан» отделен от «Кушаншахра». Под «Хиндом» надписи следует понимать территории по западному берегу реки Инд, возможно, включая часть античной Арахозии. «Кушаншахр» надписи Шапура должен соответствовать территории не названной в надписи Бактрии-Тохаристана, а также району Кабула. Сасанидские надписи III в. н. э., а также данные археологии и нумизматики указывают на подчинение Бактрии Сасанидам при Шапуре I. Анализ этих источников свидетельствует также о том, что отдельные области в восточных владениях Сасанидов в III в. н. э. имели разный статус, который изменялся во времени.

Доклад *М. Червенец-Ивасик* (Университет Седльце, Польша) «Кушано-Сасанидская династия. Нумизматические свидетельства» рассматривает историю Кушаншахра в свете данных монет. Кушаншахр появился в середине III в. н. э. и существовал до конца IV в. н. э. Он был создан на территории завоеванных Сасанидами бывших кушанских провинций Бактрия, Гандхара и Согдиана. Цари называли себя «Кушаншахами» и чеканили свои монеты в Балхе, Мерве, Герате и Кабуле. Кушаншахи носили те же имена, что и цари Сасанидского Ирана, хотя отождествлять их с последними нельзя. Большинство кушано-сасанидских монет были золотыми или бронзовыми. Серебряные драхмы встречаются редко. Золотые и серебряные монеты использовались в основном в городах. Напротив, бронзовые монеты были широко распространены в сельской округе. От этой эпохи до нас дошло мало артефактов, поэтому монеты являются основным источником по Кушано-Сасанидскому царству, позволяющим судить о принятых в нем религиозных культах и существовавших внешних связях.

Немецкий исследователь *Р. Шульц* (Университет Мартина Лютера, Галле – Виттенберг), отталкиваясь от хорошо известного факта сохранения в позднеантичном и раннесредневековом искусстве Центральной Азии и Ирана иконографических элементов, созданных в эллинистической манере, поставил в своем докладе вопрос: было ли содержание этих объектов греческим в точном смысле этого слова или, скорее, неправильно понятым варваризмом? Рассматривая изображение на чаше с изображением Геракла из бывшей коллекции графа Строганова (Государственный Эрмитаж), докладчик привел аргументы против того, чтобы считать его плохо понятой версией пьесы Еврипида. На самом деле чаша использовалась в зороастрийском погребальном ритуале Афринаган (Afrinagan), который проводился в течение трех дней, пока, как полагали, душа покойного оставалась на земле. Для ритуальных целей применялся маленький алтарь огня вместе с несколькими сосудами, и,

скорее всего, строгановская чаша была из их числа. Что же касается фигуры Геракла, то его присутствие объясняется следующими обстоятельствами. Геракл обычно почитался в позднеримской античности как проводник мертвых в царство Аида. В контексте чаши, которая использовалась в зороастрийском погребальном ритуале, фигуру Геракла можно истолковать как намек на различные обязательства, которые благочестивый зороастриец должен был соблюдать при жизни: женитьба, гостеприимство по отношению к гостям, а также смелость и мужество, например, во время охоты. Все это изображено на чаше. С этой позиции присутствие Геракла можно объяснить в аллегорическом ключе – как проводника, который одновременно является свидетелем примеров благочестивого поведения усопшего, являющееся обязательным условием для попадания в рай. Эта идея могла быть легко вписана в контекст строгановской чаши, использующейся в зороастрийском погребальном ритуале, целью которого было защитить души на пути в рай.

В докладе *П. Б. Лурье* (Государственный Эрмитаж) «Еще раз о росписях Верхнего Дворца Топрак-калы и о дате памятника» были представлены ранее не публиковавшиеся фрагменты росписей Верхнего дворца Топрак-калы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, а также результаты естественнонаучного анализа красителей. Исследование сюжетов и иконографии этих и иных росписей, наравне с нумизматическими материалами и новыми наблюдениями по Хорезмской эре, позволяют, по мнению докладчика, отнести время постройки и функционирования резиденции царей Хорезма, Верхнего дворца Топрак-калы, ко второй половине III – началу IV вв. н. э., т. е. к сравнительно поздней из представленных в науке датировок Топрака.

Заключительное заседание конференции (председатель А. С. Балахванцев) состоялось в стенах Музея Востока, где было заслушано четыре доклада. В докладе *А. С. Балахванцева* «Парны и завоевание Парфиены: как это было» прослеживаются основные этапы миграции дахов (парнов) и особенности возникновения Парфянского государства. На рубеже VI/V вв. до н. э. жившие в Южном Приуралье (район нынешнего Орска) дахи в ходе ежегодных меридиональных перекочевок стали пересекать Устюрт и спускаться в западную часть Присарыкамышской дельты Амударьи. После отпадения Хорезма от державы Ахеменидов на протяжении IV – начала III вв. до н. э. одни дахи проникли в Согд (долину Зеравшана), а другие – парны – заняли незаселенные земли на берегах Оха (Атрека и его притока Сумбара). Первое завоевание Парфиены и части Гиркании вождем парнов Аршаком имело место около 238 г. до н. э. Однако появление здесь кочевников с их стадами породило перманентный конфликт с местным оседлым населением, что позволило в 230 г. до н. э. Селевку II Каллинику нанести поражение Аршаку I и сделать его своим вассалом. В 217 г. до н. э. Аршак I отложился от Антиоха III, во главе парнов вторгся в Парфиену и захватил селевкидские земли вплоть до Каспийских Ворот. Важнейшим результатом вторичного завоевания Парфиены стало образование Парфянского государства. Однако уже в 209 г. до н. э. в результате победоносного похода Антиох III очистил от парнов всю Гирканию и Парфиену. Аршак II был вынужден признать селевкидское господство, платить дань, посылать своих воинов в армию Антиоха и – в знак утраты суверенитета – прекратить монетную чеканку.

Последнее отложение парфян от державы Селевкидов произошло при Митридате I в 166 г. до н. э. Митридат I провозгласил свою независимость и аннексировал Гирканию, куда аршакидская армия вступила еще при Фриапатии или Фраате I. После внезапной смерти Антиоха IV в конце 164 г. до н. э. Митридат I сразу же захватил Парфиену вместе с Гекатомпилом, а несколькими годами позже – и Несайю. Митридат I стал первым правителем из династии Аршакидов, который принял царский титул, что, скорее всего, являлось следствием победы над царем Греко-Бактрии Евкратидом I. Только нормализация отношений с эллинами, парфиенами и гирканцами позволила Митридату I использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и

Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что впоследствии привело к превращению Парфии в мировую державу.

Е. Ю. Гончаров (ИВ РАН) сделал сообщение о недавних находках хорезмийских, согдийских и сасанидских монет на асарах Нижней Сырдарьи. В публикациях материалов работ Хорезмской экспедиции упоминается о находках в Джеты-асаре всего лишь нескольких монет, поэтому наличие там денежного обращения было поставлено под сомнение. За последние годы на асарах Нижней Сырдарьи было собрано более сотни монет; все они привозные, по-видимому, местная чеканка не производилась. Основная масса монет происходит из Хорезма, оттуда они поступали в течение всего периода функционирования памятника (I–IX вв. н. э.). Интересно, что, кроме известных ранее, среди джетыасарских находок представлено несколько новых типов хорезмийских медных монет. Вторая по численности группа отчеканена в Бухарском Согде в IV–VII вв. Через последний на Нижнюю Сырдарью транзитом проникали монеты из северо-восточных областей Сасанидского Ирана. Эмиссии Чача и других регионов Согда представлены единичными экземплярами. Такой массовый нумизматический материал позволяет считать, что денежное обращение в Джеты-асаре было, но пока не ясно, в какой форме. Серебряных монет найдено всего четыре, все из разных регионов и разных веков. Использовались ли они в торговых операциях или только как источник серебра для ремесленных изделий, пока остается неизвестным.

Независимый исследователь *С. Б. Дашков* (Москва) познакомил участников конференции с работами по описанию основного собрания сасанидских монет отдела нумизматики Государственного исторического музея (Москва). В настоящий момент оно насчитывает несколько тысяч монет (42 золотых, несколько сотен медных и биллонных, остальные – серебряные). Помимо индивидуальных монет, значительное число сасанидского материала находится в составе кладовых комплексов. В составе коллекции имеется много редких и крайне редких монет. К таковым можно отнести золотой динар Нарсе (предположительно – времени восстания его против власти шаханшаха Варахрана II, 293 г. н. э.), серебряные драхмы Сасанидов (Папака, Шапура и Арташира), отчеканненые в период последних лет парфянского владычества (начало III в. н. э.), биллонные тетрадрахмы Шапура I (середина III в.), а также драхму царицы Азармидухт 631–632 гг.), идентифицированную русскими нумизматами в 1908 г., т. е. более чем за полвека до публикации М. И. Мошири, считающегося первооткрывателем драхм Азармидухт (1972 г.). Собрание сасанидских монет ГИМа является одним из крупнейших в мире и представляет собой ценный источник нумизматического материала эпохи Сасанидов.

Доклад *А. А. Михеевой (Китаевой)* (ИИМК РАН) посвящен истории изучения и интерпретации известного археологического памятника Хароба-Кошук (V–VI вв. н. э.), находящегося в 15 км к северу от городища Древнего Мерва (Туркмения). Он был обнаружен XVIII отрядом ЮТАКЭ в 1951 г. Первые обследования памятника проводились Г. А. Пугаченковой в 1954 г., в 1966–1967 гг. разведочные раскопки провела Г. Я. Дресвянская. В 1981 г. Г. А. Кошеленко выполнил топографические работы и дал общее описание сохранившихся конструкций памятника. С 2009 по 2011 гг. археолого-реставрационные работы на Хароба-Кошук проводились итальянскими специалистами под руководством Г. Р. Осмиды. Планомерных раскопок на памятнике никогда не проводилось, и к 2009 г. он был практически разрушен. Очертания здания в виде сильно вытянутого прямоугольника с несколько возвышенной восточной частью и анфиладный принцип планировки позволили ученым интерпретировать Хароба-Кошук как самую раннюю христианскую церковь базиликального типа в Средней Азии. Высказывалось предположение о необходимости искать ему аналогии в церковной архитектуре Эфеса и Ктесифона. Ряд ученых проводили параллели с памятниками Ирана, стран Закавказья и Сирии. По мнению докладчика, мервские строители, используя местные строительные приемы, опирались, прежде всего, на архитектурную традицию персидских (сасанидских) мастеров, так как план Хароба-Кошук

сильно напоминает нижнюю церковь в Ктесифоне (VI в.) и церковь на холме в Хире (Аль-Хира, VI в.) – однонефные сооружения без апсиды, с небольшими комнатами по бокам. Аналогичные в плане сооружения были обнаружены и на территории Средней Азии: в Северной Киргизии (городище Ак-Бешим: церковь VIII в. и церковный комплекс X–XI вв.) и в Узбекистане (Ургутский монастырь: VIII–XIII вв.). Поскольку они датируются более поздним временем, то вполне вероятно, что Хароба-Кошук стал своего рода планировочным стандартом для данных культовых сооружений.

Сделанные на конференции доклады и развернувшаяся по ним дискуссия продемонстрировали как актуальность затронутых тем, так и необходимость наличия площадки для их обсуждения. На заключительном заседании участники конференции поблагодарили ее организаторов, руководство ИВ РАН и ГМВ, а также выразили надежду, что проведение конференции памяти Б. А. Литвинского, как и планировалось, станет регулярным.

Литература / References

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. *Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство.* С-Пб., 2010 [Litvinskii B. A., Zeimal' T. *Buddiiskii monastyr' Adzhina-tepa (Tadzhikistan). Raskopki. Arkhitektura. Iskusstvo.* Saint-Petersburg, 2010].

Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь.* М., 2000 [Litvinskii B. A., Pichikian I. R. *Ellinisticheskii khram Oksa v Baktrii (Iuzhnyi Tadzhikistan).* T. 1. *Raskopki, arkhitektura, religioznaia zhizn'.* Moscow, 2000].

Литвинский Б. А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан).* Т. 2. *Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте.* М., 2001 [Litvinskii B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Iuzhnyi Tadzhikistan).* T. 2. *Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste.* Moscow, 2001].

Литвинский Б. А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан).* Т. 3. *Искусство Художественное ремесло музыкальные инструменты.* М., 2010 [Litvinskii B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Iuzhnyi Tadzhikistan).* T. 3. *Iskusstvo Khudozhestvennoe remeslo muzykal'nye instrumenty.* Moscow, 2010].

ИРАНСКИЙ МИР II–I ТЫС. ДО Н. Э.: МОДЕЛИ ИНКУЛЬТУРАЦИИ

Г. Ю. Колганова*

В статье представлены итоги работы очередной международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского, проходившей в стенах Института востоковедения в ноябре 2017 г.

Ключевые слова: Иранский мир, инкультурация, миграция, зороастрийцы, элита, эллинизация.

IRANIAN WORLD II–I MILLENNIUM B.C.: INCULTURATION MODELS

G. Yu. Kolganova

The paper reviews the results of the last International scientific conference dedicated to the memory of Edvin Grantovsky and Dmitry Raevsky. The conference was held at the Institute of Oriental Studies (RAS) in November, 2017.

Keywords: Iranian world, inculturation, migration, Zoroastrian, elite, Hellenization.

27–28 ноября 2017 г. в Москве состоялась международная научная конференция “Иранский мир II–I тыс. до н. э.: модели инкультурации”, организованная Отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН[1]. По традиции конференция посвящалась памяти Э. А. Грантовского (с 1996 г.) и Д. С. Раевского (с 2005 г.). В работе конференции приняли участие (непосредственно или опосредованно – через публикацию статей) ученые России, Италии, Венгрии.

Открывая конференцию и предваряя собственный доклад, с приветственным словом к собравшимся обратилась *Л. А. Чвырь* (ИВ РАН), бессменный участник и вдохновитель конференции. Людмила Анатольевна отметила, что постепенно вокруг конференций Отдела истории и культуры Древнего Востока сложился круг коллег, интересующихся междисциплинарным анализом, в первую очередь сочетанием данных письменных источников и археологических сведений. Ее участие в общем деле заключалось в изучении имеющихся этнографических материалов в ракурсах, необходимых для прояснения некоторых археологических вопросов, поэтому она попросила воспринимать и ее сообщение «О культурных заимствованиях: аспекты изучения в этнологии» как «этнографическое» подспорье для конкретных «древнеиранских исследований». Людмила Анатольевна считает, что специфика этнографических источников позволяет анализировать не столько сам многовековой процесс культурных контактов в регионе (это удел преимущественно археологии), сколько уже его итог. Примеры культурных взаимовлияний дают возможность моделировать основные действующие механизмы этих процессов; другой вопрос – насколько они репрезентативны, типичны и присущи ираноязычному населению разных исторических эпох. Вариативность и заимствования – неотъемлемые свойства существования традиции, свидетельства ее животворного состояния. Цель доклада – представить сложившиеся после анализа этнографических материалов устойчивые исследовательские представления о том, как именно новации (заимствования) взаимодействуют с принявшей их культурной средой, для чего автор попыталась дать ответы на вопросы: а) как заимствования «встраиваются»

* Галина Юрьевна КОЛГАНОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва; kolganova_gy@mail.ru

Galina Yu. KOLGANOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Research Fellow, The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow; kolganova_gy@mail.ru

[1] Материалы конференции опубликованы в 21 выпуске Трудов ИВ РАН [Древность: историческое знание и специфика источника, 2018].

в контекст принявшей их культуры; б) какое место занимают в ней эти «чужие» (на первых порах) элементы; и, наконец, в) каковы последствия внедрения заимствований, в частности, как в этой ситуации трансформируются они сами и как они влияют (и влияют ли?) на окружающий контекст. Завершая свое выступление, Л. А. Чвырь обратилась к коллегам с вопросом, существует ли какая-то специфика механизмов заимствования в иранском мире II–I тыс. до н. э. (по сравнению с традиционной этнографией таджиков II тыс. н. э.)?

П. В. Башарин (РГГУ) выступал с докладом «Языковой фактор в проблеме миграций иранских племен: северокавказские заимствования в праиранском». Павел Викторович проанализировал ряд лексем, не имеющих убедительных индоевропейских этимологий и демонстрирующих нерегулярные фонетические соответствия или нехарактерную для исконной лексики фонетическую структуру, часть из которых в научной литературе уже пытались объяснить заимствованием из северокавказских языков (например, обозначение меча). Языковые заимствования, по мнению автора доклада, проливают свет (хотя и не бесспорно) на пути миграций иранских племен.

В докладе *А. В. Громовой* (ИСАА МГУ) «Языковое многообразие Ирана в древности как социолингвистический фон инкультурации» было предложено взглянуть на проблему инкультурации как на процесс освоения индивидуумом норм общественной жизни и культуры. При этом автор доклада попыталась показать возможные различия целей и глубины инкультурации представителей разных социальных слоев «провинциального» общества (прежде всего на примере освоения жителями сатрапий державы Ахеменидов языка правящей элиты).

Е. К. Молчанова (ИЯ РАН) посвятила доклад брачным отношениям древних иранцев («О брачных отношениях у древних иранцев»). Своеобразие эндогамии, по ее мнению, в Иране восходит к глубокой древности. Во всех древних культурах, считает Елена Константиновна, брак-соглашение и брак-сделка были обычным явлением. В Ригведе, древнейшем религиозном и мифологическом памятнике индоиранских народов, родоначальниками людей становятся брат и сестра, Йама и Йами. В династии Ахеменидов первым осуществившим «хваэтвадата», то есть брак по ближайшему родству, был Камбиз. Автор доклада считает, что на ранних этапах развития зороастрийской общины, когда ей приходилось бороться за свое существование, поощрялись браки между верующими, а поскольку их было мало, то в брак вступали и ближайшие родственники. Впоследствии зороастрийские жрецы, склонные к почитанию всего прошлого, пришли к убеждению, что такие браки между родственниками действительно укрепляют религию, а потому похвальны. Так, Камбиз стал первым персидским царем, принявшим этот обычай, который с тех пор упоминается в литературных сочинениях, документах и исторических источниках. Имеются также сведения, что ахеменид Дарий II Ох, сын Артаксеркса I и вавилонской наложницы, был женат на сводной сестре. Эндогамного брака придерживались знать, священнослужители и рядовые члены общины с VI в. до н. э. вплоть до X в. н. э. (хотя есть основания полагать, что практика подобных браков не была широко распространена уже в раннее сасанидское время). Позже сохранялись браки лишь между двоюродными братьями и сестрами, считавшиеся наиболее предпочтительными в Иране. Таким образом, эндогамные браки уступили место *кросскузенным*. Особое место в докладе было уделено приложению (с описанием правил зороастрийского бракосочетания) к «Словарю [языка] зороастрийцев» потомственного зороастрийца Джемшида Соруша Сорушияна (1956 г.). В приложении речь идет о традиционных юридических правилах и установках, зафиксированных в «Авесте» и других зороастрийских книгах. Приводятся среднеперсидские юридические термины, например, čakar zan, или čakarīhā (определение одного из пяти статусов жены) и др. Последний термин означает разновидность левиратного брака: с родственником бездетного или умершего мужа. В контексте проблемы бездетности (считающейся у зороастрийцев наказанием небесным) Е. К. Молчанова уделила внимание теме усыновления. Приемный сын для совершеннолетнего умершего бездетным зороастрийца – не только попечитель оставшихся в

живых родственников и имущества покойного, но и проводник его души по мосту Чинвад через геенну. В противном случае душа не сможет перейти мост и останется скитаться.

Доклад *Л. И. Авиловой* (ИА РАН) касался проблемы развития колесного транспорта («К изучению колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона в III–II тыс. до н.э.»), широко обсуждаемой в научной литературе. Людмила Ивановна отметила, что с территории Шумера и Юго-Западного Ирана происходит ряд ранних свидетельств использования колесниц (конец IV–II тыс. до н. э): это изображения на сосудах и печатях, глиняные и металлические модели, находки частей колесниц в различном археологическом контексте. Особый интерес, на ее взгляд, представляют экипажи с металлическими оковками колес в виде ряда гвоздей, вбитых по периметру обода. Восстанавливаются ременные протекторы на колесах, которые служили для их защиты от износа и повышали комфортность езды. Такая конструкция связана с тем, считает автор доклада, что колесница была принадлежностью лиц высокого социального ранга. Ранние свидетельства упрочняющих оковок сосредоточены в основном в Южной Месопотамии и Сузиане. В более позднее время (II–I тыс. до н. э.) они известны на широкой территории от Анатолии (Гордион) до Бактрии (Амударьинский клад) и Египта. Данный элемент конструкции не применялся в повозках ямной, катакомбной, Новотиторовской и Синташтинской культур степной зоны Восточной Европы, что косвенно свидетельствует о полицентричности возникновения колесной повозки.

М. Б. Мейтарчиян (ИВ РАН) выступала с докладом «Новейшие точки зрения на возникновение зороастризма. Храмы огня иранских зороастрийцев в описаниях европейских путешественников XVII–XVIII вв.». До сих пор, отметила Маргарита Борисовна в первой части своего доклада, время жизни пророка Заратустры – предмет научных споров: одни ученые отрицают его существование в реальности, другие считают идеологом ранних Ахеменидов. В последнее время все чаще, обращая внимание на архаичность языка Гат, сходного с языком Ригведы, а также учитывая новую информацию, поступающую из источников, ранее недоступных или не считавшихся заслуживающими внимания, время жизни Заратустры относят к 1000 г. или даже к 1500 г. до н. э. (в связи с последней датой автор доклада сослалась на статью В. Б. Иванова, посвященную авестийской фонетике [Иванов, 2007, с. 52–86]). Во второй части доклада речь шла о храмах огня, описания которых сохранились в воспоминаниях европейских путешественников, посещавших Иран в XVII – начале XVIII в. Среди последних португалец Педро Тейксейра, побывавший в Иране во время своего кругосветного путешествия; Г. де С. Фигерио, прибывший в 1618 г. к Аббасу I в качестве посла короля Испании; Пьетро делла Валле, проведший четыре года (1617–1621) в Исфахане; Николас Хеммиус, посетивший Исфахан и Джульфу. В Исфахане были также Адам Олеарий, отец Рафаэль дю Ман, Ж. Б. Тевернье, отец Габриэль де Шинон (в составе миссии капуцинов), итальянец знатного происхождения Джованни Франческо Гемелли Карери, Корнелий Ле Брюн. Автор доклада использовала также данные Томаса Герберта, представителя одной из младших ветвей знатного валлийского рода, находившегося четыре года в свите английского посла ко двору персидского шаха; французского купца Жана Шардена; английского путешественника Джона Фраера и отца Сэнсона, французского миссионера, посланного в Иран Людовиком XIV.

Доклад *А. А. Немировского* (ИВИ РАН) посвящался давно дискутируемой проблеме происхождения касситов («Кашшу, каспии, каспиры и gal-zu – еще раз о проблеме происхождения касситов»), генетические связи скудно сохранившегося языка (около сотни зафиксированных аккадоязычными источниками слов) которых не установлены. Одни исследователи считают касситский близким к хуррито-урартским языкам, другие акцентируют внимание на иранских заимствованиях, третьи приводят аргументы в пользу тождества с митаннийским арийским. Одни считают касситов родственными каспиям (каспирам), другие отождествляют их, третьи – категорически против отождествления. Для одних они автохтоны горных местностей Западного Ирана, верховьев Диялы и ее притоков у северо-западных пределов Элама, для других – пришельцы. Автор доклада проанализировал

все «за» и «против» существующих концепций и предложил свой взгляд на историю происхождения gal-zu (самоназвание (эндоэтноним) касситов).

Р. Р. Вергазов (ГМИИ им. А. С. Пушкина) выступал с докладом «“Персидский мир”. Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов». В I тыс. до н. э. держава Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.) являлась одной из самых могущественных империй Древнего Востока. В результате успешных завоевательных кампаний персидских царей Кира II, Камбиза и Дария I к концу VI в. до н. э. империя Ахеменидов объединила огромные территории Ближнего и Среднего Востока на последующие полтора столетия. Вполне логично, что древнеперсидская держава представляла собой полиэтничное и весьма неоднородное по своему составу государство, в котором встречались как развитые урбанистические цивилизации, так и кочевые народы. В сложившихся условиях одной из важнейших задач внутренней политики Ахеменидов, по мнению автора доклада, являлась интеграция различных регионов через включение локальных элит в административную, экономическую и культурную жизнь империи. Такой подход к интеграции был использован персами для реализации масштабного политического проекта – создания единого многокультурного пространства «персидского мира» (“Pax Persica”), объединившего десятки народов в рамках империи Ахеменидов. Концепция «персидского мира» стала одним из основополагающих элементов идеологии «Великих царей», получившей отражение во внутриполитических решениях, царских надписях и произведениях искусства официального стиля. Р. Р. Вергазов считает, что рассмотрение механизмов интеграции на репрезентативном материале культур локальных элит севера и северо-востока империи Ахеменидов позволяет исследовать особенности реализации модели «персидского мира», а также ее региональной специфики.

Доклад *Кишбали Тамаша Петера* (МГУ) («Модели культурных процессов в Карии эпохи Гекатомнидов») тоже посвящался периферии «персидского мира», но уже западной – Карии, где по-своему реализовывались «модели инкультурации». В IV в. до н. э. Карией управляла династия Гекатомнидов, действующих одновременно как местные цари и сатрапы державы Ахеменидов. Представители династии, считает автор доклада, поддерживали местные культы и, в определенной мере, «карийскую идентичность», но также активно взаимодействовали с греческим миром. Для описания подобной модели (и ее политических, социальных, культурных, художественных, и других аспектов) обычно применяется термин «эллинизация». Однако в последнее время он все чаще подвергается критике. В докладе рассматривалось поведение Гекатомнидов в контексте взаимодействий групп локальных элит в ареале Восточного Средиземноморья. Автор попытался ответить на вопрос, что именно влечет карийских династов к тем или иным аспектам греческой культуры? Во многих случаях, на его взгляд, – это желание «играть по правилам»: сознательное соблюдение определенных конвенций, правил поведения и общения, принятие норм общественной жизни и культуры, то есть «инкультурация» (например, участие Гекатомнидов в системе проксении). Однако обращение к отдельным аспектам греческой культуры (или даже «эллинизация»), говорилось в докладе, – не цель династии, а лишь необходимый этап и набор инструментов для укрепления своей позиции на международной арене. Ведь в IV в. до н. э. на территории Средиземноморья существовала сложная система обмена (в широком смысле) между локальными группами элит – система циркуляции вещей, людей и идей. Для набирающих силу аристократических групп эта «сеть» служила и средством самоутверждения на международном уровне, и катализатором соревнования между собой. Хорошо прослеживаемый «срез» этой системы, по мнению автора доклада – это контакты и параллели между двумя восходящими, набирающими силу династиями – карийскими Гекатомнидами и македонскими Аргеадами. Показательно, что среди греческих интеллектуалов и художников есть целая группа, примыкающая ко двору как Гекатомнидов, так и македонских Аргеадов. Например, хорошо структурированные сочинения учеников Исократа позволяли царю Мавсолу представить свою деятельность как целостную, продуманную систему, на языке и в

формах, понятных на широкой международной арене. Статуи, созданные лучшими мастерами эпохи, богато оформленные города, святилища и гробницы способствовали увековечению памяти и славы Мавсола и его семейства. Участие в общеэгейской системе взаимоотношений элит, обращение к хорошо установленным и развивающимся греческим институтам, интеллектуальному наследию, художественным формам являются репрезентацией Гекатомнидов на международной арене.

С. Б. Болелов (ГМВ) выступал с докладом «Земледельцы в низовьях Сырдарьи в середине I тыс. до н. э.». Речь шла о формировании в середине I тыс. до н. э. в южной части древней Сырдарьинской дельты в нижнем и среднем течении Жаныдарьи оседлой земледельческо-скотоводческой Чирикрабатской археологической культуры. Автор доклада считает, что на основании археологических данных определенно можно говорить, что хозяйство Чирикрабатской культуры было комплексным и базировалось на искусственном орошении. Магистральные каналы выводились из дельтовых протоков и боковых русел Жаныдарьи, использовались также обводненные старицы Инкардарьи в нижнем ее течении. Следует отметить довольно высокий технологический и организационный уровень ремесленного производства. На сегодняшний день известно более 200 археологических памятников Чирикрабатской археологической культуры (крепости, укрепленные и неукрепленные поселения, наземные погребальные сооружения) в области среднего и нижнего течения Жаныдарьи. Наиболее крупными из них являются городища Чирик-Рабад и Бабиш-Мулла. Сергей Борисович отметил, что на Чирик-Рабате, помимо подкурганных грунтовых захоронений, раскопаны наземные погребальные сооружения (так называемые круглый и квадратный «мавзолеи»), а также квадратное сооружение явно культового назначения, возможно, связанное с поминальными церемониями. Несмотря на то, что практически все курганы и погребальные сооружения, исследованные на Чирик-Рабате, были ограблены еще в древности, по тому, что удалось обнаружить в ходе раскопок, можно определенно говорить о довольно богатых захоронениях. Особый интерес вызывает фляга с хорезмийской надписью.

Городище Бабиш-Мулла, по мнению автора доклада, было центром крупного земледельческого оазиса. Еще в начале 1960-х гг. там частично была раскопана цитадель с «Большим домом» в центре. Площадь освоенной в древности территории оазиса, центром которого было городище Бабиш-Мулла – 70–80 кв. км. При этом орошаемая площадь была не менее 10 000 га. На территории оазиса зафиксированы многочисленные следы ремесленного производства. К югу от Бабиш-Муллы 1 располагался крупный гончарный производственный центр. В северной части поселения, практически на берегу русла, находилась крупная усадьба. В южной части выявлены производственные и жилищно-производственные комплексы. Частично раскопаны две гончарные мастерские. Всего на территории производственного центра зафиксированы остатки не менее девяти горнов для обжига, но, вероятно, их здесь было больше. На Бабиш-Мулле 7 выявлена конструкция устройства для обжига, которая ранее не была известна не только на территории южного Приаралья, но всей Средней Азии. На основании вновь полученных данных, прежде всего, анализа керамического комплекса из Бабиш-Мулла 7 и подъемного материала на городище и усадьбах, автор доклада пришел к выводу, что возникновение и формирование структуры оазиса никак нельзя датировать ранее начала III в. до н. э.

Доклад *С. А. Зинченко* (ВШЭ) посвящался одному из т. н. «сквозных» образов в искусстве евразийских степей и античного мира в первой половине I тыс. до н. э. («Сквозные» образы в искусстве евразийских степей и античного мира в первой половине I тыс. до н. э. как способы передачи культурной информации (на примере образа ΠΌΤΝΙΟΣ/ΠΌΤΝΙΑ ῞ΙΠΠΙΟΣ («владыки / владычицы коней»))»). Наибольшее «скопление» памятников, в которых представлена рассматриваемая иконография (человеческая фигура, держащая фланкирующих ее коней за поводья), по мнению автора доклада, сосредоточено в вазописи Аттики и Аргоса в пределах VIII в. до н. э. При этом в основном используется образ Πότνιος ῞Ιππιος. Помимо

основной иконографии выделяются варианты, связанные с оформлением центра композиции в виде символов Πότνιος/Πότνια Ἵππιος (изображений-«заместителей»). Наиболее ранними символами становятся схематические изображения триподов и кормушек. Как и в случае с фигуративными изображениями, памятники преимущественно происходят из Аттики и Аргоса и также концентрируются в границах VIII в. до н. э. Важно отметить и то, что замещение фигуративного изображения изображением кормушки встречается как в аттических, так и аргосских сосудах, тогда как изображение трипода отмечено преимущественно на аттических памятниках. Как считает докладчик, в отличие от вазописи, для памятников мелкой пластики нет возможности выявить наличие четко повторяющихся иконографических типов. В ряде случаев памятники мелкой пластики, возможно, «следуют» за той иконографией, которая будет активно функционировать в вазописи, при этом повторяются не только иконографические типы, но и стилистические решения, рожденные в «пространстве» вазописи. Вполне вероятно, что те произведения мелкой пластики, которые дошли до нас, сознательно сохраняли некие уже ставшие шаблонными прототипы, иконографическое решение которых предполагало различные варианты. В докладе отмечалось, что анализ образа Πότνιος/Πότνια Ἵππιος затруднен тем, что достаточно часто он пересекается с образом Πότνιος/Πότνια Θηρῶν (в качестве иллюстрации были продемонстрированы иконографические типы, передающие образ Πότνιος/Πότνια Ἵππιος, типы, передающие образ Πότνιος/Πότνια θηρῶν, а также памятники, в изобразительном пространстве которых сочетаются два образа сразу). В связи с этим возникает вопрос, правомерно ли выделение образа Πότνιος/Πότνια Ἵππιος в качестве самостоятельного, либо он являет собой лишь вариацию на тему Πότνιος/Πότνια Θηρῶν?

В докладе *В. Ю. Зуева* (РАХ) «Типология борисфенитских зеркал» были предложены классификация и анализ зеркал этого типа на основе выборки из 141 памятника. Автор выделяет шесть устойчивых серий зеркал, выпускавшихся на протяжении 50 лет в VI в. до н. э. Первую серию, на его взгляд, образуют 10 зеркал с бортиком по краю диска, с рукоятью, декорированной гравировками с капителью в месте крепления рукояти к диску и головкой барана на конце. Вторую – 6 зеркал с бортиком по краю диска, фигуркой лежащего льва на конце рукояти и фигурками оленя или кабана в месте крепления рукояти к диску. Третью серию представляют 34 зеркала с бортиком по краю диска, фигуркой пантеры на конце рукояти и геометрическим элементом в месте крепления рукояти к диску. Четвертая представлена 12 зеркалами с бортиком по краю диска, фигуркой пантеры на конце рукояти и фигуркой оленя в месте крепления рукояти к диску. В пятой 34 зеркала с бортиком по краю диска, головкой барана на конце рукояти и геометрическим элементом в месте крепления рукояти к диску. Наконец шестую серию составляют 6 зеркал с бортиком по краю диска, головкой барана на конце рукояти и фигуркой оленя в месте крепления рукояти к диску. На основе изучения материалов производственных центров милетской колонии на о. Березань, докладчик выдвинул гипотезу об изготовлении этих зеркал двумя-тремя поколениями греческих мастеров семейной корпорации в городе Борисфен (торжище Борисфенитов), по которому назван этот тип зеркал. Были учтены также десять подражаний зеркалам этого типа, изготовленных в различных производственных центрах Скифии. В. Ю. Зуев считает, что вывод о центре производства зеркал данного типа на Березани и их распространении через Ольвию до Приуралья, Кавказа и Трансильвании, позволяет определить Скифию эпохи архаики как единый в культурном и экономическом аспектах мир. На протяжении жизни двух-трех поколений жители степей, предгорий и лесной зон Евразии имели тесную связь с первыми колониями эллинов в Понте, откуда получали зеркала борисфенитского типа. Этот мир перестал существовать в результате нашествия Дария I в Северо-Западное Причерноморье в 512 г. до н. э., когда и пресекается традиция выпуска всех серий зеркал борисфенитского типа.

Мануэль Кастеллучча (Международная Ассоциация по изучению Средиземноморья и Востока (ISMEO)) посвятил выступление оборонительным сооружениям Иранского плато

эпохи бронзы и железа («Развитие горных фортов и крепостей на Иранском плато в эпоху бронзы и железа»). Северная часть иранского нагорья представляет собой культурный ландшафт, похожий на Закавказье, характеризующийся мозаикой региональных держав, в которой «военная составляющая» приобрела решающее значение. Укрепленные поселения различных типов распространены по всему северному Иранскому плато, как правило, расположены в стратегически важных местах, обычно на возвышенностях и скалистых горных склонах. Количество таких крепостей, уже засвидетельствованных в бронзовом веке, резко возрастает в железном. Более того, урартская экспансия в этот район привела к основанию или реконструкции еще нескольких укреплений. Укрепленные поселения можно разделить на три основных типа: сторожевые башни, форты и главные крепости. Стратегическая роль этих структур могла быть «активной» (контроль над экономическими ресурсами) или пассивной (место убежища). В докладе сделана попытка охарактеризовать основные черты этих типов поселений и то, как окружающий ландшафт влиял на них на протяжении всего железного века.

Работу конференции завершал доклад *С. П. Виноградовой* (ИЯ РАН) «Священные тексты и традиционные культурные практики», посвященный анализу концептуально значимой лексики в разнородных авестийских текстах, составивших зороастрийский литургический канон Ясна, а именно конкретно исторической специфике оппозиционных отношений в триаде Ахура-Мазда – Святой Дух – Ахриман. Софья Петровна советует при работе с текстом Авесты особо учитывать, что его язык – результат длительной традиционной устной передачи. Уже с конца IV в. н. э. авестийский язык был мертвым и с тех пор использовался (и используется сейчас парсами в Индии и гебрами в Иране) только как язык богослужения. Базой для авестийского языка, вероятно, послужил древнеиранский диалект, бытовавший приблизительно во второй половине II – первой половине I тыс. до н. э. в Дрангиане, Маргиане и Бактрии. Поэтому мы вправе говорить о том, что авестийский – один из древнейших представленных письменными памятниками иранских языков. Сточки зрения ряда исследователей, впервые авестийские тексты были записаны при Аршакидах (около 100 г. н. э.), стремившихся с помощью религии укрепить свою политическую власть. Бесспорная кодификация Авесты была произведена при Сасанидах. Есть сведения, что и во времена македонских походов, и с приходом арабов и ислама в Иран, рукописи Авесты сжигались, а затем восстанавливались по памяти зороастрийскими жрецами. Сохранившиеся рукописи Авесты не старше второй половины XIII в., следовательно, встает вопрос сохранности первоначального текста, бессознательного или вполне осознанного его приспособления к новым диалектам. Автор доклада основывается на комбинированном использовании приемов и языка описания, сложившихся в рамках различных методов общетекстологического и чисто лингвистического направлений исследований с учетом синхронии/диахронии, типологического аспекта. Такой подход дает новые возможности для выхода за пределы чисто лингвистической реальности и получения некоторой экстралингвистической информации об обстоятельствах и истории создания канона. К слову, в авестийском выделяют два диалекта, представляющих, к тому же, два разных хронологических уровня: раннеавестийский и позднеавестийский. Раннеавестийский язык Гат имеет две стилистические разновидности: метризованные песнопения, приписываемые самому Заратуштре, и повествования, в которых содержатся образцы устного народного творчества (легенды, сказания и мифы) древних ираноязычных племен. Считается, что картина общества, нарисованная в Авесте, указывает на то, что носители языка вели кочевой образ жизни к востоку от Каспия. Особенности функционирования авестийских текстов и сопряженных с ними культурных практик в качестве «священных» объектов инкультурации, а также и одного из средств социализации позволяют, по мнению автора доклада, поставить вопрос о стратификации лингво-культурных ареалов иранской древности и о наличии временных и/или пространственных лакун в религиозной традиции в более чем двух с половиной тысячелетней истории иранского зороастризма.

В целом конференция показала, что научные методы, некогда предложенные Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским, до сих пор востребованы и работают при решении вопросов, встающих перед исследователями-иранистами.

Литература / References

Древность: историческое знание и специфика источника. Избранные доклады и статьи. Отв. ред. Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 21. М., 2018 [*Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika. Izbrannye doklady i stat'i*. Otv. red. G. Iu. Kolganova, A. A. Petrova. Trudy Instituta vostokovedeniia RAN. Vol. 21. Moscow, 2018].

Иванов В.Б. Три ветви авестийской фонетики // *Сборник статей памяти В. С. Расторгуевой*. М., 2007. С. 52–86 [Ivanov V.B. Tri vetvi avestiiskoi fonetiki // *Sbornik statei pamiati V. S. Rastorguevoi*. Moscow, 2007. Pp. 52–86].

СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ

В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина*

В обзоре проанализировано комплексное научное мероприятие – конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока» и приуроченный к ней круглый стол «Подводные археологические исследования в России и за рубежом: применение новых технических средств и методик». Конференция проходила 5–7 июня 2018 г. в Севастополе в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический». В обзоре представлены основные тезисы докладов участников конференции и решения круглого стола. В рамках конференции обсуждались самые разные вопросы, связанные с указанной тематикой: восточные источники по истории Крыма, межнациональные отношения народов Крыма, политические, религиозные и культурные связи Крыма и Средиземноморья в древности, средневековье, новое и новейшее время, археология, подводная археология.

Ключевые слова: Крым, Ближний Восток, Средиземноморье, исторические связи, культурные связи, межнациональные связи, религиозные связи, археология, подводная археология.

CRIMEA'S TIES TO THE MEDITERRANEAN REGION

Victor V. Lebedinski, Julia A. Pronina

In this review we analyze a complex scientific event – the conference titled *Historical, cultural, inter-ethnic and religious ties of Crimea with Syria and the states of the Middle East* and the round table *Underwater archaeological investigation in Russia and abroad: application of new technical methods and techniques*. The conference was held in Sevastopol at the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Chersonesus Taurica" on June 5th–7th, 2018. The main theses of presentations delivered during the conference, as well as the inferences of the round table, are presented in the review. The conference covered subjects as diverse as Oriental sources on the history of Crimea, inter-ethnic relations of the peoples of Crimea, political, religious and cultural ties of Crimea and the Mediterranean in Antiquity, Middle Ages, New and Modern times; archeology, underwater archeology.

Keywords: Crimea, Middle East, Mediterranean, historical ties, cultural ties, inter-ethnic ties, religious ties, archeology, underwater archaeology.

С 5 по 7 июня 2018 г. в Севастополе состоялась Вторая международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока». Ее соорганизаторами выступили Институт востоковедения Российской академии наук, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» и Севастопольский государственный университет. Конференция была включена в «Комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам» Правительства Российской Федерации.

* Виктор Викторович ЛЕБЕДИНСКИЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v_lebedinski@mail.ru

Victor V. LEBEDINSKI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; v_lebedinski@mail.ru

Юлия Александровна ПРОНИНА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; julia_pronina@mail.ru

Julia A. PRONINA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; julia_pronina@mail.ru

В конференции также принимали участие представители Государственного Эрмитажа, Института археологии Крыма РАН, Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета, Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Оренбургского государственного педагогического института и др.

В мероприятии приняло участие почти 40 человек, представивших 30 докладов. К открытию конференции был подготовлен сборник тезисов. Планируется выпуск сборника статей участников конференции.

Заседания проходили в течение трех дней. Основными вопросами для обсуждения были:

- Крым и его народы в прошлом, настоящем, будущем;
- политические, религиозные и культурные связи Крыма и Средиземноморья в древности и раннем средневековье;
- Крым и Восток в новое и новейшее время.

Конференцию открыла директор Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», Заслуженный работник культуры РФ, почетный член Академии художеств С. Е. Мельникова. Заместитель директора Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук Н. Г. Романова зачитала приветствие участникам от имени научного руководителя Института востоковедения РАН, академика РАН, профессора В. В. Наумкина.

Далее состоялся круглый стол **«Крым и его народы в прошлом, настоящем, будущем»** (модератор А. Д. Васильев, ИВ РАН), на котором среди прочих были представлены следующие доклады.

Доклад *А. В. Баранова* (Кубанский государственный университет) посвящен одной из самых актуальных тем в условиях воссоединения Крыма с Россией – межэтническим отношениям народов Крыма в современный период. Исследование проводилось на основании пробного опроса общественного мнения студенчества в Севастополе и Республике Крым, выполненного в рамках проекта РФФИ «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Н. Е. Тихонова (ЦМГИ ЮФУ) затронула в докладе вопрос эмиграции крымских татар в Османскую империю после присоединения Крыма к России в 1783 г. Источниковой базой исследования явилась крымско-татарская газета «Переводчик-Терджиман», которая издавалась в Бахчисарае с 1883 по 1918 гг. Анализ статей о массовом переселении крымских татар в Османскую империю, публиковавшихся на страницах «Терджимана», позволил получить сведения о причинах переселения, количестве уехавших, политике российских властей в отношении переселенцев.

А. Д. Васильев (ИВ РАН) в докладе рассмотрел итоги первой пятилетки перехода народов Крыма на латинизированный алфавит, основываясь на данных обнаруженного автором в Архиве РАН одного из первых отчетов Крымского Комитета о деятельности по введению нового алфавита в Крыму, составленного М. Недимом и А. Лятыфзаде.

В первую секцию **«Политические, религиозные и культурные связи Крыма и Средиземноморья в древности и раннем средневековье»** вошло наибольшее количество докладов, затронувших разные аспекты темы. Секция была разделена на три заседания. Было заслушано двенадцать докладов.

В ходе первого заседания (руководитель Л. В. Седикова; Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») были заслушаны следующие доклады.

Доклад *Н. Ф. Федосеева* (Институт археологии Крыма РАН, КГИКЗ) и *Л. Ю. Пономарева* (БФ «Деметра») был посвящен исследованию раннесредневековых жилых и хозяйственных комплексов на античном некрополе Кыз-Аул по данным раскопок склепа №9. Авторы характеризуют данный археологический комплекс как сложный, дважды поменявший свое первоначальное функциональное назначение. После его разграбления, с VI по третью четверть – конец VII вв. склеп использовался в качестве жилища. Позже, когда на некрополе разместилось салтово-маяцкое поселение, он был включен в его инфраструктуру и приспособлен для содержания мелкого рогатого скота.

С. В. Ушаков (Институт археологии Крыма РАН) и *О. П. Дорошко* (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») рассказали о находках ранневизантийской краснолаковой керамики из раскопок под полом центрального нефа базилики Крузе в Херсонесе. Авторы выделяют три основные группы «поздней» краснолаковой керамики – понтийского, фокейского и херсонесского производств. Анализ находок на данном участке позволил заключить, что верхняя хронологическая граница засыпи в целом не выходит за пределы второй половины / конца V – начала / середины VI вв. и позволяет проследить связи Херсонеса с Понтийским и Восточносредиземноморским мирами в этот период.

М. Н Автушенко (ЦМИТ СевГУ) затронул вопрос локализации Усть-Бельбекского городища по данным источников разного времени – карт-портоланов XIV–XVII вв., итальянских документов XIV в., сведений из трудов Эвлия Челеби, Дюбуа де Монпере, источников периода Крымской войны, данных османских и европейских морских карт XVIII в., а также археологических раскопок начала XX в.

Вторым заседанием руководил В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН), рассказавший в своем докладе о новых данных в изучении генуэзских памятников Крыма.

Ю. М. Могаричев (КРИППО) посвятил доклад хазарам в Крыму по версии А. С. Уварова, изложенной в неопубликованной рукописи, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Н. В. Гинькут (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») рассказала в докладе о поливной керамике XII–XIII вв. с латинской символикой из раскопок Херсонеса. Среди находок автор выделяет около десятка предметов глазурованных чаш, декор которых так или иначе связан в присутствием латинян в Средиземноморском бассейне. Например, блюдо типа «Lakabi» (Сирия, XII в.), поливная чаша с изображением венецианской навы (нефа) (конец XII в.), красноглиняное блюдо типа «Zeuxippus Ware», Grouppe II с латинским типом крестов, две группы блюд и чаш с изображением восьмиконечных крестов (герба города Амальфи) и др.

В. В. Прудников (ИВ РАН) рассказал о Каталонском атласе 1375 г., уделив особое внимание изображению на нем Крымского полуострова. Автор заключает, что данный исторический источник – Atles català, Atlas Catalan – представляет собой подробную морскую карту Крыма XIV в.

На третьем заседании (руководитель М. Г. Крамаровский (Государственный Эрмитаж)) среди прочих были представлены следующие доклады:

О. В. Кладченко («Кубаньархеология») рассказала о находках турецких курительных трубок из раскопок поселения Кенегез Восточное, исследовавшегося в ходе охранно-спасательных работ при строительстве трассы «Таврида» в 2017 г. Среди рассматриваемого материала подавляющее большинство трубок красноглиняные, что соответствует датам существования поселения по письменным источникам и архивным материалам – конец XVII – начало XIX вв.

Д. В. Грачев (Государственный Эрмитаж) в своем докладе проанализировал коммуникационные связи XIII–XV вв. Крыма и Средиземноморья: В этот период полуостров Крым занимал важное место в евразийской трансконтинентальной системе путей, соединявшей Восточную Азию и Средиземноморье (Великом шелковом пути). Автор

выделяет три основных контактных вектора Крыма (со столицей Золотой Орды – Сарае на Волге, Египет (Каир), Средиземноморье). Внутри региона, по его мнению, также существовало несколько экономических зон – тюркская, греко-латинская, генуэзская. На территории «монгольского мира» в этот период была создана огромная сеть дорог с караван-сараями и охраной, ямской (почтовой) службы с уртонами (станциями).

В докладе «Средиземноморье в зеркале истории и культуры Солхата» *М. Г. Крамаровский* (Государственный Эрмитаж) на основе письменных и археологических источников проследил связь Солхата с цивилизациями Средиземноморья. Анализ источников позволил автору выделить несколько направлений исследований (Солхат и христианский Левант, Солхат и исламский Левант, иудаизм в Солхате) и заключить, что Солхат являлся «мостом культуры», соединившем Западное и Восточное Средиземноморье с Крымом и степной Евразией.

Вторая секция конференции была посвящена **Крыму и Востоку в новое и новейшее время** (руководитель В. В. Лебединский (ИВ РАН)).

Н. И. Храпунов (Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского) посвятил доклад путешествию Элизабет Крейвен по Крыму, описанному в ее сочинениях и изданных в виде подборки писем в 1789 и в 1814 г. Исследование выполнено по гранту РФФИ в рамках научного проекта «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX вв.».

К. Ю. Могаричев (ТА КФУ им. В.И. Вернадского) в докладе рассмотрел различные подходы к проблеме создания еврейской автономии на территории Крымского полуострова среди постсоветских исследователей. Автор выделяет два этапа в создании «Крымского проекта»: первый этап – 1920-е гг., связанный с еврейской сельскохозяйственной колонизацией в Крыму, и второй этап – 1940-е гг. как следствие деятельности Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и «Крымского письма» В. М. Молотову.

А. В. Иванов (Институт археологии Крыма РАН) посвятил доклад анализу карты С. А. Зернова «Распределение биоценозов в Черном Море у Севастополя», изданной в 1912 г., как источника по исторической топографии и топонимике региона.

Завершил работу секции совместный доклад *В. В. Лебединского* (ИВ РАН), *Д. Б. Татаркова* (ЦМИТ СевГУ), *В. И. Двухшерстнова* (ЦМИТ СевГУ), *Ю. А. Прониной* (ИВ РАН) о подводно-археологических исследованиях Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета в прибрежной акватории Северной стороны Севастополя в 2017–2018 гг. [Лебединский, Пронина, 2018]. Археологический материал, полученный в результате исследований акватории Северной стороны Севастополя в месте впадения реки Бельбек, позволяет охарактеризовать данный район как наиболее перспективный для продолжения подводно-археологических изысканий. В распоряжение экспедиции местными жителями был передан железный якорь и свинцовый котел, датируемые II–III вв. н. э., обнаруженные в этом районе. В результате проведенной разведки здесь также были обнаружены два железных якоря, предварительно датируемых II–III вв. н. э., два свинцовых слитка. Данные находки, по мнению авторов, возможно, происходят из кораблекрушения, относящегося к римскому периоду.

В рамках работы конференции состоялся круглый стол **«Подводные археологические исследования в России и за рубежом: применение новых технических средств и методик»** (модератор В. В. Лебединский). На круглый стол, помимо участников конференции, были приглашены руководители подводных археологических экспедиций, проводящихся в акватории Республики Крым и Севастополя. Тема, заявленная для обмена мнениями, является чрезвычайно актуальной и вызвала дискуссии. В рамках круглого стола были обсуждены следующие вопросы:

- о некоторых результатах и перспективах исследований памятников подводного культурного наследия;

- о проектах федеральных законов в части обеспечения государственной охраны подводных объектов культурного наследия;
- применение современных технических средств при проведении подводно-археологических изысканий;
- предложения по терминологии и методике археологических полевых работ (разведок) на участках водных объектов;
- организация подводных работ и безопасности труда участников экспедиций.

По итогам работы круглого стола была принята резолюция с решениями по вопросам, касающимся методики проведения подводно-археологических исследований.

В результате обмена мнениями участники круглого стола приняли следующие решения:

- исследователи, проводящие разведки и раскопки подводных объектов культурного наследия, поддерживают инициативу Законодательного Собрания Санкт-Петербурга о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения государственной охраны подводных объектов культурного наследия;
- «Предложения по терминологии и методике археологических полевых работ (разведок) на участках водных объектов», подготовленных заведующим Центром подводного археологического наследия Института археологии РАН С. В. Ольховским и озвученных 25 мая 2018 г. в Керчи в рамках круглого стола «Вопросы государственной охраны и сохранения объектов культурного наследия, находящихся под водой» считать подлежащими существенной корректировке;

Участники круглого стола отметили, что данные предложения имеют ряд коллизий, в том числе юридических.

П. 1. Предложение о заложении шурфов общей площадью до 50 кв. м. на каждом объекте археологического наследия перечит п. 45.1.7.1. Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

П. 2. Перечень объектов исследований игнорирует целый пласт таких объектов, таких как речные (заводи) и морские конструкции для вылова рыбы, затонувшая техника времен Первой мировой войны (летательные аппараты, броне- и автомобильная техника).

П. 6. «Методические аспекты» Предложений обязывает исследователей применять дорогостоящее и не всегда эффективное узкоспециализированное техническое оборудование, при этом игнорируя визуальный осмотр дна в принципе (что не допустимо, особенно в сложных условиях скального грунта). Это также касается обязательства применять целый перечень навигационных приемников с субсантиметровой и субметровой точностью, что намного превышает требования снятия координат даже для наземных объектов. Это также противоречит п. 8.9. Методики определения границы территории объекта археологического наследия (письмо Министерства культуры РФ от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ), которая допускает использование портативных GPS-навигаторов (форма 3 Методики).

Требование обязательного сплошного сканирования акватории в рамках проводимых разведок комплексом узкоспециализированных дорогостоящих технических устройств является преждевременным. Такого обязательного навязанного требования об использовании не всегда эффективных геофизических методов исследований нет даже в методике наземных археологических разведок, где такие работы более доступны исследователям.

- Озвученный на круглом столе в Керчи 25 мая 2018 г. перечень дорогостоящего высокоточного узкоспециализированного оборудования в качестве обязательного может нанести серьезный урон по развитию подводной археологии в стране в целом. Такие требования методики практически полностью исключают возможность проведения разведочных работ исследователями, которые впервые получили открытые листы и два года обязаны проводить самостоятельные разведки, нередко с минимальным финансированием.

Подобный подход к методике практически полностью исключает проведение археологических исследований в рамках так называемых «академических экспедиций» в соответствии с научно-исследовательскими планами бюджетных организаций археологического профиля, самостоятельно финансирующих свои исследования.

По результатам круглого стола было принято решение рекомендовать научному совету по полевым исследованиям Отделения историко-филологических наук Российской академии наук создать рабочую группу из числа всех руководителей (держателей открытых листов) подводных археологических экспедиций с целью разработки Методики подводных исследований, в том числе разведок. «Предложения по терминологии и методике археологических полевых работ (разведок) на участках водных объектов», подготовленные заведующим Центром подводного археологического наследия Института археологии РАН, направить на доработку.

Литература / References

Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Подводно-археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Крыму // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 47–59 [Lebedinskii V. V., Pronina Yu. A. Podvodno-arheologicheskaya ‘ekspeditsiia Instituta vostokovedeniia RAN v Krymu // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 4. Pp. 47–59].

ОПИСАНИЕ ОСВЯЩЕНИЯ ВОДОЕМОВ В «АГНИ-ПУРАНЕ»

Е. В. Тюлина*

В публикации предлагается комментированный перевод с санскрита текста, посвященного освящению прудов и водоемов (VI–IX вв. н. э.). Этот текст представляет собой отдельную главу трактата по *вастувидье* (строительству и архитектуре), входящего в состав «Агни-пураны» (АП 64). Он интересен тем, что дает возможность познакомиться с целым комплексом древних ритуалов и представлений, так или иначе связанных с водой.

Ключевые слова: древняя и средневековая Индия, культура, индуизм, вастувидья.

DESCRIPTION OF CONSECRATION OF WATERS IN *AGNI-PURANA*

Elena V. Tyulina

This publication offers a commented translation from Sanskrit of the text devoted to the consecration of water reservoirs (VI–IX centuries A.D.). This text is a separate chapter of the treatise on *vastuvidya* (construction and architecture), itself a part of the *Agni-purana* (AP 64). It is a noteworthy introduction into the whole complex of ancient rituals and beliefs related to water.

Keywords: ancient and medieval India, culture, Hinduism, *Agni-purana*, *vastuvidya*.

Текст, описывающий освящение водоемов, входит в состав «Агни-пураны». Пураны – огромные энциклопедические произведения, являются компендиумом средневекового знания Индии. Помимо мифологических и ритуальных текстов, в их состав входят целые трактаты по астрологии, «географии», грамматике и другим дисциплинам. Среди них и трактаты по *вастувидье* (*vāstuvidyā*) – теоретические произведения, посвященные строительству и архитектуре, организации и украшению внутреннего и внешнего пространства зданий, а также строительному ритуалу. В их основе лежат тексты VI–IX вв. Переведенный нами фрагмент является частью подобного трактата[1]. Согласно «науке» вастувидье, создание любых водоемов ставилось в один ряд со строительством архитектурных сооружений. Если дома воспринимались как жилища людей, храмы – как жилища богов, то любой водоем представлялся как жилище Воды, персонификацией которой считался бог Варуна. Так же, как и при строительстве зданий, важнейшей стадией создания водоема был обряд его освящения, которому и посвящена отдельная 64 глава «Агни-пураны».

Варуна известен со времен вед. Он занимал одно из главных мест в ведийском пантеоне, где ему приписывались черты бога-творца и вседержителя. Считалось, что он управлял законами мира (*ṛta*), в том числе, движением вод, следил за исполнением порядка. В индуизме он утрачивает ведущее положение. В пуранах он считается одним из восьми хранителей сторон света, т. н. локапал. Некоторые локапалы ассоциируются с основными мировыми стихиями: Агни, хранитель юго-востока, с огнем; Ваю, хранитель северо-запада, с ветром; Кубера (бог сокровищ и богатств), хранитель севера, с землей и горами; Варуна – со стихией воды, так как считался богом океанов и всемирных вод.

---

* Елена Валерьевна ТЮЛИНА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tyulina57@mail.ru

Elena V. TYULINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow; tyulina57@mail.ru

[1] Перевод выполнен по изданию: [Agnipurāṇa, 1957].

В «Агни-пуране», в главе, посвященной освящению водоемов, дается иконография его двурукой формы: правая рука его должна показывать мудру (жест), называемую «дарующая безопасность», а в его левой руке должна быть петля из змеи (АП 64.3). Петля в иконографии Индии чаще всего является атрибутом богов, которые следят за исполнением законов, мировых и «человеческих». Например, она является основным иконографическим признаком Ямы, царя мира мертвых и верховного судии. В иконографии Варуны таким образом сохраняется отголосок ведийских представлений о нем, как хранителе мировых законов.

В пуранах Варуна упоминается достаточно часто. Это связано с тем, что почитание локапал считалось обязательной частью любых обрядов и ритуалов, посвященных индуистским богам. При этом к Варуне обращались такими словами: «Варуна, все наполняющий, светлый человек, владыка текущих по долинам [рек], сильнорукий, держащий петлю, тебе поклоняюсь, каждый день поклоняюсь!» (МП 266.23–24).

В «Агни-пуране» говорится, что Варуну следует изображать на гусе (*haṃsa*), что весьма необычно, так как ваханой (ездовым животным) Варуны традиционно считается Макара – мифологическое морское чудовище, сочетающее в себе черты крокодила, дельфина и других существ. Гусь же считается ваханой Брахмы – бога творения. Возможно, это также отсылка к первоначальным представлениям о Варуне.

В исследуемом тексте есть еще одно упоминание Варуны в связи с Брахмой и мифом творения. Помещая изображение Варуны в водоем, «следует представить себе Варуну [как источник] творения, которое называется “яйцо Брахмы”» (АП 64.32). «Яйцо Брахмы» (*brahmāṇḍa*), или «Золотой зародыш» (*hiraṇyagarbha*) – это первоначальное яйцо, из которого возник Брахма и вселенная в водах космического океана. В Индии существует множество вариаций этого мифа, относящихся к разному времени и разным традициям. В данном отрывке именно Варуна рассматривается как воплощение первозданного океана, как источник творения мира, т. е. здесь оказались сохраненными древнейшие представления об этом божестве.

Во фрагменте об освящении водоемов упоминается и супруга Варуны, которая в тексте называется тем же эпитетом Гаури (*gaurī*) – Светлая, котором обычно именуют богиню Парвати, супругу Шивы (АП 64.30). Как правило, в пуранах жену Варуны называют именем Варуни. Традиционно Варуни считается персонификацией амриты – напитка богов, дарующего бессмертие, и ее именем называют особый хмельной напиток.

Текст об освящении водоемов интересен и тем, что, благодаря ему, можно составить впечатление о целом комплексе средневековых представлений, связанных с водой и водоемами. Уже в первых его строфах упоминаются три бога, образы которых ассоциируются с водой. Помимо Варуны, это Вишну и Сома. Связь Вишну с водой объясняется тем, что, согласно мифологии, до творения мира (или же в интервалах между мировыми периодами) он плавал в водах первозданного океана, возлежа с супругой на гигантском змее Шеше, или Ананте. Из пупа Вишну вырос лотос, из которого возник Брахма – творец мира. Образ первозданного океана, источника вселенной, оказался спроецированным на образ Вишну. В этих представлениях, как и в мифах о боге Варуне, вода воспринимается как некая творящая стихия, дарующая начало жизни.

Бог Сома в пуранах упоминается чаще всего как один из локапал, который, как и Кубера, охранял северное направление. Первоначально Сома был одним из основных ведийских богов. Он считался персонификацией ритуального напитка сомы, воплощавшего амриту и обладавшего опьяняющим свойством. Основным ингредиентом этого напитка был сок одноименного растения. В зависимости от региона Индии сомой могли называться разные растения, имеющие сходные свойства. Поэтому среди исследователей нет единого мнения, какое именно растение использовалось для изготовления напитка. В поздневедийское время произошла идентификация Сомы с богом Луны. В индуизме бог Сома утратил свое ведущее положение в иерархии богов, однако сохранилась его связь с

образом ритуального напитка. Обряды добычи сомы, выдавливания и процеживания сока, положили начало целому ряду ассоциаций Сомы с сочащимися каплями, влагой.

Боги Вишну и Сома в исследуемом тексте лишь упоминаются. Главным действующим лицом обряда освящение водоема является Варуна. В тексте, перевод которого предложен в данной публикации, описывается целый ряд ритуальных действий, исполняемых во время этого обряда. Вряд ли следует излагать их подробно, так как читателю предоставлено возможность познакомится непосредственно с текстом, посвященным их описанию. Однако предварительно хотелось бы обратить внимание на некоторые характерные особенности обряда.

Освящение водоема заключалось в том, что в него «вселялся» Варуна, в роли которого выступало его изображение. Подобно всем обрядам вастувидьи, все ритуальные действия были строго сориентированы по сторонам света. Для предварительного освящения изображения Варуны делалось временное сооружение – мандапа, стороны которой соответствовали востоку, югу, северу, западу и северу. Обряд производился в границах этого сооружения. Основным ингредиентом обряда была вода, имеющая различное происхождение. В сосудах она расставлялась согласно сторонам света. Сосуд с водой из океанов помещали на востоке, с водой из Ганги – на юго-востоке, с дождевой водой – на юге, с водой из водопадов – на юго-западе, с водой из рек женского рода – на западе, с водой из рек мужского рода – на северо-западе, с водой из родников – на севере, с водой из тиртх (т. е. мест паломничества) – на северо-востоке. Изображение Варуны омывали водой из этих сосудов, начиная с восточного.

Этот обряд напоминает так называемую васту-пуджу, предшествующую строительству храмов и других зданий. Для ее проведения сооружалось специальное жертвенное поле – васту-мандала, сориентированная по сторонам света. Согласно этой мандале, расставлялись подношения богам, ответственным за отдельные участки пространства. В случае же освящения водоемов в качестве подношений использовалась вода разного происхождения, в том числе вода, соответствующая трем мирам: подземному (вода родников), небесному (дождевая), земному (вода рек и т. д.). Божествами мандалы, по всей видимости, являлись не боги пространства, а боги и богини водоемов и источников воды. Сам же обряд был посвящен воспроизведению целостного «мира воды», образ которого проецировался на Варуну.

В тексте также описывается, как изображение Варуны доставлялось к водоему, как оно «оживлялось» и погружалось в него. При этом произносились необходимые мантры, в основном – ведийские гимны, большинство из которых удается идентифицировать [2]. Завершался обряд водружением столба (юпы) со штандартом. Таким образом, освящение водоемов проводилось по той же схеме, что и освящение храмов: в построенное «жилище» поселялся «жилец», в данном случае – Варуна.

[2] Идентификация мантр в переводе проведена по «Ведийскому конкордансу» М. Блумфилда: [Bloomfield, 1906].

АГНИ-ПУРАНА
ГЛАВА 64

РАССКАЗ ОБ ОСВЯЩЕНИИ КОЛОДЦЕВ И ДРУГИХ [ВОДОЕМОВ]

Бхагаван[3] сказал:

1. «Я расскажу об освящении колодцев, водоемов и прудов. Слушай об этом! Ведь в форме воды [пребывают] *Хари*[4], Сома, величайший Варуна.

2. Вселенная состоит из огня и сомы (т. е. влаги), а Вишну в форме воды – [ее перво]причина. Человек должен делать [изображение] Варуны из золота или серебра с драгоценностями.

3. [Его изображают] двуруким, находящимся на спине гуся, с правой рукой в жесте, дарующем безопасность, с левой рукой, [держащей] петлю из змеи, сопровождаемым [богинями] рек, *на́гами*[5] и другими [подданными].

4. В центре *мандапы*[6] для жертвоприношений должен быть (алтарь) *ведика*[7], украшенный кундой (ямкой для огня). В арке следует поставить сосуд, посвященный Варуне, вместе с *каракой*[8].

5. Сосуды [должны быть поставлены] при входе [в мандапу] на благоприятном [знаке в виде] полумесяца или свастики. Сделав обряд *агньядхана*[9], следует произвести *полное пожертвование*[10] в кунду (ямку для огня).

6. Следует коснуться Варуны на месте для омовения, [со словами] *ye te śate*[11]. Затем [жрец], ведущий [обряд], должен обмазать [изображение] маслом, [произнося] коренную мантру [Варуны].

7. Очистив, вымыв восемь сосудов целительными водами [с мантрой] *śanno devī*[12], следует их освятить. В восточном сосуде [должна быть вода] из океанов.

8. Вода из Ганги [должна быть] на стороне Агни (на юго-востоке), дождевая вода – на юге, вода из водопадов – на стороне *Ракшаса*[13] (на юго-западе), вода из рек – на западе, вода из *потоков*[14] – на стороне Ваю (на северо-западе).

9. Вода из родников должна быть поставлена на севере, вода, происходящая из *тиртх*[15], – на стороне Ишаны (на северо-востоке). Если [таких вод] нет, [то используют] речную воду, читая мантру *yāsāṃ rājā*.

---

[3] *Бхагаван* (*bhagavant*) – букв. «Благодатный», эпитет многих богов, особенно Вишну и Кришны. Считается, что текст «Агни-пураны» излагает бог Агни. Однако в начале глав чаще всего используется именно этот нейтральный эпитет. Учитывая компилятивный характер пураны, можно предполагать, что различные ее главы заимствованы из разных источников, в которых повествование могло вестись и от имени других богов.

[4] *Хари* (*hari*) – букв. «Желтый» («Светло-зеленый»), эпитет многих богов, особенно Индры и Вишну.

[5] *Нага* (*nāga*) – «змея». Нагами называли класс мифологических существ с человеческим лицом и хвостом змеи.

[6] *Мандапа* (*maṇḍapa*) – «навес; терраса; пристройка; павильон». Здесь обозначает временное сооружение для совершения обряда.

[7] *Ведика* (*vedikā*) – алтарь квадратной формы, называемый также веди – *vedī*.

[8] *Карака* (*karaka*) – так может называться сосуд для воды или скорлупа кокосового ореха, напоминающая такой сосуд. Также это может быть названием ряда растений. В переводе [A Prose English Translation of Agni Puranam, Vol. I, 1903, p. 232] это слово трактуется как название камня.

[9] *Агньядхана* (*agnyādhāna*) – церемония помещения священного огня на огненный алтарь.

[10] *Полное пожертвование* – в тексте: *pūrṇā*. По всей видимости, здесь имеется в виду подношение, называемое пурнахути (*pūrṇāhuti*) – «полное подношение», т. е. подношение полных ложек топленого масла.

[11] КШС 25.1.11a.

[12] РВ X.9.4; АВ II.25.1.

[13] *Ракшас* (*rakṣas*) – букв. «охранник; страж; демон». Здесь имеется в виду демон Ниррити (*nirṛti*, m.), локапала юго-запада.

[14] *Река* – в тексте: *nadī* f. *Поток* – в тексте: *nada*. m. Оба санскритских слова переводятся как «река». В переводе это трудно передать, так как в русском языке нет обозначения реки мужского рода.

[15] *Тиртха* (*tīrtha*) – священное место паломничества.

10. Вытерев и намазав [изображение] бога “тремя сладкими” [веществами с мантрой] *durmitriya*[16], сведущий [жрец] должен сделать обряд открывания глаз [с мантрами] *citraṃ*[17] и *taccakṣuḥ*[18].

11. [Их] следует наполнить светом. Гуру следует передать золотую корову. [Изображение] Варуны следует омыть из восточного сосуда [с мантрой] *samudrajyeṣṭhā*[19].

12–13. Воды Ганги [льют с мантрой] *samudraṃ gaccha*[20], дождевые воды – [с мантрой] *somo dhenum*[21], воды водопадов – [с мантрой] *devīrāpaḥ*[22], воду потоков – [с мантрой] *pañcanadyataḥ*[23], воду родников – [с мантрой] *udbhid*, воду из тиртх – [с мантрой] “Павамана”[24], “пять [веществ] от коровы” – [с мантрой] *āpo hi ṣṭhā*[25], из (сосуда) с золотом – [с мантрой] *hiraṇyavarṇā*[26].

14–16. [Изображение] Варуны следует освящать дождевой водой [с мантрой] *āpo asmā*[27], [водой] из колодцев – с *вьяхрити*[28], водой из водоемов – [с мантрой] *varuṇādbhiḥ*, водой с гор – [с мантрой] *āpo devī*, а затем [омыть] из восьмидесяти одного сосуда. Следует омыть [изображение с гимном], посвященным Варуне, [поднести воду] *аргхью*[29] [с мантрой] *tvanno varuṇa*[30], *мадхупарку*[31] – с вьяхрити, одежду – [с мантрой] *vṛhaspate* (*bṛhaspate*)[32], *павитру*[33] – [с мантрой] *varuṇa*, верхнюю одежду – с *пранавой*[34].

17. [С мантрой] *yadvāruṇya* следует жертвовать Варуне цветы и другие [подношения]: опахало, зеркало, зонт, веер, флаг.

18. [Изображение] следует поднять с коренной [мантрой, произнеся]: “Вставай!”. Следует “вселить” [божество в его изображение] той же ночью. Приближение [Варуны обозначается мантрой] *varuṇañca*[35], он почитается [мантрой] *yadvāruṇya*.

19–20. Обряд “оживления” [изображения проводят] с коренной [мантрой Варуны] и снова жертвуют благовония и другое. Пожертвовав в мандапе в кунды (ямки для огня) дрова и другое, как было рассказано раньше, с ведийскими и другими мантрами, [с пожертвованием] благовоний и другого, следует подоить четыре коровы на [четыре] стороны света, приготовив кашу (чару) из ячменя, пожертвовать ее в огонь.

---

[16] ВС 6.22, ТС 1.4.45.2
[17] РВ I.115.1a.
[18] РВ VII.66.16a.
[19] РВ VII.49.1a.
[20] РВ V.49.2.
[21] РВ I.91.20a.
[22] МС 1.1.11.
[23] ВС 34.11a.
[24] Название ряда гимнов РВ и АВ, посвященных Соме или Агни.
[25] РВ X. 9.1a.
[26] Мантра *hiraṇyavaṃām hariṇīm* (РВ V.87.1). Или мантра *hiraṇyavaṃāḥ śucayaḥ pāvakāḥ* (АВ I.33.1; ТС 5.6.1.1 и др.).
[27] РВ X.17.10a.
[28] *Вьяхрити* (*vyāhṛti*) – священные мантры, произносимые брахманами во время ежедневных обрядов. Чаще всего, это слова *bhūr*, *bhuvar*, *svar* – названия трех миров, земли, атмосферы и неба. Всего их семь, к упомянутым добавляются названия *mahar*, *janar*, *tapar*, *satya*, означающие четыре высших небесных мира.
[29] *Аргхья* (*arghya*) – букв. «ценное», подношение воды богам или гостям. Обязательная часть обряда приема гостя. Называется также аргха (*argha*).
[30] Ср. РВ X.147.5a.
[31] *Мадхупарка* (*madhuparka*) – медовый напиток, который предлагают гостю во время обряда приема почетных гостей.
[32] Ср. РВ IX.83.1a.
[33] *Павитра* (*pavitra*) – букв. «очищающее», название любого средства очищения (цедилка, решето и т. д.), веществ, дающих очищение (топленое масло, мед, трава куша и т. д.), благоприятных растений и прочего. Здесь, по всей видимости, имеется в виду священный шнур (*upavīta*, *sūtra*). Священный шнур повязывался при церемонии посвящения – упанаяне и оставался на всю жизнь неотъемлемым признаком дваждырожденного. Способ ношения священного шнура зависел от рода жертвоприношения. Во время совершения так называемой «благоприятной церемонии», т. е. посвященной богам, священный шнур должен был быть надет на левое плечо, во время «неблагоприятной» (посвященной предкам) – на правое.
[34] *Пранава* (*praṇava*) – священный слог «Ом».
[35] РВ I.2.7б.

21. Вместе с коренной [мантрой], с вьяхрити или "Гаятри", следует также произнести [другие]: *sūryāya prajāpataye dyauḥ svāhā* и *antarikṣakaḥ* (*cāntarikṣakaḥ*?).

22–24. [Делают пожертвования, говоря]: "Здесь [пожертвование] той [богине] земли, здесь – *Дехадхрити*, там – *Свадхрити*, здесь – *Рати*, здесь *Рамати*[36]!" Угра, Бхима, Раудрака, Вишну, Варуна, Дхатар, увеличивающий богатства Махендра, Агни, Яма, Найрита, а также Варуна и Ваю, Кубера, Иша, а также Ананта, Брахмараджа, Владыка вод[37] – [всем этим богам] следует подносить жертву в огонь [со словами]: "Такому-то сваха[38]!" – [и мантрами]: *idaṃ viṣṇuḥ*[39] и *tad viprāsa*[40].

25. После того делают шесть подношений [с мантрой] *somo dhenu* и подношение в огонь – [с мантрой] *imaṃ me*. Трижды следует жертвовать в огонь [с мантрой] *āpo hi ṣṭhā*[41], [и затем еще раз – с мантрой] *imā rudra* (*imā rudrāya*)[42].

26. Делают [подношение] бали *в десяти направлениях*[43], оказывают почитание [подношением] благовоний, цветов и так далее. Затем мудрый, подняв изображение, должен поместить его в мандалу.

27–28. Следует по порядку поднести благовония, цветы и так далее, золотые цветы и другое. В направлении, в котором находится водоем, наилучший [жрец], ведущий [обряд], должен сделать восемь *ровных площадок*[44], размером две *витасти*[45], прекрасных, посыпанных песком.

29. Пожертвовав в огонь кашу для подношений (чару) из ячменя, совершают умиротворяющий [обряд] окропления водой. Следует окропить голову [изображения] бога и выполнить обряд "оживления".

30. Следует представить себе Варуну вместе с *Гаури*[46] и [мужскими и женскими божествами, олицетворяющими] реки и потоки. Затем, почтив мантрой "Ом! Поклон Варуне!", следует исполнить [обряд] "приближение".

31. Подняв [изображение] на спину слона, [его] следует везти с благоприятными [предметами]. С мантрой *āpo hi ṣṭhā*[47] [его] погружают в сосуд, в воду с "тремя сладкими" [веществами].

32. [Изображение] помещают в середину водоема, чтобы его не было видно. Сделав омовение, следует представить себе Варуну (океан) [как источник] творения, которое называется "яйцо Брахмы".

33–34. После "сжигания" *слогами* [*коренной мантры бога*] *огня*[48] следует развеять пепел по земле. Следует думать, что весь мир состоит из воды, там Владыка вод – бог, стоящий в

---

[36] Имена богинь: *Дехадхрити* (*dehadhṛti*) – букв. «Укрепляющая тело». *Свадхрити* (*svadhṛti*) – букв. «Укрепляющая себя». *Рати* (*rati*) – букв. «Дающая радость». *Рамати* (*ramati*) – букв. «Дающая удовольствие».

[37] Здесь перечислены божества и мифологические существа, так или иначе связанные с почитанием пространства и ответственные за его защиту.

[38] Сваха (*svāhā – su āhā*) – возглас, с которым бросают в огонь жертвенную пищу при обрядах, посвященных богам.

[39] РВ I.22.7a.

[40] РВ I.22.1a.

[41] РВ X.9.1a.

[42] РВ I.114.1a или РВ VII.46.1.

[43] *…в десяти направлениях* – в тексте: *daśādikṣu*. Имеются в виду четыре основные и четыре промежуточные стороны света, верх и низ.

[44] *Ровная площадка* – в тексте: *sthaṇḍila*, «ровное, открытое место». Здесь имеется в виду выровненный и приготовленный для огненного жертвоприношения участок земли квадратной формы.

[45] *Витасти* (*vitasti*) – «ладонь», мера длины, то же, что и *тала* (*tala*) – пядь, расстояние между вытянутыми большим пальцем и мизинцем, или расстояние от запястья до конца пальцев. Подробнее о подобных пропорциях и мерах см.: [Тюлина, 2010, с. 85–93].

[46] *Гаури* (*gaurī*) – букв. «Буйволица», здесь – жена Варуны.

[47] РВ X.9.1a.

[48] *…слогами* [*коренной мантры бога*] *огня* – в тексте: *agnivījena*. Здесь имеется в виду совершение подношения в огонь с чтением мантры, посвященной богу Огня.

середине водоема. Затем следует поставить жертвенный столб (юпу) – четырехугольный, восьмиугольный или круглый [в разрезе].

35–37. Почтив, следует поставить знак бога – жертвенный столб (юпу), [сделанный из сортов] деревьев, [пригодных] для жертвоприношения, с золотым плодом у корня, [размером] в десять локтей. Если [он для освящения] колодца – пятнадцать локтей, если [для освящения] пруда – двадцать, если [для освящения] пруда с лотосами – двадцать пять. Если [для освящения] водоема, он должен быть поставлен посередине воды, или же в мандапе – [временном навесе] для жертвоприношений. [При этом читают] мантру *yūpabraskā* (*yūpavraskā*)[49]. Поставив, его следует обвязать одеждами. Сверху столба (юпы) [должен быть] штандарт.

38. Почтив [его] благовониями и другим, следует совершить [*обряд*] *умиротворения вселенной*[50]. Гуру следует дать подарки (дакшину): землю, коров, сосуды для воды.

39–40. Должны быть розданы подарки (дакшина) дваждырожденным, а пришедших следует накормить. "Всех, кто жаждет воды, от Брахмана до *пучка травы*[51], пусть удовлетворит Варуна, находящийся в водоеме!" – так [говоря], следует лить воду и разбросать "*пять* [*веществ*] *от коровы*"[52].

41. [С мантрой] *āpo hi ṣṭhā*[53] дваждырожденные трижды должны сделать [обряд окропления] *умиротворяющей водой*[54]. Следует лить священную воду из тиртх, а дваждырожденным – пожертвовать коровье стадо.

42–43. Все без исключения людям следует дать еду и другое. Человек, который совершит однодневный обряд освящения водоема, [получит] заслугу намного больше, чем совершивший тысячу тысяч *ашвамедх*[55]. Он отправляется на небеса в колеснице, радуется [там и] не попадает в ад.

44. Сделавший [обряд] не будет подвержен греху, а также коровы и другие [животные], пьющие [из освященного водоема]. От [обряда] *даренья воды*[56] [совершивший его] обретет плод всех дарений и попадет на небо».

Сокращения / Abbreviations

АВ – «Атхарваведа»
АП – «Агни-пурана»
ВС – «Ваджасвнейи-самхита» (Мадхьяндиния)
МС – «Законы Ману»
РВ – «Ригведа»
ТС – «Тайттирия-самхита»
КШС – «Катьяяна-шраутасутра»

49 РВ I.162.6a.

50 …[*обряд*] *умиротворения вселенной* – в тексте: *jagacchānti*.

51 *Пучок травы* (*stamba*) – «связка или пучок травы», «комок», «куст», «букет». Однако часто это слово употребляется как испорченное *stambha* – «столб, колона». Именно этому варианту дается предпочтение в переводе на англ. яз. [The Agnipurāṇa, 1984–1987, p. 178].

52 «*Пять* [*веществ*] *от коровы*» (*pañcagavya*) – пять продуктов от коровы: молоко, кислое молоко, масло, моча и навоз. Эти пять веществ в ритуале служили заменой жертвоприношения коровы.

53 РВ X.9.1a.

54 *Умиротворяющая вода* – в тексте: *śāntitoya*.

55 *Ашвамедха* (*aśvamedha*) – жертвоприношение коня, одно из наиболее важных царских жертвоприношений, известных с ведийских времен. Этот обряд заключался в том, что жеребца после совершения ряда ритуалов отпускали в северо-восточном направлении и давали ему возможность в течение одного года идти, куда он захочет. Земли, по которым он проходил, либо присоединялись к царству совершающего ашвамедху царя, либо завоевывались. После возвращения коня совершался длительный и сложнейший обряд его жертвоприношения. В ведийское время этот обряд считался одним их самых священных ритуалов.

56 *Даренье воды* (*toyadānā*) – имеется в виду сооружение водоемов.

Литература / References

Тюлина Е. В. *Храм, мир, текст: вастувидья в традиции пуран*. М., 2010 [Tyulina E. V. *Hram, mir, tekst: vastuvid'ya v tradicii puran*. Moscow, 2010].

Agnipurāṇa. Poona, 1957.

The Agnipurāṇa. Pt. I–IV. Transl. and annot. by N. Gangadharan. (Ancient Indian Tradition and Mythology. 27–30). Delhi, 1984–1987.

A Prose English Translation of Agni Puranam. Vol. I–II. Edited and Published by M. N. Dutt. Calcutta, 1903–1904.

Bloomfield M. *Vedic Concordance*. (Harvard Oriental Series. Vol. 10). Baltimore, 1906.

ДВЕ ВЕРСИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРЕДАНИЯ О ПОСОЛЬСТВЕ КУРАЙШИТОВ-ЯЗЫЧНИКОВ К ЭФИОПСКОМУ ЦАРЮ (НЕГУСУ): У АЗ-ЗУБАЙРА Б. БАККАРА И АЛ-ЙА‘КУБИ

Д. В. Микульский[*]

Статья посвящена сочинению одного из ранних арабо-мусульманских историков аз-Зубайра б. Баккара (788/789–870) *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха*, которое представляет собой самый ранний сохранившийся образец жанра *ахбар*. Автор сравнивает версию одной из новелл, приводимых аз-Зубайром б. Баккаром, с версией той же новеллы из «Истории» ал-Йа‘куби (ум. 897 г.), показывая, что эти версии независимы друг от друга и, по всей видимости, восходят к устным преданиям, бытовавшим в племени курайш.

Ключевые слова: арабо-мусульманская историография, аз-Зубайр б. Баккар, ал-Йа‘куби, жанр *ал-ахбар*, генеалогия, племя курайш, эфиопская хиджра, ‘Амр б. ал-‘Ас.

TWO VERSIONS OF HISTORICAL TRADITION ABOUT THE EMBASSY OF QURAYSH PAGANS TO THE ETHIOPIAN KING (NEGUS): AL-ZUBAYR B. BAKKAR AND AL-YA‘KUBI

Dimitry V. Mikulski

The article is dedicated to the study of the work of one of the earliest Arab Muslim historians al-Zubayr b. Bakkar (788/789–870), *Djamharat nasab kuraysh wa akhbariha*, which is the earliest surviving specimen of the *al-akhbar* genre. The author compares the version of one of the stories delivered by al-Zubayr b. Bakkar with the version of the same story rendered in al-Ya‘kubi's (died 897) *Ta'rikh* ("History"), demonstrating that the versions are independent of each other and go back to oral traditions current among the Quraysh tribe.

Keywords: Arab Muslim Historiography, al-Zubayr b. Bakkar, al-Ya‘kubi, *akhbar* genre, genealogy, tribe of Quraysh, Ethiopian Hidjra, ‘Amr b. al-‘As.

Среди ранних арабо-мусульманских историков видное место занимает аз-Зубайр б. Баккар б. ‘Абдаллах б. Мус‘аб аз-Зубайри (788/789–870). Из его весьма обширного наследия сохранилось сочинение в жанре *ахбар Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* («Собрание родословий курайш и известий о них»), которое является самым ранним трудом этого жанра, дошедшим до наших дней [Leder, 2002, p. 551].

Следует пояснить, что *ахбар* – это наиболее архаичная жанровая форма арабо-мусульманской историографии, собрание разнородных преданий, прозаических отрывков, нередко сопровождаемых стихотворными пассажами, посвященных какому-либо историческому или легендарному событию, лицу или явлению. В исторических трудах IX–X вв., сочиненных ад-Динавари (ум. 891), ал-Йа‘куби (ум. 897), ат-Табари (839–923), Ибн ‘Абд Раббихи (860–940), ал-Мас‘уди (ум. 956), в несколько меньшей степени ал-Мукаддаси (ал-Макдиси; ум. в конце X в.) и др. *ахбар* составляют основу текстуальной структуры. Считается, что типологически *ахбар* близки хадисам – преданиям о деяниях и речениях пророка Мухаммада [Humphrey, 2000, p. 271–272, 274]. Видимо, арабская историография и началась с собирательства *ахбар*.

[*] Дмитрий Валентинович МИКУЛЬСКИЙ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmitrimikulski@mail.ru
Dimitry V. MIKULSKI, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmitrimikulski@mail.ru

Как же сложилась судьба а-Зубайра б. Баккара? Думается, что весьма благоприятно. Он родился в Медине, которая в VIII–IX вв. сохраняла позиции одного из основных центров арабо-мусульманской учености. Принадлежал он к влиятельному клану аз-Зубайри, к потомкам видного сподвижника мусульманского пророка, его двоюродного брата, аз-Зубайра б. ал-‘Аввама (ум. 656) [Leder, 2002, p. 551].

Получив блестящее образование, характерное для людей его круга, аз-Зубайр б. Баккар мог избрать административную карьеру – ведь его дед был приближенным третьего халифа династии Аббасидов ал-Махди (775–785), а отец также занимал видные государственные должности, герой нашего повествования все же предпочел карьеру ученого. Ведь он был не только знатоком исторических преданий, родословий и стихотворений (известно, что наш автор и сам слыл искусным поэтом), но и мусульманским правоведом-*факихом* [ал-Джаррах, 2010, с. 9]. Дабы следовать такой жизненной стезе, аз-Зубайру б. Баккару доводилось часто уезжать в Самарру, тогдашний центр халифской власти, и Багдад [ал-Джаррах, 2010, с. 9]. Здесь аз-Зубайр б. Баккар не только учился и учил, но и сделался владельцем библиотеки. Иными словами, он всемерно способствовал распространению знаний. Когда слава об учености аз-Зубайра б. Баккара сделалась всеобщим достоянием, халиф ал-Мутаваккил (847–861) назначил его наставником своего сына ал-Муваффака (ум. 891), впоследствии – выдающегося государственного деятеля, отца халифа ал-Му‘тадида (892–902)[1] [Leder, 2002, p. 551]. Надо сказать, что подобная практика – избирать в качестве воспитателя халифских детей видного ученого – сложилась еще в эпоху правления династии Омейядов (661–750) [ad-Dinaweri, 1888, p. 332–333]. Согласно историко-биографическому преданию, а-Зубайр б. Баккар скончался в Мекке глубоким стариком, упав с крыши дома (по всей видимости, он отправился туда, дабы скоротать душную ночь) [ал-Джаррах, 2010, с. 10].

Что же представляет собой *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* в жанровом отношении?

Как отмечает современный немецкий исследователь творчества аз-Зубайра б. Баккара С. Ледер, *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* – собрание *ал-ахбар*, которые расположены в генеалогическом порядке. Наибольшее внимание в исследуемом памятнике уделено клану племени курайш бану асад б. ‘абд ал-‘узза б. кусайй, и в особенности – потомкам аз-Зубайра б. ‘Аввама, которые как раз и принадлежали к этому клану [Leder, 2002, p. 551].

По мнению современного иракского исследователя памятника, осуществившего издание *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха*, с которым мы работаем, доктора ‘Аббаса Хани’ ал-Джарраха, отличительная черта этого сочинения не только обилие *ал-ахбар*, но и многочисленность включенных в него стихотворных отрывков. Порой, отмечает ‘А. Х. ал-Джаррах, 2010, аз-Зубайр б. Баккар приводит такие версии стихотворений, которые неизвестны по другим источникам [ал-Джаррах, 2010, с. 29–30]. Эти особенности текста *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* указывают на высокую степень беллетризации памятника.

Из сказанного ясно, что исследуемое сочинение аз-Зубайра б. Баккара связано не только с традицией *ал-ахбар*, но и с традицией арабо-мусульманских генеалогических знаний (*насаб*). Знания же эти отражали реально существовавшую (и в значительной мере существующую до сих пор) практику, которая была одним из важнейших организационных принципов арабского общества. Как отмечал крупнейший знаток арабо-мусульманской культуры Фр. Роузенталь (1914–2003), генеалогические знания придают родству историческую ценность[2].

В доисламской Аравии, подчеркивает немецко-американский исследователь, родство скорее отражало племенные отношения, нежели связи между индивидуумами. Упоминание собственной родословной было непременным элементом бедуинского боевого ритуала – перед поединком доисламские арабские витязи прославляли своих предков и родню,

[1] Об ал-Муваффаке см. [Kennedy, 1993, p. 801].

[2] В нашей статье о роли генеалогических знаний рассказано на основе работы Фр. Роузенталя: [Rosenthal, 1993, p. 967–968].

доблести которых были источниками их собственного молодечества [Wagner, 1993, p. 308–309]. Возможно, что первые письменно зафиксированные родословия появились еще в эпоху *ал-джахилийи*.

С началом исламской эпохи родство сохранило свои позиции порой решающего социального фактора, пронизав практически все сферы общественной жизни. Письменно зафиксированные родословия сыграли важную роль для организации системы выплаты жалований воинам племенных ополчений, находившихся на службе у арабо-мусульманского государства (Халифата), а также денежных пособий прочим лицам, имевшим весомые заслуги перед мусульманской общиной. Такая система, возникшая при втором халифе ‘Омаре б. ал-Хаттабе (634–644), получила наименование *диван* [Duri, 1991, p. 323]. Таким образом, знатоки родословий (*нассаба*), пользовавшиеся значительным влиянием в доисламскую эпоху, не только сохранили, но и усилили свою роль в мусульманскую эпоху. Эта совокупность обстоятельств и предопределила зарождение и развитие генеалогической литературы.

Как бы то ни было, сведения о первых арабо-мусульманских знатоках родословий весьма скудны. Сочинения по генеалогии, о которых имеются достоверные сведения, появились при первых Аббасидах (т. е. в середине – второй половине VIII в.). Их авторами были такие крупные знатоки арабской словесности, как ал-Хайсам б. ‘Ади (ум. ок. 825), ал-Мада’ини (ум. ок. 840) и Мухаммад б. Хабиб (ум. 860). Эти трактаты содержали, помимо собственно генеалогических сведений, *ахбар* и образцы прочих традиционных устных арабских речевых жанров. В подобных сочинениях обсуждались проблемы «достоинств» (*фада‘ил*) и «пороков» (*масалиб*)[3] различных арабских племен, отражалось межплеменное соперничество.

Споры вокруг родословий, отраженные в подобных сочинениях, также сыграли значительную роль в развитии арабской поэзии.

Самый ранний сохранившийся трактат по генеалогии принадлежит Му’арриджу ас-Садуси (ум. 815/816), а наиболее авторитетным сочинением этого жанра считается *Джамхарат ан-насаб* Хишама б. Мухаммада ал-Калби, часто именуемого Ибн ал-Калби (ум. 819–821), использовавшего материалы, собранные его отцом, Мухаммадом б. ас-Са‘ибом ал-Калби (ум. ок. 763)[4].

В IX в. труды по генеалогии уже прочно занимают место в арабской словесности. В связи с этим вполне закономерно, что особые главы, посвященные родословиям, появляются в сборниках по *адабу*, так сказать, в зерцалах, содержавших сведения, которыми должен был владеть образованный человек. Так, в знаменитом подобном своде андалусского писателя Ибн ‘Абд Раббихи *ал-‘Икд ал-фарид* («Уникальное ожерелье») имеется особый раздел, посвященный генеалогии[5]. Это весьма показательно, так как в мусульманской Испании арабы-мусульмане, находившиеся особенно далеко от прародины, стремились сохранить идентичность, культивируя племенные отношения и интеллектуально обосновывавшие их генеалогические знания. В связи с этим глубоко закономерно, что проблемами генеалогии интересовался еще в XI в. великий арабо-испанский поэт, прозаик и философ Абу Мухаммад ‘Али б. Ахмад Ибн Хазм (994–1064) [Arnaldez, 1986, p. 799].

Помимо сочинений по адабу, отмечает Фр. Роузенталь, генеалогические сведения часто фигурируют в трудах по истории, равным образом как и в жизнеописаниях.

Для арабо-мусульманского общества и бытовавшей в нем словесности были важны не только родословия человеческих существ и людских сообществ, но и генеалогии таких «благородных» домашних животных, как породистые лошади и голуби [Vajda, 1986, p. 109; Viré, 1997, p. 1143].

Таким образом, связи, возникавшие на основе родословных, и знания о генеалогиях действительно проникали во все поры арабо-мусульманской культуры. Вот почему, как

---

[3] См. об этом: [Sellhelm, 1991, p. 728–729; Pellat, 1991, p. 828–829].

[4] См. о семействе ал-Калби и упоминаемых нами двоих его представителях: [Atallah, 1997, p. 494–496].

[5] *Китаб ал-йатима фи-н-насаб ва фада’ил ал-‘араб* // [Ибн ‘Абд Раббихи, 1952, с. 312–417].

представляется, исследуемый памятник столь значим и характерен для средневековой арабской словесности.

Думается в связи с этим, что вполне справедливо мнение немецкого исследователя *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* С. Ледера о том, что этот сочинение развивает традицию, заложенную в *Джамхарат ан-насаб* Ибн ал-Калби. В то же время, этот труд выступает в роли предшественника другого весьма значимого трактата – *Ансаб ал-ашраф* («Родословия благородных») видного арабо-мусульманского историка ал-Балазури (ум. 892)[6], в котором жизнеописания видных деятелей арабо-мусульманской истории помещены в генеалогическую рамку [Leder, 2002, p. 551; Rosenthal, 1993, p. 967]. В то же время, согласно сведениям, которыми располагает иракский исследователь ʻА. Х. ал-Джаррах, автор-составитель исследуемого труда опирался на сочинение своего дяди Мусʻаба б. ʻАбдаллаха аз-Зубайри (ум. 850/851) *Насаб курайш* («Родословие курайш»), к которому он добавил сведения о лицах, прежде не упоминавшихся, а также ввел дополнительные *ахбар* и стихи [ал-Джаррах, 2010, с. 22, 29–30].

Издание *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха*, которым я располагаю, имеет непростую историю. Этим памятником, как пишет ʻА. Х. ал-Джаррах, в свое время заинтересовался видный иракский знаток арабо-мусульманского словесного наследия шейх Халид ал-Джасир (ум. 2000). Ему удалось получить фотокопии двух рукописей сочинения, одна из которых хранится в Оксфорде, а другая в Стамбуле. После он передал эти фотокопии своему коллеге шейху Махмуду Мухаммаду Шакиру (ум. 1997), который и осуществил первое издание *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* (Каир, 1961). Издание это, оставшееся нам недоступным, не носило, как отмечает ʻА. Х. ал-Джаррах, академического характера. По этой причине шейх ал-Джасир поручил ʻА. Х. ал-Джарраху составить указатели к тексту памятника для подготовки следующего его издания. Новое издание было напечатано в 1999 г. (оно также осталось нам недоступным).

Внимательно перечитав издание 1999 г., ʻА. Х. ал-Джаррах обнаружил, что оно содержало лишь около 40% сохранившегося текста памятника, а помимо того изобилует неверными конъектурами и опечатками. По этой причине он решил осуществить третье издание сочинения, которое было бы действительно научным. Для этого издатель решил в полной мере использовать рукописную базу памятника.

Как уже было отмечено, сохранились два манускрипта, содержащих текст *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха*. Так вот, пишет ʻА. Х. ал-Джаррах, первая рукопись памятника, более полная, хранится в Бодлеанской библиотеке Оксфорда (№ 384). В этой рукописи текст памятника разделен на части. В начале манускрипта помещена часть XIII, в которой рассказано о клане бану асад б. ʻабд ал-ʻузза; завершается же он XXIII частью, чем сочинение и заканчивается. Таким образом, от всего памятника сохранилось лишь одиннадцать частей. Рукопись была изготовлена в XII в. Издатель отмечает, что при всех достоинствах манускрипта (относительная полнота, маргиналии, которые свидетельствуют о том, что переписчик сравнивал ее с другими манускриптами памятника, четкость почерка), из текста, зафиксированного в нем, выпущен ряд слов и даже строк.

Вторая рукопись, использованная для подготовки издания, которым мы располагаем, хранится в одной из стамбульских библиотек. Она содержит три части памятника, однако ʻА. Х. ал-Джарраху удалось получить лишь фотокопию второй части. Хотя в варианте текста, зафиксированного в этом манускрипте, имеется ряд описок и прочих дефектов, знакомство с ним способствовало, по словам издателя, выяснению многих темных мест первой рукописи [ал-Джаррах, 2010, с. 22–36].

Издание, которым мы располагаем, отличается высоким научным уровнем. Прежде всего, издатель включил в него фотографии страниц манускриптов, на основе которых оно осуществлялось [Jamharat, 2010, Vol. I, p. 38–41]. Далее, опубликованный текст памятника снабжен многочисленными постраничными примечаниями, содержащими разъяснения

[6] Об этом сочинении ал-Балазури см.: [Микульский, 2006, с. 30–31].

непонятных современному читателю слов, отсылки к другим памятникам арабской словесности (издатель отмечает варианты текстов, содержащихся как в сочинении аз-Зубайра б. Баккара, так и в трудах других авторов), характеристику отдельных пассажей рукописей памятника. Помимо этого, издание снабжено обширным библиографическим списком, в котором преобладают заглавия памятников средневековой арабской словесности [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 299–318], указателями коранических аятов [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 321–323], хадисов [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 324–329], имен собственных [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 330–445], племен и прочих человеческих сообществ (*ал-Каба'ил ва-т-тава'иф ва нахвуха*) [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 446–455], стихотворных отрывков [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 456–487], географических и топографических названий [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 488–499], названий войн и сражений (*Фихрис ал-аййам ва-л-хуруб ва нахвиха*) [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 500–501], редких слов и выражений (*Фихрис ал-алфаз ал-лугавиййа*) [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 502–504], пословиц [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 505], имен лошадей (см. в связи с этим приводимые нами сведения о роли родословий породистых коней в арабо-мусульманской культуре) [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 506], названий звезд, планет и идолов [Jamharat, 2010, Vol. II, p. 507].

Думается, что сам перечень указателей к изданию памятника, с которым мы работаем, весьма показателен для современной арабской учености. Среди многочисленных и чаще всего весьма занимательных *ахбар*, содержащихся в сочинении аз-Зубайра б. Баккара, наше внимание привлекла одна история – рассказ о посольстве двоих курайшитов-язычников к абиссинскому (эфиопскому) царю (*наджаши* (т. е. негусу)) с целью настроить государя против мусульман, проживавших в Абиссинии (*ал-Хабаша*) под его покровительством: дело в том, что около 615 г. несколько десятков последователей пророка Мухаммада, испытывая постоянные притеснения со стороны соплеменников, сохранявших приверженность языческим верованиям, уехали в Эфиопию[7].

Так вот, среди прочих арабо-мусульманских историков IX–X вв., составлявших свои сочинения в династийной композиционной форме, иными словами, излагавших арабо-мусульманскую историю в соответствии с правлениями халифов (мы недавно завершили работу над «Базой данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династий хроник IX–X вв.»), известный историк и географ ал-Йа'куби (ум. 897)[8] также помещает в своей «Истории» [*Тарих* ал-Йа'куби, б/г, с. 29–30] сведения о посольстве курайшитов-язычников к эфиопскому царю.

Собственно, должность послов, как у аз-Зубайра б. Баккара, так и у ал-Йа'куби, отправляли два знатных курайшита – ставший впоследствии знаменитым арабо-мусульманским государственным деятелем и военачальником 'Амр б. ал-'Ас (ум. ок. 661)[9] и 'Умара б. ал-Валид ал-Махзуми. Миссия потерпела крах – негус абиссинский не стал лишать мусульман своего покровительства. Что же до 'Амра и 'Умары, то, как сообщают оба автора, они рассорились из-за женщины, и 'Амр нашел способ погубить своего соплеменника.

Из рассматриваемого сочинения аз-Зубайра б. Баккара мы узнаем, чем был славен 'Умара в племени курайш – он считался одним из «молодцов» (*фитйан*) этого племени, обладавшим замечательной красотой и выдающимся поэтическим талантом [Jamharat, 2010, Vol. I, p. 501]. Однажды, продолжает аз-Зубайр б. Баккар, курайшиты-язычники пришли к дяде пророка Мухаммада Абу Талибу, приведя 'Умару, и предложили Абу Талибу забрать к себе этого юношу, а Мухаммада выдать им на убиение. Дядя Пророка дал отказ следующим образом: «Несправедливо поступаете вы со мною – отдаете мне племянника вашего, [дабы] вскармливал я его для вас, и отдал я вам своего племянника, [которого] вы убьете» [Jamharat, 2010, Vol. I, p. 501–502].

Теперь сравним сообщения аз-Зубайра б. Баккара и ал-Йа'куби о том, как оскорбленный 'Амр б. ал-'Ас погубил 'Умару б. ал-Валида.

---

[7] См. об эфиопской хиджре и о том, насколько смутно это событие освещается в арабо-мусульманских исторических источниках: [Большаков, 1989, с. 79–80].

[8] См. об ал-Йа'куби и его наследии: [Семенова, 2011, с. 3–12].

[9] См. об 'Амре б. ал-'Асе: [Wensinck, 1986, p. 451].

АЗ-ЗУБАЙР Б. БАККАР И АЛ-ЙА‘КУБИ О ГИБЕЛИ ‘УМАРА Б. АЛ-ВАЛИДА

№ и наименование сегмента	*Jamharat, 2010, Vol. I, p. 503–504; объем: 21,5 строки оригинального текста*	*Объем сегмента в оригинальном тексте*	*Тарих ал-Йа‘куби, с. 30; объем: 14,0 строки оригинального текста*	*Объем сегмента в оригинальном тексте*
1. Иснад	Рассказал нам аз-Зубайр[10]. Он сказал: Рассказал мне дядя мой Мус‘аб б. ‘Абдаллах. Он сказал:	0,5	–	–
2. Факт отправле-ния посольства	Отправили курайш ‘Умару б. ал-Валида с ‘Амром б. ал-‘Асом к *ан-наджаши*, [дабы] поговорили они с ним о прибывших к нему мухаджирах.	1,5	–	–
3.Конфликт из-за женщины	‘Умара б. ал-Валид же послал невольнице ‘Амра б. ал-‘Аса, что была с ним, письмо, так что склонилась она к [‘Умаре]. Узнал об этом ‘Амр б. ал-‘Ас и сказал: Познай, ‘Умара, что среди наихудших черт. Для такого, как ты, – [это] чтобы звался сын дяди его (двоюродный брат. – *Д. М.*) непонятно чьим сыном. Даже если у тебя два плаща-*бурды*, темно-красных, с расчесанным ворсом, все же не полагаешь ты запретным того, что [принадлежит] сыну дяди твоего. Если не оставил муж пищи, что любит он, и не воспретил заблудшему сердцу устремляться, [куда оно пожелало], то исполнил он потребность свою и совершил бесславное предательство. Если упомянуть о подобном, то наполнит это рот.	5,5	В пути сдружились ‘Амр б. ал-‘Ас и ‘Умара б. ал-Валид. Был ‘Умара мужем, увлеченным женщинами. Была с [‘Амром] жена его Рабита бинт Мунаббих б. ал-Хаджжадж ас-Сахми. Сказал ‘Умара [‘Амру]: «Скажи ей, чтобы она меня поцеловала». Сказал [‘Амр]: «Неужели говоришь ты это своей двоюродной сестре?». Сказал [‘Умара]: «Пусть она это сделает, а не то ударю я тебя этим мечом». Тогда сказал ей [‘Амр]: «Поцелуй его». Потом подстерег ‘Умара ‘Амра и сбросил его в море. Поплыл ‘Амр, а [‘Умара] внушил ему, что совершил это в шутку. И сказал [‘Амр]: «Брось веревку своему двоюродному брату. Господи, такие ли бывают шутки». Тогда бросил [‘Умара ‘Амру] веревку, и он вылез.	6,5

[10] Имя аз-Зубайра б. Баккара, автора-составителя исследуемого памятника, включено в текст сочинения, по всей видимости, переписчиком, неким Абу ‘Абдаллахом Ахмадом б. Сулайманом ат-Туси, который изготовил протограф сочинения. См.: [Jamharat, 2010, Vol. I, p. 45].

4.Факт любовной связи ʻУмары с царицей	Прежде же известил ʻУмара ʻАмра, что влюбилась в него жена *ан-наджаши*-царя и впустила его [к себе][11].	1,0	Когда собрались ʻАмр и ʻУмара уезжать, отчаявшись в [содействии] *ан-наджаши*, сказал ʻАмр ʻУмаре: «Если бы послал ты к жене царя *ан-наджаши*, то, может быть, получили бы мы благодаря ей потребное нам от супруга ее». Совершил это ʻУмара и улестил [царицу], так что послала она [ʻУмаре] одно из царских благовоний.	2,5
5. Донос ʻАмра	Когда же потерял ʻАмр б. ал-ʻАс надежду касательно дела мухаджиров, что [находились] у *ан-наджаши*, донес он [государю] на ʻУмару и сообщил [царю] известие [ʻУмары] и известие жены *ан-наджаши*. Сказал ему тогда *ан-наджаши*: «Доставь мне знак, благодаря которому удостоверюсь я [в истинности] сказанного тобою». Тут вернулся ʻУмара и известил ʻАмра о деле своем и деле жены *ан-наджаши*. Тогда сказал ему ʻАмр: «Не поверю я тебе в этом, пока так ты ей не угодишь, что даст она тебе одно из царских благовоний, коим умащается лишь [государь]. Тогда заговорил ʻУмара с [царицей] о благовонии. Она же сказала: «Боюсь я царя». Тут отказался [ʻУмара] удовольствовать ее, пока не даст она ему [частицу] того благовония. И царица [дала] ему [требуемое], а он передал благовоние ʻАмру. Принес [ʻАмр улику] царю *ан-наджаши*.	7,0	Тогда устроил ʻАмр уловку против ʻУмары и сказал *ан-наджаши*: «Этот мой спутник послал к жене царя, так что соблазнила она его собою и послала ему одно из царских благовоний».	2,0
6. Месть царя	И вдохнул [царь] колдовское заклятие в мочеточник [ʻУмары].	0,5	Тут схватил *ан-наджаши* [ʻУмару] и налил в пах ему яду – и сказано, ртути.	0,5
7. Безумие и смерть ʻУмары	Тогда отправился [ʻУмара] бродить с дикими зверями, как говорят курайш. И он все пребывал в дикости, приходя лакать воду на [некоем] острове в Эфиопской земле, пока не отправился к нему ʻАбдаллах б. Абу Рабиʻа с сообществом сотоварищей своих. Подстерег он [ʻУмару] на водопое и забрал его, а тот все кричал: «Страшилище, отпусти меня. Умру я, если удержишь меня!». Однако держал его [ʻАбдаллах], и	3,0	Тогда стал [ʻУмара] бродить вместе со зверями. И так бродил он, пока не прибыли люди из бану махзум (его сородичи – *Д. М.*) и не попросили [царя] позволит им забрать [ʻУмару]. Потом подстерегли они [ʻУмару] и забрали его. И буйствовал он в руках их, пока не умер.	2,5

[11] Возможно, мы имеем дело с повторяющимся в арабском повествовательном фольклоре мотивом соблазнения арабским молодцом чужеземной царицы или царевны. См. жизнеописание знаменитого доисламского поэта Имруʼулкайса [Фильштинский, 1985, с. 72].

	умер [ʻУмара] в руке его.			
7а. Конкретизация обстоятельств смерти ʻУмары	Рассказал нам аз-Зубайр [б. Баккар]. Он сказал: И рассказал мне ʻАбдаллах б. Йазид ал-Хузали. Он сказал: сообщил мне ʻАбдаллах б. Мухаммад б. ʻИмран ат-Талхи. Он сказал: когда увидел ʻУмара б. ал-Валид ʻАбдаллаха б. Абу Рабиʻу и сотоварищей его, что были с ним, а ʻУмара одичал, и ногти его и волосы его отросли, принялся говорить: *балмугира*, *балмугира*[12].	3,5	–	–

Рассмотрение обоих текстовых фрагментов показывает, что повествование распадается на семь сегментов:

1. иснад, документирующий подлинность сообщаемого;
2. констатация факта отправления посольства;
3. рассказ о конфликте между послами, происшедшем из-за женщины;
4. констатация факта любовной связи ʻУмары б. ал-Мугиры с эфиопской царицей;
5. донос ʻАмра на ʻУмару;
6. месть царя;
7. безумие и смерть ʻУмары; в *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* этот сегмент дополнен особым сообщением, конкретизирующим обстоятельства безумия; это дополнительное сообщение снабжено своим собственным иснадом.

Каково же соотношение между сегментами в обоих текстовых отрывках?

Прежде всего, следует отметить, что сегменты 1 и 2 в версии ал-Йаʻкуби отсутствуют. Отсутствует также и сегмент 7а, в котором конкретизируются обстоятельства безумия «мекканского донжуана».

Сегменты 5 и 7 версии *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* превосходят объемом соответствующие сегменты версии ал-Йаʻкуби. В то же время, в версии ал-Йаʻкуби большим объемом обладают сегменты 3 и 4. Сегменты 6 в обеих версиях равны по объему.

Думается, что из нашего анализа ясно, из каких элементов складывается больший объем версии аз-Зубайра б. Баккара сравнительно с версией ал-Йаʻкуби.

В фабульно-содержательном отношении версии различаются в деталях:

1. яблоком раздора у а-Зубайра б. Баккара оказывается невольница ʻАмра б. ал-ʻАса, а у ал-Йаʻкуби – жена его; помимо того, более поздний автор драматизирует обстоятельства конфликта – ʻУмара не только оказывает знаки внимания супруге ʻАмра, но и сталкивает последнего в морскую пучину;
2. в версии *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* ʻУмара соблазняет царскую жену по собственной инициативе, а в версии *Тарих* ал-Йаʻкуби ʻУмару к соблазнению царицы подталкивает ʻАмр;
3. у аз-Зубайра б. Баккара более детально разработаны обстоятельства доноса ʻАмра *ан-наджаши* (царь требует неоспоримых доказательств измены супруги); у ал-Йаʻкуби государь сразу верит ʻАмру;
4. у аз-Зубайра б. Баккара на ʻУмару наведена колдовская порча, а у ал-Йаʻкуби он отравлен;
5. в *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* более подробно рассказано о поведении безумного ʻУмары.

Таким образом, перед нами две, по всей видимости, независимых друг от друга версии повествования об одном и том же событии, которые, скорее всего, еще на рубеже VIII–IX вв. устно бытовали среди курайшитов. Версия ал-Йаʻкуби более краткая, но не менее

[12] *Балмугира*, очевидно, искаженное *ибн ал-Мугира* (сын ал-Мугиры), то есть, сам ʻУмара б. ал-Мугира.

драматичная. Возможно, что такая ее особенность является следствием авторской работы историка, который стремился поместить в своем сочинении, посвященном истории мусульманской общины и Халифата, наиболее яркие и запоминающиеся сообщения новеллистического жанра, соседствующие с сообщениями других жанров. Именно благодаря такому характеру рассказ, помещенный в *Тарих* ал-Йа‘куби нам запомнился и заставил обратиться к поиску соответствующей версии среди материалов *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха*. Полагаю, что произведенный нами сравнительный анализ в какой-то мере показывает, каким образом арабо-мусульманские историки разных поколений работали с доступными им материалами исторического предания, возможно, еще бытовавшими устно.

Литература/References

Ал-Джаррах ‘А. Х. Аз-Зубайр б. Баккар (т. 256) ва китабух *Джамхарат насаб курайш ва ахбариха* [Al-Djarrah ‘A. H. Al-Zubayr b. Bakkar (t. 256) wa kitabuh *Djamharat nasab kuraysh wa akhbariha*] // *Jamharat nasab qurayš wa ahbaruha (sic) by Al-Zubayr ben Bakkar*. Edited by Dr. ‘Abbas Hani al-Jarrah. Vol. I. Beirut, 2010. Pp. 9–37.

Большаков О. Г. *История Халифата*. I. *Ислам в Аравии (570–633)*. М., 1989 [Bol’shakov O. G. *Istoriya Khalifata*. I. *Islam v Aravii (570–633)*. Moscow, 1989].

Китаб ал-‘икд ал-фарид. Та’лиф Аби ‘Умар Ахмад б. Мухаммад б. ‘Абд Раббихи ал-Андалуси. Ал-Джуз’ ас-салис. Ат-Таб‘а ас-санийа. Каир, 1372 х – 1952 м [*Kitab al-‘ikd al-farid*. Ta’lif Abi ‘Umar Ahmad b. Muhammad b. ‘Abd Rabbihi al-Andalusi. Al-Djuz’ al-thalith. Al-Tab‘a al-thaniya. Al-Kahira, 1372 h – 1952 m].

Микульский Д. В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар»): X век*. М., 2006 [Mikul’ski D. V. *Arabo-musul’manskaya kul’tura v sotchinenii al-Mas‘udi “Zolotye kopi I rossypi samotzvetov” (“Murudj al-zahab wa ma‘adin al-djawhar”): X vek*. Moscow, 2006].

Семенова Л. А. Введение// *Ал-Йа‘куби. Книга стран (Китаб ал-булдан)*. М., 2011. С. 3–12. [Semenova L. A. Vvedeniye // *Al-Ya‘kubi. Kniga stran (Kitab al-buldan)*. Moscow, 2011. Pp. 3–12].

Тарих ал-Йа‘куби. Ал-Муджаллад ас-сани. Бейрут, б.г. [*Tarikh* al-Ya‘kubi]. Al-Mudjallad al-thani. Beirut, s.a.].

Фильштинский И. М. *История арабской литературы. V – начало X века*. М., 1985 [Fil’shtinski I. M. *Istoriia arabskoy literatury. V – nachalo X veka*. Moscow, 1985].

ad-Dinaweri Abu Hanîfa. *Kitab al-Ahbar at-Tiwal*. Publié par Vladimir Guirgass. Leiden, 1888.

Arnaldez R. Ibn Hazm // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. III. Leiden, London, 1986. Pp. 790–799.

Atallah W. Al-Kalbi // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. IV. Leiden, 1997. Pp. 494–496.

Duri A. A. Divan. i. The Califate // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. II. Leiden, 1991. Pp. 323–327.

Humphrey R. S. Ta’rikh. II. Historical Writing. I. In the Arab world // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. X. Leiden, 2000. Pp. 271–280.

Jamharat nasab qurayš wa ahbaruha (sic) by Al-Zubayr ben Bakkar. Edited by Dr. ‘Abbas Hani al-Jarrah. Vols. I–II. Beirut, 2010.

Kennedy H. Al-Muwaffak // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. VII. Leiden, New York, 1993. P. 801.

Leder S. Al-Zubayr b. Bakkar // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. XI. Leiden, 2002. Pp. 551–552.

Pellat Ch. Mathalib // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. VI. Leiden, 1991. Pp. 828–829.

Rosenthal F. Nasab // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. VII. Leiden, New York, 1993. Pp. 967–968.

Sellhelm R. Fadila // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. II. Leiden, 1991. Pp. 728–729.

Vajda G. Hamam // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. III. Leiden, London, 1986. Pp. 108–109.

Viré F. Khayl // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. IV. Leiden, 1997. Pp. 1143–1146.

Wagner E. Fares B. Mufakhara // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. VII. Leiden, New York, 1993. Pp. 308–309.

Wensinck A.J. ‘Amr b. al-‘As // *The Encyclopaedia of Islam*. Second edition (*EI* 2). Vol. I. Leiden, 1986. P. 451.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, опубликованных в «Вестнике Института востоковедения РАН» в 2018 г.

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Беляков В. В., Васильев Д. Д., Чарыева Н. К. К 20-летию журнала «Восточный архив»	2	10–14
Болдырев А. В. «Восточный вопрос» в российском общественно-политическом дискурсе 50-х – 60-х гг. XIX в.	3	111–116
Болдырев А. В. «Нам надлежало стать не врагами Оттоманской империи, а защитниками от ее мнимых западных друзей»: русский дипломат о Восточном вопросе в 1864 г.	4	89–93
Болдырев А. В. Академик В. А. Гордлевский и его мемориальный кабинет-библиотека в Институте востоковедения РАН	6	18–21
Борисова Е. Г. Нексус, юнкция, реляция и частица *и*	5	157–159
Бурлак С. А. Падежные системы в тохарских и анатолийских языках	4	159–163
Ванина Е. Ю. Служанка в Индии: обзор-рецензия с размышлениями и переводом	4	222–235
Ванина Е. Ю. Убил слугу – лишился трона: княжеское преступление и британское наказание в колониальной Индии	3	117–128
Васильев А. Д. Миссия М. В. Фрунзе в Анкару в архивных документах, оценках участников и исследователей	2	60–69
Васильев А. Д. Рецензия на книгу Бранко Богдановича «Холодное оружие Османской империи и Албании»	6	180–186
Васильев А. Д., Васильев Д. Д. XVIII Международный конгресс по тюркской истории – крупнейший форум тюркологов, побивший все рекорды (Анкара, 01–05.10.2018)	4	210–217
Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Конференция российских и турецких историков в Москве	3	245–251
Васильев Д. Д. Corrigenda к дешифровке наскальной рунической надписи на утесе Городовая стена	2	46–50
Вертяев К. В. Курдоведение в Институте востоковедения РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока	4	10–15
Ветохов С. В. Новые тенденции в конструктивном устройстве древнеегипетских шахтных погребений поздней V и VI династий в Гизе	1	47–61
Выршиков Е. Г. Два образа города в палийских текстах: культурные представления в исторической перспективе	3	169–177
Гаврюшина Н. Д. Как я выбрала Индию	3	226–234
Герасимова М. П. Особенности эстетического сознания японцев	6	41–48
Глушкова И. П. Дурга Бхагват «Иравати Карве». Межвидовая борьба в академической среде под небом Южной Азии. Часть I	1	196–205
Глушкова И. П. Дурга Бхагват «Иравати Карве». Межвидовая борьба в академической среде под небом Южной Азии. Часть II	2	199–209
Гожева Н. А. Магические изображения на тайской гравюре	5	48–60
Головачёв В. Ц. ИВ РАН глазами китаеведов: от Армянского переулка и Китайского проезда до Хохловского переулка и Рождественки. Часть I	3	235–244
Головачёв В. Ц. ИВ РАН глазами китаеведов: от Армянского переулка и Китайского проезда до Хохловского переулка и Рождественки. Часть II	4	192–204

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 21,5 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru